

Дора Штурман

МЁРТВЫЕ
ХВАТАЮТ
ЖИВЫХ

ЧИТАЯ ЛЕНИНА,
БУХАРИНА и ТРОЦКОГО

ДОРА ШТУРМАН
МЁРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

DORA SHTURMAN

MĚRTVYE KHVATAIUT ZHIVYKH

**CHITAIA LENINA, BUKHARINA
I TROTSKOGO**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1982

ДОРА ШТУРМАН

МЁРТВЫЕ ХВАТАЮТ ЖИВЫХ

**ЧИТАЯ ЛЕНИНА, БУХАРИНА
И ТРОЦКОГО**

OVERSEAS PUBLICATIONS INTERCHANGE LTD
LONDON 1982

Dora Shturman:

MĚRTVYE KHVATAIUT ZHIVYKH
Chitaia Lenina, Bukharina i Trotskogo

First Russian edition published in 1982
by Overseas Publications Interchange Ltd
40, Elsham Road, London W14 8HB, England

Copyright © Dora Shturman, 1982

Copyright © Russian edition
Overseas Publications Interchange Ltd , 1982

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission

ISBN 0 9500215 7 1

ПРОЛОГ

Недавно мне пришлось беседовать с одним из своих коллег об этой книге. Мне был задан вопрос: «Вас можно понять так, что вы собираетесь заставить говорить мёртвых?»

В значительной мере, да. Мёртвые говорят языком своих сочинений, писем, приказов, отчётов, зафиксированных речей. Для того, чтобы мёртвые заговорили, не нужно ни мистики, ни хитроумной техники, ни древних оккультных, ни каких-либо сверхновых наук. Достаточно углубиться в книги и документы. Но заставить живых по-настоящему, во всей полноте теми сказанного, прислушаться к мёртвым неизмеримо труднее, чем заставить мёртвых заговорить.

ЧАСТЬ I

ПОБЕДА И КРУШЕНИЕ ЛЕНИНА

I. У постели учителя

«И оказалось: было чувство локтя
Искусством ловко спрятанного когтя».

С. Кирсанов, поэма «Семь дней недели»

«Сейчас прозвучали б слова чудотворца,
чтоб нам умереть и его разбудят, —
плотина улиц настезь растворится
и с песней на смерть ринутся люди!»

В. Маяковский, поэма «Ленин»

Если бы даже его разбудили в те пять ночей и дней, когда тело его лежало в Колонном зале Дома Союзов, ничего не изменилось бы уже ни в судьбе России и мира, ни в судьбах людей, которые верили и по сей день верят, что изменилось бы.

Он не только не совершил бы чуда — он просто не смог бы овладеть ходом событий. Даже выздоровевши, не смог бы. И уж тем более такой, каким полтора года уходил из жизни.

Он умирал долго, и для людей, окружавших его постель и дом, его смерть не была «стопудовой вестью»: они ее ждали. Наркомздрав Семашко обмолвится вскоре, что мозг Ленина к моменту смерти и вскрытия превратился в «зеленоватую жижу». Патологоанатом расскажет о склерозированных сосудах мозга, ставших ломкими палочками почти без просветов для тока крови. Кто-то напишет о больном полушарии, сморщенном и иссохшем, размером с грецкий орех, висящем на ниточке, уходящей в здоровое полушарие мозга. Чудотворец, которого призывал доверчивый гений, был бы поставлен перед нелегкой задачей: восстановить организм, непоправимо разрушенный задолго до смерти.

Вокруг смерти Ленина долго не возникало в СССР неканонических версий. Шли только смутные и криминальные слухи о скрытии Сталиным какого-то ленинского завещания, о предсмертной ленинской неприязни к Сталину, которые в официальной версии ленинской болезни и смерти ничего не меняли. Но с 1956 года начала мало-помалу проясняться для внутреннего читателя чудовищная свистопляска убийств и «умертвий» (С.-Щедрин), именуемая историей ВКП(б) — КПСС. Поток сенсационных открытий рос. На фоне той историко-уголовной хроники, которой все более явно стал оборачиваться большевистский партийный эпос, должны были появиться и новые версии смерти Ленина. Я говорю о внутренних представлениях, а не о Западе, где все события воспринимались, может быть, иначе. В СССР все знали, что Ленин умер в своей постели и своей смертью. У этих двух прозаических обстоятельств появились после 1956-1961 гг. крупные недостатки. Во-первых, они были слишком будничны и лишены столь любезной широкому зрителю детективной интриги. На фоне информационного бума 1956 — начала 1960 годов это было скучно, а, как известно, все жанры хороши, кроме скучного. Во-вторых, благополучие этой смерти¹ не отвечало новейшему массовому стереотипу представлений о партийной истории. Новый стереотип советского исторического мышления потребовал противопоставления Ленина Сталину (ленинцев — сталинцам). Ретроактивно возникла властная психологическая потребность в том, чтобы Ленина хотя бы подтолкнул к могиле Сталин, если уж никак нельзя было установить убийство. Как же так: столько хороших людей убил, а самого лучшего даже не попытался убить? Неправдоподобно. Новый, трагический вариант советского эпоса потребовал детективной догрузки эпикриза² Ленина:

1) Н. Я. Мандельштам в своих воспоминаниях воздала должное счастью умереть своей смертью в своей постели — на фоне страшных смертей миллионов сограждан.

2) Эпикриз — выписка из истории болезни умершего.

неминуемым стало приобщение его медленного умирания к присущему всей эпохе духу убийства . . .

И вдруг ряд сенсационных публикаций для специалистов и для широкой публики³ в который раз доказал иронистам и скептикам, что «глас народа — глас Божий».

Сквозь каноническое большевистское евангелие ленинской жизни и смерти начали проступать апокрифы.

Ленин часто болеет на протяжении всего 1922 года. На дни, на недели, на месяцы он покидает свой кабинет, иногда — Москву, но не оставляет работы. Точнее — работа ни на минуту не покидает его. Все, что он пишет и диктует вплоть до осени 1922 года, создает впечатление, что работа еще представляется Ленину доминантой его бытия. Перерывы же, связанные с болезнью, он воспринимает как временные помехи, как аномальные отклонения от доминанты. Упоминания о болезненном состоянии, не дающем работать, о невозможности где-либо выступить из-за болезни, об отъездах на отдых и на лечение, препоручение своих обычных обязанностей и занятий кому-либо из окружающих повторяются из месяца в месяц: в январе, феврале, мае, июле, сентябре 1922 года. Но Ленину все-таки еще непонятно, что это уже не сменяющие друг друга болезни, после которых он каждый раз выздоравливает, а приливы и отливы того бездонного, что скоро накроет и унесет навсегда.

Состояние Ленина резко ухудшилось в декабре 1922 года. 18 декабря Пленум ЦК РКП(б) возложил на Сталина, с которым Ленин в ту пору находился уже в весьма натянутых отношениях, «персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина»⁴.

Невероятно, но факт: с начала последней болезни Ленина главным приемом его лечения становится его

3) *Вопросы истории КПСС*, 1963, № 2; Ленин В. И., *Полное собрание сочинений в 55-ти томах*, т. 45; *Юность*, 1963, № 12; отдельные брошюры с последними письмами и статьями Ленина, впервые изданными в 1963 году, и пр.

4) Ленин В. И., *ПСС*, т. 54, стр. 674, прим. 541.

информационная изоляция. А лицом, держащим в руках все его связи, оказывается Сталин, — человек, наименее любимый и уважаемый всеми околотенинскими супербольшевиками.

Есть что-то нечеловечески жуткое в том, что образ жизни, встречи, занятия тяжело заболевшего человека врачи регламентируют в контакте не с его ближайшими родственниками и не с ним самим, еще здравомыслящим, а с некоей организацией и ее агентом, лично больному не симпатичным и с семьей его никакими сердечными узами не связанным.

А ведь совсем недавно этот больной манипулировал жизнью и смертью миллионов людей. И организация, о которой идет речь, была орудием его воли. Не должен ли он воспринимать происходящее, как страшный сон, как бред? Он кричит во всю мощь овладевающего им ужаса, но голос его не может пробиться сквозь пространство комнаты, ставшее вдруг ватным.

Наиболее полно все происходящее вокруг Ленина воспроизводит дневник его дежурных секретарей, стенографистки и личного библиотекаря⁵, начатый 21 ноября утром записью жены Сталина Н. С. Аллилуевой⁶.

Через четыре дня Н. С. Аллилуева пишет:

«25 ноября, утро (запись Н. С. Аллилуевой).

Владимир Ильич нездоров, в кабинете был только пять минут, диктовал по телефону три письма, на которые хотел запросить позднее ответы.

Мария Ильинична (Ульянова) сказала, чтобы его ничем не беспокоить — если сам запросит об ответах — то запросить кого следует. Приема никакого, поручений пока никаких. Есть два пакета от Сталина и Зиновьева — об них ни гу-гу, пока не будет особого распоряжения и разрешения».

5) Ленин В. И., там же, т. 45, стр. 457-486. (Дневник дежурных секретарей В. И. Ленина).

6) Незадолго до этого Ленин защищал Н. С. Аллилуеву от исключения из партии (т. 54, стр. 83, письмо № 49). Примечание к этому письму гласит, что Н. Аллилуева была в партии восстановлена, но причины ее исключения в нем не указаны.

Первая половина записи позволяет думать, что слова: «— если сам запросит об ответах — то запросить кого следует», — означают: если Ленин даст дополнительное распоряжение, то надо затребовать ответы на его письма. Но заключительное предложение («Есть два пакета от Сталина и Зиновьева — об них ни гу-гу, пока не будет особого распоряжения и разрешения») исключает предположение, что ожидаются распоряжения от самого Ленина: он не может ничего знать о поступающих на его имя пакетах, если «об них ни гу-гу».

Эта маленькая запись говорит о том, что взяты под контроль связи, ведущие к Ленину извне, правда, возможно, пока еще не Сталиным, а врачами.

Вечером 25 ноября Ленин приходит в свой кабинет, беседует по телефону, принимает А. Д. Цюрупу, дает ряд указаний о распределении подлежащих разбору бумаг между заместителями. Однако все та же Н. С. Аллилуева пишет:

«Пакеты не показывала. Но все, очевидно, очень важные. Надо бы посоветоваться с Лидией Александровной об этом».

Допустим, что переписка, поступающая на имя еще работающего, приходящего самостоятельно в кабинет, звонящего по телефонам, принимающего посетителей человека, контролируется из медицинских соображений (непонятно только, почему Сталин, а не, например, наркомздрав Семашко должен помогать врачам в этом вопросе).

Можно предположить, что из тех же соображений ограничивается рабочая нагрузка больного. Но невозможно объяснить медицинскими соображениями следующее: почему статьи, которые Ленин интенсивно диктует в это время для «Правды» *каждый раз публикуются только по специальному разрешению Политбюро*. Ленин старается обойти цензуру Политбюро при помощи редактора «Правды» Бухарина и своей сестры

Марии Ульяновой, которая работала в ее редакции, но это почти никогда ему не удается»⁷.

Ту линию блокады Ленина, которая ставит под цензуру Политбюро его обращения в партийную прессу, никак нельзя объяснить заботой о его здоровье. Коль скоро Ленин получил разрешение диктовать, — чем угрожала его здоровью публикация продиктованного? Вряд ли необходимость обманывать каждый раз «цензуру Политбюро» укрепляла его душевное равновесие.

Блокада связей, ведущих от Ленина в партийную прессу, могла быть только его сознательной политической нейтрализацией. И Ленин чувствует эту нейтрализацию. С 15-16 декабря (и далее) в записях секретарей начинает все отчетливей проступать настойчивая забота Ленина о секретности (от кого?) его переписки и о конспиративности (по отношению к кому?) его действий, контактов, его участия в текущих делах. Речь здесь явно идет не о стремлении перехитрить врачей:

«15 декабря, утро (запись Л. А. Фотиевой).

Звонил в 11 ч. 50 м. Спросил копии вчерашних писем. Вызвал Фотиеву на квартиру и дал написанное им письмо Троцкому, поручив Фотиевой лично переписать его на машинке и отправить, копию же сохранить в запечатанном конверте в секретном архиве. Писать ему очень трудно, оригинал велел уничтожить, однако он сохранен в секретном архиве вместе с копией.

16 декабря, вечер (запись Л. А. Фотиевой).

Звонила Надежда Константиновна, просила от имени Владимира Ильича сообщить Сталину, что выступать на съезде Советов не будет. На вопрос, как себя чувствует Владимир Ильич, сказала, что средне, по внешности ничего, а там сказать трудно. Просила также по его поручению конспиративно позвонить Ярославскому, чтобы записывал речи

⁷ Авторханов А.. *Становление партократии*. «Посез» 1973, т. 2, стр. 471 (курсив Д.Ш.).

Бухарина и Пятакова, а по возможности и других на пленуме по вопросу о внешней торговле».

Через пять дней после назначения Сталина «начальником режима» семьи Ульяновых (надзирателем лечащих Ленина медиков и посредником между ними, ЦК и окружением Ленина) Ленин начинает диктовать М. А. Володичевой свое письмо к предстоящему XII съезду.

«23 декабря (запись М. А. Володичевой).

В начале 9-го Владимир Ильич вызывал на квартиру. В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи. Перед тем, как начать диктовать, сказал: «Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!». Продиктовал быстро, но болезненное состояние его чувствовалось. По окончании спросил, которое число.

24 декабря (запись М. А. Володичевой).

На следующий день (24 декабря) в промежутке от 6 до 8-ми Владимир Ильич опять вызывал. Предупредил о том, что продиктованное вчера (23 декабря) и сегодня (24 декабря) является *абсолютно секретным*. Подчеркнул это не один раз. Потребовал *все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным*».

Просьбы и предупреждения о секретности, о тайниках для копий, о конспиративности, об особой ответственности секретарей за секретность и сохранность бумаг создают впечатление, что больным владеет не только чувство отстраненности, изолированности от событий, от управления ими, но и нарастающее ощущение осажденности и опасности. Будь он так политически и тактически проницателен, как прежде, он бы, разумеется, не тратил времени на эти беспомощные просьбы и предостережения. Его кабинет, его спальня просматривались насквозь и были не менее прозрачны для наблюдателей, чем жалкие обиталища герсев Орвелла. Роль зловещего

«телескрин» играли те самые секретари, от которых он требует «все, что он диктует, хранить в особом месте под особой ответственностью и считать категорически секретным» (курсив Володичевой).

Вот более полный рассказ Володичевой⁸:

«Все статьи и документы, продиктованные В. И. Лениным за период времени с декабря 1922 года (20-е числа) до начала марта 1923 года, переписывались по желанию В. И. Ленина в пяти экземплярах, из которых один он просил оставлять для него, три экземпляра — Надежде Константиновне и один — в свой секретариат (строго секретно). Экземпляр, посылаемый в «Правду», со всеми окончательными поправками и изменениями, перепечатанными начисто, просматривался В. И. Лениным, после чего он передавался Марии Ильиничне. Исправлялись также и те три копии, которые получала Надежда Константиновна. Черновики копий мною сжигались. На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились, по его желанию, копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после смерти его Надежда Константиновна. Слова: «а после его смерти» на конвертах я не писала» . . .

Какая загнанность сквозит в этом и сходных распоряжениях Ленина . . . Он вдруг почувствовал весь ужас перечеркнутости своих личных прав. Зная, как безгранично пренебрежение его партии личностью, ее правами и жизнью, он все же надеется спрятаться от этого пренебрежения за гриф «секретно», за сургуч на рукописи, за сестру, за жену, за своих секретарей — писарей-конвоиров, приставленных к нему тем же ЦК, за свою подпись, вчера всеильную, а сегодня значущую немно-

⁸ Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 591-593, примечание 207.

тим больше, чем каракули сумасшедшего или ребенка⁹.

А. Авторханов пишет¹⁰:

«В ночь с 22 на 23 декабря у Ленина второй удар — наступает паралич правой руки и ноги. Но того же 23 декабря Ленин, словно предчувствуя приближение конца, просит врачей разрешить ему продиктовать стенографистке в течение пяти минут, так как его «волнует один вопрос». Однако и ЦК, и врачи одинаково не хотели, чтобы Ленин писал. Тогда, по свидетельству сестры Ленина — М. Ульяновой, Ленин предъявил ультиматум: или ему разрешат несколько минут диктовать свой «дневник», или он бросит лечиться. Он получает разрешение и 23 декабря 1922 г. начинает диктовать свое знаменитое «Завещание» («Письмо к съезду»). 24 декабря после совещания Сталина, Каменева и Бухарина с врачами Политбюро вынуждено подтвердить решение:

1. Ленину разрешается диктовать ежедневно 5-10 минут, но это не должно носить характер переписки, и Ленин на эти записки не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. «Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Ленину ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений» (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 710)».

Чем отличается отказ тяжелейше больного человека лечиться от тюремной голодовки, этого единственно доступного заключенному способа ненасильственного, но непримиримого сопротивления?

Поразительны оба пункта постановления Политбюро,

9) Как саркастически ухмыляется истинный лик истории в криком в зеркале знаменитой поэмы В. Маяковского «Ленин»! В ней точнее всего передает мироощущение больного Ленина образ, Ленину противопоставленный: «Единица, кому она нужна? Голос единицы тоньше писка. Кто ее услышит? Разве жена...» «Единица — вздор, единица — ноль...» Вождь партократии по скрытым от него причинам вдруг превратился в частную человекоединицу, и главный принцип его собственной морали ударил по нему всей своей свинцовой тяжестью.

10) Авторханов А., там же, т. 2, стр. 17-18.

разрешающего Ленину работать: позволив ему диктовать статьи и зная, что диктует он вещи весьма политически злободневные, постановление это приказывает не «сообщать Ленину ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений». Словно опустеет от этого его голова. Словно легче и успокоительней размышлять и писать «о политической жизни», ничего толком о ней не зная!.. Словно не могли они хором заверить его, что, так и быть, уступают ему по всем волнующим его вопросам (а там — как Бог даст)!.. Ведь и разногласий-то было всего ничего, если рассуждать принципиально. — Речь-то ведь шла уже не о его возвращении в строй, а о сносной смерти. И второе: ему позволяют диктовать письма, но запрещают получать ответы. Каждый, кому приходилось хоть единожды в жизни писать чрезвычайно важные для себя письма, не получая ответов, способен оценить «целебность» для Ленина этого шага его попечителей. До тех пор, пока Ленин остается сравнительно работоспособным, то есть может еще диктовать, Сталин весьма серьезно занят его блокадой:

«30 января (запись Л. А. Фотиевой).

24 января Владимир Ильич вызвал Фотиеву и дал поручение запросить у Дзержинского или Сталина материалы комиссии по грузинскому вопросу и детально их изучить...

... Вчера, 29 января, Сталин звонил, что материалы без Политбюро дать не может.

Спрашивал, не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел? Например, его статья об РКИ указывает, что ему известны некоторые обстоятельства. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел. Сегодня Владимир Ильич вызвал, чтоб узнать ответ, и сказал, что будет бороться за то, чтоб материалы дали».

Ленин, по-видимому, все более полно и горько осознает свое положение:

«1 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Сегодня вызвал Владимир Ильич (в 6^{1/2} ч.). Сообщила, что Политбюро разрешило материалы получить. Дал указание, на что обратить внимание и вообще как ими пользоваться. Владимир Ильич сказал: «Если бы я был на свободе (сначала оговорился, а потом повторил, смеясь: если бы был на свободе), то я легко бы все это сделал сам». Предполагалось, что для изучения их понадобится недели 4».

Оговорился? Скорее проговорился. «Смеясь»? Что же ему еще оставалось делать? Пока мог, смеялся. Это было первого февраля 1923 года, а меньше, чем через месяц «Ленин просил у Сталина, при очередном визите, дать ему яд, чтобы отравиться. Об этом факте Сталин доложил на заседании Политбюро в конце февраля 1923 г.»¹¹.

В начале февраля 1923 года Ленин уже знал, что ЦК цензурирует все его статьи. Ничего существенного, несмотря на блокаду, скрыть от него его окружению не удавалось. А может быть, и не слишком скрывали? Секретари не очень умело разыгрывали верховный сценарий.

«3 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Владимир Ильич вызывал в 7 ч. на несколько минут. Спросил, просмотрели ли материалы. Я ответила, что только с внешней стороны и что их оказалось не так много, как мы предполагали. Спросил, был ли этот вопрос в Политбюро. Я ответила, что не имею права об этом говорить. Спросил: «Вам запрещено говорить именно и специально об этом?» «Нет, вообще я не имею права говорить о текущих делах». «Значит, это текущее дело?» Я поняла, что сделала оплошность. Повторила, что не имею права говорить . . .»

Иногда больной старался верить, что врачи и в самом деле заботятся о его здоровье. Но через несколько дней

11) Авторханов А., там же.

опять возникают записи, доказывающие, что у Ленина мало иллюзий на этот счет. Не назначения медиков следуют за колебаниями в его самочувствии, а колебания в самочувствии провоцируются этими назначениями.

«9 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Утром вызывал Владимир Ильич. Настроение и вид прекрасные. Сказал, что Ферстер¹² склоняется к тому, чтобы разрешить ему свидания раньше газет. На мое замечание, что это с врачебной точки зрения, кажется, действительно было бы лучше, он задумался и очень серьезно ответил, что, по его мнению, именно с врачебной точки зрения это было бы хуже, т.к. печатный материал прочел и конечно, а свидание вызывает обмен».

Два дня после этого Ленин напряженно работает, диктует, перечитывает, исправляет с помощью секретарей статьи, запрашивает по спискам книги, и вдруг:

«12 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Владимиру Ильичу хуже. Сильная головная боль. Вызвал меня на несколько минут. По словам Марии Ильиничны, его расстроили врачи до такой степени, что у него дрожали губы. Ферстер накануне сказал, что ему категорически запрещены газеты, свидания и политическая информация. На вопрос, что он понимает под последним, Ферстер ответил: «Ну, вот, например, Вас интересует вопрос о переписи советских служащих». По-видимому, эта осведомленность врачей расстроила Владимира Ильича. По-видимому, кроме того, у Владимира Ильича создалось впечатление, что не врачи дают указания Центральному Комитету, а Центральный Комитет дал инструкции врачам.

14 февраля (запись Л. А. Фотиевой).

Владимир Ильич вызвал меня в первом часу. По-

12) Врач из Германии, специально приглашенный для лечения Ленина.

лова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, то есть голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже. Поэтому с его поручениями мы должны торопиться, так как он хочет непременно провести кое-что к съезду и надеется, что сможет. Если же мы затянем и тем загубим дело, то он будет очень и очень недоволен».

Поражает недобрая откровенность Ферстера: сообщить больному, что его не следует информировать прежде всего о том, что наиболее его занимает (и даже сказать о чем) — здесь присутствует какой-то нарочитый садизм.

Судя по записям секретарей, нет существенной разницы между состоянием Ленина 9-го февраля, когда ему обещали вот-вот разрешить свидания, а потом газеты (он, естественно, хотел газеты, потому что свидания разворачивались бы по все тому же сталинскому сценарию), и 11 февраля, когда ему вдруг категорически запретили все: и газеты, и свидания, и политическую информацию. С 14 февраля по 5 марта записей нет, а 5 и 6 марта следуют две заключительные записи:

«1 марта (запись М. А. Володичевой).

Владимир Ильич вызывал около 12-ти. Просил записать два письма: одно — Троцкому, другое — Сталину; передать первое лично по телефону Троцкому и сообщить ему ответ как можно скорее. Второе пока просил отложить, сказав, что сегодня у него что-то плохо выходит. Чувствовал себя нехорошо.

6 марта (запись М. А. Володичевой).

Спросил об ответе на первое письмо (ответ по телефону застенографирован). Прочитал второе (Сталину) и просил передать лично и из рук в руки получить ответ. Продиктовал письмо группе Мдивани. Чувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила этого письма Сталину не посылать, что и было сделано в течение 6-го. Но 7-го я сказала, что

я должна исполнить распоряжение Владимира Ильича».

Вот эти письма и примечания к ним¹³:

1923 г.

»Л. Д. ТРОЦКОМУ

Строго секретно

Лично

Уважаемый тов. Троцкий!

Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под «преследованием» Сталина и Дзержинского¹⁴, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.

С наилучшим товарищеским приветом Ленин.

Продиктовано по телефону

Печатается по ма-

5 марта 1923 г.

шинописной копии»

Это письмо было в тот же день прочитано Л. Д. Троцкому по телефону помощником секретаря СТО и СНК М. А. Володичевой. Троцкий, ссылаясь на болезнь, ответил, что он не может взять на себя такого обязательства.

И:

«ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Строго секретно

Лично

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня

13) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 329.

14) О «грузинском деле» см. ниже.

сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин.

В. И. Ленин имеет в виду следующий факт. После того как В. И. Ленин с разрешения врачей 21 декабря 1922 года продиктовал письмо Л. Д. Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли, И. В. Сталин, на которого решением пленума ЦК от 18 декабря была возложена персональная ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, обругал Крупскую и угрожал ей Контрольной комиссией за то, что она записала под диктовку названное выше письмо. В связи с этим Н. К. Крупская 23 декабря 1922 года направила Л. Б. Каменеву следующее письмо: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, так как знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина». Н. К. Крупская просила оградить ее от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз.

«В единогласном решении Контрольной комиссии, — писала далее Крупская, — которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности. Н. Крупская».

Н. К. Крупская рассказала об этом факте В. И. Ленину, судя по всему, в начале марта 1923 года. Узнав о происшедшем, В. И. Ленин и продиктовал публикуемый документ.

И. В. Сталин, как писала позднее М. И. Ульянова в своем письме президиуму июльского (1926 год) Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором одним из лидеров «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьевым был поднят этот вопрос, извинился»¹⁵.

Сталинского извинения никто нигде не цитировал и не публиковал. Крупская никогда о нем не свидетельствовала. Характерно, что, не выдержавши обиды и пожаловавшись мужу на Сталина, она потом боится отправки письма, пытается предотвратить ее: муж умирал — она оставалась жить...

После 6 марта 1923 года Ленину становилось то хуже, то несколько лучше, но работоспособность и речь к нему не вернулись, подвижность руки и ноги восстановилась не полностью. В середине января 1924 года, после XIII партконференции, Сталин вдруг снял «информационный карантин» вокруг Ленина.

Некоторые авторы — А. Авторханов, Р. Медведев и другие — утверждают, что до этого состояние Ленина не было безнадежным, что не исключено было выздоровление и что «не надо быть медиком, чтобы констатировать: кошмарный психологический яд, который Сталин впрыснул в мозг Ленина в виде резолюции январской конференции, ускорил роковую развязку»¹⁶.

Для такой констатации все же «надо быть медиком». При всей несомненности тяжелых стрессов, которые провоцировались то навязанной Ленину информационной блокадой, то ее снятием, — только врачи могли бы сказать, и то не наверняка, насколько ускорили смертельный исход долгой неизлечимой болезни Ленина эти удары.

15) Ленин В. И., там же, стр. 329-330.

16) Авторханов А., там же, т. 2, стр. 131-132.

Бесспорно одно: с каждым днем болезни непривычная для Ленина горечь бессилия все явственней обретала привкус *бесправия*.

По мере того, как вождь становился во все большей мере частным лицом, он все более остро ощущал противоестественность своего положения. В его последних, уже в тяжелые дни продиктованных секретарям работ есть беспомощные попытки как-то поставить ЦК под контроль рабочих. По-видимому, он хочет хоть чем-то нейтрализовать поднимающуюся помимо него, без него олигархию. Естественно, что это ему не удастся.

Ему, вероятно, и в голову не приходило в те горчайшие дни, что погибал он «от самого себя». Когда-то он собственноручно поставил Сталина между собой и своей «внутренней партией»¹⁷, полагая, что по крайней мере до конца его жизни Сталин на большее не позарится. Какое-то время он относился к Сталину чуть ли не с нежностью¹⁸:

«Удивлен, что вы отрываете Сталина от отдыха. Сталину надо бы еще отдохнуть не меньше 4 или 6 недель. Возьмите письменное заключение хороших врачей».

«Первое: прошу сообщить, как здоровье Сталина, и заключение врачей об этом...»

«Сообщите фамилию и адрес доктора, лечащего Сталина, и на сколько дней отрывали Сталина...»

«... т. Беленький! У Сталина такая квартира в Кремле, что не дают ему спать (кухня — слышно с раннего утра).

Говорят, Вы взялись перевести его в *спокойную* квартиру. Прошу Вас сделать это поскорее и написать мне, можете ли это сделать и *когда*».

«Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, назначенной Сталину? Очень прошу Вас сделать это и *позвонить* мне...»

17) Орвелл Дж., 1984.

18) Кстати, Н. К. Крупская в воспоминаниях отмечала, что Ленину были свойственны периоды политической, а значит, и личной «влюбленности» в своих партнеров, причем всегда кратковременные.

«Напомните мне завтра, я должен видиться со Сталиным и *перед этим* по телефону соедините меня с *Обухом* (доктором) о Сталине . . .»

Я привела несколько характерных отрывков из телеграмм и писем Ленина июля-ноября 1921 года¹⁹.

Вряд ли перевешивает все эти заботы следующее свидетельство Б. Бажанова²⁰: «Что думал Ленин о Сталине, показывает дискуссия, происшедшая на заседании, где Ленин назначал Сталина Наркомнацем. Когда Ленин предложил это назначение, один из участников заседания предложил другого кандидата, доказывая, что его кандидат человек толковый и умный. Ленин перебил его: «Ну, туда умного не надо, пошлем туда Сталина». Все-таки куда больше материалов свидетельствует о многолетнем доверии Ленина к его будущему тюремщику. Ирония Ленина в словах, приведенных Б. Бажановым, могла относиться не к Сталину, а к рекомендованному взамен него «умнику». Во всяком случае и на X-м (1921 г.), и на XI (1922 г.) съездах РКП(б) Ленин отводит от Сталина обвинение в том, что тот, как вскоре скажет сам Ленин, «сосредоточил в своих руках необъятную власть»:

«Вот Преображенский здесь легко бросал, что Сталин в двух комиссариатах. А кто не грешен из нас? Кто не брал нескольких обязанностей сразу? Да и как можно делать иначе? Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это — вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам

19) Ленин В. И., *Сочинения*, изд. IV, т. 35.

20) Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина. «Третья волна»* (Франция) 1980.

нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы прогрязнем, потонем в мелких интригах»²¹.

Привязанность Ленина к Сталину, сменившаяся отчетливой антипатией лишь в конце 1922 года, восходит к 1900 годам, когда Сталин руководил знаменитыми «эксами» (или, попросту, грабежами), пополнявшими большевистскую партийную кассу. «Эксы» иногда сопровождалась человеческими жертвами, были запрещены двумя съездами еще единой РСДРП и нуждались для своего исполнения в руководителе, готовом на все, кроме, может быть, излишнего личного риска, для которого в распоряжении Сталина имелся Камо. Оперативность и моральная неразборчивость Сталина в осуществлении «эксов» и привлекли к нему в те годы Ленина.

Властители, нуждающиеся в помощниках, готовых на все, всегда впадают в одну и ту же губительную для них ошибку: они упускают из виду, что человек, способный на все по приказу своего патрона, способен на все также и против своего патрона, если почувствует, что хватка того ослабла.

И право распоряжаться лечением, отдыхом, режимом, связями заболевших цекистов сделал прерогативой ЦК сам Ленин.

«г. МОЛОТОВУ
(для членов Политбюро)

Я сейчас получил 2 письма от Чичерина (от 20 и 22). Он ставит вопрос о том, не следует ли за при-

21) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 110-111.

личную компенсацию согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предположение Чичерина показывает, по-моему, что его надо . . . немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет, по моему мнению, величайшей угрозой для всех переговоров . . .»

или:

« . . . т. Молотову для всех членов Политбюро:

Это и следующее письмо Чичерина явно доказывают, что он болен и сильно. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сшлем его в санаторий».

В другом письме на имя того же Молотова (для Оргбюро и Политбюро ЦК) от 12. 1. 1922 г. Ленин предлагает:

«1. Назначить по соглашению с Наркомздравом одного или двух врачей, чтобы периодически осматривать Сокольников, Цюрупу и других, вернувшихся с лечения товарищей, поручив им письменно давать заключение о необходимом режиме. Ответственность возложить на этого врача лично. Обязать его давать коротенькую рапортчку в Секретариат ЦК или, если на это согласен Секретариат ЦК, то в Секретариат СНК.

2. Возложить на какое-либо определенное лицо ответственность за наблюдение за исполнением режима Сокольниковым . . .»²²

Кстати, письма Чичерина не заключали в себе ни малейших следов психической или умственной аномалии и нервного срыва и не устраивали Ленина исключительно только демократичностью занимаемой тем позиции. Но и последний, вполне благолежательный документ (о Цюрупе) в качестве прецедента не так уж и безопасен,

22) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 110-111.

в особенности строки насчет режима. Да и вообще вся постановка вопроса в целом не безобидна, как доказала судьба самого Ленина.

Мне возразят, что Ленин выдает подобные рекомендации полусуто. Что с того? Он и в следующих своих советах не слишком серьезен:

«т. КАМЕНЕВ!

Почему это задержалось?

Ведь решено чуть ли не 1½ месяца тому назад?

Лежавше я дал тогда срока — 2-3 дня!

Христа ради, посадите Вы за волокиту в тюрьму кого-либо! Ей-ей, без этого ни черта толку не будет.

Ваш Ленин»

Написано в феврале, не ранее 11, 1922 г.

или:

«т. СМОЛЬЯНИНОВ!

... Каждый нарком обязан тотчас назначить несколько товарищей, на коих возложена ответственность за проверку исполнения (управдел, его помощник; секретарь, его помощник и т. п.) и сообщить их фамилии управделу СНК и СТО. Эти лица за неаккуратность должны быть беспощадно караемы арестом или увольняемы по приказу замов. Нарком за неаккуратность должен быть караем выговором, простым и со внесением в партбилет. Следить за этим — строжайше — обязан управдел СНК, и я непременно удалю от должности, если это не будет выполнено с педантичной аккуратностью.

Задача — приучить наркоматы к аккуратности, сажая в тюрьму и изгоняя неаккуратных исполнителей.

... Прилагаю карточки, заполненные т. Фотиевой (неаккуратно и недопустимо), и чистые карточки, исправленные мной: не смей пачкать, не смей пи-

сать лишнего, не смей отступать ни на йоту. Иначе я прогоню и секретарей и всех управделов.

Пред. СНК В. Ульянов (Ленин)»²³.

Написано 15 мая 1922 г.

Или:

«19. 1. 1922

Л. Б. КРАСИНУ

т. Красин!

Насчет Ларина к решению Политбюро от 17. 1.

1. Держите его в Лондоне как можно дольше²⁴.
2. Если поверите хоть одной его цифре, прогоним со службы.
3. Берегите его здоровье. Лечите лучше, назначьте ответственного врача²⁴.
4. Займите его д л и т е л ь н о й литературной работой по немецким и АНГЛИЙСКИМ материалам (если не знает, выучите английскому языку²⁴.

Пункты 1, 3, и 4 провести особо строго и особо тактично²⁴. Пункт 2 — тройне строго.

С ком. приветом Ленин»²⁵.

Но совершенно определенное направление мысли, направление действия здесь присутствует. А развитие этого направления — дело обстановки, характера и вкуса как всемогущего шутника, так и осуществителей брошенных полушутя наказов . . .

Когда я пытаюсь себе объяснить, почему цекисты состава 1922-24 годов так легко и охотно сделали Сталина «начальником режима» больного Ленина, я нахожу этому только одно объяснение: в глубине своих душ, за таенно, молча и дружно они не любили не только Сталина, но и Ленина. И оказались к нему во время его болезни совершенно безжалостными. Почему они не любили Кобу, это понятно: он был человеком несимпатич-

23) Там же, стр. 259 (Док. 411).

24) Курсив и разрядка Ленина.

25) Там же, стр. 127-128 (док. №217).

ным, он явно двигался к власти и проявлял необходимые для овладения оной качества, каковых не было ни у кого из них. Несмотря на его очевидное продвижение к власти, они, как и Ленин, недостаточно его опасались: они считали себя вождями, так сказать, легитимными, а его — «парвеню»; себя — интеллектуальной элитой партии, а его — посредственностью, плебеем. Они полагали, что избавятся от него, когда придет время.

Но почему они так не любили Ленина, права которого быть их вождем они под сомнение вроде бы и не ставили?

Я подчеркнула «так», потому что надо было очень его не любить, чтобы отдать его под опеку Сталина, прекрасно зная, что сейчас Ленину этот выбор особенно неприятен. В 1922-24 годах безысходной необходимости поддерживать Сталина у них еще не было. Они еще действовали по своей воле. Одну из причин этого я вижу в следующем. Люди не прощают, как правило, тем, за кем они почему-либо идут, пренебрежения их достоинством, тщеславием, честолюбием, гордостью. А Ленин в других этих чувств не щадил. Он был непревзойденным мастером завоевания власти партией, в которой отводил себе первое место. И отводил по праву: он, действительно почти всегда знал лучше других в своем окружении, что следует делать, чтобы его партия захватила и удержала необъятную власть. Его изначальное партийное кредо: «твердая рука» и единовластие, и, конечно же, его, а не чьи-то. Приятно ли быть всегда под «твердой рукой» и признавать над собой единовластие ее обладателя, даже в интересах победы всей «пирамиды»?

«Е. М. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Личное от Ленина

... Вы добиваетесь, если я не ошибаюсь, единовластия и «твердой руки». Дело доброе, и Вы тысячу раз правы, что нам именно это нужно. Но так прямолинейно, как Вам кажется, этого никто не

добьется . . . Вы хорошо сделали, что отметили, кому Ваше письмо было.

Всего лучшего. Умеряйте требования и торопитесь, торопитесь и торопитесь с «сильнодействующим средством». Жму крепко руку.

Ваш Ленин»

*Написано позднее 22 мая 1903 г.
Направлено из Женевы в Киев*

В 1900 годах, когда Ленин еще только сколачивал партию «нового типа», он уже боролся на два фронта: против мартовцев (меньшевиков) и против неустойчивых большевиков в собственном лагере. Во главе последних стоит бесхарактерный секретарь ЦК, старый товарищ Ленина Г. М. Кржижановский, он же «Клэр», «Брут», «Лань», «Смит» и др.

Тон ленинских писем из эмиграции в большевистский ЦК, действующий в России, чаще всего приказной. Никаких сомнений в этом праве — приказывать — у автора писем нет:

«ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ

30.XII.03.

. . . Обсудите дело это толком и отвечайте же, наконец, о мнении каждого (непрерменно каждого) члена Центрального Комитета.

С листками ко мне не приставайте: я не машина, и при теперешнем безобразном положении работать не могу²⁶.

Направлено из Женевы в Россию».

И еще более резко и грубо:

«Г. М. КРЖИЖАНОВСКОМУ

4.1.04. Пишет Старик. Сейчас только получил письмо Лани с ответом на мое письмо от 10.XII и отвечаю немедленно. Меня-то нечего просить о критике взглядов Лани! Я прямо скажу, что взбешен я робостью и наивностью Лани до чертиков . . .

²⁶⁾ Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 34, стр. 183.

Обязательно все вести не иначе как через заграничного представителя Центрального Комитета. Ей-богу, это необходимо, если не хочешь архискандала. Надо заявить раз навсегда . . . что за границей есть полномочный представитель ЦК и больше никаких», —

— пишет Ленин, имея в виду в качестве «заграничного представителя ЦК» себя самого.

И далее:

« . . . Если у тебя в письме . . . не нашлось ни единого слова протеста против пакостей . . . о бюрократическом формализме и проч., — тогда я должен сказать, что мы перестали понимать друг друга. Я тогда умолкаю и выступаю как частный писатель против этих пакостей. Я этих господ назову истерическими пролазами», —

— мечет Ленин громы и молнии в ЦК, который не поспешил отвести от него обвинения в диктаторстве. И продолжает:

« . . . Не умнее ли будет писать письма прямо этим хозяевам, чем проливать пустые слезы в жилет тряпичной Мартуше? Попробуй-ка, напиши, это тебя отрезвит! А пока не написал им и не получил самолично от них плевка в рожу, до тех пор не приставай к нам (или к ним) с «миром». Мы-то здесь ясно видим, кто болтает и кто верховодит у мартовцев! . . .»²⁷

А «верховодить» должен только он, Ленин. И кто этого не примет, тот с ним не останется.

И заключает так:

« . . . 9) Нам нужны деньги. Хватит на 2 месяца, а потом шиш. Мы ведь теперь «содержим» негодяев,

27) Там же, стр. 186-188.

которые в ЦО плюют и блюют на нас. Это называется «положительной работой». Ich gratuliere*.

Направлено из Женевы в Киев

Я не ради восстановления истории партии привожу эти отрывки. В них, как и во многих сходных, отношение молодого и еще недостаточно сдержанного «Старика» (партийная кличка Ленина) к идущим за ним людям выступает откровенно и непосредственно.

Позднее он научится собой владеть и не всегда будет выражать свое настроение так однозначно. Высокомерие, властность, безапелляционность, сквозящие в этих письмах, изначально повлекли за ним только тех, кто признал его твердую волю как гарантию будущей общей власти. Но эти личные качества никак не могли внушить ведомым, помимо профессионального уважения, еще и любовь к ведущему. Их самолюбие не могло постоянно не уязвляться и таким его неизменным и ярким свойством, как несклонность мерить других и себя единой мерой.

Для других фракционность — смертный грех, а себя он не разрешает «запугивать глупеньким словечком фракционность». Для других требование отставки — это «мелкобуржуазная истерика» и пренебрежение партийным долгом, он же, идя один чуть ли не против всего ЦК, умело и своевременно шантажирует тех, кого следует, угрозой отставки. Для других антицекистская пропаганда в партийных массах — это измена общему делу. Он же оставляет за собой право в случае непринятия очередного его ультиматума, предъявленного им Центральному Комитету, выйти из всех руководящих органов партии и продолжить борьбу за свою программу в партийных массах.

Когда же на XI съезде РКП(б) заикаются о том же лидеры РОПП, он гневно предупреждает их: «... если партия вам позволит!» И несколько раз бросает угрожающие реплики о винтовках и пулеметах, которые будут

*) Поздравляю! Ред.

противопоставлены тем, кто, игнорируя волю ЦК и съезда, обратится к «низам партии». Таких примеров бесчисленное множество.

Его приближенные знали его характер, его манеру руководить, его повседневную деловую этику куда лучше, чем те, для кого они же сфабриковали его расхожий иконно-плакатный образ. В 11 томе Сочинений Сталина, в статье «Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии», помещен следующий занимательный диалог:

«Сталин: . . . Говорят, что Ленин наверняка поступил бы мягче, чем поступает теперь ЦК в отношении Томского и Бухарина. Это совершенно неверно. . . . Как поступал Ленин в таких случаях, — припомните-ка. Разве не помните, что товарищ Ленин из-за одной маленькой ошибки со стороны Томского угнал его в Туркестан.

Томский: При благосклонном содействии Зиновьева и отчасти твоим.

Сталин: Если ты хочешь сказать, что Ленина можно было убедить в чем-нибудь, в чем он сам не был убежден, то это может вызвать лишь смех . . .»

Они еще и «на ты», и спорят на равных, но против этого замечания Сталина никто не возражает.

А это — адресованная Осинскому ядовитая реплика Зиновьева на XII съезде РКП(б):

«Т. Осинский говорил, что позволено Ленину, то не позволено кому-нибудь другому. Само собой разумеется, Осинский сказал, когда Ленин сечет, это еще куда ни шло. Вполне разделяю его вкусы: уж сечься, так сечься у мастера . . .»

Я не говорю о цинизме, с которым люто друг с другом враждующие представители верховной партийной власти спорят о том, кем лучше быть высеченным. Шут с ними и с палаческим душком их шуточек. Но и в реплике Сталина, и в издевочке Зиновьева, — не слишком-то

много любви к Ленину — к человеку, которого ни в чем нельзя было убедить, к виртуозу публичной словесной порки.

Обладающие уймой малоприятных, а иные, как Сталин, и чудовищных качеств, они в достаточной мере любили себя, чтобы Ленина не любить . . .

2. «Пойди туда — не знаю куда; принеси то — не знаю что».

«Диктатура обладает одной особенностью — она распространяется и на диктаторов».

А. Белинков
(Новый колокол, Лондон, 1972, стр. 430)

Последний год деятельности Ленина был тягчайшим для него годом не только из-за определившейся к концу этого года (и ранее Ленину незнакомой) личной зависимости его от людей, которых он привык вести за собой. И его приближенные не только ради психологического реванша так легко лишили его своей поддержки. Они и раньше чувствовали и его высокомерие, и его власть, и его сухость, и его непостоянство как товарища — зависимость его личного отношения к людям только от их отношения к его политике, но шли за ним. Троцкий ещё в 1900-х годах оценивал его и его тактику более прозорливо и резко, чем Мартов, но тем не менее летом 1917-го года пошел за ним. «Надличностная», так сказать, основа общего предательства ими Ленина в 1922-1923 гг. состояла ещё и в том, что Ленин утратил в их глазах ценность как незаменимый ранее (в 1917-1921 гг.) генератор решений их общих задач. Они, вероятно, относили это только за счет его физического угасания (так же, как и он, все свои административные неудачи относил только за счёт неумелости исполнителей. Однако и он, и они ошибались.

Ведя свою партию к власти, Ленин так хорошо умел *разрушать*, что ни он сам, ни его сторонники не сомневались в его столь же уникальном умении **СТРОИТЬ**.

Но после более или менее полной стратегической победы, когда на Ленина всей тяжестью навалились завоеванные им для себя и партии полномочия, оказалось,

что странные свойства химеры, которую он создал застали его врасплох. Ни Маркс, ни Энгельс, ни его собственное воображение не помогли ему использовать эту поистине небывалую в истории государства российского власть для воплощения в жизнь владеющей им доктрины. Утопии неосуществимы по определению. Но ни Ленин, ни его окружение не понимают, а главное — не хотят понимать, что их сознанием владеет утопия.

С одной стороны, как всякий опытный руководитель, Ленин знает, что секрет успешного управления связан с необходимостью обзирать, направлять и вовремя корректировать ВСЕ движения управляемого объекта. Он уверен, что этот секрет постижим. Привычный радикализм мышления, привычный однолинейный детерминизм марксистской социальной логики Ленина не позволяют ему рассуждать иначе. К чему тогда было бы все, на что он шел до сих пор?

Он не хочет отказаться от веры, что *в принципе* организационное решение надвинувшихся на него новых задач возможно. С другой стороны, он не может этого решения найти. Он физически задыхается от мизерности, от непоправимого запаздывания, от ненадежности доступных ему крох понимания происходящего. Он не знает, как извлечь необходимые ему сведения из необозримого лабиринта отношений и дел, которыми он взялся командовать. А лабиринт еще и непрерывно «дрейфует» во всех своих бесчисленных частностях. И сопротивляется тому, что Ленин считает разумным и необходимым.

Осаждаемый незнакомыми раньше задачами и упорно пытаюсь решать их привычными радикальными мерами, Ленин уподобляется человеку, плывущему против течения в густом и тяжелом грязевом потоке. Блестящий самосохранительный вираж НЭПа, который спас партию, ослабил напряжение ненадолго, потому что и новая экономика должна была, по замыслу Ленина быть полностью регулируемой и управляемой. Задач стало не меньше, а больше, ибо возникла необходимость со-

вмещения несовместимого: свободы торговли и полномочия партии. Инстинктивно нащупав главный момент задачи (всегда знать всё о происходящем в системе), но не понимая, что этот момент и делает задачу невыполнимой, Ленин упрямо требует от своих аппаратов сведений, сведений и сведений, которых ему никакие учреждения с нужной для успешной работы полнотой, оперативностью и достоверностью дать не могут.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЦЕНТРАЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

16/VIII.

т. Попов!

... Надо уметь выделить *практически* важное и спешное, откладывая академически ценное в долгий ящик.

... надо составить, вместе с Госпланом, своего рода index-number (число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц, с обязательным сопоставлением цифр довоенной, затем 1920 года и, по возможности, 1917, 1918 и 1919.

При невозможности получить точные цифры, должны быть указываемы приблизительные, предположительные, предварительные (с особой оговоркой о каждой такой или подобной категории).

... Какие цифры должны быть взяты для index-number, это должны определить Ц. Стат. У. и Госплан...

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)²⁸

Кроме ежемесячного «числа-показателя», рассчитанного на основании нескольких главных (?) данных и призванного охарактеризовать хозяйственное и организационное состояние огромной, взбаламученной непре-

²⁸) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 9-11, «Письма в Центральное Статистическое Управление».

рывной семилетней войной страны, от ЦСУ требуются также:

«1. Ежемесячные сводки о распределении продовольствия государством.

2. Ежемесячные сводки о предприятиях, переводимых на коллективное снабжение.

3. ... Определение количества произведенных продуктов, притом самых важных.

4. Производство, распределение, потребление топлива, Абсолютно необходимо ежемесячно в итогах...

5. Ежемесячные сводки о товарообмене...

6. ... Если не ежемесячно, то раз в 2-3 месяца абсолютно необходимы сводки хотя бы для начала о «наличных штатах» в сравнении с довоенными или с штатами других ведомств, других губерний.

7. Выборка, для небольшого числа типичных предприятий (фабрик, совхозов) и учреждений а) наилучших — образцовых, б) средних и в) наихудших . . .»²⁹

То, что мной процитировано, далеко не исчерпывает ленинских ежемесячных требований, предъявляемых ЦСУ.

Разумеется, рассчитать чудодейственное «число-показатель» никаким инстанциям не удастся. И никакой ежемесячный «балл поведения» (оценка состояния всего общества), выработанный ЦСУ или Госпланом и положенный на стол Ленина, не вооружил бы его отчетливым представлением обо ВСЕЙ МАССЕ процессов, стоящих за этим баллом. А для того, чтобы регулировать эти процессы с той степенью верховного произвола, которого жаждал Ленин, надо было знать обо всем ВСЕ. Мог ли Ленин хотя бы подозревать, что встретится с таким затруднением? Несомненно. Работы «ученейшего дурачка» Спенсера (Ленин), широко обсуждавшиеся в России с 50-х годов прошлого века, убедительно предсказывали затруднения победившего национализатор-

²⁹⁾ Там же, стр. 12-14, «Письма в Центральное Статистическое Управление».

ского³⁰ социализма. «Ренегат» и «оппортунист» Э. Бернштейн, «парламентский кретин» Каутский (Ленин), «Иуда» Струве (кличка, под которой иногда фигурирует П. Б. Струве в конспиративной переписке Ленина) и другие современники Ленина опередили многие фундаментальные выводы современной науки об управлении, предсказывая все эти неустранимые затруднения.

Ленин обвинял их в продажности, в тупоумии, в непонимании Маркса и отмахивался от их корректных и доказательных соображений, как от назойливых оводов. Теперь ему очень трудно, — тем более, что одновременно с попытками наладить хоть мало-мальски удовлетворительную отчетность он санкционирует составление плана дальнейшей хозяйственной деятельности советской власти.

«Конечно, «планы» вещь такая, по самой её сути, что говорить и спорить можно бесконечно. Но не нужно допускать общих разглагольствований и споров о «принципах» (построения плана), когда надо взяться за изучение данного, единственно научного плана и за исправление его на основании указаний *практического* опыта и на основании более детального изучения. Конечно, право «утверждать» и «не утверждать» всегда остается за сановником и сановниками. Если понимать разумно это право и толковать разумно решения VIII съезда насчет утверждения одобренного им и преподанного к самой широкой пропаганде плана, то под утверждением надо понимать ряд заказов и приказов: то-то, тогда-то и там-то купить, то-то начать строить, такие-то материалы собрать и подвезти и т. п. Если же толковать по-бюрократически, тогда «утверждение» означает самодурство сановников, бумажную волокиту, игру в проверяющие комиссии, одним словом, чисто чиновничье убийство живого дела»³¹.

30) Я другого не знаю.

31) Ленин В. И., ЛСС, т. 42, стр. 344, «Об едином хозяйственном плане». Курсив Ленина.

Но поди угадай: в какой точке «сановнику» следует остановиться и стать исполнителем воли специалистов? И когда прекращать споры о планах? И что означает «понимать разумно», если «право «утверждать» и «не утверждать» всегда остаётся «все-таки» за «сановниками»?

Чтобы хоть как-то проиллюстрировать масштабы задач, возникающих перед государственной властью, уничтожившей свободный рынок, повторю свидетельство современного советского экономиста: «... Специалисты нашего института однажды проделали любопытный расчет. Они высчитали количество операций, которые необходимо было бы произвести, чтобы составить... детализированный оптимальный план для двух тысяч объектов. Оказалось, что он потребовал бы от лучшей советской машины БЭСМ-6 — не мало-не много — тридцати тысяч лет непрерывной работы»³².

Я не впервые привожу это свидетельство. Оно ярко иллюстрирует необъятность задачи, которая нефальсифицированному решению не поддается.

Мудрено ли, что в гневе, граничащем с отчаянием, Ленин, намеренный было обеспечить «прозрачную ясность» новых экономических отношений с помощью «четырех действий арифметики», теперь пишет:

«... Не тот подход к теме. Вредный подход. Тошнит всех от общих фраз. Они плодят бюрократизм и поощряют его».

«... Бюрократизм потому нас и душит, что мы все еще играем в «директивы в декретном порядке»³³.

или:

«... такая печальная штука эти декреты — которые подписываются, а потом нами самими забываются и нами самими не исполняются»³⁴.

32) Федоренко Н. П., «Научно-техническая революция и управление». *Новый мир*, 1970, № 10.

33) Ленин В. И., *Соч.*, изд. IV, т. 33, стр. 213, «Тов. Молотову для членов Политбюро. О тезисах т. Преображенского».

34) Там же, т. 32, стр. 4, «О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого».

Итак, виноват в неспособности новой власти преодолеть ВСЕ движения гигантской машины бюрократизм. Между тем и сам Ленин, будучи не в силах придумать ничего, кроме «беспомощных общих фраз» и «печальных декретов», энергичнейше насаждает бюрократизм:

«РУКОВОДИТЕЛЯМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Уважаемые товарищи!

Раз и навсегда необходимо положить конец безобразию волокиты и канцелярщины в вашем учреждении. Важные и срочные дела, направляемые к вам приемной СНК в видах разрешения многочисленных жалоб, заявлений на имя СНК и его Председателя, сплошь и рядом остаются без ответа и исполнения.

Предлагаю немедленно подтянуться. Машина советской администрации должна работать аккуратно, четко, быстро. От её расхлябанности не только страдают интересы частных лиц, но и все дело управления принимает характер мнимый, призрачный . . .»³⁵

Последняя фраза великолепна в своей достоверности. Стилистически несовместимая с остальным текстом письма (одного из классических образцов бюрократического пустословия), она отлично передает настроение Ленина.

В апреле 1922 года Ленин уходит в отпуск по болезни. Как всегда в таких случаях, он пытается расписать наперед каждый шаг своих заместителей.

С удивительной непоследовательностью он поручает им выполнить (в свое отсутствие) все те дела, которых они не выполняли при нем, вместе с ним. Отрывок который приведен ниже, как нельзя более характерен для ленинских директивных писем последних месяцев его

35) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 101, «Руководителям центральных советских учреждений», Док. № 180.

деятельности. Их автор словно спешит взвалить на плечи остающихся у руля все то, чего не в состоянии сделать сам.

«1. Основная работа замов, за которую они специально отвечают и которой должно быть подчинено все остальное, состоит в проверке фактического исполнения декретов, законов и постановлений: в сокращении штатов совучреждений, в надзоре за упорядочением и упрощением делопроизводства в них: в борьбе с бюрократизмом и волокитой.

Все дальнейшее является детализацией этого основного задания или частным дополнением к нему . . .»

На замов возлагается:

«2. Наблюдение за тем, чтобы рассмотрение советских вопросов в других учреждениях, как советских так и партийных (Президиум ВЦИКа. Политбюро Цека РКП — и т. д. без всякого изъятия), происходило не иначе как с ведома и участия замов.

3. Разгрузка СНК и СТО в максимальной степени от мелочных вопросов, разрешение которых должно происходить частью (и преимущественно) в порядке ведомственного управления, частью (именно в нетерпящих отлагательства и исключительно важных случаях) непосредственными распоряжениями замов» . . .

«15. Необходимо наоблести — хотя бы для начала в очень немногих учреждениях — за перерасмещением коммунистов внутри совучреждений, стремясь к тому, чтобы коммунисты занимали исключительно такие должности (как в самом верху, так и в самом низу иерархической лестницы), которые позволяют им действительно проверять ход работы, действительно бороться с бюрократизмом и волокитой . . .»³⁶

36) Там же, т. 45, стр. 156-159, «Постановление о работе замов».

Учтем, что при этом «ведению т. Цюрупы подлежат: ЦКЗем, НКПС, ВСНХ, НКПочтель, НКЮст, НКВД, НКНац, НКПрос, а ведению т. Рыкова подлежат НКФ, НКВТ, Комиссия по внутренней торговле, Центросоюз, НКТруд (и ВЦСПС в части), НКСобез, НКПрод, НКВоен, НКИДел, НКЗдрав, ЦСУ, Областные экосо, Концессионный комитет, Госплан»³⁷.

Здесь приведены лишь небольшие отрывки только из пяти пунктов ленинской директивы «замам», содержащей ТРИДЦАТЬ ОДИН пункт. Попробовав отделить только наиболее конкретные поручения, возложенные непосредственно на Цюрупу и Рыкова, и прикинув, сколько примерно времени требуется для их выполнения, мы получим цифру порядка 48 часов в сутки НА КАЖДОГО. Сообщаю об этом, чтобы проиллюстрировать реализм административного мышления Ленина 1922-го года. Недаром ленинскую директиву «замам» откровенно высмеял Троцкий в своих замечаниях по её поводу. Среди трех десятков пунктов ленинского «постановления» есть только один технологически реальный пункт (весьма характерный для ленинских методов руководства):

24. «Замы должны стараться применять чаще, чем прежде, наложение административного взыскания своей властью (ускорить законопроект на эту тему, подготовленный тов. Цюрупой) за бюрократизм, волокиту, неисполнительность, неаккуратность и т. д. В случаях вины более значительной необходимо отстранение от должности, предание суду, постановление через НКЮст демонстративных, ярких процессов».

Время от времени Ленин сосредотачивает все свои надежды на Наркомате рабоче-крестьянской инспекции (РКИ, Рабкрин).

Почему ему кажется, что РКИ справится с тем, с чем не справляется ни одна другая инстанция, непонятно.

Задачи, возлагаемые им на Рабкрин, так же невы-

37) Там же.

полными, как требования, предъявляемые Лениным ЦСУ и Госплану. Рабкрин должен «не столько «ловить», «изобличать» (это задача суда, с которым Рабкрин соприкасается близко, но отнюдь не тождественен), — сколько *уметь поправить* (курсив Ленина). Умелое исправление вовремя — вот главная задача Рабкринна». Для выполнения этой задачи Рабкрин должен изучить ведение дела в каждом советском «учреждении, предприятии, отделе и т. под.», поставить образцово отчетность в них, выработать «примеры постановки отчетности, приемы кары за недочеты, приемы «ловли» за обман, приемы проверки исполнения». Кроме списков «учреждений, ведомств, губерний, *поставивших* (курсив Ленина) сносную отчетность», надо иметь «календарную таблицу, *показывающую ход* (курсив Ленина) . . . войны, успехи и поражения наши в этой войне . . . за расширение области применения хорошего образца», и так далее в том же роде³⁸.

Если читатель думает, что РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ИНСПЕКЦИЯ была при Ленине, действительно, низкой, народной контролирующей инстанцией, он заблуждается. Вот что Ленин пишет об аппарате Рабкринна:

« . . . При нашей отчаянной «ведомственности» даже среди лучших коммунистов, при низком уровне служащих, при интриганстве внутриведомственном (хуже всякого рабкриновского) нельзя обойтись без Рабкринна сейчас. Над ним можно и должно поработать систематично и упорно, чтобы сделать из него аппарат проверки и улучшения всей госработы. Иначе никакого практического средства проверять, улучшать, учить работе нет. Если сейчас в Рабкрине около 12000 человек аппарата, плохого и плохо оплачиваемого, то следует сократить и улучшить его; например, оставить $\frac{1}{6}$ долю при $\frac{1}{2}$ прежнего содержания, т. е. повысив содержание втрое: выделить

38) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 21-22, «К вопросу о задачах Рабкринна, их понимании и их исполнении».

сначала десятки, потом сотни наилучших, безусловно честных и умелых работников, кои имеются и сейчас, но не подсчитаны, не выделены, не сгруппированы, не организованы. Это можно и должно сделать. Иначе бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя»³⁹.

Итак, иначе, как раздувая огромные ведомства со штатами в несколько тысяч чиновников, «бороться с ведомственностью и бюрократизмом нельзя». «В общем, чтобы сократить, надо увеличить», — как писал Твардовский . . .

Не закономерно ли, что разочарования, которые Ленину приносит Рабкрин, сравнимы лишь с той не фигурально, а математически необъятной работой, которую он пытается на Рабкрин взвалить:

«Исполнил ли свою задачу и свой долг Рабкрин? Правильно ли он понял свою задачу? Вот в чем главный вопрос. И на этот вопрос приходится ответить отрицательно . . .

. . . Как надо сие зло исправить?

Я даже приблизительно не знаю этого. Рабкрин должен знать, ибо его дело изучать сие, — сопоставлять разные ведомства, — вносить разные практические предложения, — проверять их на опыте и т. д. . . .»⁴⁰

39) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 180-181, «Ответ на замечания, касающиеся работы замов (заместителей председателя СНК)».

40) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 21-25, «К вопросу о задачах Рабкрин, их понимании и их исполнении».

3. Мессия грядёт!

А ведь он так был уверен, что нужна только власть его партии — его власть, полная и безраздельная, — и всё остальное приложится.

Как легко он выиграл поединок с кучкой потрясенных «интеллигентиков», осажденных его штурмовиками в Зимнем дворце! Как блистательно он завоевал эту власть, заставив служить своим целям не только российские и мировые просоциалистические сентименты, но и золото кайзера . . .

Мы ничего не поймём в состоянии Ленина 1922-1923 годов, если не возвратимся назад — к тем временам, когда он ковал и торжествовал свою победу в России, предвкушая мировую победу *своей* революции.

Весной 1917 года на плечи российских либералов гигантской лавиной обрушилась власть. Отныне в их воле было произнести те волшебные, разрешающие все печали слова, которых Россия (по их убеждению — *вся* Россия) добивалась от трех последних своих императоров (два из них были ею убиты — один прежде, другой после обвала).

Автор просит читателей не делать вывода, что, испугавшись революционного поворота событий, он рвется в объятия Ивана Грозного. Единственная цель автора — понять, как свобода, ища беспределности, утрачивает себя самое.

Парадокс: дооктябрьская Россия убивала своих правителей, жажда свободы, а Северная Америка стреляла в своих, линчуя их за верность свободе. И тем не менее возникли фальшивые стереотипы раболепной России и свободолюбивой Америки. Но ведь Россия рухнула в рабство не из царевых рук, а из состояния свободы, сравнимой по её полноте разве что с современной западной (и той полнее)!

Не буду вдаваться в причины, вызвавшие обвал, не стану искать правых и виноватых. Главным проклятием России, в глазах революционеров, было самодержавие — его не стало. У власти оказалась интеллигенция — от консервативно-либеральной до социалистической. И власть произносит вымечтанные, выстраданные интеллигенцией России слова:

«1) Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.

2) Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических свобод на военно-служащих в пределах, допускаемых военно-техническими условиями.

3) Отмена всех сословных и национальных ограничений.

4) Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны.

5) Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчинённым органам местного самоуправления.

6) Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

7) Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении.

8) При сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам»⁴¹.

41) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 20, стр. 631-632, примечание.

Присутствующие в первом «Обращении» Временного правительства к народам России оговорки: о «военно-технических условиях», о «сохранении строгой военной дисциплины в строю и при несении военной службы» и т. п. — ничего в глазах массы не значили. Это было всего лишь слабое эхо нескольких трезвых голосов в восторженно-демократическом хоре Временного правительства.

Почему трезвые оговорки одних документов тонут в гуле событий, сметающих с лица земли их авторов, а зловецкие проговорки других разворачиваются в историческую трагедию?

Из многих частных и общих причин этого факта назову одну, весьма злободневную. В поединке, о котором здесь пойдет речь, участвовали в лице Временного правительства люди, случайно оказавшиеся у власти. Это были в большинстве своем либералы и прогрессисты, равно ценящие свою и чужую свободу, а если и склонные к избирательности, то в пользу чужой свободы, а не собственного своеволия. Их противницей оказалась агрессивная партия, способная в нужный момент развернуться, как эмбрион в существо, в жёстко централизованную государственную машину. Партия эта целенаправленно и сознательно готовилась быть разрушителем и властителем. Её готовил к этому её вождь, Ленин.

Либералы в редчайших случаях располагают подобной предуготовленностью. Чаще всего либерализм «выше тактики» даже тогда, когда он конституирован в государственные системы. Он не опускается и до пропаганды — обязательного элемента успешной тактики. Либерализм страдает дальновзоркостью. Зачастую он видит, что может проистечь из наличной ситуации; нередко он знает, какими должны были бы быть приемлемое настоящее и хорошее будущее. Но ближайших шагов, необходимых для достижения желаемых обстоятельств, либерализм обычно не видит, хотя потомкам они представляются лежащими на поверхности. Все

исторические лабиринты хорошо видны «сверху» и представляются тупиками изнутри.

В приведенном выше «Обращении» что могли означать слова о «строгой военной дисциплине в строю и при несении военной службы?» Солдат несет военную службу всегда, вплоть до момента его демобилизации. Тем более — солдат воюющей армии. По-видимому, «Обращение» предполагало, что солдат обязан подчиняться командованию только в строю и при непосредственном выполнении конкретного задания. Такое толкование солдатских прав и обязанностей означало неслыханное послабление дисциплинарных скреп армии в военных условиях. Оно потенциально делало армию возможной добычей любых демагогов. Для того, чтобы лишиться правительство армии, её необязательно у него отвоёвывать — её достаточно разрушить, что всегда легче, чем отвоевать или построить. Армию разрушили «Обращение» и пресловутый Приказ № 1.

Пункт седьмой «Обращения» впоследствии превратил упомянутые в нем части в ударную силу большевистского столичного переворота. Большевикам достаточно было сообщить этим частям, что их, спасителей и благодетелей революционного отечества, хотят отправить на фронт, как судьба — первый раз Корниловского движения, а второй раз демократического правительства — была решена. Гарнизоны обеих столиц превратились в красных штурмовиков⁴².

Замена полиции, совершенно не сопротивляющейся новой власти, «народной милицией», практически ещё не существовавшей и организационно более чем расплывчатой, скачкообразно хаотизировала и без того нестабильную ситуацию. Слово «полиция» было искони неприятно большинству авторов «Обращения» и ненавистно народу. Соображение, что полиция — всего на- всего инструмент, необходимый правительству и работающий по программе того, в чьих руках находится, показалась бы большинству авторов «Обращения» вер-

42) См. III часть трилогии, посвященную Л. Д. Троцкому.

хом безнравственности. Меньшинство же членов Временного правительства не хотело прослыть ретроgrадами или не имело достаточно веса, чтобы препятствовать самоубийственным шагам большинства. Объективно Временное правительство само выполняло рекомендацию Маркса: оно дотла разрушало перенятую им у династии Романовых и уже весьма дезорганизованную «государственную машину». В отличие от большевиков, уже в рамках подразделений своей партии конституированных в централистское «протогосударство», Временное правительство не имело чем эту машину заменить. И ещё у правительства не было своего Ленина. Ленин не страдал избыточной дальнорочностью. Он отчетливо видел только ближайшие два-три хода (иногда — один ход) своей разрушительно-завоевательной тактики. Не видел их (пока не столкнулся с задачами созидательными) безошибочно — вот в чем фокус. Ленин был наделен тактическим гением, разработал эффективную демагогию и не страдал морально-этической рефлексией. С ним трудно было тягаться.

В «Обращении» Временного правительства был допущен роковой пропагандистский просчет. В этом восторженном манифесте были отражены все идеалы и чаяния либерально-демократической интеллигенции, но в нем нет ни слова (или, во всяком случае, ни одного убедительного и яркого слова) о чаяниях народных масс, «людей практической жизни» (Ленин), в гущу которых очень ко времени будут бросать свои лозунги большевики.

Мог ли Временный комитет действовать иначе, чем он действовал?

На этот вопрос бесполезно искать ответа, ибо не комитет завоевывал для себя свободу действий и власть, а междувластие создало комитет в качестве одного из своих последствий. Временный комитет не собирался ни властвовать, ни что бы то ни было реставрировать или создавать. Он намеревался лишь продержаться и сохранить *status quo* до созыва Учредительного собрания.

Комитет и не ощущал себя иначе, как временным. Наибольшее, к чему готовились его лидеры, это были главные или видные роли в имеющем быть учреждённом правительстве. Ленин же устремился к свержению Временного правительства с того момента, как прочитал злополучное «Обращение». Не то, чтобы он не стремился к завоеванию власти раньше — и тогда, когда лепил свою партию, и тогда, когда атаковал пацифистов, чьи усилия угрожали предотвратить крушение «старого мира». Он всегда думал об этом шаге. В расчетах Ленина (Маркса) были и партия-орден, способная в нужный момент стать чрезвычайной властью, и кровавый голодный хаос многолетних войн, и крушения правительств воюющих стран, финалом чего должна была стать мировая пролетарская революция. Вот первое преимущество Ленина перед «временными»: они просто *существовали* — в силу того, что их создали обстоятельства, — он же всегда действовал целеустремлённо.

С того момента, как он услышал об их существовании, он жил, чтобы свергнуть их и обрести всю полноту власти для своей партии, единственным надёжным мозгом которой был, по его органическому ощущению, его мозг. «Ум сильный, но однонаправленный» (В. Чернов); мораль абсолютно маккиавеллистическая; в руках — пропагандистская и заговорщицкая организация.

Правда, эта организация подраспустилась без него на послефевральском приволье. Но зато с ним оставались чёткие принципы её предстоящего функционирования и ясность её ближайших задач. Когда целеустремлённость состязается с нецеленаправленным существованием, исход состязания бывает чаще всего предрешен. Кроме того, у Ленина были лозунги — броские, упрощённые до пределов, доступные каждому, воздействующие более на чувства, на личные и массовые инстинкты, чем на разум. И ещё у него были деньги, которых не было в таких количествах ни у одной политической группировки в России. Немецкие деньги, но какая ему, коммунисту-космополиту, разница? Он был уверен, что в

конечном счёте эти деньги работают и против тех, кто их ему, по глупости, дал. И в том не ошибся. В его глазах, он использовал немцев, а не они его. И ещё была у него неукротимая бешеная энергия, почти противоестественная под скромным пиджачком и неприметной кепочкой. В феврале 1917 года для него наступил тот звездный час жизни, когда всё задуманное сбывается.

Его политический выигрыш — выигрыш экстремиста и демагога — состоял в том, что, если бы даже Временный комитет и пообещал народу в первом своем «Обращении» всё, чем грезили массы, он ничего не смог бы сделать немедленно. У Ленина всё равно оставалось время демонстративно предъявлять противнику невыполнимые требования, возбуждая против него народ. Задачи и беды России 1917-го года не подлежали быстрому разрешению. Ленин этим воспользовался во всю мощь своего тактического дарования.

Когда А. Авторханов говорит, что обвинять противника за несказанное, за то, чего он не сделал, но, по мнению обвинителя, должен был сделать, — это дьявольское изобретение Сталина, он Сталину льстит. Сталин и в этом исконном приеме — не полемики, нет, а психической атаки на аудиторию, следящую за полемикой, — ученик и последователь Ленина.

Мудрено ли, что исторический поединок между Лениным и российским либерализмом превратился в Варфоломеевскую ночь (длиной в столетие? Или в столетия?) для *не воюющей*, но атакуемой стороны?⁴³

Ленин отказался от сотрудничества с русской демократической революцией раньше, чем он что-либо о ней толком узнал. Одновременно он отказался и от классической марксистской схемы социалистической революции. Эта схема предписывала и пророчила возникно-

43) Не в такой ли позиции пребывают сегодня ленинизм и либерализм уже мировые? Второй опять не воюет и даже не защищается. Первый движется с легкостью игрока, который играет в шашки с партнером, то ли действующим по указке противника, то ли уверенным, что идет игра в поддавки.

вание «диктатуры пролетариата» в совершенно иных условиях, чем те, которые сложились в России в 1917 году. Но Ленин нутром почувствовал, что можно взять в руки власть, и намеревался потом уже привести реальность в соответствие с марксистской теорией. Эта готовность и нравственная способность перешагнуть через необходимые начальные условия эксперимента и составляет те решающие психологические факторы, без которых не может состояться попытка воплотить в жизнь утопию. Для такого шага нужна достаточная беспринципность. Интеллектуально ответственный человек будет ждать несбыточного — возникновения предсказанных утопией начальных условий — и никогда не сделает такого шага. Ленин легко перешагнул через отсутствие этих условий. Он вступил в конфронтацию со всеми российскими социалистами, включая и большинство собственной партии состава весны 1917 года. Если бы не ленинская энергия, целеустремлённость и тактический дар, большевики превратились бы в крайнюю левую парламентскую оппозицию свободной России. Но вокруг него издавна группировались люди определённого склада, и он сумел заразить их своим стремлением к власти.

Они, его давние и недавние соратники, сначала вроде бы обезоружились, растерялись, расплылись в чужой революции. Он же при первом ударе революционного гонга стал как гончая, одновременно учуявшая и новых врагов, и возможность победы над ними. Главной его заботой сделалось — лишь бы не замирились, лишь бы не поплелись на поводу у свобододателей его незадачливые соратники. Они расслабились и едва не христосовались с «соглашателями» и «реформистами». Он же вне всякой зависимости от истинного поведения и намерений «временных» *любой ценой* решил нагнести непримиримость, ненависть, готовность к бою в своих соратниках, чтобы потом разбудить эти чувства и в массах. Вся продукция Ленина 1917-го года — от первых писем к коллегам по партии в марте до яростных писем

в ЦК о восстании в октябре — проникнута тремя заботами: 1) углубление деструкции российского общества, её провоцирование во всех плоскостях жизни: экономической, правовой, дисциплинарной, нравственной; 2) превращение собственной партии в предельно сплочённое и боеготовое орудие этой деструкции; 3) возбуждение, усиление, нагнетание именно тех претензий масс, которые власть не может удовлетворить вообще или за короткое время.

Даже Сталин, вернувшись из ссылки и мысля согласно марксистской схеме, готов был к сотрудничеству с социалистами разных толков. И Ленин прежде всего занялся отрезвлением своих захмелевших от свободы коллег по партии.

Трудно отыскать в наследии Ленина документы более ленинские по духу и стилю, чем его первые послефевральские письма к соратникам:

16.III.1917.

«... Величайшим несчастьем было бы, если бы обещали теперь кадеты легальную рабочую партию и если бы наши пошли на «единство» с Чхеидзе и Ко!!

Но этому не бывать. Во-1-х, кадеты не дадут легальной рабочей партии никому кроме гг. Потресовых и Ко. Во-2-х, если дадут, мы создадим попрежнему свою особую партию и *обязательно* соединим легальную работу с нелегальной.

... непременно соединение легальной работы с нелегальной. Республиканская пропаганда, борьба против империализма, *попрежнему* революционная пропаганда, агитация и борьба с целью *международной* пролетарской революции и завоевания власти «Советами рабочих депутатов» (а не кадетскими жуликами)»⁴⁴.

44) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 35, стр. 238-239, Письмо А. Коллонтай 16. 3. 1917 года (док. № 127). Жирный шрифт Ленина.

→

Почему «жуликами»? Было ли время проверить степень искренности кадетов в их «Обращении»? Это не имеет для Ленина ровно никакого значения. В ленинской новой агитаторской схеме кадеты *должны быть* «жуликами», — иначе к чему России большевики?

«Сейчас — добивать реакцию, *ни тени* доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и Ко) и *вооруженное выжидание*, *вооруженная подготовка* более *широкой* базы для более *высокого* этапа.

P.S.: Боюсь, что *болезнью* повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение, без систематической работы над партией *нового* типа, *ни в коем* случае не à la «II Интернационал». Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что *мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»⁴⁵.

Ленин, вождедеющий мира, — не новость ли? Не он ли в 1914-1915 гг. писал⁴⁶:

«Неверен лозунг «мира» — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну. (Это превращение может быть долгим, мо-

И поныне соединение легальной деятельности с нелегальной — основа стратегии и тактики всех компартий. В демократических странах они соединяют парламентскую и другую легальную деятельность с нелегальной, максимально используя демократические свободы для подрыва и дестабилизации демократических режимов изнутри с конечной целью установления своей монопартократии. В конце 1940-х гг. в некоторых странах Запада предвыборная борьба против коммунистов велась под лозунгом: «Противникам парламентаризма — не место в парламенте». Теперь этот лозунг прочно забыт. Немедленно после прихода к власти коммунисты сбрасывают отслужившую маску поборников плюрализма и прав человека в своей внутренней политике. Но во внешней продолжают соединять нормальные дипломатические, торговые и др. взаимоотношения с дестабилизацией и подрывом своих демократических партнеров извне и изнутри всеми средствами, включая международный терроризм.

45) Там же, стр. 240-241. Письмо А. Коллонтай 17. 3. 1917 года (док. № 128). Жирный шрифт Ленина.

46) Там же, стр. 121-122, 148, 153. Письма: А. Шляпникову (док. № 76), А. Коллонтай (док. № 89), А. Коллонтай (док. № 91).

жет потребовать и потребует ряда предварительных условий, но всю работу надо вести *по линии* именно *такого* превращения, в духе и направлении его.) Не саботаж войны, не отдельные, индивидуальные выступления в таком духе, а массовая пропаганда (не только среди «штатских»), ведущая к превращению войны в гражданскую войну... лозунг должен быть: гражданская война.

Объективно — из коренной перемены в положении Европы вытекает такой лозунг для эпохи массовой войны...

...Мы не можем стоять за *лозунг* мира, ибо считаем его архипутаным, пацифистским, мещанским, помогающим правительствам (они хотят теперь одной рукой быть «за мир», чтобы выпутаться) и тормозящим революционную борьбу...

...И ясно, что «разоружение», как лозунг тактики, есть оппортунизм. Захолустный притом, воняет маленьким государством, отстраненностью от борьбы, убожеством взгляда: «моя хата с краю»...

Но ведь он и теперь о мире не помышляет. Он готовит российскую и мировую «пролетарскую революцию» — войну, идущую в России и в мире по сей день!

Ленинский лозунг мира в России весны 1917-го года — это рычаг деструкции армии, орудие дискредитации едва народившейся власти в глазах народа — и «*no plus ultra*» (и ничего более), как любил говаривать Владимир Ильич.

Со временем он выразит свое отношение к пацифизму с цинической откровенностью:

«С пацифизмом и Вы и я боролись как с программой революционной пролетарской партии. Это ясно. Но где, кто, когда отрицал использование пацифистов этой партией для разложения врага, буржуазии?»

Ваш Ленин»⁴⁷.

47) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 172. Письмо Г. В. Чичерину и поручение секретарям. Док. 277.

Слова эти по сей день являются руководством к действию для наследников Ленина.

В свое время Ленин решительно отказывался «делать божка» из мира:

«Мы должны кое-что сделать: выработать программу революции, — разоблачить индиотский и лицемерный лозунг мира, обличать, опровергать его, — говорить с рабочими начистому, — чтобы сказать *правду* (без подлого дипломатничанья авторитетов II Интернационала). А правда такова: или поддерживать начинающееся революционное брожение и содействовать ему (для этого нужен лозунг революции, гражданской войны, нелегальная организация etc.) или заглушать его (для этого нужен лозунг мира, «осуждение» «аннексий», быть может и разоружение etc. etc.)...»⁴⁸

Теперь он снисходительно выговаривает Инессе Арманд⁴⁹:

25-31.III.1917

«Дорогой друг!

Вы, видимо, нервничаете чересчур — этим объясняю ряд теоретических «странностей» в Ваших письмах.

Из революции нельзя делать «божка». Керенский — революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих. Почти несомненно, что *да же* в СПб. «Совете рабочих и солдатских депутатов» *б о л ь ш и н с т в о* одурачено им (при помощи колеблющегося и путающего Чхеидзе). А что будет с деревней?»⁴⁹

Ни из чего «нельзя делать божка»: ни из мира, ни из революции — ни из чего, кроме полного овладения обстоятельствами и захвата власти в революционной России.

⁴⁸ Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 35, стр. 146. Письмо Д. Вайнкопу (док. № 88).

⁴⁹ Там же, стр. 248. Письмо Инессе Арманд (док. № 133).

Временный комитет в первом же своем «Обращении» наметил перспективу своего *ухода от власти* и передачи ее Учредительному собранию.

Ленин в своем первом, зарубежном еще, отклике на «Обращение» намечает на предвидимый отрезок времени все магистральные направления *борьбы за власть*. Бессмысленно строить догадки — за власть свою или за власть своей *партии*; для Ленина это тождественно: партия — это он.

В день прихода нового правительства к власти Ленин уже требует от него «не слов, а действий», не свободы только, а мира (свобода ничто без мира), земли (свобода ничто для крестьянина без земли) и хлеба (свобода ничто без хлеба).

— Не дают! Взять! Сразу! Много! — вот те мотивы, которые улавливает в ленинских первых пропагандистских откликах на февральскую революцию самое немusыкальное ухо.

Тактический деструктивный смысл подобного обращения (при вскоре полученных неограниченных немецких деньгах на пропаганду⁵⁰) самоочевиден. Конструктивного смысла ни набросок ленинских «Тезисов от 17 марта 1917 года»⁵¹, ни ленинские «Письма издаека»⁵² не содержат. В этих документах заключено в более или менее развернутой форме *все*, что Ленин сумеет выдвинуть против Временного правительства, и *все*, что он будет предлагать в качестве программы действий или обещаний рабочим и крестьянам на протяжении марта-октября 1917 года. Будут варьироваться поводы для обвинений и для предложений, будут меняться дежурные формулировки, которые позже выльются в чугун-

50) Теперь этот фактор заменяют по всему миру советские деньги и советское вооружение, а также советская наука проникновения, влияния и вербовки. Подробно о получении Лениным немецких денег см. в книге М. Френкина *Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение октябрьского мятежа 1917-1918 гг.* Иерусалим, «Став», 1982.

51) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 20, стр. 9-12.

52) Там же, стр. 13-47.

ные формулы ряда советских «историй КПСС», но суть не изменится. Поэтому я попытаюсь выделить основные идеи «Писем издалека», точнее — макеты идей, в которые должна была уверовать масса. Для Ленина важна была только роль этих идей в поведении его адресатов, а не их истинная конструктивная ценность.

Ленин в своих «Письмах издалека» (и, повторяю, во всей той печатно-речевой продукции, которая из них вытекает) ставит между народом и Временным правительством, между народным сознанием и жизнью ширму псевдореальности, расписанную фигурами, призванными предопределить нужное их автору поведение зрителей. Ложь ли это для Ленина? И да, и нет.

Образ исчадия ада, коварного и продажного Временного правительства, захватившего, в союзе с «международным империализмом» власть в России, несомненно, сознательная ложь. Ленин-политик достаточно зорек, чтобы видеть, с кем он имеет дело в лице Временного правительства. Он лично знает людей, на которых клеветает. Он и действует в расчете на хорошо ему ведомую их политическую инфантильность. Исчадию ада он не осмелился бы преподнести подобного обличения. Он знал, что был бы немедленно нейтрализован мало-мальски осмотрительной властью, ведущей войну в таких условиях. Образ целеустремленного, героического пролетариата, совершившего революцию, плоды которой пожало злокозненное правительство узурпаторов, тоже несомненная ложь. Мера стихийности совершившегося в феврале 1917-го года, сложнейшие переплетения разнонаправленных обстоятельств, его обусловивших, взрывной характер голодного бунта в столицах, ничем не связанного с «пролетарской идеологией», с «социалистическим сознанием рабочего класса», известны Ленину лучше, чем предмету его нападок — либерально-социалистическому квазиправительству, которое ни одной минуты не управляло событиями.

В чем же он искренен, этот бешено целеустремленный человек? Он раз навсегда убедил себя, что, овладев поведением людей, овладеет ходом событий, и вот тогда пойдет прямо к великой цели. Он до смерти своей так и не уразумеет, что его «конечная цель», одновременно и расплывчатая, и схематичная для него самого, не в природе людей и событий, над которыми он собирается и будет властвовать.

В «Письмах издалека», кроме муляжа «изолгавшегося» (за восемь дней пребывания у власти!), «продажного из продажных», «заговорщицкого» Временного правительства и плакатной фигуры героического пролетариата, у которого похитили плод победы, есть еще несколько ведущих мотивов. Один из них, всенепременный и обязательный, — игра на ближайших и самых острых житейских потребностях масс, которые правительство «не хочет» удовлетворить. Могло бы удовлетворить, но не сделает этого, ибо оно, правительство, буржуазно-помещичье, тайно монархическое, империалистическое и т. д. Второй мотив — уверенные обещания, что большевики, придя к власти, удовлетворят все потребности масс сразу и радикально. Третий — фантастические «конкретные мероприятия», которые должны обеспечить народу удовлетворение всех его нужд.

«Письма издалека» слегка вуалируют образ единственно мыслимого спасителя трудящихся — ленинской партии, но не всегда. Кое-где сквозь облик просто мессии — пролетариата отчетливо проступают черты мессии мессий — большевистской партии. Некий английский корреспондент осудил одно из революционных воззваний, выпущенных большевиками.

Ленин негодуяще иронизирует:

«О, великий английский дипломат-гучковец! Как «неразумно» проболтали вы правду!

«Социал-демократическая партия» и «менее разумные товарищи», с которыми «принуждены счи-

таться Керенский и Чхеидзе», это, очевидно, — Центральный или Петербургский Комитет нашей, восстановленной январской конференцией 1912 года, партии, те самые «большевики», которых буржуа всегда ругают «доктринерами» за верность «доктрине», т.е. началам, принципам, учению, целям *социализма*. Мятежническим и доктринерским ругает английский гучковец, явное дело, воззвание и поведение нашей партии за призыв бороться за республику, за мир, за полное разрушение царской монархии, за хлеб для народа . . .»

Язык «Писем» двухсоставен: привычные для социалистической журналистики и для марксизма термины и штампы переплетаются с яркими, упрощенными, то вкрадчивыми, то грубоватыми пассажами, рассчитанными на неподготовленного читателя, сердце и логику которого надо себе подчинить.

«Письма издалека» — один из первых ленинских 1917-го года уроков обращения к массам, преподанный им его соратникам. Он и в дальнейшем будет всегда обращаться в массово-пропагандистских своих работах, с одной стороны, к посвященным, на которых рассчитана его марксистская фразеология, с другой стороны — к массам, этой фразеологии не понимающим. На массы рассчитаны лесть и лапидарная демагогия обещаний, призывов и клеветы.

Картину событий, образы их участников, макеты их целей Ленин лепит размашисто и произвольно. Его забота — не правдоподобие, а реакция зрителей на эти яркие муляжи.

Об одном из самых стихийных событий в российской истории и о бесконечно растерянных его участниках, ставших волей судьбы правительством, Ленин пишет:

«Эта восьмидневная революция была, если позволительно так метафорически выразиться, «разыграна» точно после десятка главных и второстепен-

ных репетиций; «актеры» знали друг друга, свои роли, свои места, свою обстановку вдоль и поперек, насквозь, до всякого сколько-нибудь значительного оттенка политических направлений и приемов действия . . .»

Далее следуют обязательные инсинуации: никакой демократической власти в России нет; существует

«. . . заговор англо-французских империалистов с Гучковыми и Милюковыми с целью смещения «главного вояки» Николая Романова и замены его *вояками* более энергичными, свежими, более способными.

Питерские рабочие, как и рабочие всей России, самоотверженно боролись против царской монархии, за свободу, за землю для крестьян, за *мир*, против империалистской бойни. Англо-французский империалистский капитал, в интересах продолжения и усиления этой бойни, ковал дворцовые интриги, устраивал заговор с гвардейскими офицерами, подстрекал и обнадеживал Гучковых и Милюковых, подстраивал *совсем готовое новое правительство*, которое и *захватило власть* после первых же ударов пролетарской борьбы, нанесенных царизму.

Это новое правительство, в котором октябристы и «мирнообновленцы», вчерашние пособники Столыпина-Вешателя, Львов и Гучков, занимают *действительно важные* посты, боевые посты, решающие посты, армию, чиновничество, — это правительство, в котором Милюков и другие кадеты сидят больше для украшения, для вывески, для сладеньких профессорских речей, а «трудовик» Керенский играет роль балалайки для обмана рабочих и крестьян, — это правительство не случайное собрание лиц».

Отлично знающий, как мало соответствуют истине его обвинения, он упражняется и изощряется в них вплоть до совершенно уже демагогического:

«... Хлеб для народа и мир — это мятежничество, а министерские места для Гучкова и Милюкова, это — «порядок». Старые, знакомые речи!

Неужели пролетариат России проливал свою кровь только для того, чтобы получить пышные обещания одних только политических демократических реформ? Неужели он не потребует и не добьется, чтобы *всякий* трудящийся *тотчас* увидал и почувствовал известное улучшение своей жизни? Чтобы всякая семья имела хлеб? Чтобы всякий ребенок имел бутылку хорошего молока и чтобы ни один взрослый в богатой семье не смел взять лишнего молока, пока не обеспечены дети? Чтобы дворцы и богатые квартиры, оставленные царем и аристократией, не стояли зря, а дали приют бескровным и неимущим?»

Каковы же спасительные рецепты, которые, по Ленину, должны обеспечить «хлеб для народа и мир», «бутылку хорошего молока» каждому пролетарскому ребенку и «приют бескровным и неимущим»?

«Чисто-пролетарской, истинно-революционной и глубоко правильной по замыслу является... идея... пролетарски-солдатского надзора за Временным правительством.

Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! Вот это — *реальный шаг* по пути *реальных гарантий* и против царизма и против монархии и против монархистов Гучкова — Львова с Ко! Вот это — признак того, что русский пролетариат, несмотря ни на что, ушел вперед по сравнению с французским пролетариатом в 1848 г., «уполномочивавшим» Луи Блана! Вот это — доказательство, что инстинкт и ум пролетарской массы не удовлетворяется декламациями, восклицаниями, посулами реформ и свобод, званием «министра по уполномочию рабочих» и тому подобной мишурой, а ищет

опоры *только* там, где она есть, в *вооруженных* народных массах, организуемых и руководимых пролетариатом, сознательными рабочими.

Это — шаг по верному пути, но *только* первый шаг».

«Сознательными рабочими» — это означает большевиками. Теперь общеизвестно, как Ленин позволит потом рабочим «задавать вопросы» *своему* правительству «и получать от него ответы»⁵³. И в какой степени он разрешит массам в их «пролетарском» государстве подменять *его* армию и *его* охранку. Но тогда никому это ещё не было ведомо. Ещё и сам Ленин не видел отчетливо своего грядущего. Нужно было «отбить» массы у «временных». И он это делал с поразительной оперативностью.

Важно не упустить еще одну рецептурную линию ленинской пропаганды и агитации, берущую начало вообще-то в классическом марксизме, а в частности, для данных событий, — в «Письмах издалека» — и еще ранее — в «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года».

Вот общая, классическая для марксизма, часть этой линии:

«... Нам нужно государство, но *н е* такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции только усовершенствовали *э т у* государственную машину, только передавали *е е* из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен «*р а з б и т ь*», выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, *сливая* полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской

53) Ленин В. И., ПСС, т. 31, стр. 11-57, «Письма издалека».

Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить все беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти . . .»

А вот и ленинские, российские, неизменные для большевизма, идущего к власти, ноты. В «Наброске тезисов 4(17) марта 1917 года»⁵⁴ Ленин пишет:

« . . . Весь манифест нового правительства от 17.III. внушает самое полное недоверие, ибо он состоит только из обещаний и не вводит в жизнь немедленно ни одной из самых насущных мер, которые вполне можно и должно бы осуществить тотчас.

Новое правительство не говорит в своей программе ни слова ни о 8-мичасовом рабочем дне и других экономических улучшениях положения рабочих, ни о земле для крестьян, о передаче крестьянам без выкупа всех помещичьих земель, обнаруживая молчанием об этих насущных вопросах свою капиталистическую и помещичью природу.

Дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь рабочее правительство, опирающееся, во-1-х, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-2-х, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран.

Новое правительство не может дать ни народам России (ни тем нациям, с которыми связала нас война) ни мира ни хлеба ни полной свободы, и потому рабочий класс должен продолжить свою борьбу за социализм и за мир, должен использовать для этого новое положение и разъяснить его для самых широких народных масс.

. . . Оно не в состоянии сделать то, что теперь необходимо народам: немедленно и открыто пред-

⁵⁴ Там же, стр. 1-6, «Набросок тезисов 4(17) марта 1917 года».

ложить всем воюющим странам осуществить перемирие тотчас, а затем заключить мир на основе полного освобождения колоний и всех зависимых и неполноправных наций. Для осуществления этого нужно рабочее правительство в союзе, во-1-х, с беднейшей массой деревенского населения; во-2-х, с революционными рабочими всех воюющих стран.

Новое правительство не может дать народу хлеба. А никакая свобода не удовлетворит массы, терпящие голод от недостатка припасов, от дурного распределения их, а главное от захвата их помещиками и капиталистами. Чтобы дать народам хлеб, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов, а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство...

... Для выполнения этой задачи пролетариат и РСДРП должны в первую голову использовать ту относительную и неполную свободу, которую вводит новое правительство и которую обеспечить и расширить в состоянии лишь более настойчивая и упорная дальнейшая революционная борьба...

В «Тезисах от 4(17) марта 1917 года»⁵⁵, как и в других, опубликованных (в отличие от этого наброска) тогда же статьях, Ленин еще как-то маскирует призыв к свержению новой власти, к использованию введенных ею свобод, в первую очередь, против нее самой. Маскирует, используя священную для большинства российских интеллигентов социалистическую фразеологию. В них лишь настойчиво и неизменно повторяется тезис о «новом, рабочем» правительстве, способном удовлетворить все потребности масс.

Но в «Письмах издалека»⁵⁶ тезис о свержении правительства воюющего государства, да еще правительства революционного, объявившего о введении всех гражданских свобод, дан вполне открытым:

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, стр. 35, «Письма издалека». Письмо 3 «О пролетарской милиции».

«В самом деле, требовать «участия» рабочих в гучковско-милюковском правительстве есть теоретически и политически нелепость: участвовать в меньшинстве значило бы быть пешкой; участвовать «поровну» невозможно, ибо нельзя помирить требование продолжать войну с требованием заключить перемирие и открыть мирные переговоры; чтобы «участвовать» в большинстве, надо иметь силу *свергнуть* гучковско-милюковское правительство».

И в такой форме этот призыв будет варьироваться в десятках ленинских и неленинских текстов, неограниченно множимых большевиками с помощью немецкого золота.

В одной из первых своих речей на совещании большевиков — членов Совета Ленин говорит: «Сказать о коммуне — не поймут. Но сказать, что вместо полиции — Совет рабочих и батрацких депутатов, научитесь управлять — нам некому помогать (это поймут)». В отличие от своих объективных оппонентов (объективных, потому что они с ним на уровне массового понимания не дискутируют), Ленин никогда не упускает из виду главного условия эффективной пропаганды: хочешь быть понятым, говори на языке масс и говори то, что массы не только могут понять, но и хотят услышать. Знает ли Ленин, что он не выполнит всех чаяний своих адресатов? По отношению к преобладающей части российского населения — крестьянству несомненно знает. Он говорит:

«Необходимо выделить Советы депутатов от беднейших крестьян. Есть богатый мужик, есть батрак. ЕМУ ЕСЛИ ДАЖЕ ДАТЬ ЗЕМЛЮ, ОН ВСЕ РАВНО ХОЗЯЙСТВА НЕ СОЗДАСТ. Нужно создать из крупных имений образцовые хозяйства, с хозяйством на общих началах, а хозяйничать должны Советы батрацких депутатов».

Этот отрывок зловец в своей исторической перспективе. Ленин непрерывно будет вести речь о захвате

крестьянами не только крупных имений, но и больших хуторских хозяйств. Но в речах «для своих» говорится не о разделе земли и имений между крестьянами, чего ждут крестьяне, а только о передаче земли и имений крестьянским советам *батрацких* (иногда — крестьянских) депутатов.

Коллективные хозяйства советов означают (для посвященных) хозяйства, подчиненные большевистскому государству, ибо в наследии послефевральского Ленина звучит ещё одна настойчиво повторяемая идея: лозунг «Вся власть Советам» имеет политическую целесообразность ТОЛЬКО в том случае, если ведущая роль в советах принадлежит большевикам. Ленин не говорит и не думает, что люди, которые в одиночку хозяйства «все равно не создадут», сумеют создать его, собравшись в кучу. Он говорит: «... а хозяйничать должны Советы батрацких депутатов», то есть органы государственной власти, а не бедняки, собравшиеся для хозяйничанья в одной конторе. Внимательно перечитав продукцию *дооктябрьского* Ленина, невозможно приписывать идею коллективизации крестьянства Сталину. Методы? Мы знаем, какими методами проводил Ленин продрозверстку, — с чего бы он стал стесняться в коллективизации? К НЭПу он обратился, спасая власть своей партии. В тот самый миг, когда партия ощутила бы силу справиться со слоями, порождёнными НЭПом, он бы их раздавил, как это сделал его ученик.

Учредительное собрание тоже является для Ленина дежурной темой массовой демагогии. Он без конца осыпает бранью Временное правительство за промедление с его созывом. Однако в речи, обращенной к «своим», отчетливо видно, что и из Учредительного собрания, как из мира в 1914-1916 гг. и как из февральской революции, Ленин «божка делать» не собирается: «Жизнь и революция отводят Учредительное собрание на задний план. Законы важны не тем, что они записаны на бумаге, а тем, кто их проводит»⁵⁷.

57) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 20, стр. 76.

Но на всякий случай Ленин баллотируется в депутаты Учредительного собрания сразу от двух округов и беспокоится, получит ли он право на один или два мандата.

Юристу Ленину отлично известно, что закон — это то, что легализовано государственной властью «на бумаге»; и что «законы важны» не тем, кто их проводит, а тем, *каковы они и проводятся ли они в жизнь или существуют лишь на бумаге*. Но ему необходимо непрерывно вбивать в сознание аудитории мысль, что законы, исходящие не от «рабочего правительства» и не им проводимые в жизнь, не могут быть хороши, ибо исходят из недоброкачественного источника. Таким образом априори обесценивается любая законодательная акция, исходящая не от большевиков (не от «рабочего правительства»).

При этом Ленин почти в каждой статье и речи с удивительной адвокатско-судейской изворотливостью сохраняет видимость своего пребывания в границах демократической законности и лояльности, обеспечивая себе формальное политическое алиби.

Шедевром в смысле ленинских алиби 1917 года является заключение тезисов «О задачах пролетариата в данной революции», посвященное «полемике» Ленина с Плехановым⁵⁸:

«Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* предста-

⁵⁸) Там же, стр. 90; изд. IV, т. 24, стр. 6-7. «О задачах пролетариата в данной революции».

вителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснить им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, не принадлежащие ни к широким слоям, ни к массовым представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

... оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападаю на Вр. правительство за то, что оно не назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделяваясь посулами. Я доказывал, что без Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение».

Плеханов назвал знаменитую речь Ленина с броневи́ка бредом. Разумеется, он, Плеханов, оценивал эту речь с точки зрения практических результатов, которых ожидал бы от такой речи он сам. Плеханов 1917 года хотел развития демократической революции и сохранения российского демократического государства, наименее болезненного окончания войны, созыва Учредительного собрания, единства всех социалистических и либеральных сил. По владеющей им классической схеме, о социализме можно было бы заговорить лишь после стабилизации демократии «буржуазного» типа. С точки

зрения *этих* целей он и расценивает демагогию Ленина. Все, чего требует Ленин: разорвать связь между Временным правительством и Советами, создать «государство-коммуну», закончить войну «братаньем на фронте», разрушить и немедленно преобразовать сложившиеся принципы экономики в голодной, воюющей, разобщенной стране; установить рабочий контроль над предприятиями, торговлей и банками; решить аграрную проблему без серьезной подготовительной работы, все непрерывные апелляции Ленина к мужицкой тяге к земле, подстрекающие солдат поворачиваться затылком к фронту, — все это Плеханову-гражданину, Плеханову-человеку, Плеханову-социалисту казалось бредом. Это и было бредом с любой конструктивной, а не разрушительной точки зрения. Но ведь Ленин и не вступает по этому поводу в спор. Ленин не защищается от Плеханова по существу проблем — он цепляется к словам, ловит Плеханова на несуществующих логических противоречиях и льстит толпе, присутствующей при споре:

«Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, как рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме...

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле».

Напоминаю: большевики издавали в апреле-октябре 1917 года больше массовой печатной продукции, чем

все остальные российские партии, включая правящую коалицию, вместе взятые. Ленинцы никогда не страдали элитарным пренебрежением к печатному слову. Они его силу знали, поэтому доводили до каждого нужного им уха слово собственное и душили в зародыше каждое им опасное чужое слово (как только обретали возможность доводить и душить).

Скептическим отношением к возможностям слова, своего и чужого, отличалась противная сторона — российская политическая (и неполитическая) интеллигенция — профессиональный, казалось бы, словотворец.

Отношение Временного правительства и неэкстремистских партийных и общественных групп и организаций к большевикам, к их пропаганде и действиям было тождественно отношению современных либерально-демократических партий к демагогии левых и к их действиям.

Ленин *откровенно, печатно, настойчиво* учит своих соратников использовать представляемую демократией свободу для ее разрушения. Его и его последователей планетарный опыт доказал, что они из марксистской догматики тоже «не делают божка» — хотя бы потому, что из утопии можно «делать божка» только до того момента, пока утопию не начинают насиловать недоступным ей практическим воплощением. Пытаться осуществить утопию, оставаясь ей верным, нельзя. Беда в том, что среда, в которой действуют экстремисты, продолжает обожествлять их фразеологию. Генераторы социальной демагогии, толкующей об «униженных и оскорбленных», об «отверженных», о вине перед «младшим братом» в привычных терминах великих европейских утопий XVI-XIX веков, остаются для европейской цивилизации табу независимо от реального исторического опыта воплощения этих утопий в жизнь. Когда же экстремистская демагогия начинает (для просвещенного слуха) граничить с абсурдом, ее попросту перестают принимать всерьез. Точнее — *просвещенные* слушатели перестают принимать ее всерьез, оставляя в распоряже-

нии экстремистов непросвещенных слушателей. А их всегда больше, чем просвещенных.

В марте-мае 1917-го года большевистскую демагогию ещё можно было бы прекратить пропагандистскими средствами, если бы Временное правительство и партии центра были настроены это сделать. Положение жестоко осложнилось ко времени возникновения Корниловского движения.

Во второй половине лета одних только пропагандистских мер было бы уже недостаточно для нейтрализации большевизма. Но довольно долгое время еще хватило бы ряда продуманных полицейских акций против экстремизма в столицах и хорошей пропаганды в провинции, в армии и в деревне. Однако правительство сгоряча лишило себя полиции и роковым образом не хотело заботиться о каких бы то ни было надежных охранительных силах.

Ревнителю джентльменского отношения к противникам, играющим без всяких правил, вопиют по сей день об опасности для демократии перестать быть демократией, если она начнет отвечать на «слова» репрессиями и прибегать к силовым акциям против потенциальных насильников. Но в акте сознательного творения всегда вначале бывает Слово. И желающий жить должен прислушиваться к тому, что звучит в словах сил, претендующих в мире на роль Творца.

Большевики «говорили» о *подрыве армии во время войны* и о *свержении воюющей государственной власти*, первое — делая, второе — предуготовляя своими «словами». Это были уже не слова — это была артподготовка перед атакой, от чего демократия имеет право себя защищать. Но демократия (как и сегодня, — там, где она есть) не защищалась от большевиков не только делом, но и словом. А когда демократия не защищается ни словом, ни делом от партий «нового типа», она не только перестает быть демократией — она вообще *перестает быть*. Сейчас это правило действует так же универсально, как и в российском 1917-м году.

4. Отступление историческое

Может быть, имеет смысл посмотреть, как не защищалась от своих убийц даже словом российская демократия 1917-го года? Как она остро переживала роковую болезнь, общую всем тем, кто читает и пишет ради постижения и возвещения истины, а не во имя прямого воздействия на события?

Из документов явствует, что ни Временный комитет, ни партии, представленные в коалиционных составах Временного правительства ни о своих намерениях, ни об истинном положении дел, ни о смысле деятельности своих оппонентов слева и справа Россию не информировали. Они и не ставили перед собой этой задачи. Больше того: они вряд ли читали, что пишут по этим поводам их оппоненты.

В конце апреля 1917 года в статье «Добровольное соглашение между помещиками и крестьянами», опубликованной в «Правде», Ленин пишет: «Солдаты! Помогите вооружению и объединению всех рабочих и крестьян». «... Солдаты! Объединяйтесь сами крепче и тесней сливайтесь с рабочими и крестьянами! Не давайте вооруженной силы отнять из ваших рук!»

Чем же правительство отвечает на эти отчаянные, прямо-таки с надрывом и со слезой, призывы крестьянского радетеля Ленина к фронтовикам?

А ничем.

Из документальных данных отдела сношений с провинцией Временного комитета (июнь 1917 г.): «Весть о перевороте распространялась в высшей степени неравномерно, и осведомление о нем народа в первое время имело характер случайный, в зависимости от тех или иных условий. Насколько ярок характер случайности, видно, например, из того, что в Пермской губернии, близкой сравнительно к Петрограду, весть о перевороте и первые шаги новой власти были сделаны на 2 недели позднее, чем в Николаеве Приморской области, за 8000

верст от столицы. Там в полной мере было уже известно всё, и уже возникли первые общественные организации» (в это время Ленин сидел в Швейцарии и сочинял свои первые пропагандистские лубки о заговоре международного империализма, обернувшемся русской революцией).

В селах по мере поступления смутных известий о перевороте, начались, по словам автора отчета, «главным образом, с прибытием дезертиров, — разгромы лавок, имений, стали прогонять стражу из казённых лесов и рубить лес. Движение, благодаря полной неосведомлённости о том, что совершается, под давлением малоземелья и давней вражды к помещикам, приняло слепой, безотчетный характер в некоторых губерниях, особенно в Нижегородской, где у крестьян была давняя вражда с помещиками. Осложнённое черносотенной агитацией, движение особенно ярко проявило себя в Бессарабской губернии, этом очаге реакции». — «В большинстве городов представители старой власти смещались, полиция и жандармы арестовывались и отправлялись на фронт. Только в редких случаях приходилось прибегать к оружию и брать их силой. . . . В большинстве случаев об Учредительном собрании совершенно не думают и никак его себе не представляют, в некоторых местах о нём ничего не слыхивали . . . И своего мнения у сельского населения по отношению к Учредительному собранию нет никакого». (Подчеркнуто автором отчета, который, по-видимому, предполагал за крестьянами стойкую преданность идее Учредительного собрания).

«Это факт. С ним надо считаться. Требуется самая безотлагательная подготовка — осведомление — и не брошюрами, которых народ, почти сплошь неграмотный, не понимает, а словесными разъяснениями».

Позволю себе прервать инспектора: в народе везде находились грамотные, чтобы прочесть присланные в село бумаги; беда была в языке брошюр, недоступном народному разумению; да и инспектор и сам об этом вспомнит:

«Полученные в деревне книги были написаны языком каким угодно, только не тем, на котором говорит народ. И чем хотели здесь добросовестней отнестись к своей задаче и выполнить ее при помощи серьезных перво-классных сил, тем получалось хуже. Вместо хлеба давали камень. Требовались переводчики с этого непонятного языка на язык народный. Таких переводчиков в деревне не было, нужно было их выписывать вместе с книгами, потому что книги написаны на их языке.

Ничто так не отчуждает человека от человека, как различие языка. И это отличие сыграло потом крупную роль в быстро начавшем проявляться отрицательном отношении к интеллигенции». — «Особенно сбивает с толку крестьян многообразие позиций в разных, а зачастую в одних и тех же газетах, ибо каждое печатное слово воспринимается как ЗАКОН».

К этому, пожалуй, прибавить нечего.

От Ленина крестьяне получили (в феврале-октябре 1917 г.) и доступный язык, и близкие идеи, и спасительное единообразие пропаганды, господствующее в России по сей день и У БОЛЬШИНСТВА ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО СЕЙ ДЕНЬ АКТИВНОГО ПРОТЕСТА НЕ ВЫЗЫВАЮЩЕЕ.

Нельзя согласиться с выводами автора отчетных материалов лета 1917 г. в том, что «в деревне одинаково хороша почва как для добрых, так и для худых семян». «Добрые» и «худые» — это весьма расплывчатые определения.

Почва в деревне была подготовлена только к принятию семян, которые из нее и выросли: идеи немедленного, самоправного, равного деления земли, имений, живого и мертвого инвентаря, помещичьего имущества — всего, что принадлежит ненавистным барам или иностранцам. А такие родственные ей семена несли этой почве в своей пропаганде левые эсеры, большевикиленинцы, анархисты и «эсеры наоборот», то есть черносотенцы.

Те же документы свидетельствуют: «Для крестьянина новый строй — это земля. Он это ясно и твердо усвоил себе. А земля для него все. Для городского же обывателя, в массе не особенно ценящего свободу, новый строй только тогда хорош, когда он сваливается на него как манна небесная, без всяких неудобств, длительных напряжений и попутных испытаний в виде угроз спокойствию и безопасности. Я говорю о мелкобуржуазной среде города, но не о рабочих, которые ценят свободу как таковую.

Крайние выступления крайних партий пугают обывателя больше всего».

Отчеты собрал и обработал заведующий отчетно-делегатским отделением Отдела сношений с провинцией Временного комитета Государственной Думы П. Романов. Несмотря на свою династическую фамилию, он, постоянно идеализирующий рабочих, представляется близким по идеологии к меньшевистской социал-демократии.

Итак, крестьянство нуждалось в земле, обыватель — в устойчивости, рабочий — в высоком экономико-правовом статусе, буржуазия — в свободе предпринимательства и ограждении своих экономических интересов, нацменьшинства и сословия — в равноправии и веротерпимости. И только интеллигенция нуждалась в свободе *как таковой*, предполагающей свободу производства и потребления информации. Лишь развитые личности и немногие группы понимали первостепенную важность свободы для достижения каждой из перечисленных отдельных целей. Зато ленинское осмеяние свободы без благосостояния было глубоко родственно миропониманию массовых объектов его пропаганды.

Далее П. Романов свидетельствует, что к интеллигенции отношение недоверчивое, к хуторянам-огрубникам — тоже. «Даже там, где выписывается «Правительственный вестник», не отличают проектов от окончательных законов, и обыкновенно принимают за «самый правильный закон» те строки из газеты, из резолюций партий, в которых воплощается для крестьян самое же-

ланное, давно чайнное, вне зависимости от каких бы то ни было других условий и интересов других классов общества».

«Здесь же попутно будет нелишним отметить, что за все три месяца революции в деревне не было ни одного случая применения вооруженной силы (со стороны правительства — Д.Ш.) для подавления крайних выступлений крестьян».

Мне удалось перечитать более десяти губернских отчетов, писанных эмиссарами Временного правительства. Общая картина оказывалась всюду примерно одинаковой:

Полная неосведомленность народа о действиях, намерениях и характере центральной власти, вытекающая как из случайности возникновения именно этого состава правительства, так и из неучастия одних его членов и беспомощности других в делах пропаганды.

Почти полное отсутствие (со стороны правительства) заботы о взятии инициативы в свои руки в центре и на местах; неуклюжесть и непрофессионализм сделанных с этой целью шагов. Инициатива в подавляющем большинстве случаев принадлежала наиболее безответственным и анархическим элементам массы, возглавленным представителями крайних партий (преимущественно все-таки крайних слева).

Там, где местная общественность создавала некоторую плодотворную упорядоченность, неоднородное правительство мешало ей судорожной хаотичностью своих действий и своей терпимостью к «двоевластию», то есть к разделению власти между правительством и советами.

Там, где комитетами на местах командовали экстремисты или уголовники, правительственные эмиссары либо терялись, либо «становились перед ними навтытяжку» (из одного из вышеупомянутых отчетов).

Против верхушки большевиков пытались применить санкции только в связи со сведениями о немецких деньгах, которые получал Ленин. Репрессии против экстремистов в связи с их разрушительно-провокационной

деятельностью всерьез предложил летом 1917 года генерал Лавр Корнилов. Керенский, Савинков и др. поколебались, но не решились посягнуть на то, что казалось им полнотой демократии. Их поведение предвосхищало внутрисполитическую и международную позицию правительств демократических стран 1930-х — начала 1980-х гг.

Развал, раскачка всех устоявшихся и неустоявшихся отношений, расширение пропасти между народом и «обществом», народом и властью, подточившие русскую монархию, продолжались и после ее крушения. В конечном счете это крушение привело к возникновению партократии.

Сегодня из этого делают вывод, что крушение партократии в СССР не может не привести сначала к еще более глубокому хаосу, чем хаос марта — октября 1917 года, а затем — к еще худшей диктатуре, чем советская партократия.

Но почему?

Трагедия России 1917 года демонстрирует иную закономерность: сила, которая исподволь готовит себя к овладению некоей ситуацией и не пренебрегает заблаговременным, длительным и злободенным завоеванием симпатий нужных ей групп населения, такая сила этой ситуацией овладевает. И если большевики проделали это, располагая утопической программой, то почему нельзя (или бесполезно) воевать за общественное мнение, располагая жизнеспособной программой? Почему нельзя готовиться к тому, чтобы стать демократической властью? Не лежит ли значительная часть этой проблемы в области *психологии* экстремистов и неэкстремистов? Ведь людей привлекают к той или иной доктрине и тактике не столько их убеждения, сколько психологическое тяготение и темперамент. Не пришло ли время силам либерализма и демократии рассмотреть эти проблемы вне традиционной инерции их мышления и вне их чисто психологических склонностей?

Интеллигенция сравнительно немногочисленный слой,

Она производит лишь информацию (идеи, образы) и действовать может при двух условиях: если кто-то дает ей (за эту информацию или для ее производства) средства к существованию и если (прошу прощения за скомпрометированный, но компетентный источник) ее идеи (образы) «овладевают массами». Точнее, не «массами», а какой-то достаточной для действия частью народа (группой, слоем, толпой — все зависит от обстоятельств)⁵⁹. Когда-то на Западе существовал массивный идеологический балансир в лице «третьего сословия». Оно в свой прагматический сплав включало и хижины, и дворцы. Этот сплав абсорбировал и превращал в действие только родственные ему идеи. Третье сословие гасило своей высокой инерцией экстремистские взлеты и падения мысли и чувства, которым само же периодически и поддавалось. Но сравнительно ненадолго: утилитарность

59) Ленин с достаточной определенностью однажды писал о массовости общественных движений:

«... В истории нашего движения, в истории нашей борьбы против меньшевиков, вы найдете много таких примеров, когда в одном городе было достаточно нескольких тысяч рабочих, чтобы сделать явным массовый характер движения. Если несколько тысяч беспартийных рабочих, обычно живущих обычной жизнью и влачащих жалкое существование, никогда ничего не слышавших о политике, начинают действовать революционно, то перед вами масса. Если движение распространяется и усиливается, оно постепенно переходит в настоящую революцию. Мы это видели в 1905 и 1917 годах, во время трех революций, и вам также еще придется убедиться в этом. Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «массы» становится другим: несколько тысяч рабочих уже не составляют массу. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним понимают большинство, и притом не простое лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплуатируемых; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным. Возможно, что и маленькая партия, например английская или американская, хорошо изучивши ход политического развития и ознакомившись с жизнью и привычками беспартийных масс, вызовет в благоприятный момент революционное движение (тов. Радек, в качестве хорошего примера, указал на забастовку горнорабочих). Если такая партия выступит в такой момент со своими лозунгами и достигнет того, что за ней последуют миллионы рабочих, то перед вами массовое движение. Я не отвергаю безусловно того, что революция может быть начата и весьма малой партией и доведена до победного конца. Но надо знать, какими методами привлекать на свою сторону массы».

Ленин В. И., ПСС, т. 44, стр. 31-32, «Речь в защиту тактики коммунистического интернационала 1 июля». III Конгресс коммунистического интернационала, июнь-июль 1921 г.

Речь идет о крупной стачке английских горняков весной 1921 года.

и прагматичность миропонимания возвращали людей на землю как из рая утопий, так и из ада попыток их воплощения в жизнь.

В России крайности тех же (высоких и низких) идей и утопий гасить было некому. Культурное, деятельное, независимое третье сословие, а также способные сотрудничать между собой либеральные и административные силы в конце XIX — начале XX века в достаточно массовых соотношениях еще только складывались. Россия государственно моложе Запада. В XIII веке она погасила в своих просторах нашествие Азии на Европу. В канун петровской горячки она начала было преодолевать свое возрастное отставание от остальной Европы. Но петровская «волюнтаристская» (как сказали бы мы сегодня) революция остановила ее естественное развитие, сковала и погнала ее со связанными руками и с кляпом во рту по дороге, выбранной преобразователем. Последствия этой непосильной горячки начали сглаживаться лишь в 1860-х гг. Убийство Александра II народо-вольцами лишало Россию уже подписанной им (за два часа до рокового взрыва) почти-конституции. Возникла реакция на террор. Но простор для легальных преобразований и для *не смертельно опасной* политической борьбы за них расширялся неуклонно вплоть до начала мировой войны в 1914-м году⁶⁰.

Еще лет двадцать-тридцать, и Россию нелегко было бы сделать игральным европейским утопий и народных снов. В 1917 году еще все зависело от того, какая сила овладеет этими снами в нужный час, в нужном месте, на нужное время. В России мыслью образованной части общества овладели социалистические иллюзии, а настроением народа (в нужное время, в нужных местах) — экстремистская демагогия большевиков, анархистов и левых эсеров, которым всерьез никто ничего не противопоставил. Временное правительство было на три четверти социалистическим. В разогнанном большевиками Учредительном собрании на шестьсот с лишком членов

60) Смертельно опасным оставался только террор.

оказалось только двадцать четыре «буржуя» (т.е. анти-социалиста), — писал в 1937 году А. Керенский⁶¹. Но и через двадцать лет, в эмиграции бывший лидер Временного правительства в диалоге с эмигрантом из так называемых «большевизанов» (большевиствующих) отстаивает лишь непорочность своих социалистических риз. Тупиков социалистической идеологии он не видит. В кровавом 1937 году вождь социалистической демократии 1917 года так же мало понимает причины своего крушения, как и умирающий Ленин — причины своих административно-хозяйственных неудач. По-прежнему, для него либералы — чужие, а большевики — что-то вроде двоюродных братьев, хотя и заблудших, хотя и продавших душу дьяволу деспотизма. Тот факт, что социалистические задачи радикальной интеллигенции не имеют не только решения, но и четко сформулированного условия, в то время как либерально-демократические задачи условие и решение имели и имеют, Керенскому и его воображаемому собеседнику одинаково непонятен. В большевизме решаема одна задача: уничтожение всех гражданских свобод, в том числе и экономических, и сосредоточение всей социальной инициативы, в том числе и духовной, в руках государства. Эта задача представляется в начале пути и социалистам, и коммунистам лишь предварительной, предшествующей «скачку» в «царство свободы», но она оказывается единственной решенной задачей. Овладевши всей социальной инициативой, они распорядиться ею на общенародное благо не могут. Либералы же не умеют овладеть положением (и все более разучаются им владеть). Российский либерализм в силу продолжительного господства самодержавной воли был традиционно антигосударственным и уж во всяком случае — антиправительственным. Слияние лучших сил власти и либера-

61) *Современные записки* (Annales contemporaines), Париж, 1937, LXIII, стр. 320-329 и 383-390. Все цитаты из А. Керенского даны по этому изданию, ст.ст. «Разговор о феврале» и «Незадача русского либерализма». Скорее «незадачливость», чем «незадача», ибо сама задача была именно либеральной, а не социалистической.

лизма наметилось во времена Александра II. Но если отца и деда, одобрявшего почти-конституционный законопроект, убивают, затравливают, как зверя, через два часа после его рассмотрения, чего ждать от сына и внука? Александр III отклонил законопроект Лорис-Меликова. Николай II с колоссальным внутренним сопротивлением подписал «Манифест» Витте — и тоже убит, с женой и детьми. Александр II, Лорис-Меликов, Витте, Столыпин и др. имели уже некоторую опору в либеральных и деловых кругах. Росло фермерство, разворачивалась буржуазия. Процесс сорвался в один из своих кризисных моментов. Бывают счастливые и несчастливые люди, семьи, народы. Парадокс не в этом, а в упорном неизвлечении опыта из происшедшего. И это общеисторический парадокс. России не повезло на лидеров: тактически гениальный лидер оказался вождем партократии, посредственность — вождем демократии. Через двадцать лет после свершившегося Керенский был не только слеп почти так же, как его собирательный (но не воображаемый!) собеседник, — он ещё и неискренен.

В диалоге, написанном А. Керенским в 1937 году, много риторического пустословия, обычно ему присущего. Попытаюсь выудить из этого потока основные мысли обоих собеседников — социалиста и «большевизана» (последний по происхождению дворянин, чем разнотонец Керенский его высокомерно и «допекает»).

Итак, *Разговоръ о Февралѣ* начинается репликой Керенского:

«— Исполнилось двадцать лѣтъ съ февральскихъ дней...

— Такъ что же? Эпилогъ одного самовластия — прологъ къ другому. Вотъ и весь вашъ Февраль; случайный полустанокъ, гдѣ на краткій мигъ — сразу энтузіазма не хватило — остановился курьерскій поѣздъ большевизма, мчась изъ Санктъ-Петербурга Россійской имперіи въ Ленинградъ безымяннаго СССР».

Оппонент Керенского участвовал в гражданской войне против большевиков. Теперь Керенский предлагает ему «шествовать прямыми стопами в большевистскую Каноссу». Тот возражает:

«— Туда мы не пройдемъ и назад тоже не будемъ возвращаться. Мы живые. Пусть мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ. Мы — новыя по-революціонныя поколѣнія — всѣ эти февральскія идеи давно похоронили; да ихъ никогда и не было въ нашемъ сознаниі. Мы живые! Мы смотримъ впередъ. Мы хотимъ строить исходя изъ того, что есть, а не изъ того, что было, да и то больше въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Мы будемъ бороться противъ всего, что подавляетъ самодѣятельность новаго по-революціоннаго трудового человека. Мы отрицаемъ большевизмъ только за его несвободу. Но мы свободу не по-старому мыслимъ — мы ее хотимъ для эксплуатируемыхъ, а не для эксплуататоровъ. Соціальная справедливость намъ дороже формальной свободы «для всѣхъ»...

...Вы пытались вводить у насъ парламентскую демократію по западнымъ образцамъ, но совершенно не прикоснулись къ старымъ междуклассовымъ отношеніямъ, къ соціальному фундаменту государства».

От Томаса Мора до нынешних западных социал-террористов и социал-реформистов; от Чернышевского до левоориентированных краснобаев всех «волн» эмиграции из СССР — все радикалы связаны отрицанием «формальной свободы» (как будто возможно четкое, ясное и воспроизводимое право без его формализации) и постановкой произвольно толкуемой «социальной справедливости» выше «формального демократизма» (то есть демократии как строя). Социалисты одержимы поисками благоденствия для «хороших» общественных классов и неприятностей для «плохих»:

«... нечего было миндальничать съ капиталистами, чтобы итти въ ногу съ революціей, надо было не коалиціями заниматься на старый образецъ, а строить, какъ теперь во Франціи, народный фронтъ и обязательно вмѣстѣ съ коммунистами».

Что же отвечает Керенский? Доказывает, что со сталинской формации коммунистами *идти в ногу можно*, а вот с ленинцами никак нельзя было, хоть демократия и пыталась:

«— Нашъ народный фронтъ ставилъ своимъ участникамъ только два непремѣнныхъ условія. Эти два условія нынѣ въ мирной и глубоко буржуазной Франціи 1937 года, по приказу Сталина, принимаютъ французскіе коммунисты. И эти же два условія, по приказу Ленина, отвергали русскіе большевики въ 1917 году, во время войны, въ странѣ, гдѣ шла глубочайшая социальная перестройка. Для того, чтобы быть участниками нашего революціоннаго народнаго фронта, нужно было: 1) признать оборону отечества и 2) отказаться отъ пропаганды гражданской войны. Ленинъ же во имя такъ называемой диктатуры пролетаріата яростно отрицалъ самое понятіе в с е н а р о д н о й революціи, отрицалъ всю демократическую сущность свершившагося переворота. Онъ строилъ свою тактику на лозунгъ «классъ противъ класса», т.е. готовилъ гражданскую войну съ русской демократіей».

И ниже Керенский объясняет, что, во-первых, готов был мирно, в порядке демократической процедуры, передать власть большевикам, а во-вторых, собирался провести в жизнь все те мероприятия, которые пропагандировали большевики.

«И зачѣмъ нужно было разнуздывать самыя темныя силы... когда путь къ власти былъ открытъ. Мы не годились — нужно было смѣнить властвующихъ, а не уничтожать самое народовластіе. Съ

перваго до послѣдняго дня Февраля правительство опиралось не на штыки, а на общее согласіе. И если бы будущіе герои Октября хотѣли честно помочь демократической революціи, а не взрывать ее во имя собственной диктатуры, они легко могли бы оказаться у власти, не предавая Россію потоку и разграбленію, не взрывая ее во имя «пролетарской диктатуры».»

Но ведь в том-то и дело, что большевики и не собирались «честно помогать демократической революціи» (надо бы Керенскому почитать Маркса и Ленина), — они намеревались установить свою диктатуру! Оппонент обвиняет Керенского в том, что Февраль «все оставил по-старому». Керенский обижен:

«— Конечно, по-старому, если мы все будемъ повторять большевистскія демагогическія басни о социаль-предателяхъ, прислужникахъ капитализма. А я вамъ говорю, что въ Россіи глубочайшій социальный переворотъ — и разъ навсегда — случился не 25 октября, а 27 февраля. Тогда вмѣстѣ съ гибелью монархіи исчезли и владѣющіе классы, какъ социально-рѣшающая сила въ государствѣ. Величайшая въ исторіи Европы земельная реформа — уничтоженіе нетрудового земевладѣнія и землепользованія, провозглашенное въ самомъ началѣ Февраля Временнымъ Правительствомъ перваго совершенно «буржуазнаго» состава, — была только неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свершившагося мгновенно, въ какомъ-то порядкѣ чуда, коренного переворота всей хозяйственной структуры Россіи и глубокаго перерожденія всей нашей социальной психологіи. Февраль утвердилъ равноправіе Труда съ капиталомъ въ промышленности и «анархію» частного хозяйства, создавъ Въсшій Совѣтъ Народнаго Хозяйства, сталъ подчинять плану. Постепенная реорганизація экономической жизни государства на общественныхъ началахъ

была неизбежна въ Россіи, ибо вытекала изъ самой сущности Февраля, который передалъ власть въ руки не буржуазно-капиталистическихъ, а трудовыхъ классовъ населенія».

Картина февральской Россіи, рисуемая Керенским, существовала более в его чувствительныхъ воспоминаніяхъ, чем на деле: в Россіи февраля — октября 1917 года господствовал хаос, а не народовластие. Да и что такое «народовластие»? Более или менее стабильная конкурентная демократія? Или непрерывные митинги, сходки, грабежъ имений и хуторов, саботажъ на предприятияхъ, беспорядки в арміи, самосуды, квартирный разбой, свистопляска бесконечныхъ выборов, «довыборовъ» и перевыборовъ? В такомъ виде общество долго существовать не можетъ и неизбежно принимаетъ какую-то изъ более устойчивыхъ формъ самоорганизации: конкурентно-демократическую, авторитарную, автократическую или тоталитарную. Другихъ государственныхъ формъ (с некоторыми ихъ комбинаціями) в современномъ обществѣ нетъ. Чемъ больше общество утомится отъ свистопляски такой «свободы», темъ большей устойчивости возжаждетъ.

Но интересно здѣсь не историческое свидѣтельство автора (свидѣтельства Керенского не точны), а его миропониманіе. Сделать-то онъ хотѣлъ бы то же, что обещали сделать большевики, но мирно, реформами. Какъ и у большинства современныхъ социалистовъ и просоциалистовъ, у него нетъ и подозренія, что адъ остаётся адомъ независимо отъ того, приволокли тебя туда крючьями за живое мясо или привезли в самолете-люксъ. Ему адъ «соціализации» (націонализации) земли, уничтоженія частной собственности и всеобъемлющего плана представляется раемъ, если подходы къ нему не мучительны и постепенны. Онъ думаетъ, что народы в этомъ «раю» могутъ оставаться безъ принужденія, а они не могутъ, даже если вошли в него добровольно. Мысль о возможностяхъ и невозможностяхъ всеобъемлющего централизованного

планирования, не чуждая уже Адаму Смиту, не говоря о российских современниках Чернышевского и тем более Ленина или Керенского, последнему чужда. Его туманная романтико-социалистическая фразеология проистекает не из простодушия, а из неумения думать. С Лениным ли было тягаться человеку, до такой степени проникнутому той же утопией?

Фактически он, как и его воображаемый собеседник, должен был бы признать, что и он отрицает «большевизм только из-за его несвободы». Впрочем, первый и «из-за несвободы» не отрицает. Он говорит:

«— Въ 1917 году сами большевики никакой диктатуры не хотѣли. Они были крайними, непримиримыми, если хотите, безжалостными революціонерами, но бесспорными демократами, свободолюбцами-максималистами. Перечтите всѣ воззванія, обращенія, статьи Бухарина, Каменева, Сталина, самого Ленина: имъ казалось, что Февраль далъ слишкомъ мало свободы; что вы мѣшали свободному правотворчеству Совѣтов; старались придушить социальный революціонный пафосъ крестьянскихъ и рабочихъ массъ; подчиняясь буржуазнымъ застраиваніямъ, задерживали созыв Учредительнаго Собранія. Вспомните знаменитую предоктябрьскую программу Ленина: передача всей полноты государственной власти непосредственно Совѣтамъ, выборности всѣхъ должностныхъ лицъ, превращеніе арміи въ народную милицію, неограниченная свобода печати, слова, совѣсти и т. д.»

Керенский вполне резонно ему возражает:

«— Да, все это писалось. Писалось для народа, для безпартийныхъ и партійныхъ дурачковъ, какъ говорилъ Ленинъ. А вы загляните въ его опубликованныя теперь конспиративныя письма, секретныя инструкціи, которыя онъ писалъ въ сентябрѣ и октябрѣ 17-го года своему центральному комитету,

скрываясь въ Финляндіи. Тогда вы увидите, что все свободолубіе Ленина было злостнымъ обманомъ, продуманнымъ и послѣдовательнымъ. Даже Совѣты въ его внутренней, такъ сказать, программѣ дѣйствій играли роль только демагогической приманки: хорошее средство для захвата власти, никуда не годное учрежденіе для управленія. Двѣ правды — одна для себя, для посвященныхъ, настоящая; другая для соблазна малыхъ сихъ, правдаложь».

Однако «большевизана» не проймешь фактографией. «Большевизанство» по сей день питается схемой, стереотипами, которымъ оно привержено:

«— Господи, даже черезъ 20 летъ вы все еще живете наивной непримиримостью къ большевикамъ, даже къ Ленину, который теперь уже всѣмъ міромъ поставленъ въ первый рядъ пророковъ и вождей! Сила Ленина была не въ словахъ, словесностью занимались другіе, а въ томъ, что онъ былъ безошибочнымъ выразителемъ соціальной страсти обездоленныхъ. А всѣ эти разговоры, всѣ эти истерическіе выкрики, о томъ, что онъ былъ отцомъ лжи, кощунственно изнасиловалъ свободу и наивную въ нее вѣру русскихъ крестьянъ и рабочихъ — ровно ничего не стоятъ. Ленинъ, какъ никто другой, по гениальной интуиціи еще въ 1915 году понялъ, что война убиваетъ и у б ь е т ь въ душахъ новыхъ поколѣній чувство свободы, что соціальная правда — кусокъ хлѣба, — останется надолго единственнымъ мѣриломъ духовныхъ цѣнностей. Дьявольская ненависть Ленина ко всему этому «разумному, свѣтлому, доброму», ко всей этой приторной интеллигентской этической карамели была лишь выраженіемъ его неумемной страстной любви ко всѣмъ паріямъ — къ людямъ, классамъ, къ народамъ! Вы все талдычите — свобода, свобода! А что такое, наконецъ, эта свобода, въ чемъ она, гдѣ она?!. Вотъ

здѣсь сколько лѣтъ мы живемъ на хваленомъ демократическомъ Западѣ и мы узнали тутъ одну только свободу — свободу непосильнаго труда въ унижающихъ наше человѣческое достоинство условіяхъ. Нѣтъ ужъ, вашей свободой умирать съ голоду вы насъ больше не соблазните».

И оппонент одного из главных актеров, сыгравших февральско-октябрьскую драму в России, решительно отказывается, в противоположность Керенскому, от утешительной мысли, что задачи социалистической революции можно решать —

«безъ крови и ужаса, въ бѣлыхъ перчаткахъ гуманности...»

А вы представьте себѣ пантеру, которой подвязываютъ баветочку подъ горлышко, чтобы она, упаси Боже, не испачкалась кровью, когда будетъ рвать на части свою добычу. Всѣ февральскія сентиментальности, вотъ, и были такой салфеточкой невинности, подвязанной подъ горло революціоннаго Звѣря».

Вот и квинт-эссенция одной из современныхъ ветвей единого дерева социализма: одни противопоставляютъ путь к социализму «приторной этической интеллигентской карамели», то есть милосердію, уваженію къ человѣческому достоинству и свободѣ, и все грехи отпускаютъ «революціонному зверю». Другіе отождествляютъ путь к социализму с ростомъ свободы и милосердія. Но ни те, ни другіе не сомневаются въ достоинствахъ общей цели — социализма, понимаемого какъ уничтоженіе частной собственности и рационализация (?), реконструкція на «общественныхъ»(?) началахъ всей жизни.

В России до 1860-х гг. не было вовсе того единства либерализма и власти, которое могло бы дать в итоге либерализацию общественной жизни. В начале XX века оно возникло, начало крепнуть, но — сорвалось. Крестьянство еще не могло служить балансиромъ в крити-

ческих колебаниях власти и интеллигенции вправо и влево. Просвещенная буржуазия — и та в значительной мере тяготела влево. То ли мода ее влекла, то ли недавние крепостные корни.

В наши дни в нынешней мировой Европе (весь демократический мир синонимичен европейской цивилизации, независимо от своего географического положения) «третье сословие» почти распалось и перестало быть гасителем разнородных экстремистских эмоций и течений мысли. Современные демократические народы духовно деклассированы и повергнуты в пустоту массовой культурой, утратой многовековой заботы о хлебе и равноправии, деструкцией иудео-христианской морали и этики. У них есть все мыслимые и немыслимые права, минимум обязанностей, избыток хлеба и зрелищ и желчная зависть к тем, кто имеет больше. Ими так же легко овладевать и манипулировать, обещая им все более и более острые ощущения и все большие материальные преимущества, как всеми неудовлетворенными и неустойчивыми элементами России 1917 года, — обещая последним справедливость и хлеб, мир и власть. Кстати, и в России 1860-х — 1910-х гг., кроме подвижников и экстремистов, «в революцию» шли и пресыщенные снобы — за острыми ощущениями. Их всегда много среди радикалов и экстремистов.

5. Мессия пришел! . .

«. . . Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе . . . В городах целый день били в набат: созывали всех, но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге . . . Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расставаться, но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше . . .»

Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»,
бред Раскольникова.

Разрушение российской демократии 1917 года и овладение лежащей в руинах, истекающей кровью страной было самой большой, пожалуй, даже единственной большой победой Ленина. Он победил, презрительно пренебрегши тем, что его противник считал правилами игры. Ленин никогда не был тем игроком, который получает удовлетворение от игры по правилам. Его жена в своих воспоминаниях о нем⁶² рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга — ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек. Надежда Константиновна рассказывает об охотничьем подвиге антипода некрасовского деда Мазая с завидным благодушием. Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков — для Ленина психологически характерный штришок. Правила охоты — ничто, результат — все.

62) Крупская Н. К., *Воспоминания*. Москва, Госиздат, 1932 и 1934 гг.

Его двоюродный брат в своих воспоминаниях о нем рассказывает, как однажды несколько дней подряд играл с Володей в игру, которую советские дети называют «снайпером». На одной половине доски стоят солдатики из папье-маше, на другой половине — шашки. Щелком по шашке следует сбить с доски солдатика. Володя был старшим и не любил проигрывать. В один прекрасный день все его солдатики оказались неуязвимыми для шашек партнера: он приклеил к фигуркам сзади полоски картона и приколот их кнопками к полю. Младший обиженно плакал — старший хохотал своим знаменитым заразительным смехом.

Почему я вспоминаю здесь о детских забавах Ленина?

Потому, что ряд его зрелых тактических операций удивительным образом напоминает то историю с зайцами, то фокус с приклеенными солдатами. Например, история с ретроактивной «легализацией» разгона Учредительного собрания и с подменой народного права отзыва своих депутатов государственным правом разгона любых депутатов.

Восемь месяцев Ленин корил Временное правительство затяжкой созыва Учредительного собрания. Общеизвестно, что, когда Собрание, наконец (уже при ленинском правлении), открылось, Ленин его разогнал и провел ряд репрессий против его депутатов. Все это естественно для диктатуры — «власти, не связанной никакими законами и опирающейся только на насилие» (Ленин). Но Ленин не мог не поддаться своей обычной уголовной страсти к юридическим алиби. Маркс в работах, посвященных Парижской коммуне, и он сам — в популяризации этих работ без конца твердили о *праве народа отзываться своих депутатов из любых представительных органов*. Как могло выглядеть это право по отношению к Учредительному собранию в России конца 1917 — начала 1918 годов? Только как право самих избирателей с мест отозвать и заменить своих депутатов. Что делает Ленин? Законодательно препоручает право отзыва депутатов и роспуска любых представительных учрежде-

ний и их перевыборов... Советам депутатов, а не их избирателям! Естественно, что Учредительное собрание как *высший* представительный орган страны может быть «отозвано» и «распущено» только *высшим* органом советской власти, то есть Всероссийским центральным исполнительным комитетом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, безраздельно подчиненным ленинскому ЦК. Казуистика и цинизм ленинского «проекта» декрета «О праве отзыва», оставлявшего избирателей полностью вне такого права, беспрецедентны для цивилизованного законодательства. Я вынуждена привести ленинский текст целиком, ибо в нем нет ни одного слова, не несущего демагогической или тактической нагрузки. Выставить на обозрение этот декрет означало расписаться в полнейшей своей непричастности к общепринятым этическим нормам:

«Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное, принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию.

Пропорциональная система выборов, будучи более демократичной, чем мажоритарная, требует более сложных мер для осуществления права отзыва, то есть действительного подчинения народу его выборных. Но всякий отказ на этом основании от проведения в жизнь права отзыва, всякая задержка в проведении его, всякое ограничение его, были бы изменой демократизму и полным отречением от основных принципов и задач начавшейся в России социалистической революции. Пропорциональная система выборов требует лишь видоизменения формы права отзыва, отнюдь не его умаления.

Так как пропорциональная система выборов основана на признании партийности и на осуществлении выборов организованными партиями, то всякое крупное изменение в соотношении сил классов и в отношении классов к партиям, в особенности же расколы внутри значительных партий, необходимо вызывают потребность в перевыборах по тому избирательному округу, где несоответствие между волей разных классов и их силой, с одной стороны, и между партийным составом выбранных, с другой стороны, явно и несомненно. Интересы истинного демократизма требуют при этом безусловно, чтобы назначение перевыборов не зависело от одного только перевыбираемого учреждения, т.е., чтобы интересы удержания своих мандатов выбранными не могли противодействовать осуществлению воли народа на отзыв его представителей.

Поэтому Всероссийский Ц.И.К. Советов раб., солд. и крест. депутатов постановляет:

Советы раб. и солд. депутатов, а равно и Советы крестьянских депутатов каждого избирательного округа имеют право назначать перевыборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания. Советы имеют также право назначить срок перевыборов. Самые же перевыборы происходят обычным порядком на строгих основаниях пропорциональной системы выборов»⁶³.

Естественно, что за этим декретом последовало новое

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ В.Ц.И.К. 16(5) ЯНВАРЯ 1918 Г.

На основании всех завоеваний Октябрьской революции и согласно принятой на заседании Центрального исполнительного комитета 16(5) января с.г.

⁶³ Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 22, 93-95. Написано 2 декабря (19 ноября) 1917 года.

Декларации трудового и эксплуатируемого народа вся власть в Российской Республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому, всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваемая, как контр-революционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы»⁶⁴.

Напечатано 17(4) января
1918 г. в «Правде» № 2.

К противникам типа Ленина и его партии следует относиться с профилактической подозрительностью. С людьми и организациями, для которых правил игры не существует, надо сражаться по правилам детективной, а не спортивной борьбы, ибо сами они не спортсмены и не солдаты.

Подобно тому, как многие личные свойства Ленина выросли в тактику его партии, так и игра без каких бы то ни было правил стала законом политической деятельности партий «нового типа», которые принято называть ленинскими.

Еще одним судьбоносным свойством характера, а значит и действий Ленина была неспособность испытывать чувство личной вины и сомневаться в своей правоте. Если бы он умел сомневаться в своей правоте и думать о чем-либо, кроме ближайшей разрушительно-завоевательной акции и сохранения власти, он бы остановился и вернулся к какой-то исходной точке уже в начале 1918 года. Уже к этому времени стало ясно:

1) что ни одного из требований, предъявлявшихся им Временному правительству, он выполнить не сумел: эти требования оказались либо вообще невыполнимыми, либо опасными для него и его партии;

64) Там же, стр. 178.

2) что своих обещаний народу он тоже не выполняет: либо не может, либо считает их выполнение опасным для себя и своей партии.

Но лишь один-единственный раз в многотомном наследии послеоктябрьского Ленина мне встретилась фраза о возможном отступлении большевиков к парламентаризму, если им не удастся справиться со своими задачами. Это было вскользь брошено Лениным в один из тягчайших периодов гражданской войны и тут же забыто. Приемлемей оказался другой путь: террор⁶⁵.

После II съезда Советов и особенно — после разгона Учредительного собрания сиюминутное с народом и отеческое вхождение в его заботы исчезает из публицистики и речей Ленина на три с лишним года (ноябрь 1917 — март 1921). Зато возникает новый (и по сей день живой) мотив: сваливание всех отрицательных сторон советской действительности на царизм, на Временное правительство, на мировой империализм, на несовершенство человеческого материала, над которым работают большевики, — на кого и на что угодно, только не на большевистскую власть и не на доктрину, которой большевистская власть пытается следовать. Скорого облегчения Ленин народу уже не обещает, народную жажду если не благополучия, то хотя бы облегчения жизни именуется рвачеством, а выход до весны 1921 года видит в одном — в усилении диктатуры и в углублении партюкратического монополизма. Теперь всегда и во всем виновным оказывается не правительство, а какие-нибудь очередные враги, мешающие правительству облагодетельствовать народ:

«Товарищи! У меня был на-днях ваш делегат, партийный товарищ, рабочий с Путиловского завода. Этот товарищ описал мне подробно чрезвычайно тяжелую картину голода в Питере. Мы все знаем, что в целом ряде промышленных губерний продо-

65) До сих пор заставляющий социалистов спорить вопрос об отношении Ленина к НЭПу я рассмотрю подробнее в этой же книге, в части, посвященной Бухарину.

вольственное дело стоит так же остро, голод так же мучительно стучится в дверь рабочих и бедноты вообще.

А рядом мы наблюдаем разгул спекуляции хлебом и другими продовольственными продуктами. Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе. Буржуазия и все богатые, в том числе деревенские богатеи, кулаки, срывают хлебную монополию, разрушают государственное распределение хлеба в пользу и в интересах снабжения хлебом всего населения и в первую голову рабочих, трудящихся, нуждающихся. Буржуазия срывает твердые цены, спекулирует хлебом, наживает по сту, по двести и больше рублей за пуд хлеба, разрушает хлебную монополию и правильное распределение хлеба, разрушает взяткой, подкупом, злостной поддержкой всего, что губит власть рабочих, добивающуюся осуществить первое, основное, коренное начало социализма: «Кто не работает, тот да не ест».

Романов и Керенский оставили рабочему классу в наследство страну, разоренную до нельзя их грабительской, преступной и тягчайшей войной, страну, ограбленную русскими и иностранными империалистами дочиста. Хлеба хватит на всех только при строжайшем учете каждого пуда, только при безусловно равномерном распределении каждого фунта. Хлеба для машин, то-есть топлива, тоже крайний недостаток: встанут железные дороги и фабрики, безработица и голод погубят весь народ, если не напрячь все силы для беспощадно строгой экономии потребления, правильности распределения. Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем

идут еще более тяжелые июнь, июль и август . . .»⁶⁶

Общеизвестно, что Временное правительство пыталось ввести хлебную монополию и что большевики иступленно агитировали против нее («у кого хлеб, у того власть . . .»). Теперь Ленин ссылается на закон, введенный свергнутым правительством, а мотив монополии, мотив извлечения излишков из амбаров злокозненного крестьянства, на три года становится ведущим в ленинской публицистике и речах, с каждым днем все более страшных (в прямом смысле последнего слова).

Именно теперь, когда власть оказалась «в руках рабочих» и при наличии (по мнению Ленина) излишков хлеба в руках крестьян, логично было бы дать крестьянам как можно свободней подготовиться к севу 1918-го (а затем и 1919-го) года, а рабочих — как можно быстрее занять на фабриках, чтобы восстановить свободный товарообмен между городом и деревней. Не что иное, как ленинский НЭП 1921 года, доказывает, что при допущении частной инициативы (хотя бы за исключением тяжелой промышленности и большой энергетики) в 1918-м году это было бы куда легче сделать, чем спустя три года.

Но (боюсь, что эти моменты зачастую выпадают из нашего поля зрения):

1) Ленин *не хотел* сохранения каких бы то ни было форм частной инициативы. При всех его отступлениях от марксизма уничтожение частной собственности казалось ему той фундаментально-искупительной акцией, которая позволяла ему чувствовать большевиков марксистами-ортодоксами, социалистами более, чем все остальные социалисты, ибо отмена частной собственности — это основа основ классического литературного социализма.

2) Рабочие нужны были Ленину не на фабриках и заводах, а в качестве основного костяка его армии. Не связанные собственностью, они легче становились ору-

66) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 26-28, «О голоде».

дием его демагогии и его воли, чем другие группы населения. В том, что гражданская война неизбежна, он, посягнувший на все естественно сформировавшиеся устойчивой хозяйственной и духовной жизни народа и просвещенных классов, не сомневался.

3) Ему необходимо было руками рабочих и деклассированных элементов, в том числе и части солдат, выжать из крестьянства всё, что удастся выжать, чтобы выстоять в гражданской войне и сколотить аппараты своей диктатуры. Он не только потому даровал россиянам НЭП лишь весной 1921 года, что россияне против него к этому времени восставали уже всплошную, но еще и потому, что к этому времени основной костяк его власти был уже сформирован и упрочен⁶⁷.

Правда, судя по выступлениям в печати и на партийных форумах, Ленин пытался вступить в некое соглашение с крупным капитализмом. Изо всех сил обрушиваясь на «мелкую буржуазию» (крестьянство) и на «мелкобуржуазные пережитки» в сознании пролетариата, он в ряде работ и речей 1918-1919 гг. пытается сконструировать некий гибрид крупного капитализма с коммунистической партократией. При этом он предполагает полное подчинение держателей капитала коммунистической власти, а также и производственное функционирование капитала только в границах советских экономических планов и международных контактов. Естественно, что из этих прожектов ничего не вышло, и Ленин вернулся на стезю антикапиталистического обличительства — до весны 1921 года. Антикрестьянские же его филиппики не прекращались до весны 1921 года ни на минуту. В той же статье «О голоде» он пишет о необходимости —

«надзора на местах за каждым пудом хлеба, за каждым пудом топлива.

67) Троцкий предлагал ввести НЭП на год-полтора раньше, но тогда было рано, а через месяц-другой после Кронштадта мгло стать поздно. Ленин и Сталин отлично умели выбирать точное время для своих акций (см. части, посвященные Бухарину и Троцкому).

Это сделать потруднее, чем проявить героизм на несколько дней, не покидая насиженных мест, не идя в поход, ограничиваясь порывом-восстанием против изверга-идиота Романова или дурачка и хвастунишки Керенского».

За исключением «изверга-идиота Романова», здесь все охарактеризовано цинически верно: и большевистская «революция», и ее «героизм», и ее непосредственный противник Керенский.

Ни о каком молоке для пролетарских детей, ни о каких квартирах для бедняков, ни о какой бессмысленности свобод и прав без материальных преимуществ сейчас нет и речи, как и вообще о правах и свободах. Голос Ленина обретает стальное звучание. Коммунизм оказывается не потребительским раем, а царством самоограничения и верховной регламентации с предусмотренным наперёд и навечно дефицитом самых необходимых народу вещей:

«... Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны рабочих и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное предверие социализма. Это — уже не «общереволюционная», а именно коммунистическая задача, именно такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму.

... В такое время — а для истинно-коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба и топлива есть настоящая святыня, повыше тех святынь, которыми морочат головы дуракам попы, обещающие царствие небесное в награду за рабство земное. А чтобы сбросить всякий остаток поповской «святости» с этой настоящей святыни, надо овладеть ею практически, надо добиться на деле правильного распределения ее, надо собрать

все без изъятия, все до конца излишки хлеба в общегосударственные запасы, надо *очистить* всю страну от спрятанных или несобранных излишков хлеба, надо твердой рабочей рукой добиться крайнего напряжения сил для увеличения добычи топлива и величайшей экономии его, величайшего порядка в его подвозе и потреблении.

Нужен массовый «крестовый» поход передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взяточничества, неряшливости».

И снова:

«...Нужен массовый «крестовый поход» передовых рабочих во все концы громадной страны⁶⁸. Нужно вдесятеро больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно-преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную войну против империалистических хищников»⁶⁹.

Звучала ли хоть когда-нибудь такая сталь в речах «временных»? Даже в не вызывающих никакого сомнения целях они не способны были приблизиться к такой убежденности в своей правоте и в праве вести народ по своей дороге.

Заметим справку к статье «О голоде»: Написано 22 мая 1918 г. Напечатано в «Правде» № 101, 24 мая 1918 г.

В это время уже была сформирована армия. Ее «днем

68) «Крестовый поход передовых рабочих» за хлебом провозгласит в 1927-1928 гг. и Сталин (точно в тех же словах, не ссылаясь при этом на источник заимствования).

69) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 30-31, «О голоде».

рождения» считается в СССР поныне празднуемое 23 февраля 1918 года. Рабочие отправляются во все концы необъятной страны — в деревню, *парализуя на годы промышленность*, чтобы выжать и выскрести весь хлеб — для армии, для правительства, для его формирующихся административных и охраняющих аппаратов.

Ленин 1918 года, сентиментально обслонявленный советскими кинематографистами, буквально засыпает Россию декретами, которые, будь они педантично выполнены, уничтожили бы чуть не все население. Сыпля декретными громами и молниями, Ленин изо дня в день клеймит

«... чудовищную бездеятельность питерских рабочих. Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею?!. Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет. Необходимо созвать пленарное собрание Совета и постановить произвести массовые обыски в Петрограде и на товарных станциях. Для обысков каждый завод, каждая рота должны выделить отряды, к обыскам надо привлечь не желающих, а обязать каждого, под угрозой лишения хлебной карточки. Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет. Если отряды будут составлены из случайных, не сговорившихся людей, грабежей не может быть. Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте.

Зажиточную часть населения надо на 3 дня посадить без хлеба, так как они имеют запасы и других продуктов и могут по высоким ценам достать у спекулянтов»⁷⁰.

70) Совещание президиума петроградского Совета с представителями продовольственных организаций 27(14) января 1918 года. Выступления по вопросу о мерах борьбы с голодом. Протокольная запись. Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 22, стр. 243.

А это из «Проекта резолюции о продотрядах»⁷¹ — проекта, немедленно превратившегося в декрет:

«1) Привлечь всю массу солдат и рабочих к образованию нескольких тысяч отрядов (по 10-15 человек, а может быть и больше), которые обязаны уделять ежедневно известное число часов (например 3-4 часа) на службу по продовольственному делу.

2) Полки и заводы, которые не будут аккуратно поставлять требуемое число отрядов, лишаются хлебных карточек и подвергаются революционным мерам воздействия и карам.

3) Отряды должны произвести немедленно обыск, во-первых, вокзалов, с осмотром и учетом вагонов с хлебом; во-вторых, путей и узловых станций около Питера; в-третьих, всех складов и частных квартир.

Инструкция для осмотра, учета и реквизиций выработывается Президиумом Петроградского Совета с участием делегатов от Районных Советов или же Особой Комиссией.

4) Пойманных с поличным и вполне изобличенных спекулянтов отряды расстреливают на месте. Той же каре подвергаются члены отрядов, изобличенные в недобросовестности.

5) Из общей суммы революционных отрядов для крайних мер спасения от голода выделяются наиболее надежные и наилучше вооруженные отряды для отправки на все станции и во все уезды главных, доставляющих хлеб, губерний. Этим отрядам, при участии железнодорожников, взятых по уполномочию местных железнодорожных комитетов, поручается, во-первых, контроль за продвижением хлебных грузов; во-вторых, контроль за сбором и ссыпкой хлеба; в-третьих, принятие самых крайних революционных мер против спекулянтов и для реквизиции хлебных запасов.

6) Революционные отряды, при всяком составле-

71) Там же, стр. 244.

нии протокола реквизиции, ареста или расстрела, привлекают понятых в количестве не менее 6 человек, обязательно выбираемых из находящегося в ближайшем соседстве беднейшего населения».

Но в конце продовольственного террора, лицом к лицу с опасностью всенародного восстания против большевиков, в преддверии лихорадочного поворота к НЭПу Ленин так заговорит о действиях продотрядов, словно сам он ни малейшего отношения не имеет к их насильственным акциям:

«... Развёрстка: у нас такой *нажим* был, что револьверы к вискам приставляли. Народ возмущен...

... Но сельское хозяйство из-под палки вести нельзя... Надо освободить из-под палки, чтобы поднять сельское хозяйство. Палка — продовольственные реквизиции»⁷².

Но тут же:

«... В комитеты содействия должны входить практичные люди. Пусть будет палка, но для нашего содействия.

Чтобы старательный нажал на нестарательного.

... Трудовинность... Если войти в положение, будут исполнительны»⁷³.

Так что «для нашего содействия» всё-таки «пусть будет палка»...

Давно ли большевики оглушали Россию воплями о террористическом Временном правительстве, *пригласившем* на суд большевистских лидеров с целью расследовать донесения о немецких деньгах, полученных Лениным? Ленин и Зиновьев отказались явиться на суд и скрылись, сославшись на то, что у них нет достаточных гарантий неукоснительного соблюдения судом демокра-

72) Ленин В. И., ПСС, т. 42, стр. 384-385, «Записка членам ЦК и наркомам».

73) Там же.

тической следственной процедуры. Большевики наводнили своими жалобами на реакционное Временное правительство мировую социалистическую печать. Когда на несколько дней закрывали их подрывные газеты, большевики обращались в социалистические газеты, нещадно и многократно ими обруганные, с недоуменными жалобами и им тотчас же предоставляли целые полосы там.

Теперь одно небольшевистское издание за другим, одна партия за другой объявляются вне закона.

Но, повторяю, ни разу, нигде, ни в одной строке Ленина не прозвучало раздумье над тем, *почему* большевикам, на протяжении марта-октября 1917 года уверенно бравшим на себя обязательство дать народу все, о чем тот мечтает, не удалось принести ему ничего, кроме разрухи, гражданской войны, голода и террора.

6. Его этика

«... Этот самый
человечный
человек».

В. Маяковский, поэма «Ленин».

Человек, у смертной постели которого мы только что незримо стояли, не может не вызвать жалости, как всякий страдающий человек.

Но до чего же мало был причастен состраданию он сам, когда стоял в полный рост!

В каждой советской школе висит плакат: «Учиться, учиться, учиться, — так завещал Ильич». Кто из нас помнит, что в хрестоматийной речи «Задачи союзов молодежи», произнесенной Лениным на III съезде РКСМ в 1920 году, говорено им не только о необходимости учиться, «обогащать свою память» «точным знанием культуры» и далее в том же роде?⁷⁴

В этой по сей день программной для комсомола речи даны Лениным многократные предельно упрощенные определения коммунистической морали и нравственности.

Упрощенность формул достигается Лениным и лексически, и через обеднение содержания. Две-три плоские мысли внушаются слушателям посредством настойчивой тавтологии. Я потому говорю об этих определениях, что они ведь и для самого Ленина программные: они составляют основу его общественно-политического поведения.

«Всякую такую нравственность, взятую вне человеческого, вне классового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забива-

74) Ленин В. И., «Задачи союзов молодежи», речь на всероссийском съезде коммунистического Союза молодежи. Москва, «Молодая гвардия», 1975.

ние умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата. Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата».

«Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует: это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это — царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов».

«Когда нам говорят о нравственности, мы говорим: для коммуниста нравственность вся в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплуататоров. Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

Социальная этика Ленина (а впрочем, как отделить социальную этику от личной? Этика по определению категория личная) в этой речи, обращенной к невежественным подросткам, составляющим основную массу комсомольцев начала 20-х годов, целиком укладывается в роковую формулу: «Я освобождаю вас от химеры совести»⁷⁵. С полудетского (в ту пору восемнадцатилетние уже шли в партию, а не в комсомол) сознания снимаются все заповеданные тысячелетиями ограничения и обязанности перед другими людьми. Взамен выдвигается единственное условие праведности — *верность партийным целям и интересам*. Пафос ленинского обращения к молодежи питается тремя задачами: внушить убеждение слушателям в тождественности служения партии и нравственности; возбудить ненависть к земледельцам,

⁷⁵) Известная реплика Гитлера.

не выполняющим prodразверстки; пробудить в молодежи (призываемой овладеть всеми культурными богатствами прошлого) недоверие и антипатию к интеллигенции (единственному реальному источнику этой культуры для полуграмотного юношества из народа).

«Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т.е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора.

Чем больше оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают, «чем больше они голодают, тем лучше, тем дороже я продам этот хлеб» . . .

«... Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого; если другой будет голодать, тем лучше, я дороже продам свой хлеб».

«Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие — либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, мелкий интеллигент, словом человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет.

Если я имею местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий, мне дела нет до другого. Может быть, потворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко, да еще смогу и пробиться, выйти з буржуа. Такой психологии, такого настроения у коммунистов нет и быть не может»⁷⁶.

Подите-ка после этого лечить и учить!

76) Жирный шрифт Д.Ш.

В декабре 1917 года, в статье с невинным названием «Как организовать соревнование»⁷⁷ Ленин с поразительной откровенностью натравливает отцов своих будущих комсомольцев на ту же интеллигенцию. Он призывает рабочих и беднейших крестьян соревноваться отнюдь не на производственном поприще. Он пишет (начиная разговор с рабочими об интеллигенции и прочих врагах революции):

«Прихвостни и прихлебатели буржуазии рисовали социализм, как однообразную, казенную, монотонную, серую казарму. Лакеи денежного мешка, холопы эксплуататоров — господа буржуазные интеллигенты «пугали» социализмом народ, именно при капитализме осужденный на каторгу и казарму безмерного, нудного труда, полуголодной жизни, тяжелой нищеты».

Эпитет «буржуазный» сразу ставит интеллигента в положение преступника («буржуй — значит — враг»). Этот эпитет равноценен кличке «кулак», подменяющей когда это нужно, в ленинской пропаганде слово «крестьянин»: и эмоционально, и политически он дает адресатам ленинской пропаганды право бить «классового врага».

«Рабочие и крестьяне нисколько не заражены сентиментальными иллюзиями господ интеллигентов; всей этой новожизненной и прочей слякоти» . . .

«Несентиментальным» и пока еще «классово-полноценным» в глазах Ленина рабочим и крестьянам недоступен подтекст возмущения Ленина против «новожизненной и прочей слякоти». Одним из редакторов журнала «Новая жизнь» был Горький. Вот остальной состав редакции: Б. Авилов, В. Базаров, А. Богданов, В. Брюсов, А. Гойхбарг, Б. Горев, С. Далин, В. Керженцев,

⁷⁷) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 26, стр. 367-376.

Л. Красин, Н. Крестинский, М. Кричевский, А. Лозовский, А. Луначарский, М. Лурье, Р. Макдональд, Л. Мартов, В. Маяковский, М. Павлович, А. Нинкевич, Б. Ноэзерн, Вяч. Полонский, М. Покровский, Лариса Рейснер, Ромэн Роллан, А. Свидерский, Филипп Сноудэн, Ю. Стеклов, К. Тимирязев, А. Н. Толстой, М. Урицкий, Дж. Уэллс, Г. Цыперович, И. Чернышев, Вик. Шкловский и др.

В 1917-1918 гг. «Новая жизнь» регулярно публиковала «Несвоевременные мысли» Горького, по сей день, разумеется, в СССР не переизданные. От «буревестника революции» Ленину не так легко было отмахнуться, вступив с ним в открытый спор. А «буревестник» писал:

«...убиты невинные и честные люди Шингарев, Кошкин⁷⁸, а у наших властей не хватает ни сил, ни совести предать убийц суду».

«Расстреляны шестеро юных студентов, ни в чем не повинных — это подлое дело не вызывает волнений совести в разрушенном обществе культурных людей».

«Десятками избивают «буржуев» в Севастополе и Евпатории — и никто не решается спросить творцов «социальной» революции: не являются ли они моральными вдохновителями массовых убийств?»

«За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избивала его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его».

«Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы».

⁷⁸ Министры Временного правительства, либералы и демократы (Д.Ш.).

«Уничтожив именем пролетариата старые суды, г.г. народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» ее право на «самосуд» — звериное право».

«Вероятно, все помнят, что после того, как некий шалун или скучающий лентяй расковырял ножиком кузов автомобиля, в котором ездил Ленин, «Правда», приняв порчу автомобильного кузова за покушение на жизнь Владимира Ильича, грозно заявила: «За каждую нашу голову мы возьмем по сотне голов буржуазии». Видимо, эта арифметика безумия и трусости произвела должное влияние на моряков — вот они уже требуют не сотню, а тысячи голов за голову».

«Самооценка русского человека повышается. Правительством может поставить это в заслугу себе».

В те поры «буревестник» еще не знал, что «если враг не сдается, его уничтожают», (а если сдается, то его тем скорее уничтожают, и даже если он не враг — уничтожают: на всякий случай, ибо надо быть очень верным и надежным *соучастником*, а не стоять в стороне). Приведенные выше отрывки не исключение в статьях Горького тех времен. Можно себе представить реакцию Ленина на «предательство» Горького (у Ленина все, кто не с ним — предатели). Но он не может ничего противопоставить фактам, приведенным Горьким. И уходя, как всегда, от спора по существу идей и событий, Ленин упорно, в массе своих выступлений, сеет ненависть ко всему строптивому племени интеллигентов, для масс и без того тождественному ненавистным барам.

«Они думают, что «простой народ», «простые» рабочие и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической в всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция: *«Без нас не обойтись» — утешают себя, привыкшие служить капиталистам и капиталистическому государству интеллигенты».*

«Надо организовать соревнование практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом, в приемах подхода к делу в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и так далее и тому подобное)».

«В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, винсвных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы»⁷⁹.

Позднее, когда Ленину-хозяину понадобятся специалисты, он будет высокомерно бранить забывших свое место рабочих Мосгорводопровода, которые затравили (до самоубийства) своего главного инженера — Ольденбургера . . .

Мы ошиблись бы, полагая, что в подтексте ленинского монолога о «соревновании» расположен его конфликт только с интеллигенцией. Обратите внимание на «хулигански» «отлынивающих от работы» «многих наборщиков» в Питере, особенно в партийных типографиях!

В конце 1917 года в Петрограде упорно сопротивляются большевикам самые грамотные и организованные ра-

79) В разбивку — курсив Ленина; курсив — Д.Ш.

бочие — печатники. Это им адресовано презрительное «хулигански» и высокомерное «отлынивающие от работы». Оговорка «особенно в партийных типографиях» переносит долю ответственности за забастовки на социалистические и демократические партии, враждебные большевикам. «Сознательные» же, т.е. согласные идти за большевиками рабочие, призываются не только к штрейкбрехерству, а к прямому насилию над бастующими товарищами. С этих пор в ленинской публицистике и речах будут множиться прямые и замаскированные нападки на еще сопротивляющийся диктатуре пролетариат — вплоть до XI съезда РКП(б) — последнего съезда Ленина.

Что с того, что статья о «социалистическом соревновании» в «путях истребления и обезвреживания паразитов», в том числе «разгильдяев и истеричек из интеллигенции», была издана несколькими годами позже, уже преемниками Ленина? Он излил в ней душу, выразил свое настроение — вот что главное.

Ленин и в конце своей жизни будет стремиться к ужесточению советского законодательства, то и дело усматривая недостаточную суровость в предоставляемых ему на отзыв формулировках статей Уголовного кодекса:

ДОПОЛНЕНИЯ К ПРОЕКТУ ВВОДНОГО ЗАКОНА К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР И ПИСЬМА Д. И. КУРСКОМУ

1

Проект

ВВОДНЫЙ ЗАКОН К УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ РСФСР

... 5. Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналом предоставляется право применения как высшей меры наказания — расстрела по преступлениям, предусмотренным статьями 58, 59, 60, 61, 62, 63 + 64 ... Уголовного кодекса).

- ×) Добавить и статьи 64 и 65 и 66 и 67 и 68 и 69.
- ××) Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению Президиума ВЦИКа (на срок или бессрочно).
- ×××) Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы.

т. Курский!

По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу). См. с. 1 в н и з у ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.;

найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с м е ж д у н а р о д н о й б у р ж у а з и е й и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.).

Прошу спешно вернуть с Вашим отзывом.

15/V.

Ленин⁸⁰

Ленинское стилистическое и смысловое упрощенчество при разговоре с малообразованной аудиторией доходит порой до анекдотического уровня. В 1918-1919 годах он ведет отчаянную организационную и пропагандистскую битву против сторонников правовой демократии, против идей равенства всех граждан перед лицом закона, которые он так умело когда-то эксплуатировал.

Необходимо ввести в железное русло стихию, которой было обещано в 1917 году все, что только могло прийти на ум обещать. В статье «Советская власть и положение женщины»⁸¹ Ленин пишет:

«Пусть лжецы и лицемеры, тупицы и слепцы, буржуа и их сторонники надувают народ, говоря о свободе вообще, о равенстве вообще, о демократии вообще. Мы говорим рабочим и крестьянам: сры-

80) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 189.

81) Беднога, 7 ноября 1919 г., № 478. Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 30, стр. 99.

вайте маску с этих лжецов, открывайте глаза этим слепцам. Спрашивайте:

— Равенство какого пола с каким полом?

— Какой нации с какой нацией?

— Какого класса с каким классом?⁸²

При том широком наборе полов, которым отличается homo sapiens, это «какого пола с каким полом» (подчеркнутое в статье дважды) звучит прямо таки умирительно: до чего человек переполнен антипатией к равенству — в полах запутался! Одиозное: «какого пола с каким полом» выдержало без ущерба для автора и редакторов не менее шести изданий: одно — газетное и пять — в собраниях сочинений...

*

Моральное кредо Ленина разрешает ему прибегать в агитационно-пропагандивных целях ко вполне им осознанному обману слушателей. Он сплошь и рядом трезво использует неведение аудитории. Так например, во множестве статей и речей 1917-1920 годов он многократно объясняет рабочим, что на Западе нет никакой демократии. Он обосновывает свое доказательство **одним и тем же** дежурным доводом: у рабочих Западе нет собственных зданий для проведения митингов и собраний — какая же это свобода? Он останавливается на этом примере десятки раз, хотя сам он долго жил на Западе, встречался с рабочими в арендованных ими залах, проводил (отнюдь не на улицах и не в лесу) свои партийные съезды и конференции, и не может не понимать всей смехотворности этого довода, рассчитанного только на бесчисленных чапаевых и нагульновых.

Ленинские обращения к массам умело настроены на преобладающую в массах в данный момент эмоцию. Но в глазах человека образованного, мыслящего и умственно независимого, они и логически и фактически весьма уязвимы. Поэтому ленинская интеллигентофобия вполне естественна как политически, так и психологически.

⁸²) Разбивка Ленина.

Особенно если учесть, что в глазах наиболее интеллигентных оппонентов Ленина (разумеется, вне его партии), решительно неприемлемым оказывается его моральное кредо. **РЕНЕГАТ ОТ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**, Ленин, как всякий ренегат, относится к материнской среде с воинственной антипатией: во-первых, «пережитки» критериев исходной среды нарушают внутреннюю цельность ренегатствующего сознания, которое раздражается против источника досадных помех. Во-вторых, «свои» мешают, путают карты, и еще как. Да еще служат пусть очень слабым, но все же укором: вынуждают оправдываться, что он и делает постоянно, хотя ему очень мало свойственны сомнения в своей правоте.

*

Для Ленина в сфере его политической деятельности есть только одна фигура, свободная от необходимости соглашаться с Лениным — это он сам. Интеллигенция же только тогда и является **интеллигенцией**, а не просто слоем наемных (а то и закрепощенных или поработченных) дипломированных **СПЕЦИАЛИСТОВ**, когда она, по выражению Н. Винера, «свободна иметь веру». Без такой свободы специалист так же мало является интеллигентом, как советские колхозник или совхозник — крестьянином. Разумеется, кроме свободы иметь веру, надо еще обладать личной способностью и потребностью быть свободным, но это уже иная плоскость вопроса. Ленин же нагляднейшим и парадоксальнейшим образом представляет собой (в своих глазах) единственного интеллигента в своей партии и в своем государстве (мы говорим сейчас не о реальности, в которой невозможно тотально вытоптать все критерии, кроме верховного, — мы говорим о тенденции и о ее пределе). **ЗА СОБОЙ** он с «младых ногтей» оставляет право «критиковать не нравящееся — священное право всякого публициста»; **СЕБЕ** он позволяет иронические реплики по адресу «старых книг» (Маркса и Энгельса), которые табу для всех других; **САМ ОН** ни из чего не

делает «божка»: ни из какого бы то ни было народного, классового, партийного, цекистского или коминтерновского большинства, ни из революции (см. письма марта 1917 года), ни из собственных обязательств и утверждений, ни из старых друзей и вчерашних — для себя же — авторитетов, ни из чьих бы то ни было гражданских и личных прав, не из партийного единства . . .

Для опутанного сетями цензуры общества — полный контроль за тем информационным пайком, который ему, этому обществу предназначается:

Док. 255⁸³

«Н. Т. Горбунову

Поручаю Вам проверить на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как общается в «Известиях» от 5/II свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство администрации . . . и редакции, какова их гражданская ответственность, равно ответственность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это.

Переговорите также секретно о том, в чем состоит и как организован надзор за этим делом со стороны Наркомюста, РКИ и ВЧК. Все строго конфиденциально. Приготовьте мне ответ, хотя бы предварительный к среде.²⁶³

6.2.1922 г.»

В примечании № 263 сообщен ответ о том, как организован надзор и о невозможности выпуска книги, «если рукопись не была разрешена политотделом».

Для себя — оперативнейшая возможность следить за всем тем, что печатается за границей (и строжайше запрещено к распространению внутри страны):

83) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 155-156.

«Ш. М. Манучарьянц

Тов. Манучарьянц! Я уже неделю **тому назад**⁸⁵ имел от Уншлихта⁸⁶ «Смену вех».

Очевидно, **Госиздат**⁸⁵, если это от него №№ 9 и 10, есть образец идиотской волокиты.

Проверьте, как они получают, кто ведет это дело у них. Надо его прогнать.

Напишите от моего имени Каменеву, Зиновьеву и Уншлихту, **как**⁸⁵ (почтой? адрес? через особое лицо?) они получают «Смену вех» и **подобные вещи**⁸⁵.

Я должен получать своевременно.

24.1.1922.

Ленин»

Короче — себе обеспечивается полноценное существование свободного человека.

Остальным адресовано угрожающее:

«Мы должны сказать, что должны погибнуть... те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что они должны погибнуть...»⁸⁷

Для *других* человек, постоянно использовавший право подданного Российской империи на посещение границы, требует введения смертной казни «за самовольное возвращение из-за границы» (см. письма к наркому юстиции Курскому о новом кодексе в т. 54 ПСС Ленина). В письме Курскому Ленин развернуто формулирует варианты знаменитой статьи 58-10-11 УК РСФСР, поставившей ГУЛАГу миллионы заключенных:

«Вариант 1:

Пропаганда или агитация или участие в организации и содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не при-

84) Там же, стр. 137.

85) Жирный шрифт Ленина.

86) Зам. председателя ВЧК.

87) Ленин В. И., доклад на II Всероссийском съезде Политпросветов 17 октября 1921 г. Соч., изд. IV, т. 33, стр. 48 (курсив Д.Ш.).

знает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции или блокады или шпионажа или финансирования прессы и тому подобными средствами, карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу».

«Вариант 2:

а) Пропаганда или агитация, **объективно содействующие** той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца.

б) Такому же наказанию подвергаются виновные в участии в организациях или в содействии организациям или лицам, ведущим деятельность, имеющую вышеуказанный характер (деятельность коих имеет вышеуказанный характер)».

«Вариант 2б: Пропаганда или агитация, **объективно содействующие или способные содействовать** той части международной буржуазии, которая и т. д. до конца»⁸⁸.

Кроме того, что здесь объявляются криминальными такие моменты совершенного кем-то поступка, или высказанного кем-то суждения, как *способность* этого шага или суждения «объективно»(?) помочь каким-то противникам советской системы, в ленинской формулировке скрыт еще и особый смысл.

На особый смысл этой статьи УК РСФСР обращает внимание читателя в одной из своих мемуарных книг М. Бегин⁸⁹.

В книге приведены чрезвычайно интересные диалоги между М. Бегиным и его следователем — молодым фанатичным коммунистом.

⁸⁸) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 321-322 (жирный шрифт Д.Ш.).

⁸⁹) Бегин М., *В белые ночи*. Тель-Авив, 1978.

«— Вы обвиняетесь по 58 статье Уголовного кодекса Российской Советской Социалистической Республики. Знаете, о чем говорится в этой статье? Знаете, кто ее сформулировал?

— Нет, не знаю.

— А стоило бы. В 58 статье говорится о контрреволюционной деятельности, измене и диверсии, и сформулировал ее сам Владимир Ильич Ленин.

— Но как может эта статья распространяться на действия, совершенные в Польше?

— Ну и чудак же вы, Менахем Вольфович! 58 статья распространяется на всех людей во всем мире, слышите — **во всем мире!** Весь вопрос в том, когда человек попадает к нам или когда мы доберемся до него.

Хотя я уже попал к ним и они добрались до меня и уже применили — не в теории, а на практике — 58 статью, слова следователя заставили меня содрогнуться. Много дней не выходил у меня из головы этот чистосердечный и поразительный ответ, переворачивающий вверх дном все понятия цивилизованного человека о правосудии. Значит, существует в мире страна, Уголовный кодекс и прежде всего статья о контрреволюционной деятельности которой распространяется на каждого из двух с половиной миллиардов жителей земного шара!»

Однако и этим не исчерпываются партийные представления **юриста** Ульянова-Ленина о правосудии и юридическом праве.

В преамбуле к приведенным выше наброскам Ленин пишет Курскому:

«Суд должен не устранить террор..., а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать его надо как можно шире, **ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят**

условия применения на деле, более или менее широкого»⁹⁰.

Два юриста, Ленин и Курский, не могли не понимать, что приведенная выше формула означает **узаконение неправовой системы взаимоотношений между человеком (группой) и государством**. Точно так же, как преданность интересам партии освобождает ее функционера от «химеры совести», так и малейшее несоответствие партийным критериям гражданской благонадежности **ставит человека вне права**. Но Ленину и этого кажется мало. Он оговаривает возможность для советских охранно-карательных органов отступить и от этого **законоподобия**: резолюция IV Съезда Советов «О законности»⁹¹ признает неизбежным принятие экстренных мер, не предусмотренных в действующем законодательстве или отступающих от него. Это «отступление» (от беззакония, именуемого законом, в сторону беззакония, законом не именуемого), должно сопровождаться «немедленным сообщением заявления в письменной форме в Совнарком с копией для заинтересованных властей» и с сохранением для пострадавших «права обжалования». Поскольку речь шла в приведенном документе **в основном** о терроре против действительных или мнимых врагов советской власти, то можно оценить как эффективность обжалования со стороны «экстренно» пострадавших, так и пользу «немедленного сообщения заявления» о собственных беззакониях пост фактум со стороны карателей. Пресловутое распоряжение Политбюро (1937) о применении «чрезвычайных мер допроса» по отношению к «врагам народа» было всего лишь своевременным **напоминанием** о ленинском подходе к вопросу. Ленин, кстати, отлично знал, о чем идет речь, когда обеспечивал своим исполнителям в области государственной безопасности лазейки для полного беззакония. На митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября

90) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 190 (жирный шрифт Д.Ш.).

91) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 534.

1918 г., он говорил о «тяжелой деятельности» чрезвычайных комиссий:

«Не только от врагов, но часто и от друзей мы слышим нападки на деятельность ЧК... естественно, что ошибки чрезвычайных комиссий больше всего бросаются в глаза. Обывательская интеллигенция (опять — интеллигенция!) подхватывает эти ошибки, не желая вникнуть в суть дела... Мы не говорим: на ошибках мы учимся... Дело, конечно, не в составе ЧК, а в характере деятельности их, где требуется решительность, быстрота, а главное — верность»⁹².

Читатель, я думаю, представляет себе, что означают «ошибки» ЧК, насколько они поправимы для их объектов и как понимает здесь Ленин слово «верность»: отнюдь не как безошибочность действия, а как верность партии. На стр. 186 того же тома он пишет:

«На каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10.000 великих и геройских актов... Но если бы даже дело обстояло наоборот... если бы даже на сто наших правильных актов приходилось 10.000 ошибок, то все-таки наша революция... велика и непобедима»⁹³.

*

Мы редко задумываемся над словами, которые слышим с детства. Особенно тогда, когда нам внушено определенное отношение к этим словам. Мышление наше, в основном, рефлексивно и лишь в малой части своей инициативно и самостоятельно. Кто же из нас пытался переосмыслить штампы: «классовая борьба», «уничтожение классов», «революционное насилие», «революционное правосознание», «красный террор»?

92) Там же, стр. 272. В скобках слова Д. Ш.

93) Там же, стр. 186.

Вот что пишет Ленин Зиновьеву (тому самому Зиновьеву, которого советологическая традиция предписывает считать лютым предтечей Сталина при интеллигентном Ленине):

«Г. Зиновьеву. Также Лашевичу и другим членам ЦК 26. VI, 1918.

Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере р а б о ч и е хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, т о р м о з и м революционную инициативу масс, в п о л н е правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоеенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего р е ш а е т.

Привет! Ленин.

П.С. Отряды и отряды: используйте победу на перевыборах. Если питерцы двинут тысяч 10-20 в **Тамбовскую** губернию и на Урал и т. п. и себя спасут и всю революцию **вполне и наверное**. Урожай гигантский, дотянуть только несколько недель»⁹⁴.

Обычно цитируют (если цитируют) выдержки из этого письма, опуская «постскриптум»; на первый взгляд, незначительный. Однако последние строки письма имеют зловещий смысл: Ленин предполагает сперва задушить террором недовольство в столицах, а потом двинуть рабочих в села («и себя спасут», т.е. прокормят, «и всю революцию», т.е. большевистскую власть). Членам

⁹⁴ Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 35, стр. 275 (жирный шрифт Ленина).

реквизиционных отрядов разрешалось брать с собой на прокорм семьи, о чем Ленин напоминал в ряде речей и обращений, а также посылать по две продовольственные посылки в месяц домой (что другим гражданам было строжайше запрещено!)⁹⁵.

На X съезде РКП(б) (см. стенограмму съезда, изданную в 1963 году в Москве) отчетливо будут представлены все перипетии возглавленного и вдохновленного Лениным продовольственного террора. Но тогда Ленин не сочтет полезным для партии спасти продовольственников и активистов ни от самосуда крестьян, ни от трибунала (по жалобам крестьян). Напрасно Цюрупа, глава Наркомпрода, будет кричать с трибуны: «Как же можно отнять хлеб у **голодных** (подчеркнуто нами), не применяя насилия?» И будет требовать, чтобы в губернии и уезды не рассылался циркуляр ЦК о привлечении наркомпродовцев к уголовной ответственности за применение насилия. Но циркуляр разошлут, потому что Ленину необходимо отвести от себя, от партии крестьянское возмущение и переадресовать его наркомпродовцам: мавр сделал свое дело, — мавр может уйти. И Цюрупа с его коллегами по Наркомпроду напрасно будут рассказывать съезду о самосудах, о самоубийствах наркомпродовцев — как раньше другие напрасно рассказывали и писали Ленину о порках крестьян за неспасу хлеба, о расстрелах и о других преступлениях, канонизированных позднее в качестве «крайностей» военного коммунизма».

Ленин отмахнётся от упрёков Цюрупы несколькими репликами о том, что:

«... ряд тюменских продовольственных работников был расстрелян за порки, пытки, изнасилования и другие уголовные преступления. Следовательно, в данном случае никак нельзя ставить это в связь с продовольственной работой, а нужно ви-

95) Ленин В. И., Соч., изд. III, тт. 23, 24, 29, тексты, примечания и приложения.

деть в этом проявление прямо уже уголовных безобразий, кои в обстановке, в которой происходит продовольственная работа, требуют кары свыше обыкновенной. Так что с этой стороны мера была применена, несомненно, правильная»⁹⁶.

В ту пору Ленин был глух к этим жалобам. Тогда он метал испепеляющие молнии в десятках писем и телеграмм.

«Телеграмма Пензенскому Губисполкому
14.VIII.1918 г.

Пенза Губисполком Минкину

Получил на вас две жалобы: первая, что вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листовок, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотни тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКА, **недостатка денег не будет**, такие отговорки не примем.

Предсовнаркома ЛЕНИН.»

(Вот одна из статей расхода немецких денег — на большевистскую агитацию в голодной, истекающей кровью в братоубийственной смуте стране)⁹⁷.

«Телеграмма Ливенскому исполкому
20.VIII.1918 г.

Ливны

Исполкому

Копия военкому Семашке и организации коммунистов

Приветствую энергичное подавление кулаков и

⁹⁶) Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 74, «Заключительное слово по докладу о замене разверстки натуральным налогом 15 марта».

⁹⁷) См., например, публикацию Е. Кожевникова, «Ленин и немецкие деньги (по архивным материалам 1917-1918 гг.)», *Посев*, 1977, № 12.

белогвардийцев в уезде. Необходимо ковать железо пока горячо и не упуская ни минуты организовать бедноту в уезде, **конфисковать весь хлеб и все имущество** у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при **надежных** вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богачей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба. Телеграфируйте исполнение. Часть образцового железного полка пошлите тотчас в Пензу⁹⁸.

Предсовнаркома Ленин»⁹⁹.

«Е. Б. Бош в Пензу

9 августа 1918 г. Москва.

Телеграмма

Пенза Губисполком,
копия Евгении Богдановне Бош.

Получил вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборных надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардийцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустить в ход. Телеграфируйте об исполнении.

Предсовнаркома Ленин.»

(*Карательную* экспедицию — а через три года последует циркуляр о возмездии продотрядчикам, применявшим «насилие»).

К этому письму приложена директива за подписями Ленина, наркомпрода Цюрупы и наркомвоена Склянского, которая содержит и такой пункт:

«... Заложники отвечают жизнью за точное, в кратчайший срок, исполнение наложенной контри-

⁹⁸ О «железных полках» читайте у Ю. Трифонова, в его последнем романе *Старик* (Москва, «Дружба народов», 1978).

⁹⁹ Ленин В. И., *Соч.*, изд. IV, т. 35, стр. 292 (жирный шрифт Д.Ш.).

буции. Общее количество излишков по волости определяется предгубисполкомом и губпродкомиссариатом на основании данных об урожае 1918 года и об остатках хлебов от урожаев прошлых лет. Мера эта должна быть проведена решительно, стремительно и беспощадно за вашей, губпродкомиссара и военкомиссара ответственностью, для чего указанным лицам даются соответствующие полномочия»¹⁰⁰.

Боюсь, что никто из нас не в силах без помощи Василия Гроссмана, или А. И. Солженицына, или Ю. Алешковского представить себе действительность, встающую за этими ленинскими телеграммами... Некоторые ленинские карательно-профилактические распоряжения производят впечатление чудовищного устрашающего гротеска:

«В Нижегородской совдеп
9.VIII.1918 г.

В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.

Ни минуты промедления. Надо действовать всю: массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных. Смена охраны при складах, поставить надежных.

Ваш Ленин».

О том, что все эти распоряжения — отнюдь не стилистические гиперболы, свидетельствует хотя бы следующее дополнительное распоряжение:

«12 августа 1918 г. Москва
Пенза, губисполком, Бош.

Получил вашу телеграмму. Крайне удивлен от-

100) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 29, стр. 489-490.

сутствием сообщений о ходе и исходе подавления кулацкого восстания пяти волостей. Не хочу думать, чтобы вы проявили промедление или слабость при подавлении и при образцовой конфискации всего имущества и особенно хлеба у восставших кулаков.

Предсовнаркома Ленин».

Видит ли Ленин голодную смерть **детей** за этими своими бесчисленными приказами отобрать **весь** хлеб у сопротивляющихся продразверстке и не имеющих никаких хлебных «излишков» людей, которых он именует «кулаками»?

А это один из несметных примеров ленинской послеоктябрьской «демократизации» его армии:

«В Красной Армии после долгомесячного митингования¹⁰¹ дисциплина была такова, что не уступала дисциплине прежней армии. В ней применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, которых не видело даже прежнее правительство. Мещане писали и вопили: «Вот большевики ввели расстрелы». Мы должны сказать: «Да, ввели и ввели вполне сознательно».

... И мы говорим, как говорили в армии: «либо погибнуть всем, кто хотел погубить нас, и тут мы будем применять самые суровые меры дисциплины, либо мы спасем страну, и будет жить наша республика»¹⁰².

Вчитайтесь в последнее внимательней, и вы увидите: в обоих случаях погибнут «наши враги» и восторжествует «наша республика». Оговорка, кочующая из издания в издание?

101) Следовало бы добавить, объективности ради: «после долгомесячного спровоцированного нами митингования»... А потом «мы эту разложенную нами же, и сознательно, армию стали учить нормальной воинской дисциплине расстрелами».

102) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 49 (Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов).

До октября 1917 года из статьи в статью, из речи в речь Ленина (особенно в адресованных **воюющей русской армии** его выступлениях) кочует лозунг **немедленного** роспуска постоянной армии и замены ее «поголовным вооружением **всего народа**». Что же говорит Ленин о поголовном вооружении всего народа после прихода к власти?

«Телеграмма совнаркому Украины
26.V.1919 г.

Декретируйте и проведите в жизнь полное обезоружение населения, расстреливайте на месте беспощадно за всякую сокрытую винтовку. Весь гвоздь момента: быстрая победа в Донбассе, сбор всех винтовок из деревень, создание прочной армии. Сосредоточьте все свои силы на этой задаче, не ослабляйте энергии, мобилизуйте рабочих поголовно. Прочтите эту телеграмму всем видным большевикам.

Ленин».

Так было «похоронено в гроб» (как любил выражаться Иосиф Виссарионович) право народов России на государственное отделение, а заодно, по необходимости, и «поголовное вооружение всего народа». Кстати, разоружают, расстреливая «беспощадно на месте за всякую сокрытую винтовку» не только украинских селян, но и уральских пролетариев:

«Телеграмма Реввоенсовету Востфронта
17.VII.1919 г.

Симбирск Реввоенсовет Востфронта.

Поздравляю с победами. Следует принять особые меры: первое, для нерастаскивания оружия уральскими рабочими, чтобы не развилось у них губительной партизанщины, второе, для того, чтобы сибирская партизанщина не разложила наших войск...

Ленин».

**«ДОПОЛНЕНИЕ К ДЕКРЕТУ
СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ:
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ»**

Все, имеющие оружие, должны получить новое разрешение: а) от местного своего домового комитета; б) от учреждений, указанных в §2. Без двух разрешений иметь оружие запрещено; за нарушение этого правила кара — расстрел.

Та же кара за сокрытие продовольственных запасов»¹⁰³.

Коммунистические оппозиции коммунизму очень любят цитировать два ленинских высказывания по национальному вопросу. Они приводят эти высказывания как примеры ленинского пролетарского интернационализма и принципиальности Ленина в этом вопросе. Первое высказывание относится к знаменитому грузинскому инциденту конца 1922 года, когда Орджоникидзе при обсуждении в ЦК компартии Грузии вопроса о государственном статусе Грузии дал по физиономии одному из видных членов грузинского ЦК. Ленин был возмущен этой, как он выразился, «биомеханикой», коей попустительствовали и Дзержинский и Сталин.

Он объяснил этот инцидент присущим Сталину, Дзержинскому и Орджоникидзе... «истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения)... беспристрастие всей комиссии достаточно характеризуется «рукоприкладством» Орджоникидзе. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства, и что тов. Дзержинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно»¹⁰⁴.

¹⁰³) Там же, т. 22, стр. 270.

¹⁰⁴) То, что «русским рукоприкладством» занялся грузин Орджоникидзе, заставило Ленина заговорить о русском великодержавном шовинизме, которым особенно часто грешат «обрусевшие инородцы». Через шестьдесят лет американский журналист, лауреат премии Пулитцера Хедрик Смит обнаружит «великорусскую ментальность» даже у Сталина. Так и возникают мифологические стереотипы...

Стереотипное представление об этике Ленина заставляет и специалистов, и широкую публику предполагать, что Ленина потряс сам факт рукоприкладства — столь несвойственной для интеллигентного человека реакции на чье-то несогласие. Но как же совместить с этим предположением хотя бы следующее¹⁰⁵:

«Стоит ли отвечать на избиение Домбала Дашинским и Ко? Если отвечать, то избиением Дашинского без выстрелов, без поранения, только так. Это, может быть, стоит, раз получится успешная выучка наглеца рабочими, подъем их духа, жертва (тюрьмой или расстрелом) 5-10 рабочих. Но, может быть, и этого не стоит: *полезнее* для агитации среди *крестьян*, что *нашего* Домбала зверски избили? Может быть, это *лучше* повернет симпатии *отсталых* крестьян к нам, чем мордобой Дашинскому? Надо взвесить потщательнее.

С коммунистическим приветом *Ленин*»

Этому «без выстрелов, без поранения» могла бы позавидовать и нынешняя советская милиция, отбивающая арестантам почки мешками с сырым песком, чтобы не оставлять следов. А это небрежное «жертва (тюрьмой или расстрелом) 5-10 рабочих»? Мелочь! Стоит ли принимать в расчет. В том же послании есть и такие строки:

«Если 100-300 человек убьет буржуазия, это не загубит дела. Но если она сможет, спровоцировав бойню, убить 10-30 тысяч рабочих, это может задержать революцию *даже и на несколько лет*»¹⁰⁶.

Вот если бы это ускорило революцию, — тогда другое дело. Тогда и мировая война с ее миллионами жертв желательна, и борьба против нее становится преступлением. Человек, столь бесстрастно-рассчетливо относящийся к жизни и смерти других людей, неспособен ужа-

105) См. письма польским коммунистам от 19.10.1921 г. Ленин В. И., ПСС, т. 44, стр. 180-181.

106) Там же.

снуться пощечине. Его негодование есть только тактическая поза, не более.

Полагаю, что на фоне приведенных нами выше ленинских телеграмм рукоприкладство Орджоникидзе выглядит жалким кустарничеством. Более того: легко доказать, что внимание Ленина к этому эпизоду проистекает, в первую очередь, из его тогдашнего (конец 1922 года) намерения поставить на место Сталина, явно прибирающего к рукам инициативу в ЦК.

Напомню: когда на съезде РКП(б) было доложено, что за годы завоевания большевиками Туркестана (1918-1921 гг.) там погибло 35% его населения, у Ленина это тревоги не вызвало [см. стенограммы X и XI съездов РКП(б)]. Не знаю, били ли там по физиономиям ответственных коммунистов или нет, но убивали даже детей, если родители оказывались сепаратистами. Да, действительно, **до октября 1917 г.** Ленин не переставал говорить о праве наций на самоопределение. Но уже в период Брестского мира (весна 1918 года) он заявил открыто и однозначно: «Интересы социализма, интересы мирового социализма выше права наций на самоопределение»¹⁰⁷.

Заметьте: «интересы **социализма, интересы мирового социализма**», а не только российского! Стоило бы это «**мирового**» хорошо запомнить.

Вот более развернутое возражение Ленина по поводу права наций на самоопределение. Не забудьте: «социализм» означает для Ленина коммунистическую диктатуру, не более. А если даже и более? Разве не право каждой нации решать, как ей жить?

«Теоретически рассмотрим этот довод: что выше — право наций на самоопределение или социализм? Социализм выше.

Позволительно из-за нарушения права наций на самоопределение отдавать на съедение советскую социалистическую республику, подставляя ее под удары империализма в момент, когда империализм

107) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 14.

заведомо сильнее, советская республика заведомо слабее?

Нет. Не позволительно. Это не социалистическая, это *буржуазная* политика».

Оказывается, для буржуазии право наций на самоопределение существует. Вот как-то . . .

Второе популярное «интернационалистское» высказывание Ленина звучит так:

«Записка в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом.

Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствами по очереди —

русский,

украинец,

грузин и т. д.

А б с о л ю т н о !

6.X.1922.

Ваш Ленин»

Именно в таком виде его теперь и цитируют (хотя до 1954 года цитировали немного иначе). Даже А. Авторханов находит в этом высказывании Ленина умиляющий его пролетарский интернационализм.

Но ведь в V издании сочинений Ленина (псевдополном) представлен не весь текст записки Ленина в Политбюро! В IV издании в том же документе после «Ваш Ленин» следует:

«Правильно! И. Сталин». И записка эта, помещенная в т. 33 изд. IV, увидела свет впервые в газете «Правда» **21 янв. 1937 г.!**

Полный текст «интернационалистского» документа от 6/X-22 г. свидетельствует о том, что авторов было два и что второго автора такая форма «интернационализма» (чередование национального происхождения функцио-

неров ЦК, председательствующих во ВЦИКе) очень устраивала. Недаром он опубликовал эту записку (вместе со своей «резолуцией») в роковом для старых большевиков 1937 году: она ни в чем не осложняла его политики!

А как расценивать с точки зрения права наций на самоопределение такой ленинский документ:

«ТЕЛЕГРАММА УКРАИНСКОМУ
СОВЕТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ

5.V.1919 г.

Киев Раковскому, Антонову, Подвойскому

От вас до сих пор ни одного точного, фактического ответа, какие части двинуты в Донбасс, сколько ружей, сабель, пушек, на какой станции передовые эшелоны. **Взятие Луганска доказывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и в устремлении на Румынию**¹⁰⁸. Поймите, что вы будете виновны в катастрофе, если запоздаете с серьезной помощью Донбасу.

Ленин

Прошу вернуть мне с пометкой: шифром послано — часов — минут.

С п е ш н о.

5.V. Ленин¹⁰⁹

Не предстает ли здесь «самостийность» украинского партийного руководства в изложении Ленина Величайшим грехом и виной?

А вот еще один (и снова в соавторстве со Сталиным!) документ. Этот документ заведомо «хоронит в гроб» (Сталин очень любил это выражение) грузинскую независимость и исключает всякое иное толкование внезапного ленинского поворота к антишовинизму в конце 1922-го — начале 1923-го годов, кроме как чисто тактического, антисталинского, хода:

¹⁰⁸) Жирный шрифт Д. Ш.

¹⁰⁹) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 35.

«ПИСЬМО ТОВ. ОРДЖОНИКИДЗЕ ОБ УСИЛЕНИИ ГРУЗИНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Тов. Серго!

Абсолютно необходимо, чтобы на съезде Советов Грузии было принято решение об обязательном усилении Красной Армии *Грузинской* и чтобы это решение было выполнено *на деле*.

В крайнем случае, если крестьяне против, надо провести решение хотя бы в самой общей форме: признать необходимость «обязательно усилить Грузинскую Красную Армию, призвать все органы власти и все трудящиеся массы к работе над этим» и т. п.

Но *на деле* во что бы то ни стало и немедленно развить и усилить Грузинскую Красную Армию. Пусть 1 бригада для начала, пусть даже меньше. 2-3 тысячи красных курсантов, из них полторы тысячи коммунистов, чтобы эти курсанты могли (будучи кадрами) развернуться в армию, *когда понадобится*, — это абсолютно необходимо.

Сталин добавит, может быть, подробнее о военно-технических способах выполнения.

Я ограничиваюсь политической стороной дела: за невыполнение этого выгоним из партии *безо всяких*. Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо, и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответите перед партией за это.

Жду ответа

Ваш Ленин

13/II.-1920

Это и для тов. Серго, и для всех членов ЦК Грузинской компартии.

ПРИПИСКА И. В. СТАЛИНА

К сказанному т. Лениным не имею ничего добавить. Серго и ЦК компартии Грузии, я думаю, пой-

мут всю необходимость предлагаемой т. Лениным меры. Что касается «военно-технической» стороны дела, то она известна вам лучше, чем мне и прочим москвичам.

И. Сталин»¹¹⁰

Как видим, Ленин неплохо знал, на кого следует опереться по части «военно-технических способов выполнения» . . .

Орудие тактики, слово никогда не казалось Ленину чем-то таким, что обязывало бы его к определенному поведению в будущем. Он без колебаний изменял всему прежде сказанному и написанному ради тридцати серебрянников тактического успеха.

В 1905 году, на V (Лондонском) съезде единой (на короткое время) РСДРП, при выдвижении кандидатур в президиум съезда меньшевики опротестовали кандидатуру Ленина. Они сослались на привлечение Ленина в минувшем году к партийной судебной ответственности за клевету на коллег по партии. Ленин повторил перед съездом свою оправдательную речь на этом суде. [Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. «Протоколы». Государственное издательство политической литературы, Москва 1963]:

«... если бы в разбираемом месте брошюры было сказано: 31 выступили для присоединения к кадетским голосам голосов рабочих при условии места в Думе для с.-д., — тогда это был бы образчик лояльной, корректной, допустимой для членов партии полемики.

Чем отличается от этой формулировки та, которая выбрана мной? Она отличается тоном, делающим всю музыку».

Именно тон, по мнению Ленина, и помог ему представить предвыборный компромисс двух оппозиционных партий как «торговлю» с их стороны «местечками» в

110) Там же, т. 33.

Государственной Думе — за счет рабочих и в пользу буржуазии.

Он обстоятельно объясняет коллегам по партии, что методы «истребительной полемики» вполне естественны между политиками, и что рассчитаны эти методы не на выяснение истины, а на то, чтобы вызвать у слушателей отвращение к оппоненту раньше, чем слушатели поймут суть спора.

«Существуют ли пределы допустимой борьбы на почве раскола? Партийно допустимых пределов такой борьбы нет и не может быть, ибо раскол есть прекращение существования партии. Пределы борьбы на почве раскола — это не партийные, а общеполитические или, вернее даже, общегражданские пределы, *пределы уголовного закона и ничего более*». (Подчеркнуто Д.Ш.).

Можно себе представить, каковы в таком случае пределы *междупартийной* и «классовой» борьбы в системе этических представлений Ленина.

У ленинской полемической этики и тактики два критерия допустимости: партийная целесообразность и «пределы уголовного закона». Как только уголовное законодательство тоже начало определяться партийной целесообразностью, всякие ограничения для Ленина и его преемников в этом плане исчезли. А ведь печатная продукция Ленина носит насквозь полемический характер. И все эти чисто тактические операции, оформляемые им под «полемику», продолжают изучаться поколениями его вынужденных и добровольных читателей!

После таких его признаний, сделанных с полной и невозмутимой откровенностью, можно ли принимать всерьез ленинские высказывания о его противниках? Ленинская политическая «полемика» строится так: создается словесный муляж объекта атаки; ему придаются необходимые (для нападающего) черты; муляж поднимают за шиворот перед аудиторией, завоеванию коей служит «полемика», и осыпают пощечинами и бранью.

Каррикатурное, гротескное, частное сходство отдельных черт муляжа с оригиналом делает избиение особенно впечатляющим. При этом слова и поступки противника (порой и не помышляющего об ответе) переводятся на язык и систему отсчета аудитории, на которую рассчитан муляж.

Следует ли доказывать, что этот метод «полемики» для коммунистической пропаганды универсален?

Муляжи, изображающие один и тот же объект пропаганды, меняются в зависимости от политической ситуации. Вспомним, как менялись маски и муляжи крестьянина в публицистике Ленина 1917-1922 годов. До прихода большевиков к власти Ленин манипулирует чаще всего нейтральным словом «крестьянин». Но в марксистской классовой схеме крестьянство вообще класс «неполноценный», а Ленин, в своем кругу, уже и в 1917 году не забывает при случае заметить, что «зажиточным крестьянин — это еще не крестьянин», и что политику его партии не определяет никакое «формальное большинство»... В 1918-1920 гг. страницы ленинских сочинений заполняет страшная кличка «кулак». Перед голодными толпами горожан и красноармейцев возникает злобная рожа мужика-кровососа, гноящего хлеб, чтобы не отдать его голодающим. В 1921 г., после введения НЭПа, муляж «кулака» исчезает как не бывало, а вместо него возникает в ленинской публицистике положительный (и симпатичный советской власти!) — «старательный крестьянин» (поздней «интенсивник»), которого следует всеми мерами поощрять к производству и свободной продаже хлеба. А те же голодные толпы, красноармейцы и продотрядовцы попадают в насильники, в рвачи и хапуги, за интересами брюха своего забывающие о строительстве социализма. В 1927 году Сталин вытаскивает полузабытый муляж «кулака» и опять начинается кровавый «крестовый поход» «сознательных пролетариев» против крестьянства — окончательная колонизация большевиками сельской России.

В ленинской «истребительной» публицистике «тон, ко-

торый делает музыку», задается чаще всего уже хлестким и демагогическим заголовком или подзаголовком статей: «Бесстыдная ложь капиталистов» (это по поводу реплики члена партии народной свободы министра Некрасова, осмелившегося робко выразить в апреле 1917 г. следующее опасение: «Страшна та проповедь насилия, которая ныне раздается с Каменноостровского проспекта» — резиденции большевиков).

«НОВЫЙ ОБМАН КРЕСТЬЯН ПАРТИЕЙ ЭС-ЭРОВ!»

«НАЧАЛО БОНАПАРТИЗМА!»

«ДРЕЙФУСИАДА!»

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ШАНТАЖ!»

«О НАРУШЕНИЯХ ДЕМОКРАТИЗМА В МАССОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ!» —

все это летом 1917 года, и все это — о робких, безвольных попытках Временного правительства, меньшевиков и эсеров-центристов спасти положение, обуздать экстремистов, разобраться в денежных связях Ленина с немецким правительством и т. д.

«Неудачная попытка гражданина Плеханова вывернуться»... «Безумные капиталисты или недоумки социал-демократы?» — это о тех самых советах, которые Ленин считал высшей формой народовластия. «Один из коренных вопросов (как рассуждают социалисты, перешедшие на сторону буржуазии)» — это опять о Плеханове. Это немногие, наугад взятые заголовки с одной страницы оглавления к сочинениям Ленина. Можно было бы безукоризненно доказать несоответствие подавляющего большинства таких «истребительных» заголовков истине, но к чему? Ленин сам невозмутимо и откровенно заявил перед съездом, что не считает себя обязанным следовать истине в поединке с теми, в ком видит своих врагов.

В книге Н. Валентинова «Малознакомый Ленин» (Библиотека пяти континентов, Париж, 1972) есть один эпизод: Ленин говорит своему коллеге по партии о некоем Викторе Таратуте, женившемся на одной из сестер Н.

Шмидта, племянника Саввы Морозова (знаменитое дело о наследстве Шмидта) ради пополнения партийной кассы ее деньгами. «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не смог бы себя пересилить. А Виктор пошел. Это человек незаменимый». И это, по представлению Ленина, хорошо, а не отвратительно.

Среди писем Ленина из эмиграции большевистскому ЦК РСДРП 1900-х годов, поразительных по своей директивной бесцеремонности и грубости (я их в малой доле цитировала), есть, например, такое:

Г. М. Кржижановскому и В. А. Носкову
Клэру и Борису от Старика

(5 октября 1903 г. Женева).

«... Я бы очень и очень советовал вам кооптировать Конягу (Л. Е. Гальперина) и Игната (Н. А. Красикова)¹¹¹. Первого вы скоро увидите и узнаете. О втором же скажу: при войне он, ей богу, полезен и необходим; *слушаться он будет вполне*; от неподходящих функций его *можно отстранить*; про него много ходит зряшных сплетен; бояться, что он накооптирует черт знает кого, нечего, ибо мы его побережем»¹¹².

Я подчеркнула слова, содержащие ленинский критерий кооптации в его ЦК недостающих членов. Отличается ли он чем-то от нынешнего партийного критерия пригодности коммуниста к руководящей работе? «*Слушаться он будет вполне*» — вот главное.

Или:

«Ф. В. Ленгнику 23 мая 1902 г. Лондон.

Итак Ваша задача теперь **просунуть своих людей в наибольшее число комитетов**, сохраняя

111) В Москве и поныне имеется улица Красикова (Д.Ш.).

112) Ленин В. И., ПСС, т. 46, стр. 304-305 (курсив Д.Ш.).

себя и своих паче зеницы ока до съезда. Это все архиважно! памяуйте это. **Будьте в этом смелей, наглей и изобретательней**, а в остальном потише и поострожнее.

Мудры, как змеи — и кротки (с комитетами: бундом и Питером) — аки голуби.

Весь Ваш Старик»¹¹³.

По свидетельству одного из наиболее компетентных в мире современных историков КПСС Леонарда Шапиро, поражает исследователей обилие полицейских агентов, иногда двойных, в большевистской партии, даже в ее верхах. По данным профессора Шапиро (см. Леонард Шапиро, История КПСС, изд. «Аврора», Италия, 1975), некоторые авторы не без оснований предполагают, что большевик-provokator Р. Малиновский (столь же прославленная фигура среди provokatorов-большевиков, сколь Азеф — среди provokatorов эсеров), работал и на охранку, и на Ленина. Но Ленин потом от него отрекся и не стал его защищать, хотя Малиновский, добровольно вернувшийся в большевистскую уже Россию, прямо рассчитывал на защиту Ленина.

Вот чем объясняет обилие в рядах большевиков платных provokatorов охранки профессор Шапиро:

«Во-первых, главная цель охранки — держать обе фракции в состоянии раскола — достигалась легче с «помощью» большевиков, и потому потенциальные агенты засылались именно в их ряды. Во-вторых, неразборчивый в средствах большевик-конspirator был ближе по характеру к тому типу авантюриста, которого привлекала двойная жизнь полицейского агента и революционера, чем доктринер-меньшевик, к тому же еще и идеалист. Наконец, большевик был, как правило, революционером-профессионалом, находившемся на содержании Центрального комитета; меньшевика же партия содержала лишь в редких

113) Там же, стр. 187.

случаях — он зарабатывал себе на жизнь самыми различными способами. Профессиональному революционеру в своей повседневной жизни легче сыграть еще одну, хоть и противоположную по сути, роль; кроме того, он испытывал еще большой соблазн сорвать лишний куш — большевики платили довольно скупо, — а охранка — весьма щедро».

«Держать обе фракции в состоянии раскола» — это была цель, в первую очередь, самого Ленина. Если цель охраны, действительно, была такова же, то остается лишь удивляться тому, как совпадала **губительная для режима** цель Ленина с целью инстанции, призванной режим охранять. Но есть и другие причины обилия аморальных людей в рядах большевистской партии ленинских лет. Ленинская декларативная неразборчивость в средствах, его маккиавелистское отношение к вопросам морали, его нужда в людях, готовых по его подсказке на все, не могли с самых ранних шагов раскола не группировать вокруг него людей либо весьма недалеких и бесхарактерных, либо достаточно нравственно неразборчивых. Волевых и одновременно разборчивых, которые с ним сближались в различных жизненных и политических обстоятельствах, он, как правило, быстро отталкивал и терял. Принадлежность к ленинскому крылу марксизма не может не быть предопределена некоторыми специфическими свойствами ума и характера.

В советском фольклоре эта закономерность отражена широко известным анекдотом с выводом, что невозможно одновременно сочетать в себе три качества: ум, порядочность и партийность. Чтобы не обижать себя и других, заменим первое свойство (ум) осведомленностью о программе и действиях партии. Эта довольно отчетливая закономерность связана со следующим принципиальным обстоятельством: невозможно сделать даже нескольких серьезных шагов по выполнению глобально-реконструктивных рекомендаций Маркса, чтобы не убедиться в их невыполнимости. Аналитический склад ума, хорошее

знание произведений Маркса и его оппонентов, знание жизни, **интеллектуальная честность** и простая порядочность, **если они у марксиста имелись**, рано или поздно приводили его к ревизии сначала реконструктивной, а потом и констатирующей части учения.

Мы не говорим о миллионах людей, которые знают в марксизме лишь лозунги его радикальных групп и вошли в партию по инерции воспитания и среды, в силу жизненных обстоятельств, не имеющих никакого отношения к сознательному теоретизированию. Но Ленин и его образованные соратники и коллеги по руководству партией прошли сквозь почти 20 лет жесточайшей партийной и межпартийной борьбы, сопровождавшейся огромной полемикой.

Тем не менее, непрестанно жонглируя марксистскими терминами, они ни разу в доводы своих оппонентов серьезно не вникли. Что частавляло Ленина и его соратников неукоснительно закрывать глаза, свои и чужие, на вопиющее несоответствие того, что они делали, тому, что намерены были, судя по их дореволюционным декларациям, сделать? Несклонность и неспособность к последовательному и основательному мышлению? Нетерпение и нетерпимость? Поверхностность? Интеллектуальная и нравственная беспринципность, которая не могла не проявляться в качестве беспринципности этической и политической? После прихода к власти возникли, разумеется, и самосохранительные, и корыстные соображения (Ленин сам находил у «членов правящей партии» эти качества). Учитывая дореволюционную (интеллектуальную и этическую) предисторию ВКП(б)-КПСС, можно ли удивляться картине того морального и психического распада, которая проявилась в рядах ветеранов «ленинской гвардии» в годы сталинского террора (именно проявилась, а не возникла)? Вокруг Ленина и должны были группироваться люди нравственно, в лучшем случае, небезупречные и не слишком глубокие. Об исключениях, разумеется, не говорят, но я их, по совести признаться, в рядах устойчивого руководства

ленинской партии не знаю. Исключения прозревали и отсеивались всегда и систематически, разными способами.

Стоит ли удивляться тому, что соратники Ленина в самый трудный миг его жизни предали и его?

7. Бессилие победителя

«Главная ошибка всех нас была до сих пор, что мы рассчитывали на лучшее; и от этого впадали в бюрократические утопии. Реализовалась из наших планов ничтожная доля. Над планами смеялась жизнь, смеялись все.

Надо это в корне переделать»¹¹⁴.

Неумение найти способы организационного овладения огромной, вырывающейся из рук машиной приводит Ленина в злое и нескрываемое отчаяние: «наша проклятая бюрократическая машина», «наши гнусные нравы (с претензией на «истинный коммунизм)», «бюрократическое тупоумие», «прозевали, проспали, дождались, как настоящая чинодральская сволочь приказа «начальства»; «Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников «лезет в петлю» бессознательно...» «Волокита возмутительная. Работа НКПС из рук вон плоха!» «... система коммунистических дурачков, имеющих власть и не умеющих ею пользоваться...» «А у нас, видимо, торговый отдел Госбанка вовсе не «торговый», а такой же говённо-бюрократический, как всё остальное в РСФСР... (у нас такого г..., как ведомства, много)...» «Расстрелов тоже мало (я за расстрел по таким делам)» — речь идет о «злоупотреблениях свободой торговли». «... весь состав комячейки такого-то завода или таких-то заводов объявляем виновным в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму... впрямь будем сажать за это профсоюзную и коммунистическую сволочь (суд, пожалуй, помягче выразится) в тюрьму беспощадно»¹¹⁵. И наконец:

114) Ленин В. И.. ПСС, т. 44, стр. 63, «Мысли насчет «плана» государственного хозяйства» (1921 г.).

115) Там же, т. 54, Письма 1921 г. (стр. 120, док. 209; стр. 167, док. 271; стр. 173, док. 280; стр. 88-89, док. 155 и др.).

«... Мы не умеем гласно судить за поганую волокиту: за это нас всех и Н.К.Юст сугубо надо вешать на вонючих веревках. И я еще не потерял надежды, что нас когда-нибудь за это поделом повесят...»¹¹⁶

Эти и сходные филиппики против бюрократизма и толкают к созданию иконописного образа Ленина-правдолюбца, Ленина — гонителя злонамеренных бюрократов, который и поныне так дорог благонамеренным коммунистической и социалистической оппозициям Её Величества КПСС. Тем более, что Ленин обращал к работникам партийной печати и такие призывы:

«Ещё более и более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую...»

Чем больше будет такой работы, чем больше углубляться будем в живую практику, отвлекая внимание и свое и читателей от вонюче-канцелярского и вонюче-интеллигентского московского (и совбуровского вообще) воздуха, тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства...»¹¹⁷

Но не будем спешить. Непреложные документы свидетельствуют, что призывы «не бояться выносить сор из избы», не отступать перед «голой правдой» (там же) имеют — один к одному — такой же смысл, как бесчисленные более поздние разглагольствования советских руководителей о живительной силе критики и самокритики. На все попытки окружающих хотя бы намеком привлечь внимание Ленина к *общим* истокам того, что он предпочитает называть «волокитой» или «бюрократизмом», следует с его стороны один непреклонный и чуждый всяких сомнений ответ: если вы и впредь намерены отговариваться от делового подхода к вопросу какими-то «общими» соображениями, то вам не сдобровать!

«Ежели вы думаете, что в РСФСР не найдется одно-

116) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 29, стр. 415, док. 207.

117) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 237.

го¹¹⁸ умного обвинителя и трех умных судей, действительно, умных (не торопыг, не крикунов, не фразёров), *то я вас обвиняю еще и в пессимизме насчет советской власти*» — так завершается письмо о «вонючих верёвках», преисполненное, казалось бы, самобичевания¹¹⁹.

И если кто бы то ни было (лидер «рабочей оппозиции» Шляпников, или языкатые «демократические централисты», или кто-то вне партии) осмеливается затронуть в своем стремлении к «голой правде» вопросы *общие*, ответ для всех одинаков: «... мы на это отвечаем: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо, если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, ... то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины»¹²⁰. А чуть выше сказано, что это надо иметь в виду «не только по отношению к некоторым внутрипартийным нашим делам» (иными словами, внутрипартийные разумеются сами собой), но и к таким *критикам*, как меньшевики «и все господа из 2½ Интернационала».

Нет, он не оглянулся во гневе ни разу, как ни разу не ощутил себя виноватым в чем-либо, кроме частных тактических промахов.

Да что там партийные вольнодумцы и меньшевики, если сам нарком юстиции Курский не избегает ленинского нагоняя за излишнее правдолюбие! Третьего сентября 1921 года Ленин написал Курскому письмо с требованием поскорее дать ход заявлению профессора Графтио¹²¹ с жалобой на волокиту в московских учреждениях. Не войдя в суть жалобы Графтио, не занимаясь ее расследованием, Ленин дает Курскому «пять заданий»:

«1) поставить это дело на суд;

118) Курсив Ленина.

119) Подч. Д.Ш.

120) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 253 («Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта 1922 г., XI Съезд РКП(б)»).

121) Известный энергетик.

2) добиться ошельмования виновных и в прессе и строгим наказанием;

3) подтянуть судей через ЦК, чтобы карали волокиту строже;

4) устроить совещание московских народных судей, членов трибуналов и т. п. для выработки **успешных** мер борьбы с волокитой;

5) обязательно этой осенью и зимой 1921-22 гг. поставить на суд в Москве 4-6 дел о московской волоките, подобрав случаи «поярче» и сделав из каждого суда **политическое** дело...»¹²²

Вот вам и «плановые» процессы сталинской эры с их априори обвинительными приговорами... Четырнадцатого ноября того же года Курский докладывает Ленину о ходе дела и пишет, в частности, следующее:

«Приходится с большим трудом выделять процессы, в которых этот организационный дефект (подразумевается громоздкость и бюрократическая сложность нашего аппарата, междуведомственные взаимоотношения, трения т. д.) не сказывается так решительно и волокита является деянием лиц, а не объективным следствием неналаженности нашего аппарата»¹²³.

Двадцатого ноября Ленин получает второе сообщение от Наркомюста (за подписью Красикова), отрывок из коего сам же и цитирует во втором письме Курскому от 17. 1. 1922 г.:

«... доклады следователей «по чрезвычайно важным делам» — Вьюкова, Ройзмана и сотрудника РКИ — Кедрова — поистине открывают Америку. В этих докладах в довольно безграмотной форме излагаются шаблонные истины о бюрократизме, сложности аппарата и т. д., и т. д.»¹²⁴

122) Там же, т. 35, стр. 444. Жирный шрифт и разрядка Ленина. Док. № 299.

123) Там же, стр. 457. Док. № 309 (жирный шрифт Д.Ш.).

124) Там же.

Выводы РКИ и следователей «по чрезвычайно важным делам» решительно возмущают Ленина. Так и не ознакомившись с делом, он категорически настаивает на выполнении предыдущей своей директивы и пишет:

«... Одним словом, видно, что дело по борьбе с волокитой ни на йоту не сдвинулось с места.

По существу я не получил исчерпывающего ответа ни на одно из тех пяти заданий; которые были мною поставлены...

Предлагаю ещё раз рассмотреть вопрос и организовать борьбу с волокитой деловито, по всем правилам военного искусства...»¹²⁵

Нужно «подобрать» случаи «поярче» и сделать «из каждого суда политическое дело», а виновность или невиновность героев спектакля — вопрос второстепенный. Когда Ленину пытаются доказать, что суть не в злом умысле «волокитчиков», он требует наказания «как раз ответственных виновников этих организационных дефектов», не понимая, что один из «ответственных виновников» спит на Хайгетском кладбище, а другой — диктует это наставление.

Более того, он так возмущен Курским, что предлагает Цюрупе привлечь к административной ответственности и его самого — наркома юстиции!

«Прилагаю насчет Курского. Это верх безобразия. Это саботаж! Мне ли написать ему очень сердито, или прямо Вы ему объявите выговор?

Ваш Ленин»¹²⁶

*

Невозможность овладеть ситуацией с помощью организационных приемов всё чаще и чаще толкает Ленина к применению чисто насильственных мер в различных сферах гражданского администрирования. Собственно говоря, после Октябрьского переворота и гражданской

125) Там же, стр. 457-458.

126) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 221. Док. № 352.

войны ничего нового в этих мерах для Ленина нет. Я хочу подчеркнуть другое: сила, которая не может добиться своих целей мирными средствами и при этом не хочет отказываться от своего положения *единственной решающей силы*, должна неизбежно обратиться к террору. В этом смысле Ленин стал на путь, для его партии — неотвратимый, поскольку, не будучи в состоянии выполнить свои дореволюционные обещания и намерения, РКП(б) не собиралась уступать кому-либо власть.

«Вы мне сказали, что некоторые наши тресты могут в ближайшем будущем оказаться без денег и просить нас ультимативно о том, чтобы их национализировали. Я думаю, что тресты и предприятия на хозяйственном расчете основаны именно для того, чтобы они сами отвечали и притом всецело отвечали за безубыточность своих предприятий. Если это оказывается ими недостигнуто, то по-моему, они должны быть привлекаемы к суду и караться в составе всех членов правления длительным лишением свободы (может быть с применением по истечении известного срока условного освобождения), конфискацией всего имущества и т. д.»¹²⁷.

За бесприбыльность не карал заключением и конфискацией имущества даже Сталин.

Аналогичными способами Ленин пытается регулировать и успехи науки:

«31.III.1922.

С. СЕКРЕТНО

В Наркомюст, тов. Курскому
Копия тов. Крыленко

По моему поручению бывшей МЧК было начато расследование по делу преступной халатности, волокиты и бездеятельности в Научно-техническом отделе и Комитете по делам изобретений.

Результаты расследования были представлены в

127) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 35, стр. 468. Док. № 316.

Мосревтрибунал, который вместо того, чтобы по существу рассмотреть это дело, выявить и наказать виновных (а что в этих учреждениях имеется достаточное количество ученых шалопаев, бездельников и прочей сволочи — отмечалось не раз в печати, в статьях т. Сосновского и других) — чрезвычайно покровительственно отнесся к обвиняемым, судил без обвинителя и **в конце концов признал обвинение недоказанным и всех виновных оправдал**¹²⁸.

Прошу Вас лично ознакомиться с этим делом, глубоко внимательно к нему отнестись, постараться совместно с РКИ собрать дополнительные материалы о деятельности этих учреждений, если нужно назначить по соглашению с тов. Аванесовым ревизию — **не из чиновников и слюнтяев, а из людей, которые действительно сумеют как следует обревизовать, добыть нужные материалы и найти виновных. Нужно в Ревтрибунале поставить политический процесс (с привлечением для печати т. Сосновского), который как следует перетряхнул бы это «научное» болото**¹²⁸.

Мосревтрибуналу за послабление и формальное бюрократическое отношение к делу предлагаю объявить строгий выговор.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)¹²⁹

Лишенный из-за отсутствия гласности и свободы печати (им же самим и установленной) возможности что-либо знать об истинных взглядах и настроениях своих подданных, Ленин пытается возместить это неведение полицейской слежкой за интеллигенцией:

421

«Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОМУ

т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу

128) Жирный шрифт Д.Ш.

129) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 220-221. Док. № 350.

писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглумим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т. д.).

Собирать **систематические** сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ . . .»¹³⁰

Ленин и здесь выводит советскую власть на единственно ей доступный путь взаимоотношений с инакомыслящими. Отсюда идут и чекагебистские «досье» на «неблагонадежных» писателей, и «кураторы» идеологических учреждений с плохо скрытой военной выправкой . . .

*

Наследие Ленина решительно опровергает легенду о том, что НЭП и на самом деле раскрепощал свободную инициативу. На какое-то время убеждение Ленина в том, что частная собственность *не может не быть* беспомощней собственностью социалистической (сиречь государственной), подсказывает ему идею их относительно свободного соревнования. Однако в 1922-м году ход этого соревнования стал уже очевидным, и Ленин опять на-

¹³⁰ Там же, стр. 265. Док. № 421. Жирный шрифт и разрядка Ленина.

чинает отдавать предпочтение силовым приёмам в области хозяйственных отношений:

«... Говорят, в Смоленской губернии частный капитал **побил** кооперацию, довёл до закрытия.

А суд за незаконную торговлю?

А пошлины за частную торговлю? и т. д. и т. п.

Тоже все проспали советские бюрократы?

Кто у Вас отвечает за это? Не создать ли комиссии

1) от НКФ	} для мер надзора и репрессии	
2) от НКЮ		} за неправильную торговлю
3) кто-либо		

С ком. приветом *Ленин*»¹³¹

«... что **на деле** делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?

Число процессов по злоупотреблению **НЭПом**?

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)? и т. д.

С коммунистическим приветом. *Ленин*»¹³²

«... Обдуманы ли формы и способы ответственности членов правлений трестов за неправильную отчетность **и за убыточное** ведение дела? Не спит ли у нас НКЮст? Тут нужен ряд **образцовых** процессов с применением **жесточайших** кар. НКЮст, кажись, не понимает, что новая экономическая политика требует **новых** способов **новой жестокости** кар»¹³³.

*

Как только выяснилось, что, кроме принуждения и запретов, нет у Ленина универсальных приёмов управления, его личная ценность для «внутренней партии»¹³⁴

131) Там же, стр. 160. Док. № 261. Жирный шрифт Ленина.

132) Ленин В.И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 176. Письмо Д. Курскому от 28.2.1922. Жирный шрифт Ленина.

133) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 160. Жирный шрифт и разрядка Ленина.

134) Орвелл Дж., 1984.

резко упала. Способность возглавлять террор и дезинформацию (в отличие от способности генерировать оригинальные и действенные решения сложных задач) — не такое уж редкое качество для людей с лидерскими наклонностями.

Ленин-тактик — поистине редкое политическое явление. Ленин-диктатор ничем выдающимся в ряду прочих диктаторов не отличается. Ему решительно не хватает выдержки и энергии. Он болен, стареет, нервничает, раздражается, дает невыполнимые указания, сплошь и рядом обращает свое раздражение против ближайших соратников и даже против себя самого. Понимание частью его окружения его нарастающей беспомощности проявилось к осени 1922 года достаточно определенно. Иронические замечания Троцкого по поводу «Постановления о работе «замов» или ленинских писем о Рабкрине¹³⁵, реакция партийных острословов и вольнодумцев, вроде Рязанова и Ларина, на доклад Ленина на XI съезде РКП(б)¹³⁶, патетические обличения ленинских действий партийными ортодоксами типа Шляпникова на X и XI съездах РКП(б) — оценки Ленина, присутствующие в этих документах эпохи, не слишком для него лестны.

Я не хочу сказать, что оппоненты Ленина (иногда — явные, иногда — уклончивые) предлагали какие-то эффективные альтернативы его беспомощным распоряжениям. Когда их предложения располагались в границах последовательного большевизма, они ничем принципиально не отличались от ленинских. Когда в таких контрпредложениях имелось нечто *всерьез не-ленинское*, (как, например, в выступлении Г. Мясникова, требовавшего свободы печати, или в платформе РОПП, добивавшейся приоритета рабочих союзов над партией), то они непосредственно или косвенно ослабляли диктатуру РКП(б). Но если кому-нибудь кажется, что сам Ленин

135) См. прим. к т. 27, изд. III *Сочинений* Ленина.

136) По словам Ларина, делегатов обрадовало выздоровление Ленина и появление его на съезде, но не его выступления, в общем, бессодержательные, в чем Ларин прав.

унес с собой какие-то спасительные рецепты (и что именно из-за наличия у него этих рецептов, он был изолирован Сталиным от партии во время болезни), то это не более, чем иллюзия.

*

В 1922-м году «неумение», «нежелание», «неспособность» людей и организаций выполнять требования и советы Ленина, соответствовать его ожиданиям и прогнозам все чаще вызывают у него досаду и недоверие не только к отдельным лицам и учреждениям, но и к одному слою советского общества за другим. До революции его опорой, его мессией, вместилищем всех надежд человечества был в его пропагандистских произведениях пролетариат. Теперь и рабочие, то бастующие, то бунтующие, то отстаивающие независимость профсоюзов, оказываются классом ненадежным и недоброчастенным:

«... не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все ещё так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где..., что поголовная организация пролетариата его диктатуры осуществить непосредственно не может»¹³⁷. «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки»¹³⁸. «Наш пролетариат **в большей части своей деклассирован**»¹³⁹. «Со времени войны фабрично-заводские рабочие в России стали гораздо менее пролетарскими по составу, чем прежде, ибо во время войны поступали на заводы те, кто хотел уклониться от военной службы. Это — факт общеизвестный»¹⁴⁰.

137) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 32, стр. 3 («О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках Троцкого»).

138) Там же, стр. 40 («Доклад о роли и задачах профессиональных союзов» — II Всероссийский съезд горнорабочих, заседание коммунистической фракции 23. 1. 1921 г.).

139) Там же, стр. 176 («Заключительное слово по отчёту ЦК РКП(б) 9 марта 1921 г.» — X съезд РКП(б)). Жирный шрифт Д.Ш.

140) Там же, т. 33, стр. 228 («Об условиях приёма новых членов в партию» — письмо В. М. Молотову).

«... Очень часто, когда говорят «рабочие», думают, что значит это фабрично-заводской пролетариат. Вовсе не значит. У нас со времен войны на фабрики и на заводы пошли люди вовсе не пролетарские, а пошли с тем, чтобы спрятаться от войны, а разве у нас сейчас общественные и экономические условия таковы, что на фабрики и заводы идут настоящие пролетарии? Это неверно. Это правильно по Марксу, но Маркс писал не про Россию, а про **весь капитализм в целом, начиная с пятнадцатого века**. На протяжении шестисот лет это правильно, а для России теперешней неверно. Сплошь да рядом идущие на фабрики — это не пролетарии, а всяческий случайный элемент»¹⁴¹.

Тем не менее в последних своих работах и письмах, ища способов предупредить окончательное бюрократическое перерождение власти, Ленин опять пытается ухватиться за идейное первородство пролетариата. Он предлагает расширить ЦК и ЦКК, введя туда рабочих. Но *рекомендовать* этих рабочих должны проверенные (?) коммунисты, а о коммунистах он пишет следующее:

«... надо принять во внимание, что соблазн вступления в правительственную партию в настоящее время гигантский...»

... Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не её составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»¹⁴².

141) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 106-107 («Политический отчёт ЦК РКП(б) XI-му съезду РКП(б) 27 марта 1922 г.»).

142) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 228-229. («Об условиях приёма новых членов в партию» — письмо В. М. Молотову).

И ещё:

«... Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю. Не вышло ли нечто подобное в столице РСФСР и не получилось ли тут так, что 4700 коммунистов (почти целая дивизия, и все самые лучшие) оказались подчинёнными чужой культуре? Правда, тут может как будто получиться впечатление, что у побежденных есть высокая культура. Ничего подобного. Культура у них мизерная, ничтожная, но все же она больше, чем у нас. Как она ни жалка, как ни мизерна, но она больше, чем у наших ответственных работников-коммунистов»¹⁴³.

Как же они могут руководить?

Стремясь обеспечить надежность (в каких отношениях?!) руководящих работников и коммунистов, Ленин громоздит один этаж рекомендателей над другим. Но, когда, тяжелейше больной, он диктует свое знаменитое «Завещание», вызвавшее столько пересудов и толков, оказывается, что и на самой вершине партийной элиты он не обнаруживает для себя *ни одного безоговорочно надежного преемника*. Кто же кого должен рекомендовать и за кого ручаться? Ведь в конечном счете, при движении снизу вверх и обратно, *вся цепь*: от пролетариев, которые должны проверять, направлять и контролировать высочайшие коммунистические инстанции, и до этих инстанций, которые должны рекомендовать пролетариев для такого контроля, — не имеет ни одного звена, вызывающего доверие Ленина! Снизу и доверху она состоит, по его убеждению, из неполноценного человеческого материала.

¹⁴³ Там же, стр. 258-259 («Политический отчет ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б) 27 марта 1922 г.»).

Положение Ленина тяжело и субъективно, и объективно. Он тяжело болен. Болезнь прогрессирует неотвратимо, и достичь уровня работоспособности прежних лет он уже не может. В то же время возникшая перед ним задача не имеет организационного решения. Глубоко убежденный в том, что огосударствленная экономика должна быть эффективней рыночной, что централизованность и упорядоченность — синонимы, он никак не может понять, почему действительность опровергает его представления. Он занят тем, что ищет виновных. И, когда юристам (его юристам) не удастся таковых отыскать, он проникается мыслью, что виновны все. На деле же в скрипе, лязге и скрежете, с которыми хоть как-то двигались все части машины, сказывалась объективная неуправляемость централизованного хозяйства огромной, бездорожной, многоплеменной страны, только что пережившей (и ещё не изжившей) великую разруху. НЭП не повышал её управляемости, ибо Ленин и рыночную экономику намерен был контролировать неотступно.

Всё в этой стране ещё рвалось к естественному, свободному образу существования. Всё активно или пассивно, волей или инерцией сопротивлялось предписанной ему упорядоченности. Понадобятся десятилетия террора после короткого, половинчатого (и всё же целевого) маневра НЭПа, чтобы набросить на это сопротивление узду достаточной крепости.

Безнадёжные попытки «решить», пошел ли бы Ленин на этот террор, порождают серию мифов о Ленине, способном обойтись без большого террора в строительстве социализма. Но без террора в строительстве и сохранении социализма никто ещё не обошелся, и в принципе обойтись нельзя. Вопрос заключается только в том, хватило бы Ленина на террор нужной мощи. Реального Ленина физически не хватило уже ни на что, кроме введения НЭПа и защиты закона о государственной монополии внешней торговли. Мифологический Ленин вне

моих интересов. Я только могу констатировать, что живучесть мифа о Справедливом Ленине, подкрепленного мифом о Ленине Обиженном и Скорбящем, поистине удивительна.

После выхода в свет пятидесятипятитомника сочинений Ленина, а также стараниями Р. Медведева, Е. Драбкиной и других, к Ленину Справедливому и Ленину Скорбящему прибавился ещё и Ленин со Связанными Руками и Кляпом во Рту. И во всех этих мифах возникал перед нами человек великодушный и мудрый — антитеза грубого и жестокого Сталина.

Разумеется, сочинять апокрифы куда интересней, чем рыться в книгах, которые стоят на полках всех казенных библиотек. Но когда этих книг не читают люди, обязанные читать их по роду своей литературной специализации, возникает законное недоумение.

Р. А. Медведев пишет¹⁴⁴: «Обострившиеся разногласия внутри ЦК и происходившая здесь явная и тайная борьба за власть, грозившая расколом партии, очень волновала В. И. Ленина, в состоянии здоровья которого летом и осенью 1923 года произошли заметные улучшения. ... Ленин в эти месяцы встречался со многими людьми, но он не хотел приглашать к себе не только Сталина, но и других членов Политбюро. По свидетельству Н. К. Крупской, это было бы ему «непосильно тяжело». Как рассказывает в неопубликованной части своих мемуаров Е. Драбкина, Ленин часами сидел в одиночестве и часто плакал, видимо, не только от бессилия, но и от обиды».

Картина получается трогательная и впечатляющая. Когда больной пожилой человек часами сидит в одиночестве и плачет, его жалко.

Но человек, которого нам жалко, писал о *жалости*:

«Мы должны сказать, что должны погибнуть либо те, кто хотел погубить нас и о ком мы считаем, что он должен погибнуть, — и тогда оста-

144) Альманах *Двадцатый век* (Лондон), 1977, № 2.

нется жить наша Советская республика, — либо наоборот, останутся жить капиталисты и погибнет республика.

Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество. Тот, кто отступает теперь от порядка дисциплины, тот впускает врагов в свою среду»¹⁴⁵.

Ленин употребляет слово «сентиментальность» неточно, ибо он имеет в виду не собственно «сентиментальность» (поверхностную квазичувствительность), а жалость, сострадательность, отвращение перед насилием, то есть чувства истинные и глубокие. Это следует из полного текста его *многократных* нападок на «сентиментальность» и сарказмов по поводу «сентиментальных интеллигентиков».

Афоризм Ленина о сентиментальности можно ведь и несколько перефразировать: «Сентиментальность на войне — такое же преступление, как и шкурничество». А коммунизм (марксизм-ленинизм) определил с 1848 года свой путь как состояние перманентной войны против *всемирного* капитализма. Ленин успел в этой войне только поставить РКП(б) в положение колонизатора своей же страны. Сталину предстояло эту колонизацию сделать тотально прочной. Мощь развернутого ими террора — мера не только их личных и партийных качеств, но и мера сопротивления, оказываемого «материалом» — страной. Ленин уничтожил или вытеснил за границу высшие классы и часть несогласной с ним интеллигенции. Сталину предстояло частью уничтожить — частью закрепить крестьянство, всю остальную интеллигенцию, первый состав собственной партии и вообще всю страну, ибо сопротивление диктатуре неизменно активизировалось как только её сверхтяжелый пресс хоть сколько-нибудь приподымался. Почему же Сталин должен был относиться к сентиментальности иначе, чем Ленин? Разве его сверхзадача была проще

¹⁴⁵ Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 48 («Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов»). Жирный шрифт Д.Ш.

ленинской? Разве это была не одна и та же задача? Ленин чуть было не сорвал победу Кремля над Грузией, когда с демагогической сентиментальностью пытался использовать хулиганскую выходку Орджоникидзе в своей борьбе против Сталина. Вождь партии, он «сентиментально» поставил на карту самое, казалось бы, для него главное — *единство партии*, когда Сталин блокировал его, а потом обидел его жену. Он был поразительно непоследователен, когда в записке «К вопросу о национальностях» или об «автономизации»¹⁴⁶ писал:

«... Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна».

Он непоследователен здесь потому, что рукоприкладство Орджоникидзе в грузинском ЦК — жалкая капля в том океане насилия, который опрокинул на Россию (и откровенно мечтал опрокинуть на весь мир) Ленин. И если размах применённого насилия означает (как пишет здесь Ленин) одновременно и меру неправоты насильника, то, осуждая Орджоникидзе, Ленин подписывает приговор себе самому.

Ибо какие пощечины могут сравниться с таким приказом:

«Членам Совета Обороны

Хлеб перестал подвозиться¹⁴⁷. Чтобы спастись, нужны меры, действительно, экстренные. . . . Наличный хлебный паек **уменьшить**¹⁴⁷ для неработающих по транспорту; **увеличить**¹⁴⁷ для работающих. **пусть погибнут ещё тысячи, но страна будет спасена**»¹⁴⁸.

146) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 352-356.

147) Жирный шрифт Ленина.

148) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 29, стр. 390, док. 191 (жирный шрифт Д.Ш.).

Сопоставьте это «*чтобы спастись*» с заключительным «*но страна будет спасена*», и вы увидите, что «*страна*» в данном контексте означает лишь диктатуру большевиков, ибо хлеб надо *любой ценой* доставить в голодающую Москву, где толпы голодных могут припомнить свой опыт февраля 1917 года. Таких примеров в наследии Ленина — без преувеличений — *десятки*.

Он и в самом конце своей сознательной жизни не переставал угрожать:

«... когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление — тут иногда достаточно, и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «*Стреляй!*». И правильно.

Если люди вносят панику, хотя бы и руководствуясь лучшими побуждениями, в такой момент, когда мы ведем неслыханно трудное отступление и когда все дело в том, чтобы сохранить хороший порядок — в этот момент необходимо карать строго, жестоко, беспощадно малейшее нарушение дисциплины...»¹⁴⁹

*

Трудно поверить, но и абсолютной уверенности, что этой кровавой ценой он ведет Россию по правильному (хотя бы с его партийных позиций) пути, у Ленина не было. В одном только основополагающем своем труде о своих партийных задачах и целях — в «Государстве и революции» (1917-1918 гг.) он *трижды* подчеркнул отсутствие у радикальных марксистов отчетливого представления о том, что они делают. Вот одно из этих высказываний:

«... 'обещать', что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не

149) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 252. («Политический отчет ЦК РКП(б) XI-му съезду РКП(б) 27 марта 1922 г.»).

приходило, а предвидение великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда, и не теперешнего обывателя, способного «зря» — вроде как бурсаки у Помяловского — портить склады общественного богатства и требовать невозможного».

Вслушайтесь в этот окрик (далеко не единственный в своем роде в ленинской печатно-речевой продукции 1918-1922 гг.): он и спрашивать ничего с себя не велит! А ведь до октября 1917 года только и делал, что обещал невозможное тем, кого теперь презрительно именует бурсацко-обывательской чернью, требующей невозможного и разрушающей, чтобы разрушать!

Впрочем, внимательный глаз и тогда мог увидеть всю безответственность его демагогии, почти им и не скрываемую:

«Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело»¹⁵⁰.

И 17 января 1923 года, в самом конце своего пути, Ленин лихо цитирует Наполеона:

«Помнится, Наполеон писал: 'On s'engage, et puis... on voit'».

В вольном русском переводе это значит: **«Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет»**. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели **такие детали развития** (с точки зрения мировой истории это несомненно детали), **как Брестский мир, или НЭП и т. п.**¹⁵¹.

Жизнь и смерть миллионов людей — «с точки зрения мировой истории» — лишь детали развития... **развития чего?** «Мы все глядим в Наполеоны: двуногих тварей

150) Рабочий, 1917, № 6, 11 сентября (29 августа).

151) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 436-439. Письма Суханову «О нашей революции». Жирный шрифт Д.Ш.

миллионы для нас орудие одно»... Не дословно ли? Остается лишь потрясаться тому, с какой прозорливостью и Пушкиным, и Достоевским предсказана интерпретация некоего **мирового** характера, с такой угрожающей грандиозностью развернувшегося в России XX века в фигуре Ленина.

Те, кто пытаются приписать Ленину в конце его жизни какие-то сожаления о содеянном или серьезные сомнения в своей не лишь тактической, а нравственной, исторической правоте, заблуждаются. Вот концентрированное выражение тех сомнений и опасений, которые посещали его в конце жизни:

«Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»...¹⁵²

Только одно его до конца дней и заботило: чтобы «машина» ехала только туда, куда он, водитель, её направит. Но — куда? Вряд ли он и сам себе это отчетливо представлял...

*

Был ли человек, сочинивший и произнесший все это, лично жесток?

Я бы не решилась однозначно ответить на этот вопрос.

Скорее всего Ленин, этот гигантский исторический Раскольников, заранее и раз навсегда разрешил себе переступать через кровь, которой потребует его цель, подобно тому, как он позволил себе и своим соратникам переступить через нравственность. Но, в отличие от Раскольникова романтического, он не терзал себя самоанализом, не изводил себя сомнениями в том, имеет ли

¹⁵² Там же, стр. 250 («Политический отчет ЦК РКП(б) XI-му съезду РКП(б) 27 марта 1922 г.»).

он право переступить. Раскольников долгое время казнит себя за свою неспособность убить без морального содрогания. В наследии Ленина не ощущается даже тени этого содрогания, которое, правда, приписал ему Горький в своем многострадательном очерке «В. И. Ленин». **Но он ведь и не убил никого своими руками!**

Он только теории сочинял, произносил речи, бумаги писал и подписывал, в газетах печатался... Не испытывал же Раскольников моральных терзаний, когда напечатал свою статью, где постулировал право «переступить»? Вполне вероятно, что он и приказы подписывал бы спокойно, так и не ощутив ни разу, **что такое убийство.**

Повидимому, и Ленин не ощутил **ни единожды** понастоящему миллионов смертей под своим пером.

Создается устойчивое впечатление, что Ленин воспринимает «человеческий материал», которым он оперирует, именно так, как хотел бы, но не сумел его воспринять Раскольников: как некую усредненную и схематизированную до полной бесплотности статистическую абстракцию. Невозможно сказать, стоило ли ему это душевных усилий. Во всяком случае, во всем его огромном наследии эти усилия не отразились.

Человек сочиняет нечто, разрешающее убийство. Палач по приказу опускает топор. Первый не убивал. Второй убил по приказу. Достоевский заставил человека, придумавшего **разрешение убивать, убить своими руками.** Он убрал все перегородки и сократил до предела расстояние между вдохновителем убийства и палачом, сняв разницу между ними. Чем это кончилось, нам известно. Изобретателю идеи и палачу некуда стало бежать от ответственности, которая в массе случаев ослаблена (субъективно снята) разделением их ролей. Исчезло «Я никого не убил», отпало: «Я убил по чужому приказу». Поэтому Молох (идея) удовлетворился двумя жертвами, а затем убивший ужаснулся себя и был спасен, хотя и не прощен собою самим: простить **себе** такое нельзя, иначе снова погиб... Ленин не любил Досто-

евского, объединившего сочинителя идеи и убийцу в одной судьбе, чтобы человек ужаснулся содеянному. Ленина не ужасал воплощенный им в жизнь бред Раскольниковова, не ужасали убийства, всегда совершаемые чужими руками, где-то за кадром его частного существования.

Вероломство соратников и несправедливость судьбы по отношению к «себе, любимому» (Маяковский) Ленин, как большинство людей, воспринимает несравнимо болезненней, чем все то, что он сам предпринял против других людей.

Для того, чтобы Ленин понял, как милостива была к нему судьба, как умеренно был он обижен еще не развернувшимся Сталиным, как не отлились ему чужие слезы и кровь, перед ним следовало бы прокрутить фильм со смертями всех его ближамших сподвижников (смерть миллионов других людей его могла бы и не взволновать: он воспринял бы ее как абстракцию). Его надо бы провести за его «гвардейцами» по кабинетам, камерам и подвалам московских и ленинградских застенков. Тогда его перестало бы угнетать уютное подмосковское поместье Горки с просторным особняком и парком вокруг. Он оценил бы преданные заботы близких, возможность часами сидеть в одиночестве и лелеять свои обиды...

Когда Сталин понял, что Ленин больше не может сопротивляться его вкрадчивому и неотступному натиску и что за Ленина с ним никто воевать не будет, Ленин как *лицо* для него превратился в нуль. Так же и для всех остальных вчерашних «гвардейцев» Ленина, пока еще со Сталиным почти равноправных. Что им всем за дело стало до немого беспомощного полупаралитика, еще воюющего со смертью? Через *Владимира Ульянова* они дружно переступили, и он остался умирать в одиночестве. Но *Ленин* повел их дальше. И каждый из них старался сделать его только своим достоянием. Они колотили друг друга по головам его высказываниями. Они развесили в своих кабинетах его портреты. Они постро-

или мавзолее и положили там для всеобщего обозрения его мумию. Они сделали его и его деяния одним из главных предметов советского изобразительного и всех прочих искусств. Одареннейший тактик и политический интриган, блестящий демагог-агитатор, удачливый диверсант и колонизатор в родной стране, но заурядный и непоследовательный в конце жизни диктатор, он воскрес в их легенде лишенным слабостей. Возник прочный положительный штамп — «ленинский стиль руководства». Им одинаково широко оперировали и оперируют и Сталин, и его противники, и Хрущев, и Брежнев, и, главное, все прокоммунистические оппозиции против ленинской партократии, вплоть до нынешних «новых левых». Только тотальная *нечитаемость* литературы такого рода, как сочинения Ленина или стенограммы партийных съездов, не позволяет ни одной из сторон и по сей день прочувствовать убийственную ироничность этого штампа.

Победил Ленин в непрестанной борьбе всей своей жизни или потерпел поражение?

Ответ на этот вопрос мог бы дать только сам Ленин. Все зависит здесь от того, *каков был истинный, глубокий, интимный стимул* его действий, самых жестоких или нелепых.

О Ленине, сколько ни вчитывайся в его сочинения, не скажешь с уверенностью (как можно сказать о его преемнике), что ему было решительно наплевать на все, кроме личной власти и сохранения партократии. Если бы последнее было верно, то это значило бы, что, несмотря на финал его жизни, который, по личному его ощущению, был, конечно, трагичен, Ленин одержал одну из грандиознейших политических побед в истории. Но если для него — в самом последнем и личном счете — не утратили смысла исходные побуждения его молодости, если он и в самом деле надеялся как-то, когда-то, в расплывчатом и неопределенном «далеко», ошастливать человечество, то он потерпел величайшее и непоправимое поражение.

ЧАСТЬ II

НИКОЛАЙ БУХАРИН — ЛЮБИМЕЦ ПАРТИИ

«С более широкой точки зрения, то есть с точки зрения большего по своей исторической величине исторического масштаба, пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

И. И. Бухарин, Экономика переходного периода. М., 1920

«Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляет ум и талант».

Виссарион Белинский, Письмо к Гоголю

1. Вступление. Диоген ищет человека

Когда после почти четверти века мытарств вдова Бухарина обратилась к Хрущеву с просьбой о реабилитации казненного мужа, все было понятно. Для уцелевших ЧСИР¹ имело существенное практическое значение, снято ли с них клеймо зачумленных. Да и реабилитацию многие в ту пору воспринимали еще всерьез: а вдруг «дела» пересматривают по-настоящему? Как оставить необеленной память близкого человека? Но сегодня, через двадцать два года² после начала этой позорной пародии на правосудие, неужели подобные побуждения

1) Член семьи изменника родины, «литерная статья», согласно которой репрессировали членов семей осужденных «врагов народа».

2) В конце 1978 года западные средства массовой информации сообщили, что сын Н. И. Бухарина Ю. Ларин ходатайствует перед ЦК КПСС о реабилитации своего отца.

еще сохраняют смысл для сына Бухарина³? Кто и в чем должен реабилитировать его отца?

Почему поддерживают просьбу Ю. Ларина о реабилитации Н. И. Бухарина главы европейских компартий, — понятно. Им очень хочется отыскать в истории РКП(б)-КПСС людей, которые, не уничтожь их Сталин, построили бы в СССР «социализм с человеческим лицом». Бухарин, согласно ныне распространенному представлению, как нельзя более годился для исполнения не состоявшейся по ряду частных причин исторической роли, альтернативной Сталину. Кроме того, официальная реабилитация Бухарина повысила бы международный авторитет современной КПСС, столь досадно для Берлингуэра или Марше себя компрометирующей.

Когда речь идет о живом арестанте, то приходится требовать от судей несправедных его оправдания и даже помилования, чтобы спасти человека. Но мертвого?! Его-то зачем опять проводить через их судилище? Много ли чести для кого бы то ни было быть посмертно оправданным с точки зрения Брежнева или Андропова?

Думаю, что сегодня единственный более или менее корректный способ исследования судьбы, убеждений, действий и черт Бухарина — способ литературный, не претендующий на право карать или миловать. Так написал Артур Кестлер о своем Рубашове — герое к Бухарину очень близком, но портретно с него не списанном. Для исследователей, художников, читателей, зрителей это весьма примечательный материал — Николай Бухарин и его восьмилетним кошмаром и сталинской пулей завершенная жизнь.

3) Глава впервые публиковалась в 1979 году.

2. «Лучший теоретик партии»

За сорок лет, истекших после его гибели, Бухарин успел из «любимца партии» стать любимцем широкого круга авторов, по преимуществу западных. Эти авторы объединены, при всех их различиях, верой, что жертвы Сталина унесли с собой какие-то страшные для него и спасительные для марксизма идеи. По их представлению, Бухарин — один из немногих истинных интеллигентов партии, эрудит, энциклопедист, до педантичности честный мыслитель, добрый, милый, обаятельный человек. Сверх всех этих редких достоинств Бухарин обладал в их глазах еще и жизнеспособной демократической моделью социализма. Г-н С. Хейтмен⁴ сообщает, к примеру, своим читателям, что, «поглощая литературу на нескольких языках», Бухарин «с компетентностью профессора-эксперта обсуждал весь спектр идеологической мысли XX века». Для начала приведем несколько образцов этой профессорской эрудиции:

«... духу настоящей общественной науки прямо претит бестолковое повторение «вечных истин», прогорклая жвачка, достойная ученых коров либерализма». «Теория диктатуры пролетариата», 1919).

«... точно так же оценивали положение вещей и теоретики международной социал-демократической гнили. Эта пададь тоже ухватилась за возможность констатировать пресловутый крах!» («О ликвидаторстве наших дней», 1924).

«В стальных осколках, в ядовитых газах, во вшах, в человеческом кале и крови грозит задохнуться «благородная» культура капитализма, кото-

4) Все ссылки на тексты работ Н. И. Бухарина — см. *Путь к социализму в России*. Избранные произведения Н. И. Бухарина. Редакция и вступительная статья С. Хейтмена, профессора истории в университете штата Колорадо. Нью-Йорк, «Омикрон букс», 1967. В дальнейшем краткое обозначение «Хейтмен». По этой же книге — ссылки на С. Хейтмена.

рая пожрет самое себя! ... Наша наука перестает быть занятием парочки кабинетных ученых; ... на первый план рабочий класс и его партия поставили массу; не отдельных жрецов, не отдельные экзотические тепличные растения, ... не отдельные бриллиантовые ручейки культуры, а громадный, широкий и глубокий поток массового культурного строительства. ... Мы ... буржуазно-мещанскую мораль уничтожили, мы ее по косточкам разложили, она сгнила у нас под руками ... Мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит «собачий вальс» перед героическими симфониями Бетховена». («Ленинизм и проблемы культурной революции», 1928.)

Итак, обсужден, осужден и даже приговорен «весь спектр идеологической мысли XX века»: либералы, социал-демократы, просто ученые, западноевропейские и русские, вся «благородная» культура капитализма ...

Нам возразят, что это всего лишь отрывки, представленные вне контекста. А какой контекст может оправдать такие суждения?

Бухарина считают прежде всего и по преимуществу теоретиком.

Для теоретизирования, как необходимое (хотя и недостаточное) его условие, нужна честность мысли. Приведу один небольшой пример, характеризующий Бухарина-теоретика. Вопрос поставлен немаловажный:

«Чем же определяются особенности нового государственного типа»? Речь идет о государстве диктатуры пролетариата. Бухарин так отвечает на свой вопрос:

«Во-первых, пролетарское государство есть диктатура большинства над меньшинством страны, тогда как всякая иная диктатура была бы диктатурой кучки; во-вторых, всякая прежняя государственная власть ставила своей целью сохранение и упрочение

процессов эксплуатации. Наоборот, совершенно ясно, что большинство не может жить за счет кучки и пролетариат не может эксплуатировать буржуазию». («Теория диктатуры пролетариата».)

Но ведь Бухарин *знает*, что пролетариат не является большинством ни всего населения страны, ни даже его работающей или трудоспособной части! В статье «Новый курс экономической политики» (1921) он дает цифру в пятнадцать миллионов рабочих, что составляет десять процентов российского населения! В 1922 году на XI съезде РКП(б) в нескольких выступлениях повторяется цифра два-три процента рабочих от всего населения.

Достаточно вынуть из основания бухаринской «теории диктатуры пролетариата» кирпич мнимого пролетарского большинства — и вся его аргументация законности и благости этой диктатуры повисает в воздухе или оборачивается собственной противоположностью.

Многочисленные и разнообразные оппоненты большевиков неоднократно уличают их в этой лжи. И с неизбежностью (иначе надо прощаться с претензией на научность своей политики) возникает новое теоретическое достижение: знаменитый тезис о прорыве «слабого звена в цепи мирового империализма»⁵. Поклонники Бухарина особенно энергично отстаивают его приоритет перед Лениным в этой идее. Многословные рассуждения на эту тему Ленина и Бухарина сводятся к очень простому доводу. Мировой исторический процесс и современное человечество надо рассматривать как единые целостные системы. Если в России общественное производство не полностью созрело для социалистической революции, то в мировых масштабах эта зрелость уже достигнута. А потому неважно, на каком участке мирового империалистического фронта будет пробита социализмом первая брешь. Где легче, там и пробьем. Эта

5) Эта идея высказана и Марксом, хотя бы в его письмах к Вере Засулич. То, что в странах с тяжелыми экономическими и правовыми обстоятельствами легче произвести какой-то переворот, чем в развитых, свободных, обеспеченных странах, самоочевидно.

мысль настолько наукообразна, что по сей день далеко не у всех вызывает сомнение. Между тем она не выдерживает анализа с нескольких точек зрения, из которых мы коснемся одной: пролетариат и в *мировых масштабах* никогда не являлся большинством населения, даже не приближался к его большинству. Поэтому диктатура пролетариата и в мире, рассматриваемом как *целое*, не более обоснована, чем в России.

Во времена Бухарина население мира составляло примерно два с половиной миллиарда человек (двадцатые-тридцатые годы). Население развитых промышленных стран мира приближалось к пятнадцати процентам всеземного населения. Число рабочих в развитых странах не достигало пятидесяти процентов их населения. Следовательно, оно равнялось не более чем семи процентам мирового населения. Вот вам и обоснование законности диктатуры пролетариата его большинством уже не в российских, а в мировых масштабах. Маркс и Энгельс вполне могли ошибочно экстраполировать в будущее производственные тенденции своей эпохи. Но Бухарин и Ленин? !

Не будем, впрочем, выхватывать частности из системы взглядов Бухарина (должна же у теоретика политической партии быть *система* взглядов?). Рассмотрим позиции Бухарина в двух диалогах. Один из них забыт специалистами начисто. Второй обсуждается по сей день. Итак:

3. Н. Бухарин и академик Павлов, или диалог первый

Статья Н. И. Бухарина «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову)»⁶ имела целью своей поставить на место строптивного академика, который, хотя и согласился продолжать свою деятельность при советской власти (как бы иначе он мог продолжать ее в России?), но тем не менее возомнил себя вправе говорить то, что думает. Бухарин комментирует неопубликованную стенограмму павловской лекции, прочитанной ученым перед студентами в качестве введения в его курс 1923-24 учебного года. В отличие от лекции, комментарий публикуется⁶. Речь Павлова задела Бухарина весьма чувствительно, ибо ученый откровенно анализировал в ней его работы⁷.

В этой полемике Павлов олицетворяет собой честный, здравый и наблюдательный ум, привыкший к добросовестным, многократно проверенным выводам или к четким вопросам, когда не обнаруживается материала для выводов. Бухарин же с самого начала избирает высокомерно-ироническую поучающую интонацию, не позволяющую читателю «Красной нови» усомниться в том, что истина, недоступная (по собственному признанию ученого) академику Павлову, открыта Бухарину:

«Проф. Павлов, критикуя мою брошюру «Пролетарская революция и культура», ссылается на свою объективность.

«Ннадо сказать, господа, — говорит он, — что я к делу отнесся чрезвычайно добросовестно... Мой обычай, когда я чем (нибудь. Н.Б.) интересуюсь,

6) Журнал *Красная новь*, книги 1 и 2, 1924. Перепечатано в 1967 г. в упомянутой выше книге *Путь к социализму в России* под редакцией С. Хейтмена, стр. 182-213.

7) Акад. Павлов голосовал против избрания Бухарина в академики. Выношу этот факт в примечания, ибо не знаю, повлиял ли он на отношение Бухарина к Павлову и как.

читать не один раз книгу, а... несколько раз... Я эту маленькую брошюродку прочел целых три раза, прочел (с Н.Б.) чрезвычайно напряженным вниманием и, как мне кажется... с возможным для меня беспристрастием. Вы понимаете, что я всю свою жизнь, стало быть, столетия, провел в лаборатории, в экспериментальной лаборатории. Это — что значит? — Что я каждый день проверял мое беспристрастие, мои мысли. Это — во-первых... Во-вторых, (я говорю о Н.Б.) моем беспристрастии, потому что всегда действительность должна была решить — прав ли я или неправ. Действительность никак не обманешь».

Уже из этого подхода видно, как наивна постановка вопроса проф. Павловым. Менделеев был знаменитым химиком, но вряд ли кто-либо решится утверждать, что он был «беспристрастным» по отношению к самодержавию и не имел слабости к протекционизму в сфере экономической политики. Ньютон был гениальным ученым, но вряд ли он отличался беспристрастием по отношению к Апокалипсису. Вильям Крукс был признанным астрофизиком и выдающимся экспериментатором, но всем известна была его слабость по отношению к спиритизму. Разве эту «действительность» можно обмануть?»⁸

Эти демагогические параллели, да еще в сочетании с термином «спиритизм», стереотипно-саркастически воспринимаемым советской аудиторией, сразу ставит академика Павлова в ряды дилетантов, если не шарлатанов. Иронию Бухарина (т.е. читателя) углубляют постоянные поправочки в стенограмме (в скобках), словно без них не ясно, что Павлов хочет сказать, и словно это сам академик так косноязычен, а не стенографистка напутала. Ловля «словесных блох», придирки к тактическим промахам, обусловленным искренностью и пря-

⁸ Хейтмен, стр. 187 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

модушием оппонента, — основные приёмы Бухарина в этом споре. Да он и не спорит с Павловым — он работает на публику, выставляя на посмешище старого чудака, взявшегося анализировать взгляды одного из признанных корифеев единственно научного марксистского мировоззрения:

«Да и проф. Павлов противоречит самому себе, когда говорит не о ком ином, как о проф. Павлове. Ибо вот как он, по его же собственному утверждению, познает общественную действительность:

«Моя жизнь, — говорит он, — проходит чрезвычайно просто: я знаю свою квартиру, свою лабораторию, абсолютно никого и ничего не вижу, следовательно, жизни в целом у меня нет. По теперешним газетам понятие о жизни едва ли можно (составить Н.Б.): они слишком пристрастны, и я их не читаю».

И проф. Павлов поэтому читает наши книжки, а затем их «беспристрастно» критикует»⁹.

Самоочевидно, что академик Павлов анализирует в данном случае не текущую политику советской власти, а её теоретические основания, и поэтому штудировать книги одного из главных теоретиков коммунистической партии, а не газеты, которые давно уже все на одно лицо. Бухарин же абзац за абзацем посвящает словам «и я их не читаю», делая из этого одного недипломатического признания вывод о невозможности принимать размышления своего оппонента всерьез. Кроме того, недипломатичный Павлов предлагает студенческой аудитории глубоко задевающий Бухарина тезис:

«... он протестует против разрушения культурных и научных ценностей невежественными коммунистами. «Не берись за то, чего не понимаешь», — вот основная «мораль» нашего критика»¹⁰.

9) Там же.

10) Там же, стр. 183 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

Мысль Павлова, что «гегемон» революции слабо разбирается в научных и культурных ценностях, подчерпнута лектором из сочинений самого же Бухарина. Конечно, Бухарин по каждому подходящему и неподходящему поводу размахивает лозунгом «диктатуры пролетариата». Но он же констатирует в сочинении, которое три раза (!) добросовестно проштудировал Павлов, — вопиющее невежество рабочего класса к моменту *пролетарской* революции. Павлов ловит Бухарина на этом исконном марксистском (еще 1840-х гг.) противоречии: «гегемон» и вдруг — малограмотный и отсталый, не знающий самых элементарных вещей.

Говорит же Бухарин (чем и повергает Павлова в полнейшее недоумение) о классе-спасителе и преобразователе человечества, о классе-диктаторе и гегемоне буквально следующее¹¹:

«Рабочий класс постоянно воспроизводится, как культурно низшее, хотя и самое большое, общественное звено.

Так обстоит дело в процессе материального производства. Еще меньшую долю квалификации имеет пролетариат в процессе *товарного обращения* (взять хотя бы банки) и в *идеологических отраслях труда*. Если в процессе материального производства рабочий имеет все же точки соприкосновения с инженером в процессе труда, то швейцар, подающий мел господину профессору, когда тот пишет свои формулы господам студентам, уже стоит совсем в стороне от специфической логики труда.

... он не может выработать кадра своих естествоиспытателей, инженеров, техников, агрономов, художников, архитекторов, геологов, организаторов производства, профессиональных квалифицированных изобретателей, математиков, поэтов, правоведов, банковых специалистов, артистов и так далее и тому подобное... мы видим элементарнейшую

11) Там же, стр. 166 (Бухарин Н. И., «Буржуазная революция и революция пролетарская»).

«необученность» широчайших масс пролетариата: техническую, образовательную, политическую и т. д.».

Таких высказываний в работах Бухарина множество и, естественно, Павлов недоумевает:

«Вот его (т.-е. Бухарина. Н.Б.) слова. А рядом с этим мне совершенно непонятное: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом навалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-индивидуального производства. Но это *безвыходное противоречие*. Эту анархию можно устранить *только* тому, кто что-нибудь понимает в этой работе, а если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять? Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю» . . .

Позволю себе обратить внимание читателя на деталь не столько интеллектуальную, сколько нравственную. Открыто, прямодушно и горестно множество раз академик Павлов выражает свое недоумение по поводу действительно *безвыходных противоречий* чуждой теории. Эти противоречия точно и цепко схвачены взглядом ученого. Но ученый позволяет себе лишь корректно-воспросительную форму критики. Он констатирует тупики, в которые сам же и входит, и просит всезнающего оппонента указать, где выход из лабиринта. В той работе, из которой взяты и профессором Павловым, и мною бухаринские характеристики рабочего класса¹², Николай Иванович тоже ставит вопросы. Но «спрашивает» он лишь для того, чтобы тут же безапелляционно и категорически на свои риторические вопросы ответить. Ни тени сомнения в своей правоте он не допускает и прибегает к вопросительным предложениям лишь для того, чтобы наглядней продемонстрировать перед публикой предрассудки консервативного старикана, не разбирающегося в азах политграмоты. Заодно Николай Ива-

¹² Там же, стр. 206 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

нович сверхпопулярно объясняет отсталому академику что «класс-гегемон» уже успешнейше разрешает задачи, не решенные человечеством ранее лишь по причине незнания последним марксизма-ленинизма.

«Популярно объяснять, значит — прежде всего — объяснять примерами¹³. Так вот мы и начнем с примеров.

«Знал ли рабочий класс дело управления государством? Не знал. «Кухаркиных детей» держали подальше даже от школы. Был рабочий класс неучем по сравнению с буржуазией? Был. «Навалил» ли он на свои плечи управление государством? «Навалил». Все это признаёт и сам проф. Павлов.

Позвольте! А где же ваше «безвыходное противоречие»? Как же случилось этакое чудо, что неучи расколотили противника и крепко, точно молодые дубы, стоят на завоеванной земле? Разгадка простая, проф. Павлов: не знали — узнали; не учились — обучились и научились; не умели, а потом сумели. Только и всего. Вот некоторые очень почтенные и уважаемые буржуазные умы утверждают даже, что *у нас самое умное* правительство (см., напр., рассуждение по этому поводу графа Keyserling'a). Но оставим этот вопрос в стороне. Все же никто не станет оспаривать, что один факт нашей победы и нашего укрепления кое-что говорит и о руководстве нашего класса — не так ли?

Другой пример. Знал ли рабочий класс, как строить армию? Не знал. Офицерский корпус вербовался не из рабочих, как это хорошо известно и Павлову («тогдашние» газеты он, ведь, читал!), а, главным образом, из благородного дворянского сословия. Генералов из рабочих тоже, как будто, было маловато — не так ли? Что касается неучей-революционеров, то им не приходилось командовать армия-

13) «Популярно объяснять» — значит объяснять понятно для людей, не обладающих специальной подготовкой. Примеры не всегда обязательны, а бухаринские примеры не только не объясняют, но и затемняют суть дела, ибо лживы.

ми. А вот поди ж ты! «Навалил» на себя рабочий класс этакую обузу? «Навалил». И, представьте себе: армию построил, ею командовал¹⁴, победоносно вел ее в бой, получил признание от противника, полное, безоговорочное (рекомендуем проф. Павлову прочитать отзывы белых генералов о Красной армии — чтение весьма поучительное). Опять-таки, что за чудо? Ведь это «безвыходное противоречие»? Конечно, противоречие, — только с точки зрения заскорюзлой, статической, чисто формальной, с позволения сказать, логики, которая — выражаясь гегельянски — не знает категории «становления». А загадка опять просто решается: *научились*, проф. Павлов! И так научились, что к новым условиям войны оказались *более* приспособленными, чем Колчаки, Врангели, Юденичи и прочие, которые, можно сказать «собаку съели» на военном деле.

Третий пример. Управлял ли рабочий класс промышленными и торговыми единицами, банками, кооперативами и т. д.?

Нет. Был неучем. Много глупостей делал, когда за это дело взялся. А теперь уже *подучился*, стал на ноги. *Продолжает* учиться, но уже уверенно стоит на совершенно новой для него почве¹⁵.

«Теперь интересно узнать, почему же *культура* снабжена таким «табу», что здесь «неучи» ничего не смогут сделать, ничему не смогут научиться? Где попытка (хотя бы попытка!) доказать это? Увы, ни тени доказательства нет, если не считать за доказательство сердитые фразы и сердитые слова.

14) А широчайшее использование «военспецев»? А период военных школ и курсов для воспитания красного офицерства? Причем здесь «рабочие» и «рабочий класс»? Это замена (и то частичная) человеческого материала офицерских слоев, но не изменение структуры общественной занятости, не изменение разделения социальных функций. Это *выдвижение* специалистов из низов народа, но оно и до революции происходило (разница — в темпах и массовости).

15) По поводу этого «примера» Бухарина можно повторить все то, что сказано в предыдущем примечании относительно офицерства: причем здесь «рабочий класс», когда речь идет, в лучшем случае, о «выдвиженцах» из рабочей среды? Или о привлечении старых и обучении новых специалистов?

Сердится проф. Павлов ужасно свирепо.

«Люди вообразили, что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее».

Страсти-мордасти! Вот ужас-то, в самом деле! И *переделаем*-таки, как нам нужно, обязательно переделаем! Так же переделаем, как переделали самих себя, как переделали государство, как переделали армию, как переделываем хозяйство, как переделали «расейскую» «Федорушку-Варварушку» в активную, волевою, быстро растущую, жадную до жизни народную массу, которая только теперь завоевала себе возможность настоящего развития»¹⁶.

Залихватская интонация, демагогические словесные виражи, простецкие обороты такого рода шапкозакидательских пассажей Бухарина чрезвычайно напоминают газетные агитаторские заметки Ленина весны и лета 1917-го года: «Вот это дело! Вот это достойно рабочих, проливавших свою кровь за свободу, за мир, за хлеб для народа! . . . Не дать восстановиться полиции! Не выпускать местных властей из своих рук! Создавать действительно всенародную, поголовно-всеобщую, руководимую пролетариатом милицию», . . . вот логунг момента, одинаково отвечающий . . . демократическому инстинкту всякого рабочего, всякого крестьянина, всякого трудящегося и эксплуатируемого человека, который не может не ненавидеть полицию»¹⁷ . . . и так далее.

А когда Ленин приходит к власти, возникает в его работах разгневанное: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством?!» И появляется пролетариат, «управляющий» исключительно через партийных вождей. И разгневанность пролетарским «рвачеством»... и летят телеграммы об изъятии у крестьян и рабочих оружия и о расстреле за каждую спрятанную и найденную винтовку . . . Сходным образом меняет свой тон и

16) Хейтмен, стр. 206 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

17) Ленин В. И., ПСС, т. 31, стр. 11-57 («Письма издалика»).

Бухарин, когда начинает рассуждать о государственных возможностях пролетариата в связи с претензиями самого «гегемона», а не для того, чтобы поставить на место размышляющую об исторической истине интеллигенцию. Монолог Бухарина, процитированный нами выше, был адресован научной элите, осмеливающейся (по сей день) утверждать, будто нелепо главенство знающих меньше над знающими больше (мысль не новая, но от того, не менее здравая). Элиту следовало ошеломить видением всемогущества рабочего класса. Но ведь и «гегемона» необходимо поставить на место, ибо слишком уж доверчиво и угрожающе он опьянен революционным разинско-пугачевским «Все дозволено!», имевшим хождение в гражданской войне. А на дворе — НЭП. И «гегемона» следует несколько «окоротить» в связи с НЭПом.

И уверенные периоды, адресованные захмелевшему «гегемону», *начисто перечеркивают утопию рабочевласти*, от демагогических словесных штампов которой Бухарин не отказался до конца своих дней.

«Буржуазный государственный аппарат, школа, наука, искусство и проч. имеют в капиталистическом обществе своих «спецов», удельный трудовой вес которых в этих областях совершенно исключителен.

Следовательно, рабочий класс не может не быть классом, культурно глубоко придавленным всей механикой капиталистического режима, явление, которого не было по отношению к буржуазии до захвата ею государственной власти.

Тем не менее, благодаря, главным образом, двум обстоятельствам — росту рабочих организаций и интеллигентским перебежчикам (об этом речь будет подробно итти ниже) рабочему классу удастся создать ростки своей идеологии, а следовательно, и своей, пролетарской, культуры»¹⁸.

18) Хейтмен, стр. 166 (Бухарин Н. И., «Буржуазная революция и революция пролетарская»).

Где же Бухарин искренен: в ответе Павлову или в окрике, адресованном «гегемону»?

А нигде, ибо, в отличие от Павлова, он не ученый, а идеолог. И красное словцо есть для него политическое орудие и оружие, а не материал для построения моделей реальности, как они действительно автору видятся. Пожалуй, для него самого, для него лично, наиболее важно легализовать мысль, что формируют «культуру» в общем-то «культурно низшего» пролетариата «интеллигентские перебежчики». Не интеллигенция в целом, а именно «перебежчики», вроде него самого, Владимира Ильича, Луначарского, etc., ибо интеллигенция в целом, по Бухарину, пролетариату враждебна:

«Господствующий пролетариат в первую фазу своего господства имеет против себя . . . техническую интеллигенцию и интеллигенцию вообще (инженеры, техники, агрономы, зоотехники, врачи, профессора, адвокаты, журналисты, учительство в своем большинстве и т. д.). . . правильная политика (курсив Бухарина) по отношению к ним . . . предполагает в конечном счете санкцию концентрированного насилия»¹⁹.

Заметим: ни рабочий класс как целое, хотя марксизм, включая дооктябрьского Ленина, именно это обещал (и по сей день эту формулу эксплуатирует), ни интеллигенция как целое для властвования не предназначены. «Выдвиженцы» и «перебежчики»; специально отобранные лица и ренегаты, руководимые партократией, — вот костяк новой элиты.

Для остальных же «пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью» (см. эпиграф), «санкция концентрированного насилия»²⁰. И далеко не только для «классово чуждых»; отнюдь:

¹⁹ Там же, стр. 114-115 (Бухарин Н. И., «Экономика переходного периода»).

²⁰ Курсив Д. Ш.

«Принуждение, однако, не ограничивается рамками прежде господствовавших классов и близких к ним группировок. Оно в переходной период — в других формах — переносится и на самих трудящихся, и на сам правящий класс. . . . Само собою разумеется, что этот элемент принуждения, которое здесь есть самопринуждение рабочего класса, *возрастает от его кристаллизованного центра в сторону гораздо более распыленной и аморфной периферии*»²¹.

Как нельзя более отчетливо проступает в выделенных словах абсолютная теоретическая беспринципность большевизма — вообще, Бухарина — в частности. Специфический смысл марксизма, отличающий его от других направлений социализма, состоит в «предвидении» и в требовании гегемонии и диктатуры *пролетариата*. Во всяком случае, сам Маркс (и это можно доказать текстологически) других *существенных* отличительных черт в своем социализме не видел. «Открытие» неизбежности и спасительности диктатуры пролетариата он считал своей главной научной заслугой²². Смысл большевизма, отделивший его в начале XX века от других направлений марксизма (социал-демократии) состоял в признании диктатуры пролетариата *уже* возможной и своевременной, — тогда как остальная социал-демократия этой своевременности не ощущала и не декларировала.

Что же означают *на деле* слова Бухарина об «интеллигентских перебежчиках», о «кристаллизованном центре» и «аморфной периферии» «рабочего класса»? Я уж не останавливаюсь на циническом «самопринуждении» (посредством ЧК). Только одно: применить «концентрированное насилие» необходимо ко всяким там Павловым и Ко, но не к Бухарину, ибо он и есть тот

21) Хейтмен, стр. 114-115 (Бухарин Н. И., «Теория пролетарской диктатуры»). Курсив Д. Ш.

22) Письмо К. Маркса к И. Ведемейеру от 5. 3. 1852 года из Лондона. Маркс К. и Энгельс Ф., *Избранные произведения*, т. 2, стр. 433. М., ИМЭЛ, 1952.

перебежчик, который творит из недоразвитого пролетариата «сознательную» социальную силу! Переносить «пролетарское принуждение . . ., начиная с расстрела» . . . нужно «и на самих трудящихся, и на сам правящий класс», но не на Бухарина, ибо он и есть «кристаллизованный центр», а не «распыленная и аморфная периферия», он — часть мозга, без которого «гегемон» — ничто! И немаловажная часть! Он и на послеоктябрьских партийных съездах говорил о том же вполне однозначно, например, на XI-м (1922).

Куда же девались те основы учения, основы теории, которые отличают марксизм от утопического социализма и выделяют большевизм из остальной социал-демократии? Бухарин их без полемики игнорирует, как, впрочем, и Ленин.

Зато беззастенчиво и самодовольно подчёркнута мысль, которая для Бухарина есть единственное живое зерно всей его теориевидной схоластики:

«. . . Советская Россия имеет лучших в мире вождей. Но в общем и целом, пролетариат отстаёт колоссально»²³.

Могущество «гегемона» в его вождях, а не в нем самом. Без своих «лучших в мире вождей» («интеллигентских перебежчиков») и созданной ими идеологии, пролетариат — ничто в сравнении с буржуазией и работающими на нее и для нее специалистами:

«Если приводить наиболее яркое доказательство этой мысли, достаточно упомянуть лишь, что над большим слоем пролетариата тяготеют горы, Альпы, «буржуазных предрассудков», тогда как нельзя найти ни единой горсточки буржуазии, которая бы страдала «пролетарскими предрассудками». Скажут: но в этом виновата государственная машина буржуазии, школа, церковь и т. д. Вот именно! Эти инсти-

23) Там же, стр. 167 (Бухарин Н. И., «Буржуазная революция и революция пролетарская»).

туты буржуазного режима держат в плену целые пролетарские *армии*»²⁴.

Так не закономерно ли недоумение Павлова, вопрошающего, как может такой придавленный, темный класс переделывать общество, науку, культуру? Не ведет ли этот парадокс в тупик? Академика Павлова Бухарин старается оглушить демагогической декламацией, приведенной нами выше. Но для самого «гегемона» у него заготовлен куда более трезвый ответ:

«Здесь мы переходим к вопросу о классе, партиях и других организациях класса и о так называемых вождях.

Так как политическая борьба — в конечном счете борьба за власть — есть «высшая», наиболее принципиальная форма борьбы, то совершенно естественно, что политическая партия данного класса, является объединением наиболее зрелых элементов класса, *через которые* класс может наиболее правильно выражать свои интересы. *Противопоставление* партии классу нелепо поэтому в высочайшей степени.

Из неоднородности членов организаций (и *партии* в том числе) вытекает объективная необходимость в группировках руководителей (вождей), *через которых* партия (или данная организация вообще) выражает свою волю»²⁵.

Вот и произошла главная операция: диктатура *класса* подменена диктатурой *партии*, а диктатура *партии* сведена к диктатуре *вождей*.

Ленин тоже многократно проделывал сходные манипуляции. Есть у Николая Ивановича обмолвочки и о том, что «при известных условиях» диктатура *вождей* может реализоваться и как «личный режим» (так дословно и сказано), то есть как единоличная диктатура...

24) Там же, стр. 168.

25) Там же, стр. 168-169. Та же мысль встречается и у Ленина.

Сочинил утопическую идиллию «класса-гегемона» и партии — «авангарда» этого класса, разумеется, Маркс. Но он — сочинил, а Ленин и его партия попытались построить. И когда увидели, что построить нельзя, невозможно, то не отступились, а предпочли партократический террор, теориевидную идеологическую фальсификацию и тотальную, на общегосударственном уровне, уголовщину — лишь бы сохранить свою власть. И Бухарин среди них не исключение. Он беззастенчиво драпирует усеченный конус власти партократической олигархии и полный конус власти «личного режима» привычными речевыми штампами Маркса и Энгельса, но от сути их утопической схемы ничего ровным счётом не оставляет:

«... в то время, как буржуазия не нуждалась в вождях из враждебного класса, пролетариат имеет своими вождями выходцев из буржуазной интеллигенции...»

... Неизмеримо труднее приходилось и приходится пролетариату... он имел своими высшими руководителями (вождями, идеологами) выходцев из других классов, в первую очередь из интеллигенции²⁵.

... в то время, как культурная разница между буржуазным лидером и средним капиталистическим буржуа относительно не особенно велика, эта разница между лидерами пролетарской партии и средним рабочим гораздо больше.

Это вполне понятно.

Капиталистический буржуа при своем, если так можно выразиться, общественном производстве, получает высшую или, минимум, среднюю школьную обработку. ... Уровень его жизни, быт, «духовная атмосфера», тип функций похож и довольно близок к лидерским функциям. Не так обстоит дело у пролетариата. Его вожди, в особенности *выходцы из интеллигенции* («академики»), часто имеют очень большую умственную тренировку и высокий куль-

турный уровень; между тем средний член класса отстоит крайне далеко от этого уровня»²⁶.

Итак, большевизм (коммунизм, марксизм-ленинизм) оказывается по сути доктриной не демократической, а высокомернейше элитарной. «Вожди» категорически ставят себя над всем обществом, ни для одной его группы не делая исключений.

Напрашивается само собой некое риторическое обращение к нынешним социалистам и левоориентированным либералам, проникнутым симпатией к Н. И. Бухарину (я называю это обращение риторическим, ибо оно вряд ли будет услышано его адресатами).

Не поленитесь перелистать хотя бы стенограмму Первого Всероссийского съезда учителей (съезд был не первым, но предыдущие, разогнанные за непокорность, советским историкам приказано не считать). Согласны ли вы, уважаемые университетские преподаватели, предстать перед своими студентами в том положении, на которое обрекает ваших коллег, попавших под юрисдикцию коммунистов, ваш фаворит? В президиуме — вождь на вожде: Зиновьев, Бухарин, Рыков, Луначарский... Перед голодными учителями, не только сидящими в зале (этих, возможно, и покормили), но и рассыпанными по всей России (вожди сами признались, что ничего им не платят), выступает бывшая народная учительница Крупская:

«Мне вспоминается один эпизод. В конце 1917 года, вскоре после того, как большевики овладели властью, пришел с фронта товарищ и рассказывал, как солдаты, которых поместили в школу на ночлег, изорвали в мелкие клочки все книги, разбили все физические аппараты и произвели полное разрушение. Это было сделано солдатами потому, что они чувствовали, что та школа, в которой находились все эти книги и инструменты, — школа враждебная, барская школа, школа господская, враждеб-

26) Там же, стр. 170. Курсив Бухарина.

ная народным массам. Они чувствовали, что знания, даваемые в этой школе, служили не для того, чтобы наладить общую жизнь, а для того, чтобы вырастить слуг капитала, которые бы поработали народ».

Так вдова Ленина предупреждает своих недавних коллег о законных последствиях их нелояльности к большевизму.

А потом поднимается петербуржец, сын гимназических учителей, потомственный «образованец» Бухарин и произносит речь, циничную поистине до наивности. Одни заголовки разделов чего стоят:

«Переделка самого учительства будет содействовать расцвету новой школы»; «В годы гражданской войны не было места формальной законности»; «Трения между комсомолом и учительством — отголосок борьбы с интеллигентскими слоями»; «Поменьше чванства»; «Часть учительства окоммунистичилась, другая — на распутьи» . . .

А сам доклад?

«Так вот, товарищи, представьте себе такое положение вещей. Если бы я вас спросил, ответьте по чистой совести, если бы партия сказала сейчас: пусть учительство руководит Комсомолом, — получилось бы что-нибудь хорошее? Нет. Почему не получилось бы? Учитель культурней — это верно, в общем и целом он культурней и больше знает, — верно. А вот, если вы это скажете на счет политической квалификации, на круг, на сплошную, то это будет неверно, потому что Комсомол может иметь массу недостатков, об этом я буду говорить впоследствии, но он есть плоть от плоти, кость от кости партийной организации.

Человек в общем может быть некультурным, а политически правильно вести дело. Это нужно понимать, — это так, как это ни странно. . . . пока у нас учительство до конца не «окоммунистичено» совершенно, вытекает с неизбежностью необходи-

мость определенного разделения труда, где учительство в целом не может еще претендовать на политическое руководство, — это совершенно ясно».

Заметьте: речь идет о комсомольцах-учащихся!

А ведь только что и «гегемону», и партийной массе внушалось, что не могут они по их темноте претендовать на независимость от воли «вождей»! Но учителей политически просвещать и «окоммунистичивать» они, очевидно, могут. И как внушалось: научнообразно и теориевидно! А здесь и речь-то какая-то, извините, дураковатая, словно Николай Иванович перед учителями намеренно из себя этакого пролетарского рубаху-парня строит... Но временами он перестает играть, и тогда в интонации проступает сталь, а за ней и «социальная философия»:

«Как это ни странно, мы все знаем, что сельский учитель живет у нас полунищим, к великому несчастью для нас. Но, тем не менее, еще существует мнение, есть даже среди комсомольцев такое ходкое словечко, которое звучит издевательством на счет шевровых ботинок учительницы. Мы знаем, что среди учительниц много поповских дочек и сыновей, которые в большинстве теперь переходят на нашу сторону, но борьба с попами у нас еще остается. И вот этот самый поп-интеллигент, помноженный на эту пару шевровых ботинок, он дает себя знать».

И это — в 1925 году, когда «вожди» и санаторий за границей имеют, и на дачи ездят цекистско-личные, и ботинками шевровыми не озабочены — в отличие от комсомольцев-учащихся и поповен-учительниц.

А как защищает Николай Иванович «социально близких», какой мелочью предстает у него уголовщина — по сравнению с критиканством учителей:

«Когда человек, начиненный в течение изрядного количества лет другим, когда он начинает перела-

мываться или чуть-чуть немножко треснул по линии своего старого, когда он видит, главным образом, то, что составляет радость жизни в деревне — дебоширство и прочее, — у него опасность проглядеть большая, из-за деревьев не увидеть леса. С таким учителем очень часто разговариваешь, и он насаживает такие примеры: у вас такой-то коммунист — мерзавец, такой-то комсомолец — охальник, такой-то там украл, такой-то с девицей не так поступил, вот там-то комсомольцы вечеринку с выпивкой устроили, а там — дебош в церкви, и т. д.

Тут есть величайшая опасность. Может быть, это все фактически правильно, но вот ты сумеешь подняться выше и посмотреть и увидеть, что не только это существует в природе, на круг, в большем масштабе, а кое-что и другое».

Заметьте: опасность не в уголовщине, а в том, что учителям она не по духу! Разносторонний человек — Николай Иванович, ничего не скажешь. И разноголосый . . .

Неужели это и есть Бухарин *au naturel*?

И да и нет. Бухарин очень естествен в этом своем выступлении, но он в нем не весь. На X съезде РКП(б), где Ленин ударил по своей расшумевшейся снизу доверху партии знаменитой резолюцией «О единстве» с ее седьмым пунктом направленным против вольнодумцев в ЦК²⁷, Бухарину стало не по себе. Он мобилизовал тогда

27) «Чтобы осуществить строгую дисциплину внутри партии и во всей советской работе и добиться наибольшего единства при устранении всякой фракционности, съезд дает Центральному Комитету полномочия применять в случаях нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии, а по отношению к членам ЦК перевод их в кандидаты и даже, как крайнюю меру, исключение из партии. Условием применения к членам ЦК, кандидатам в ЦК и членам Контрольной комиссии такой крайней меры должен быть созыв пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в ЦК и всех членов Контрольной комиссии. Если такое общее собрание наиболее ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает необходимым перевод члена ЦК в кандидаты или исключение из партии, то такая мера должна быть осуществлена немедленно». Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 92. «Первоначальный проект резолюции X съезда РКП о единстве партии», пункт 7.

всю свою словесную ловкость, всю свою умственную изворотливость, чтобы как-то выскользнуть из-под неудобной и угрожающей общей мерки. Речь его лилась, как всегда, свободно, но явственно слышалась в ней тоскливая нотка: ну, уж на нас-то, на идейной элите партии, производящей решения, вырабатывающей идеологию и избирающей направление, не затягивайте ошейник!..

Так прямо и говорил? Нет, конечно. Он воздвиг в своей речи усеченный конус, в котором «демократия» и «коллегиальность» (то есть свобода и полнота прав) должны были нарастать по направлению к его вершине, а «подчинение», «единоначалие», то есть бесправие, соответственно увеличиваться к основанию.

Свобода, она-то, конечно, нарастала к вершине, но конус со временем оказался не усеченным, а полным, завершаясь упомянутым Николаем Ивановичем «личным режимом», а не хорошей, равноправной, цекистской фюреркской олигархией... И что интересно: учителей Бухарин поучает высокомерно, но примитивно, а в речи на съезде и стиль, и синтаксис, и содержание чуть ли не академичные. Появляются интеллигентные тезисы свободы поиска, выбора направления, выработки идеологии... А мысль за изысканными построениями вполне простая: что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку.

Бухарин лихо расписывает, споря с академиком Павловым, достижения пролетариата в переделке российской армии, культуры, науки, государственной власти и психологии. Но на один уровень с собой, с вождём, он никаким пролетариям стать не позволит. И обоснует их, пролетарскую, по сравнению с собой, «вождём» и «интеллигентским перебежчиком», ущербность и неполноценность по всем канонам партийной фразеологии, хотя и перечеркнёт тем самым её существо. Правда, предваряя Л. Троцкого и М. Джиласа, он констатирует «опасность» (точнее было бы сказать «неизбежность») возникновения «нового класса» — и даже термин его совпадает с названием знаменитой книги Джиласа:

«Культурная отсталость самой рабочей массы, в особенности при общей нищете, когда volens-nolens администраторскому и руководящему кадру вообще приходится уделять гораздо большее количество средств потребления, чем обыкновенному среднему рабочему, возникает опасность очень значительного отрыва от масс даже той части кадрового состава, которая сама была выдвинута рабочей массой из своей собственной среды. (...)

«оторвавшиеся» от масс кадровые работники... могут превратиться в зародыш нового господствующего класса»²⁸.

Примечательны не эти естественные для всякого здравомыслящего человека мимоходом высказанные «опасения». Поразительно, что толкователь учения, объявившего основным аргументом реальной структуры всякого общества разделение труда между его членами, может хотя бы на миг усомниться в том, что система, создаваемая большевиками, выдвинет «новый господствующий класс»! Разве не сам он отчетливо постулирует многообразное разделение функций в этом обществе? В том числе — на управление и исполнение? На выработку идеологии и на производство железа и хлеба? На науку и на охрану границ? Структуру такого общества предсказал в деталях еще Герберт Спенсер, воевавший против синдикалистского социализма. Ведь уже Маркс и Энгельс, не говоря о Ленине, вынуждены были доказывать, что, хотя всякий класс образуется его социальной (производственной, в основном) функцией, — вождей класса (в данном случае пролетариата) образует их идеология. Вождей коммунизма вынуждала к этому квазифилософствованию явная чуждость идеи захвата политической власти основной массе рабочих. Бухарин действует (именно, действует, ибо его рассуждение — это политическая акция) точно так же, как действовали основоположники учения, игнорируя тем

²⁸ Хейтмен, стр. 172-173 (Бухарин Н. И., «Буржуазная революция и революция пролетарская»).

самым и априорную логику собственного учения, и опыт истории. Где же мыслитель? Почему он не видит ошибки, очевидной еще современникам Маркса и Энгельса? Опять перед нами не теоретик, а чистой воды идеолог — обоснователь определенной партийной политики. И, может быть, наиболее ярко этот бухаринский атеоретизм проявляется в споре с Павловым о догматизме, научной принципиальности и классовом подборе кадров в науке.

Основной полемический прием Бухарина (Ленина — тоже) недобросовестная подмена неудобного для него предмета спора удобным. Этот прием выступает здесь с особой наглядностью.

Бухарин высокомерно цитирует обрывки из рассуждений Павлова о догматизме и о свободе научной критики:

«Самое общее соображение, которое проф. Павлов выдвигает против нас, есть соображение о догматическом характере марксизма. «Догматизм марксизма или коммунистической партии... есть чистый догматизм, потому что они (коммунисты Н.Б.) решили, что это — истина; они больше ничего знать не хотят (они. Н.Б.) постоянно бьют в одну точку».

Между тем «наука и догматизм» — совершенно несовместимая вещь. Наука и свободная критика — вот синонимы; а догматизм — это не выходит... Сколько было крепких истин? Возьмите, напр., неделимость атома. И вот прошли года, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами».

Отсюда проф. Павлов, обращаясь к слушателям, дает им и соответствующую директиву:

«И если вы, — говорит он, — к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то, что вы — коммунисты, «рабфаки» и т. д., тем не менее, вы признаете, что марксизм и коммунизм, это вовсе не есть абсолютная истина, это — одна из теорий, в которой, может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь по-

смотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной».

Этим призывом к свободе и заканчивается «общественная» лекция физиолога Павлова, который не хочет, как он выражается, быть 'ученым сухарем'²⁹.

Павлов дает студентам не «директивы», а всего лишь советы: давать директивы — привилегия (в данном споре) Бухарина.

Павловская лекция о науке и догматизме во многом лишь повторяет несколько более ранние монологи человека, большевикам, казалось бы, куда более близкого, чем Павлов:

«Люди . . . боролись с самодержавием мошенников и подлецов не для того, чтобы оно заменилось самодержавием политических дикарей.

Нам угрожают, что если мы будем «продолжать полемику с правительственным органом «Правда», то . . .

Да, мы будем продолжать полемику с правительством, которое губит рабочий класс; мы считаем эту полемику нашим долгом . . .

. . . Как для полоумного протопопа Аввакума, для них догмат выше человека.

Чем все это кончится для русской демократии, которую так упорно стараются обезличить?»³⁰

Это опять «Несвоевременные мысли» Максима Горького, (*Новая жизнь*, январь 1918 года). У Горького 1918 года, таинственным образом позднее сломленного, есть и более гневные филиппики против агрессивного большевистского догматизма³¹.

29) Там же, стр. 183-184 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

30) Горький М., «Несвоевременные мысли». *Новая жизнь* 1917, № 185, 19 ноября (2 декабря). Переиздание: Париж, 1971, ст. 118-156 (курсив Д. Ш.).

31) Горький не замечает, что этот фразеологический догматизм поразительным образом сочетается в большевизме с полнейшей теоретической беспринципностью, готовностью на деле изменить любой догме, кроме догмата коммунистического единодержавия.

Что должен был бы противопоставить доводам Павлова (или Горького) Бухарин, будь он ученым, теоретиком, а не идеологом, т.е. политиком разговорного жанра?

Доказательство, что марксизм-ленинизм не догматичен, то есть допускает свободу научной критики и в состоянии ее выдержать. Или объяснить, почему большевизм свободы критики не допускает.

Что вместо этого делает Бухарин?

Подменяет спор о свободе научной критики защитой научной принципиальности и терминологической определенности, на которую Павлов не посягает и которой, в отличие от Бухарина, изменять не склонен. Павлова возмущает *наукобразия* большевистского идеологического лубка, и он требует права анализировать и критиковать этот лубок. Точно так же требовал Горький тех лет права полемизировать с *Правдой*. Бухарин, взамен полемики по существу вопроса, раздражается обличительными монологами, не имеющими отношения к предмету полемики, и формулирует тривиальности, против которых никто не спорит:

«... что значит у Павлова «свободная точка зрения?» Очевидно, *отсутствие* точки зрения. Всякая точка зрения есть «связывающее» начало. Раз вы имеете определенную точку зрения, вас всегда могут обвинить, что вы — ее «раб», что вы у нее «в плену», что вы — «закабалены» и проч. и проч.

Но самое забавное во всей этой абракадабре то, что полного отсутствия точки зрения *не может быть*.

... И нам совершенно ясно, что в своих рассуждениях о «закабаленности» и «свободе» проф. Павлов совершенно зря *клеветает на самого себя*. В самом деле. Возьмите его сборник: «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных». По одной этой книге можно видеть, что ее автор «с превеликим упорством» *бьет в одну точку*. Но именно в этом-то и состоит достоинство работ проф. Павлова, что он в эту «точку» *бьет*. Разве не так, наш почтенный оппонент?

С каким усердием акад. Павлов защищает эту точку зрения даже в лабораторных исследованиях, мы видим из заявлений самого автора теории условных рефлексов. Он, между прочим, пишет: «Мы совершенно запрещали себе (в лаборатории был объявлен даже штраф) употреблять такие психологические выражения, как: «собака догадалась», «захотела», «пожелала» и т. д.

Марксисты, «коммунисты» и «рабфаки», правда, еще не вводили штрафа за, скажем, употребление антропоморфических, телеологических или идеалистических выражений. Но они, несомненно, оправдали бы даже ту лабораторную «диктатуру рубля», которую ради науки устанавливали павловцы при своих экспериментах.

Как же, однако, все это вяжется с выпадами самого профессора против «закабаленной» точки зрения? Ведь малому ребенку ясно, что научная практика самого Павлова стоит в самом резком, самом кричащем противоречии с его положениями о «свободе» и «кабале».³²

32) Хейтмен, стр. 185 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

Г. Поля в работе «Математика и правдоподобные рассуждения» (Polya G., *Mathematics and plausible reasoning*. Princeton, N.J., Princeton Univ. Press, 1st Ed. 1954, 2nd Ed. 1968.) так определяет границы научной принципиальности:

«Во-первых, мы должны быть готовы пересмотреть любое из наших представлений;

во-вторых, мы должны изменить представление, когда имеются веские основания, вынуждающие его изменить;

в-третьих, мы не должны изменять представления произвольно, без достаточных оснований.

Эти принципы звучат довольно тривиально. Но нужны довольно необычные достоинства, чтобы их придерживаться.

Первый принцип требует «мужества ума». Вам нужно мужество, чтобы пересмотреть ваши представления. Галилей, бросивший вызов предрассудкам своих современников и авторитету Аристотеля, являет собой великий пример мужества ума.

Второй принцип требует «честности ума». Оставаться верным моему представлению, ясно опровергнутому опытом, только потому, что это мое предположение, было бы нечестно.

Третий принцип требует «мудрой сдержанности». Изменить представление без серьезного исследования, например, только ради моды, было бы глупо.

Если согласиться с критериями Поля, а мне они представляются достаточно полными и точными, то легко провести границу между нравственно-интеллектуальными позициями Павлова и Бухарина.

Господа объективисты! Ища днем с огнем, как Диоген — человека, честную, демократическую и одновременно конструктивную мысль в большевизме и якобы обретая такую в Бухарине, вы не уловили кощунственного лицемерия трех последних абзацев?

Во все времена своей деятельности Бухарин многословен и суесловен сверх всякой меры. В 1924-м году, когда он кощунственно уподоблял терминологическую точность и научную принципиальность Павлова «научной» же честности большевиков, уже такое тяжкое бремя преступности лежало и на его партии, и на нем самом! На фоне того, что творилось вокруг, никак невозможно оправдать это смертоносное пустословие. В людях типа Бухарина ужасно то, что нельзя отнести к ним милосердное и справедливое для миллиардов других людей: «... ибо не ведают, что творят...» Они — ведают... Во всяком случае все, о чем будет сказано ниже, было Бухарину в 1924-м году известно.

Приведу несколько строк из письма Андрея Белого жене от 11. 9. 1921 г. Письмо это опубликовано полностью в одном из выпусков альманаха «Воздушные пути». Я повторяю эти горестные строки не только ради того, чтобы конкретизировать чудовищный фон, на котором звучали кощунственные монологи Бухарина. Важнее всего, что Бухарин об этом историческом интерьере своей декламации не только знал — он его создавал. Знаменательно еще и то, что в начале 1920-х годов неочевидцы событий так же не понимали очевидцев, как не понимают, в решающем большинстве случаев, и сегодня. Если очевидцы (т.е. те, кто не только смотрел, но и увидел) ключей к сознанию неочевидцев так и не подберут, то не исключена наша общая гибель.

«... Все, чем веют мне сведения, доходящие из Дорнаха, — веет таким непониманием, незнанием нашего положения в России, скажу больше, неприятной бестактностью (вроде громкого разговора про светские пустяки у постели тяжело больного), что

хочется разве что . . . горько пожать плечами, улыбнуться, и — отвернуться: с глухими не разговаривают.

Это чувство невозможности открыто разговаривать с Тобой до личного свидания (а где, когда оно будет?) соответствует ощущению каждого русского, попадающего за границу и выслушивающего вопросы со стороны людей, долго в России не бывших: «Ну что же в России?» И — делается неловко и мучительно: ведь спрашивающий — младенец, ничего не понимающий. . . Он ребенок; и не нам старикам вынесшим на плечах 1917, 1918, 1919, 1920, 1921 годы, рассказать о России . . .»

А ведь после 1921-го были еще и 1930-33, 1937-53 и . . . А. Белый приводит в письме отрывки из дневников З. Гиппиус³³. Этой книги, по его словам, он не любит, но не может не засвидетельствовать ее правдивости. Не принято цитировать неоднократно опубликованное, но все ли читали? *Многим ли помнится?*

«. . . у З. Гиппиус есть, однако, ряд мест, выражающих горечь негодования, когда известия о суждениях заграницей (русских о русских) доходили до нее. (Она напечатала свой дневник). Вот место из ее дневника: 26 ноября (10 декабря) 1919 года: «Дни оттепели, грязи, тьмы. По улицам не столько ходят, сколько лежат. Господи!»

«. . . Русские заграницей — «парии?» Вот как? Пожалуйста. С каким презрением (праведным) смотрела бы я на европейцев, попади я сейчас за границу. Не боюсь я их. С высоты моей горькой мудрости, моего опыта, смотрела бы я на них. Ни-че-го не понимают» . . .

Или: «Не бывало в истории. Все аналогии — пустое. Громадный город самоубийца. И это на глазах Европы, которая пальцем не шевелит, не то объиди-

³³ Гиппиус, З. Н., *Петербургский дневник*. Тель-Авив, «Архивы», 1979 (по изд. 1920 г.). Цит. по письму А. Белого, включая и его комментарии.

отев, не то осатанев от кровей»... На Николаевской улице оказалась редкость: павшая лошадь. Люди, конечно, бросились к ней. Один из публики, наиболее энергичный, устроил очередь. Последним достались уж кишки только»... «А знаете, что такое «китайское мясо»? Это вот что: трупы расстрелянных, как известно Чрезвычайка отдает зверям Зоологического сада. И у нас, и в Москве. Расстреливают же китайцы: и у нас, и в Москве. Но... китайцы мародерничают. Не все трупы отдают, а какой помоложе утаивают и продают под видом телятины. У нас — и в Москве. Доктор Н. (имя знаю) купил с косточкой — узнал человечью»... А на углу Морского и Невского, в реквизированном доме будет «Дворец Искусств»...

Или: «Если в Европе может в XX веке существовать страна с таким рабством и Европа этого не понимает, или это принимает — Европа должна провалиться. И туда ей и дорога...»

Или: «Вчера объявление о 67 расстрелянных в Москве (профессора, общ. деятели, женщины). Сегодня 29 — здесь... Ощущение тьмы и ямы. Тихого помешательства». Или: «Абсурдно преступное поведение Антанты (Англии?) продолжается»³⁴.

Насколько сознательно использует партократия одиозную невосприимчивость неочевидцев к свидетельствам очевидцев?

Ю. Анненков, свидетельства которого не вызывают у меня сомнений, пишет в своих мемуарах³⁵, что в 1924-м году, в обстоятельствах, о которых я здесь говорить не буду, ему удалось переписать в свою записную книжку несколько отрывков из черновики Ленина. Вскоре Ю. Анненков эмигрировал. Ни одно западное периодическое издание не согласилось опубликовать эти тексты. Они увидели свет лишь в книге Анненкова и не полу-

³⁴ Там же.

³⁵ Анненков Ю., Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Нью-Йорк, Млс, 1966.

чили отклика ни в западной печати, ни в советской прессе, не посмевшей заговорить о фальсификации.

Вот эти отрывки:

«В результате моих непосредственных наблюдений в годы моей эмиграции я должен признаться, что так называемые культурные слои Западной Европы и Америки не способны разобраться в современном положении вещей, ни в реальном соотношении сил; эти слои следует считать за глухонемых и действовать по отношению к ним, исходя из этого положения . . .»

«На основании тех же наблюдений и принимая во внимание длительность нарастания мировой социалистической революции, необходимо прибегнуть к специальным маневрам, способным ускорить нашу победу над капиталистическими странами.

а) Провозгласить, для успокоения *глухонемых*, отделение (фиктивное!) нашего правительства и правительственных учреждений (Совет Народных Комиссаров и пр.) от Партии и Политбюро и, в особенности, от Коминтерна, объявив эти последние органы как независимые политические группировки, терпимые на территории Советских Социалистических Республик. *Глухонемые поверят.*

б) Выразить пожелание немедленного восстановления дипломатических сношений с капиталистическими странами на основе полного *невмешательства* в их внутренние дела. *Глухонемые снова поверят.* Они будут даже в восторге и широко распахнут свои двери, через которые эмиссары Коминтерна и органов партийного осведомления спешно просочатся в эти страны под видом наших дипломатических, культурных и торговых представителей.

«Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью».

«Капиталисты всего мира и их правительства, в погоне за завоеванием советского рынка, закроют глаза на указанную выше действительность и превратятся таким образом в глухонемых слепцов. Они откроют кредиты, которые послужат нам для поддержки коммунистической партии в их странах и, снабжая нас недостающими у нас материалами и техниками, восстановят нашу военную промышленность, необходимую для наших будущих победоносных атак против наших поставщиков. Иначе говоря, они будут трудиться по подготовке их собственного самоубийства»³⁶.

Дословно эти заметки не приведены ни в одном из сочинений Ленина. По существу же своему эти мысли высказаны и опубликованы им и его продолжателями многократно. Невосприимчивость неочевидцев к показаниям и размышлениям очевидцев усугубляется необъяснимым усердием части, казалось бы, зрячих свидетелей происшедшего и происходившего. Они упорно убеждают ленинских «слепоглухих» не обретать ни слуха, ни голоса, ни зрения.

Абсурд не только продолжается по сей день — он нарастает хотя бы в трудах западноевропейских и американских авторов о демократизме и теоретическом гении Бухарина, о светлом коммунистическом идеализме и блестящем уме Троцкого (С. Коэн и Ж. Элленштейн — два из хронологически ближайших примеров), об их спасительной альтернативности Сталину и т. д. Среди апологетов абсурда не исключение эмигранты из СССР.

«О жестокости, «о концентрированном насилии» по отношению к интеллигенции, о воспитании посредством «поголовного принуждения» Бухарин только болтал, — возразил мне недавно один незаурядный и широко образованный университетский ученый-славист, бывший россиянин. — А вообще-то он был человек добрый и зла творил мало...»

36) Там же, т. II, стр. 279-280. Курсив Анненкова.

Нет, многоуважаемые коллеги! Это о демократизме, о рабочевласти, о научной принципиальности большевиков Бухарин «только болтал». А в том, о чем пишут А. Белый, З. Гиппиус и сотни других жертв и свидетелей, Бухарин участвовал инициативно, энергично, широкомасштабно и добровольно, стоя на высших ступенях тогдашней партийной иерархии!

Правда, порученного ему партийного курирования ВЧК он не вынес — отпросился у «братии» . . . И помогал он — отдельным людям. Так ведь и Ленин иногда помогал, — когда удавалось до него достучаться, подослать в хорошую минуту Горького или еще кого-нибудь из имеющих доступ. На счету у Ленина, говорят, спасение Мартова, а у Бухарина — помощь О. Мандельштаму. Почитайте первое (менее искореженное цензурой и самоцензурой) издание воспоминаний Горького о Ленине, и окажется, что Ленин даже голодную аристократку, просящую подания для своих любимых собак, умел со стороны пожалеть. И некоего ученого из-под расстрела выхватил, и за границу кое-кого отпускал. В том и суть этих деятелей: Ленина, Бухарина, Троцкого и других: отвлеченные человеческие множества и фигуры, жизнью и смертью которых они манипулируют, — это для них «орудие одно», а не люди. Иное дело — некоторые знакомые, осязаемые, конкретные лица . . . Тут, в отличие от цельного, без червоточинки, Сталина, «перебежчики» иногда спотыкались о жалость и оступались, как «споткнулся» Бухарин через несколько лет о крестьянство. Но об этом речь впереди.

Вот что А. Белый уже от себя добавляет к дневникам Гиппиус:

«Все мы в 1919 году были полны этой тьмой: в Москве расстреляли Астровых, Щепкина, Пашуканиса, Михаила Анатол. Мамонтова, сошел с ума от голода Юрочка Веселовский, профессор Хвостов перерезал себе горло в припадке меланхолии . . ., ведь действительно: холод, голод, аресты, тиф, испанка, нервное переутомление сводило вокруг в

могилу целые шеренги людей... А я и сказать ничего не мог о том, в каких тяготах мы живем: цензура писем!

Но неужели у Тебя не хватило чуткости почуять душой? И оставалось воскликнуть словами Гиппиус: *«Ни-че-го не понимают!»*

Катастрофически часто не остается ничего другого и нынешним очевидцам. Таков фон. И потому я трачу так много места на его воспроизведение, что Павлов в ужасе от происходящего и без конца спрашивает себя и других, во имя чего все это делается, стоит ли, оправдывается ли хотя бы отдаленным итогом. А Бухарин издевательски изображает «страхи» Павлова как склонность «рассматривать исторический процесс под углом зрения целостности кисточек у занавеса или гербов на фарфоровой ночной посуде». Иначе, по мнению Бухарина, Павлову не пришлось бы «плакать в подушку и спрашивать себя, не «впустую» ли «случилась» революция». На фоне того, что представлено выше: Белым, Гиппиус, Горьким, — бухаринская хлестаковщина выглядит зловеще, более того, она чудовищна.

Наблюдая происходящее в течение чуть ли не десяти лет в России и в мире, Павлов констатирует всеевропейских крах и произносит в отчаянии:

«...если бы в элементах нашей революции было бы что-нибудь такое, что могло бы пособить, это другое дело. Вот вы несчастны, а мы очень счастливы, мы поможем вам, как выйти из этого затруднительного положения. Но этого ничего нет».

Павлов не видит выхода в революции и гражданской войне, которую большевики жаждут распространить на Европу; он говорит о положении немцев:

«Теперь они все-таки, за исключением маленькой кучки, соединены между собой, а тогда они образовали бы стан враждующих друг с другом людей. И почему это вывело бы их из тяжелого положения, в

котором они находятся? Я этого опять не представляю себе, и опять в тупике»³⁷.

Ответа, действительно, нет. Но Бухарина удивляет, возмущает и даже смешит, что можно всерьез опасаться такой мелочишки, как «10, 20, 150 лет» непрерывных гражданских войн во всем мире, предсказанных Марксом! Подумаешь, повод для беспокойства!.. Зато после войн — какое благолепие воссияет!..

В отчаянии Павлов допытывается:

«...каким образом этот ужасный вопрос (о том), что будет дальше с человечеством — будет разрешен при помощи (!) этой 50-летней гражданской и международной войны»³⁸.

и повторяет: «Опять для меня тупик, опять не могу понять» (курсив Павлова). Но «с легкостью в мыслях необыкновенною» «лучший ум партии» снова перечеркивает все тупики:

«А вот так же, как «при помощи русской революции была спасена наша страна. Ni plus, ni moins»³⁹.

Здесь он, пожалуй, прав: ни больше, ни меньше...

Утешило ли самого Бухарина, когда и он стал закономерной жертвой селекции, нижеследующее соображение?

«Само собой разумеется, что все сказанное не есть оправдание частных ошибок, излишнего «битья посуды», конкретных и общих случаев неумелости и неопытности. Это есть «издержки обучения», очень тяжелые, но временные. Не они решают дело. Проф. Павлов ведет атаку против *всей* системы и против *руководства* коммунистов, которые «ничего не знают в этой науке».

37) Хейтмен, стр. 199 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

38) Там же, стр. 201. Слова и знак в скобках принадлежат Бухарину.

39) Там же, стр. 205.

Что касается наших руководящих кругов, то — смеем уверить профессора Павлова — они в биологии и физиологии понимают много больше, чем проф. Павлов в области общественных наук...»⁴⁰

Таков заключительный вывод из диалога между «лучшим теоретиком» ленинской партии и недоумком-ученым.

А мы обижаемся на лысенковцев...

В 1924-м году еще невдомек было Бухарину, говоруну и удачнику, что «издержки обучения», очень тяжелые, но временные», слишком часто лишаются смысла по отношению ко временной же человеческой жизни. Он в ту благополучную для него пору только лихо пошучивал над репрессиями против «несогласномыслящих», поминая перед партийной аудиторией

«кое-каких нытиков, начавших «внутренне опустошаться», в своей «опустошенности» начавших даже атаку против всего нашего дела. Но эти «микробы» были передвинуты на более северную зону. (Смех, бурные аплодисменты)»⁴¹.

Смейтесь и аплодируйте... «Более северные зоны» и у вас впереди. Но далеко не у всех, а только у тех, кому особенно повезет... У большинства впереди пыточные застенки и расстрельные подвалы родимых «органов»...

Не предвидел Николай Иванович и своей судьбы — не предполагал, что еще отчаянно сам позавидует «этим «микробам», всего-навсего куда-то там «передвинутым». Но кто предвидит свой завтрашний день?

И поскольку пока что тяжба идет не о его собственной драгоценной жизни, Бухарин куда так размахист:

«Когда идет борьба, то приходится часто жертвовать всем для целей этой непосредственной борьбы, хотя экономически это нерационально с точки зре-

40) Там же, стр. 209 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

41) Там же, стр. 369 (Бухарин Н. И., «Ленинизм и проблемы культурной революции», 1928).

ния дня. Но если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка для всего остального, то выбора нет: нужно жертвовать всем»⁴².

Бухарин иронизирует и над тем, что

«Профессора Павлова в высшей степени удручает факт *классового приема* в высшие учебные заведения»⁴³.

Он терпеливо разъясняет упрямому ретрограду:

«... Нам нужны *такие* кадры и постоянное воспроизводство *таких* кадровых элементов, которые вели бы *пролетарскую* политику на всех пунктах трудовой шахматной доски, на которой им придется впоследствии разместиться. Гарантией такой политики является определенная *социально-классовая прививка*, т.-е. социальное происхождение»⁴⁴. Отсюда — «классовый прием». Мы, конечно, «проигрываем» временно с точки зрения квалификации, «независимой» от социальной оценки, но зато мы имеем прочную гарантию того, что поезд пойдет по надежным рельсам и не съедет где-нибудь под откос»⁴⁵.

Но «прочной гарантии» не возникает: сознание — динамическая категория. Пример тому — сам Бухарин в его попытке сравняться со Сталиным. Наблюдения, сомнения, крамольные выводы возникают безостановочно. И селекция — выбраковка инакомыслящих, террористическая или сравнительно мирная, становится перманентной, делается законом системы, которую сейчас представляет и защищает Бухарин и которая впоследствии уничтожит его самого.

42) Там же, стр. 209 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

43) Там же, стр. 210.

44) Когда был издан советский указ, запрещающий принимать в определенные вузы «классово чуждые элементы», Павлов демонстративно подал заявление об уходе со службы в Ленинградской Военно-Медицинской академии, заявив при этом: «Я сам — попович...»

45) Хейтмен, стр. 211 (Бухарин Н. И., «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»).

4. Бухарин и Сталин, или диалог второй

Было решающее обстоятельство, которое исключало для Бухарина возможность разработать в конце 1920-х годов целостную, альтернативную сталинской программе действий: в главном вопросе Бухарин и Сталин стояли на общей почве. Для обоих, как и для всей партийной элиты, обязательным условием «правильной» политической линии было сохранение диктатуры ЦК РКП(б)-ВКП(б). Но объективно курс, на котором настаивал в 1928-30 гг. Бухарин, влек СССР к тому, чтобы диктатура партии оказалась через несколько лет невыносимой.

А. Авторханов пишет:

«То, что потом Сталин приписывал правым, — будто они были против этой общей политики в развитии промышленности и сельского хозяйства, — было лишено всякого основания. Не в том правые расходились со Сталиным, что надо повести дело к социализму, не в том, что надо проводить индустриализацию, не в том, что надо держать курс на социалистическое сельское хозяйство, а в том, *как и какими методами* все это делать»⁴⁶.

Совершенно точно. Бухарин никогда не отступал ни от понимания *развитой* социалистической экономики как плановой, полностью централизованной системы хозяйства, ни от построения такой экономики в качестве центральной задачи партии. Спор шел лишь о путях ее построения. Однако признания лояльности Бухарина по отношению к общему большевистскому пониманию социализма мало для его оправдания с *позиций партии*. Надо еще доказать, что его позиция не привела бы партократию к потере ее исключительной диктаторской власти, а вот этого-то доказать и не удастся.

Сталин был достаточно зорек, утверждая, что «правая» опасность серьезней «левой». Кто стоял за «левы-

⁴⁶ Авторханов А., *Технология власти*. «Посев», 1976, стр. 162.

ми» с их индустриализаторским экстремизмом, с их откровенно колонизаторским подходом к крестьянству, с их литературной «мировой революцией», ради которой должны жить рабочие? Никто, кроме кучки восторженной молодежи и экстремистов из старшего поколения.

За «правилами» же могло встать все многомиллионное крестьянство СССР, все экономически инициативные элементы города и вся политическая оппозиция большевизму в стране и в эмиграции. Сталину это было понятно, Бухарину же, судя по его выступлениям и писаниям, — нет. И тот, и другой, споря друг с другом, опирались на цитаты из Ленина. Кто же из них был действительно продолжателем аграрной политики Ленина, а кто — самозванцем?

Учитель (Историческое отступление)

Отношения с крестьянством были для партии всегда первостепенно важны. Это отчетливо понимали два человека, одинаково прозорливые во всём, что касалось завоевательных и выживательных интересов партократии, — Ленин и Сталин. В 1918-1921 гг. партократию спасла, дала ей возможность выстоять бесчеловечная ленинская продразверстка. Однако Ленин был безупречно тактически прав и тогда, когда бросил оживляющую подачку НЭПа полумертвому, готовому на любую крайность крестьянству марта 1921-го года: во-первых, этим он сорвал всенародное антибольшевистское восстание; во-вторых, даже выжатое досуха продразверсткой, крестьянство могло накормить (и накормило!) себя и бунтующие города куда быстрее, чем это сделал бы (если и сделал бы) социалистический, то есть государственный сектор экономики, который надо было ещё создать и задействовать. Поэтому Ленин и обмолвился в 1921 году, что спасти «диктатуру» пролетариата» (то есть партии) могут теперь только её успехи «с точки зрения народной экономики». Это было сказано в дни, когда партия буквально висела над бездной. И «народная экономика» была принята во внимание Лениным

лишь потому что только её чрезвычайно быстрое улучшение *могло спасти партократию в тот момент*, а не потому, что Ленина вдруг начало всерьез беспокоить благосостояние масс.

Так понял Ленина Сталин, и он был прав. Убедиться в этом можно, лишь прочитав сочинения их обоих.

Цитаты — слабый довод в полемике, но, затратив на чтение большевистских документов и сочинений годы, я знаю: чем полней и добросовестней будет читательская ревизия наследия Ленина, тем скорее читатель со мной согласится в том, что не Бухарин, а Сталин продолжал политику Ленина в первостепенно важном для партократии вопросе её отношений с крестьянством.

Большевистский переворот 25 октября (7 ноября н.ст.) был отвергнут крестьянским большинством страны на первом же крестьянском съезде, состоявшемся после захвата большевиками власти в обеих столицах. Примечания 35-е и 56-е к XII тому III издания сочинений Ленина гласят:

«Чрезвычайный Всероссийский Съезд Советов крестьянских депутатов открылся 23(10) ноября 1917 года в Петрограде. На съезде присутствовало 330 делегатов, из них 195 левых эсеров, 65 правых эсеров и центра, 37 большевиков и 33 прочих. Съезд был первоначально назначен Исполнительным комитетом Всероссийского Совета крестьянских депутатов первого созыва на 3 октября (20 сентября), но затем отложен им сначала на 2 ноября (20 октября), затем на 23(10) ноября. Зная, что большинство приезжающих крестьянских делегатов стоит на стороне советской власти, Исполнительный комитет, желая сорвать съезд, в начале ноября снова вынес постановление об отсрочке съезда до 13 декабря (30 ноября) 1917.

Для противодействия этим попыткам правых эсеров, В.Ц.И.К. Советов Р. и С.Д. второго Созыва на первом же своем заседании 9-го ноября (27 октября) решил взять на себя инициативу созыва съезда и

создал для этой цели специальную комиссию, которая и провела всю подготовительную работу по его созыву. В то же время старый И.К. призывал крестьянские Советы не присылать делегатов на съезд, «чтобы не отвлекать местных сил, занятых подготовкой к выборам в Учредительное собрание». Уже накануне открытия съезда Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов сделал еще одну попытку сорвать съезд, предложив всем приехавшим делегатам уехать в Могилев, где находились руководители Исполнительного комитета Н. Д. Авксентьев и В. М. Чернов. Это постановление мотивировалось тем, что «в Питере большевики немедленно арестуют руководителей Совета крестьянских депутатов — Чернова и Авксентьева».

Съезд проходил очень бурно. Борьба с правыми эсерами на съезде осложнялась шатанием левых, пытавшихся сохранить единство партии эсеров и решавшихся на борьбу с правыми лишь под давлением большевиков. Так лево-эсеровское большинство лишь под давлением большевиков лишило права голоса на съезде право-эсеровский Ц.И.К. Советов крестьянских депутатов первого созыва, но после демонстративного ухода правых эсеров со съезда вновь предоставило ему право голоса. Правые все же покинули съезд через несколько дней. Большинство съезда отказалось также выслушать доклад Совнаркома. «Если мы дадим слово Народным комиссарам, — заявил А. Л. Колегаев, — мы тем самым предрешим вопрос об образовании власти». («Известия В.Ц.И.К.» № 225, 27(14) ноября 1917 г.) Поэтому Ленину пришлось выступать на съезде не от имени Совнаркома, а как члену съезда, делегированному Ц.К. партии большевиков. После доклада Ленина 27(14) ноября, большинство съезда высказалось за участие в правительстве народных комиссаров и за контакт с большевиками. На следующий

день 28(15) ноября съезд в полном составе⁴⁷ отправился в Смольный, где происходило заседание В.Ц.И.К. С.Р. и С.Д., и влился в В.Ц.И.К.

Центральным вопросом съезда был вопрос о составе Советского правительства. Первоначально левые эсеры защищали свое старое предложение о создании «однородного социалистического правительства» и провели на съезде соответствующую резолюцию: «Власть организуется Исполнительным комитетом Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов из всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно». («Известия Чрезвычайного Всероссийского Крестьянского Съезда» № 1, 5 декабря (22 ноября) 1917 г.) Однако после того, как по вопросу о власти между большевиками и левыми эсерами было достигнуто соглашение, съездом (по второму докладу Ленина об условиях соглашения) единогласно была принята резолюция, одобряющая политику Совнаркома и условия соглашения.

На последующих заседаниях съезда обсуждались второстепенные вопросы. Съезд продолжался до конца ноября ст.ст., когда влился во Второй Всероссийский съезд крестьянских депутатов (см. примечания 56). — 79.

Фарисейство этого примечания (на стр. 584-585 отредактированного Бухариным XXII тома сочинений Ленина) так самоочевидно, что возникает подозрение в его нарочитости: редакционная коллегия этого издания сочинений Ленина не скупилась на компрометирующие большевиков документы. Возможно, она оценивала их иначе, чем мы. И все-таки чудится в подборе дополнительных материалов и в комментариях какая-то небольшевистская нотка. Недаром это издание было так быстро (и строго) изъято.

На съезде из 330 делегатов большевиков было всего

⁴⁷ То есть «в полном составе» сравнительно немногих, поддержавших большевиков, делегатов (прим. Д. Ш.).

37. «Стоять на позициях советской власти» и «стоять на позициях большевиков» отнюдь не означало для крестьян в 1917 году одного и того же, как стало, скажем, в 1930-м году. Об этом достаточно четко свидетельствует

«заявление делегата съезда Моисеева (объединенный с.-д.-интернационалист), произносившего речь против декрета Совнаркома об аресте кадетов, в тот момент, когда Ленин прибыл на съезд: «У нас не власть Советов, а власть Ленина, которому вы только-что аплодировали... Ульянов знает, что если вы с ним не согласитесь, он разгонит вас штыками». («Протоколы съезда — Архив октябрьской Революции».)»⁴⁸

Ленин выступает на съезде с речами, которые трудно назвать иначе, как истерическими. Тем не менее съезд распадается, и от него остается при большевиках лишь часть левозсеровских делегатов.

«⁵⁶ Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов — был открыт от имени президиума Чрезвычайного крестьянского съезда М. А. Спиридоновой 9 декабря (26 ноября) 1917 г. В состав его входили делегаты губернских Советов крестьянских депутатов, приглашенные Исполнительным комитетом Всероссийского Совета крестьянских депутатов первого созыва и Чрезвычайный крестьянский съезд в полном составе. Съезд проходил в очень напряженной обстановке. Особенно острая борьба разгорелась на нем по вопросу об отношении к Учредительному собранию в связи с постановлением Совнаркома об отсрочке его открытия и декретом об объявлении кадетов врагами народа.

Для доклада по этим вопросам на съезд прибыл Ленин. По его докладу на съезде были внесены две резолюции: правых эсеров, объявлявших деятельность Совнаркома «преступной», и левых, одобрявших, хотя и с некоторыми оговорками, декрет Сов-

48) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 22, стр. 590, прим. № 57.

наркома. Большевики, огласив первоначально свою резолюцию, сняли ее затем с голосования и присоединились к резолюции левых эсеров. Съезд принял первоначально резолюцию правых эсеров, а затем при переголосовании — резолюцию левых. Несмотря на попытки левых эсеров сгладить свою резолюцию и сделать ее приемлемой для правых, разногласия по этому вопросу привели к расколу съезда. Съезд окончательно раскололся 16(3) декабря по вопросу о предоставлении слова Л. Д. Троцкому для доклада о мирных переговорах. Правые отказались заслушать его доклад, покинули съезд и в дальнейшем заседали отдельно.

Съезд принял резолюции, одобряющие политику Совнаркома в вопросах о войне и мире, о земле, об Учредительном собрании и т. д. и избрал Всероссийский Исполнительный комитет советов крестьянских депутатов в составе 108 человек (81 левых с.-р., 20 большевиков и 7 прочих), слившийся с В.Ц.И.К. Советов Р. и С.Д. Съезд закрылся 23(10), по другим сведениям 22(9) декабря»⁴⁹.

Иными словами, и второй прибольшевистский крестьянский съезд раскололся и развалился при попытке большевиков (Ленина) навязать ему свою волю.

С этого времени и до марта 1921 года ЦК РКП(б) находится в состоянии первой своей тотальной войны с крестьянством [вторая развернется в 1928-1933 гг. и завершится победой ВКП(б)]. Ожесточение, сквозящее в массе антикрестьянских выступлений Ленина этих лет, нарастает изо дня в день: его раздражает и возмущает нарастающее крестьянское сопротивление.

На крестьянских съездах ноября и декабря 1917 г. Ленин еще не чувствует себя уверенным перед лицом крестьянской стихии; он не угрожает, а уговаривает (достаточно сбивчиво и постепенно):

«Товарищи, я на предыдущий Чрезвычайный съезд крестьянских депутатов явился от фракции

49) Там же, прим. № 56.

большевиков, а не от Совета народных комиссаров, точно так же я выступаю и теперь, потому что мне важно, чтобы мнение партии большевиков было известно вам, съезду крестьянских депутатов.

Когда я пришел сюда, я слышал часть речи последнего оратора, который, обращаясь ко мне, сказал вам, что я хочу разогнать вас штыками. Товарищи, Россия выросла из того, чтобы кто-нибудь управлял ею. Вы знаете, что с тех пор, как армия сумела обратить оружие для завоевания свободы, с тех пор, как крестьяне, одетые в солдатские шинели, могут собираться и сталкиваться с крестьянами, не носящими таких шинелей, нет такой силы, которая могла бы покорить волю народа, волю крестьян и рабочих.

Товарищи, я хочу вам сказать, как мы понимаем переворот 7 ноября (25 октября). Товарищи, здесь говорили, что новая волна революции, быть может, сметет Советы. Я говорю: этого не будет. Я твердо уверен, что Советы никогда не погибнут; революция 7 ноября (25 октября) доказала нам это. Советы никогда не погибнут, потому что они образовались еще в первую революцию 1905 года, образовались и после Февральской революции и не по чьему-либо личному почину, а по воле народных масс, снизу. Здесь не может быть никаких ограничений, никаких формальностей потому, что они образованы по воле народа, и народ волен отозвать, в любой момент своих представителей. Советы выше всяких парламентов, всяких Учредительных собраний. (*Шум, крики: «ложь!».*) Партия большевиков всегда говорила, что высший орган — Советы. Нельзя говорить, что это ложь, потому что через Учредительное собрание революции, которые были в Европе и которые свергали монархию, образовывали буржуазную республику»⁵⁰.

⁵⁰ Там же, стр. 113 (Речь на втором Всероссийском съезде крестьянских депутатов 15 (2) декабря 1917 г.).

Еще более экспрессивен и патетичен отвергнутый большинством съезда ленинский «Проект воззвания к крестьянству»⁵¹.

«Товарищи-крестьяне! Мы составляем подавляющее большинство населения нашей страны. Мы — главная масса трудящихся и эксплуатируемых. Мы — главная масса борцов за удовлетворение законных и справедливых требований трудящихся, требований земли в первую голову, борцов против всякого гнета и всякой эксплуатации как со стороны помещиков, так и со стороны капиталистов.

Товарищи-крестьяне! Мы — главная масса нашей армии, на долю которой выпали прежде всего нечеловеческие мучения более чем трехлетней войны, затеянной царями и капиталистами, — той армии, на долю которой выпала также тяжелая, но благодарная и почетная роль, роль передового борца — наряду с рабочими — за свободу, за землю, за мир, за полное освобождение трудящихся от всякого гнета, от всякой эксплуатации . . .

Близится грозный час. Надвигается последний бой. Вся страна, все нации нашей республики разделились на два великих стана. Один стан помещиков и капиталистов, богачей и их прислужников, знатных чиновников и их друзей, командующих над народом и сторонников войны.

Другой стан — рабочих и трудящихся и эксплуатируемых крестьян, бедного народа и его друзей, солдат-рядовых и сторонников мира, сторонников беззаветно-решительной, смелой, беспощадной к угнетателям народа, революционной борьбы за мир.

. . . Товарищи-крестьяне! Вы должны сказать прежде всего ваше слово решительного осуждения против тех депутатов Второго Всероссийского крестьянского съезда, которые *откололись* от этого съезда. Осудите раскольников. Осудите разрушите-

51) Там же, стр. 116-120.

лей единства крестьян, единства трудового народа, единства крестьян с рабочими. Неслыханное преступление совершили эти раскольники, эти разъединители крестьянства, эти перебежчики в стан богачей, в стан помещиков и капиталистов. Эти люди называют себя «социалистами-революционерами» правого крыла и центра, сторонниками Авксентьева и Чернова. Они изменили всем учениям и программе социалистов-революционеров, они перешли к врагам социализма, к душителям революции. Они порвали с верными хранителями учения, программы и требований социалистов-революционеров, с партией «левых социалистов-революционеров интернационалистов», которая осталась верна интересам трудящегося крестьянства. Они, эти сторонники Авксентьева и Чернова, ушли с Второго Всероссийского крестьянского съезда, отказавшись подчиниться решению большинства крестьян, чтобы проводить волю богачей и капиталистов против крестьян, чтобы тормозить дело мира, чтобы мешать немедленному переходу всех земель, без выкупа, в руки трудящегося народа, чтобы спасти губительную для крестьян политику Авксентьева, Чернова, Маслова и им подобных.

... составляя списки 30(17) октября и на выборах в Учредительное собрание 25(12) ноября, крестьянство *не могло* еще знать правды о земле и о мире, *не могло* отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры. Вы видите, что *только обманом* могут выступать от имени крестьян те эсеры, которые противятся решениям Второго Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, а также Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов.

Не допустите же, товарищи-крестьяне, чтобы *из-за этого обмана* могла пролиться кровь! Поднимите ваше твердое слово протеста против тех,

кто покинул Второй Всероссийский съезд крестьянских депутатов. В каждой губернии, в каждом уезде, в каждой волости, в каждой деревне примите *наказы*, выразите ваш протест против ушедших со съезда, *назовите по имени* местных депутатов от крестьянства в Учредительное собрание, которые *не* приняли решений этих съездов, *потребуйте ухода* таких депутатов из Учредительного собрания, ибо только обманом народа они могут выдавать себя за избранников народа . . .

. . . Выхода у всей страны только два:

Либо гражданская война калединцев, кадетов, корниловцев (и их прикрытых союзников, авксентьевцев, черновцев, масловцев) против Советской власти, война кровавая, война безнадежная для ее зачинщиков, война, которая власти у Советов не отнимет, а только даст больше озлобления, больше жертв, больше крови, больше затяжки великих социалистических преобразований, больше голода бесхлебным губерниям.

Либо честное признание всеми очевидной для всех правды, именно: что противники решений Второго Всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов, а также Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов только обманом могли . . .» и т. д. и т. п.

Объяснения в преданности, инсинуации и угрожающие пророчества, из которых слагаются первые после-октябрьские выступления Ленина, продиктованы насущной политической необходимостью. Надо, во-первых, внушить крестьянам, что большевики, то есть явное меньшинство делегатов двух крестьянских съездов, более «за крестьян», чем сами крестьяне (и уж во всяком случае — чем представители других партий). Необходимо, во-вторых, заблаговременно психологически подготовить крестьянство к разгону Учредительного собрания, в котором большевики снова составят явное меньшинство (в этом у Ленина нет сомнений). Парал-

лельно во множестве выступлений подготавливается к возможной борьбе с крестьянством (в том числе и с беднейшим) рабочий класс, теперь, в отличие от февраля-октября 1917 года остерегаемый от потребительских настроений:

«В нашей гигантской борьбе с империализмом и капитализмом полумерам не остается места.

Вопрос в том — победить или быть побежденным.

Рабочие должны это понимать, и понимают: это ясно из того, что средние компромиссные решения ими отвергаются.

Поэтому сейчас не должно думать об улучшении вот в этот момент своего положения, а думать о том, чтобы стать классом господствующим. Нельзя надеяться, что пролетариат деревни ясно и твердо сознает свои интересы. Это может сделать только рабочий класс, и каждый пролетарий, в сознании великой перспективы, должен почувствовать себя руководителем и повести за собой массы»⁵².

Из рабочих спешно формируются три силы: агитаторы, реквизиторы и актив армии. В пассив армии будут заманиваться или загоняться крестьяне (других человеческих резервов нет). Какими методами восстанавливается город против деревни, посредством каких всемогущих лозунгов? Сейчас увидим. Перед голодающими рабочими возникает (на три года вперед) их главный враг — сытый, прячущий от города хлеб «кулак», то есть хозяйственно дееспособный крестьянин, не сочувствующий реквизиторам и вряд ли имеющий в 1918 году излишки хлеба:

«Возьмем вопрос о земле: земля объявлена народным достоянием, и все виды собственности уничтожаются. Этим сделан великий шаг к уничтожению эксплуатации.

Здесь разгорится борьба между богатыми и тру-

52) Там же, стр. 124-125. Доклад об экономическом положении рабочих Петрограда и задачах рабочего класса на заседании рабочей секции петроградского совета Р. и С.Д. 17(4) декабря 1917 г.

дядимися крестьянами, и надо помочь бедноте не книжкой, а опытом, собственной борьбой. Мы не для того отняли землю у помещиков, чтобы она досталась богатеям и кулакам, а бедноте. Это вызовет симпатии и сочувствие к вам со стороны бедного крестьянства.

Необходимо позаботиться и о том, чтобы земледельческие орудия и машины не были в руках кулаков и богатеев. Они должны принадлежать Советской власти и временно отданы на пользование трудящимся массам, через волостные комитеты. И сами они должны следить за тем, чтобы эти машины не служили средством обогащения кулаков, а ими пользовались бы только для обработки своей земли.

И против одного богатея, который будет протягивать свою жадную лапу к народному добру, надо противопоставить десять трудящихся.

Возьмем вопрос о земле:

Доходы Советов равняются 8 миллиардам, а расходы — 28 миллиардам. Конечно, при таком положении вещей мы с вами провалимся, если не сумеем вытащить эту телегу государственную, которую царская власть погрузила в болото.

Война внешняя кончилась или кончается. Это решенное дело. Теперь начало внутренней войны. Буржуазия, запрятав награбленное в сундуки, спокойно думает: «Ничего, — мы отсидимся». Народ должен вытащить этого «хапалу» и заставить его вернуть награбленное. Вы должны это провести на местах. Не дать им прятаться, чтобы нас не погубил полный крах. Не полиция должна их заставить, — полиция убита и похоронена, — сам народ должен это сделать, и нет другого средства бороться с ними.

Прав был старик-большевик, объяснивший казаку, в чем большевизм.

На вопрос казака: А правда ли, что вы, большевики, грабите? — старик ответил: Да, мы грабим награбленное¹¹¹.

Мы в этом море потонем, если не извлечем из тех кубышек все запрятанное, все награбленное за все годы бессовестной, преступной эксплуатации»⁵³.

А вот и примечание № 111 к ленинской речи (в том же томе):

«¹¹¹) Здесь Ленин имеет в виду доклад представителя казачьего съезда на третьем съезде Советов: «Один старик-станичник в поезде железной дороги вступил в разговор с одним солдатом. Попутчик станичника оказался большевиком. Когда об этом узнал казак, то он спросил солдата: «А что такое, собственно, большевики?» Солдат, вместо того, чтобы ответить старику, что такое большевики, в свою очередь спросил старика: «А ты воевать хочешь?» — «Не хочу», — ответил станичник. «Ну, значит, ты большевик», — решил солдат. Затем солдат спросил станичника: «А земли хочешь?» — «Хочу», — «Значит, ты опять большевик!» Вопрос о земле заинтересовал станичника, и он попросил своего спутника подробнее и обстоятельнее рассказать ему, как можно получить землю. Солдат заявил: «А вот, когда приедешь в станицу к себе, то походи к Минину (большевик), он тебе порасскажет». Прибыв в станицу, старик направился к Минину. Минин удовлетворил любопытство старика относительно земли. Станичник, ознакомившись с программой Минина, воскликнул: «Значит, ты грабитель». Минин ответил: «Да, мы грабители, но мы грабим грабителей». Это так понравилось старому казаку, что он стал самым деятельным большевиком. («Третий Всероссийский Съезд Советов Р.С. и К.Д.». Изд. 1918 г., стр. 84.) — 251».

Это знаменитое ленинское «грабь награбленное» коцует из текста в текст, но все ли помнят о «самом дея-

⁵³ Там же, стр. 250-251. Из «речи перед агитаторами, посылаемыми в провинцию». Напечатано 6 февраля (24 января) 1918 г. в *Правде* № 18.

тельном большевике — «старике-станичнике»? И еще о том, что грабить-то Ленин велит не каждому для себя, а беднякам — для советской власти? Что «земледельческие орудия и машины» «кулаков и богатеев» лишь «временно отданы на пользование трудящимся массам», а не в собственность бедняков?

Просто вначале, при «временных», Ленин в выступлениях перед массой не акцентировал, что речь идет не о передаче земли, машин и орудий производства крупных имений и хуторов бедноте в собственность, а о передаче их во временное пользование «трудящимся массам» через волостные комитеты. Речь идет, следовательно, отнюдь не о «грабеже награбленного» для себя (как представляется обрадованному «старика-станичку»), а о реквизиции крестьянской собственности государством через большевистские волостные комитеты. При таком положении дел альянс между большевиками и «стариками-станичками» долго продолжаться не мог. И пролетариат должен был стать послушным орудием большевистской власти в борьбе против крестьянства.

С весны 1918 года «мелкие собственники», «мелко-собственническая масса» становятся, судя по речам и статьям Ленина, главными противниками «рабочего класса» (то есть большевиков), независимо от материального положения «мелких собственников».

«Мы видим на-ряду с сознательным элементом рабочего класса, всю деятельность направившим на то, чтобы новая дисциплина товарищества была положена в основу, многомиллионную массу мелко-собственнического и мелкобуржуазного элемента, который смотрит на все с точки зрения своих узких интересов. Нельзя бороться с голодом и катастрофой, которые надвигаются на нас, иначе, как установлением железного порядка сознательных рабочих, — без этого мы ничего сделать не сможем. Вследствие гигантского расположения России мы

живем в таких условиях, что в одном конце страны много хлеба, а в другом ничего нет.

... Нужно каждый пуд хлеба взять на учет, чтобы ни один пуд хлеба не пропал. Но мы знаем, что этот учет в действительности не проводится в жизнь, а остается только на бумаге. В жизни мелкие спекулянты только развращают деревенскую бедноту, внушая ей, что частной торговлей можно пополнить недостаток. При таких условиях из кризиса выйти нельзя. В России может хватить хлеба для людей и хлеба, т.-е. топлива, для промышленности при самом строгом разделе всего, что у нас есть, между всеми гражданами, чтобы никто не мог взять ни одного лишнего фунта хлеба, чтобы ни один фунт топлива не оставался неизрасходованным. Только так можно спасти страну от голода. Этот урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности, этот урок не из книжки — мы дошли до него путем горького опыта.

Может быть не сразу широкая рабочая масса поймет, что мы стоим перед катастрофой. Нужен крестовый поход рабочих против дезорганизации и против укрывания хлеба. Нужен крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина, о которой вы принимали решение, о которой говорили в пределах фабрик и заводов, чтобы она распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет»⁵⁴.

А ведь империалистической войны уже нет, и только защита собственной власти заставляет большевиков подвергать народ жесточайшей продовольственной диктатуре. В то же время каждый час такой диктатуры множит преступления большевиков перед народом и увеличивает их страх перед расплатой в случае поражения.

⁵⁴) Там же, стр. 33-35. «Речь на съезде комиссаров труда», 24 мая 1918 года.

Правда, Ленин еще долго будет называть свою войну против крестьянства войной против «кулаков» и зажиточных:

«Тысячу раз будет неправ тот, тысячу раз ошибается тот, кто позволит себе хоть на минуту увлечься чужими словами и сказать, что это — борьба с крестьянством, как говорят иногда неосторожные или невдумчивые из левых эсеров. Нет, это борьба за то, чтобы спасти социализм и разделить хлеб в России правильно (возгласы: «а т о в а р ы ?»).

Кулакам, имеющим излишки хлеба и способным в момент величайшего бедствия народа скрывать хлеб, в момент, когда все завоевания революции поставлены на карту, когда Скоропадские всех оттенков и со всех концов, оккупированных и не оккупированных, вытягают шеи и поджидают, нельзя ли на голоде свалить крестьянскую и рабочую власть и вернуть помещиков, — в такой момент объявить этим кулакам беспощадную войну, — это наш первый социалистический долг. Кто в этот труднейший момент величайших испытаний для голодного народа и величайших испытаний для социалистической революции умывает руки и повторяет рассказы ни буржуазии — тот плохой социалист.

Неверно, и тысячу раз неверно, что это есть борьба с крестьянством! Я читал сотни раз на страницах кадетских газет об этом, и меня не удивляет, когда там кричат, что рабочие раскололись с крестьянством. Когда там истерически пишут: «крестьяне, очнитесь, одумайтесь и бросьте большевиков». Когда я слышу и читаю там об этом, меня это не удивляет. Там оно подстать. Там они служат тому хозяину, которому служить предназначены, но я не желал бы быть в шкуре социалиста, упавшего до таких речей!»⁵⁵.

55) Там же, т. 23, стр. 127, «V Всероссийский съезд советов».

Но удержаться на уровне только такой пропаганды, которая не задевала бы беднейших крестьян, Ленин не может, ибо и они разочаровываются в большевиках⁵⁶.

«...со стороны монархистов, кулаков, богатеет идет бешеная агитация на почве голода. Они не ограничиваются только агитацией, но подкупают бедных крестьян, толкая их на спекуляцию и на борьбу с рабочими»⁵⁷.

Чем могут «бедные крестьяне» спекулировать, понять трудно; но их нежелание расставаться с последними крохами съестных припасов вполне понятно. Только на X съезде РКП(б), при объявлении НЭПа, выплывут ужасы тотальной реквизиционной политики 1918-на-мала 1921 гг., скрывавшиеся за ленинскими призывами и наставлениями.

Летом 1918 года в публицистике и речах Ленина возникает новый мотив: *вся крестьянская масса* настроена против большевиков. Это значит, что против большевиков настроено более 70% населения страны, которую они завоёвывают, парализовав для этого всё национальное производство и превратив рабочих в армию реквизиторов. Но большевики не уходят — большевики *никогда* не уходят по доброй воле, сколь значительное большинство населения не было бы против них⁵⁸. Большевики — со своих марксистско-чернышевско-нечаевских истоков — ни с какими большинствами и меньшинствами не считаются:

«Колебание среди крестьян нас не удивляет. Крестьянская масса не прошла такой жизненной

56) Если бы в силах, противостоявших большевикам, не господствовало озлобление против народа, если бы генералы, воюющие против Ленина, делали ставку на крестьянство, если бы не контр-террор против обманутых и соблазненных, а опора на них, кто знает, как могли бы обернуться события. Вспомните противоборство между белыми и красными в романе *Доктор Живаго* — изувеченного «белыми» пленника, приползшего к партизанам.

57) Ленин В. И., *Соч.*, изд. III, т. 23, стр. 145 («Речь на митинге в Лефортовском районе»).

58) Яркий пример (недавнего времени) тому — демократически избранный С. Альенде, державшийся за власть не на жизнь, а на смерть.

школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается. Мы знаем массу случаев, когда кулаки продают крестьянам хлеб ниже твердых цен для того, чтобы представить, будто кулаки защищают их интересы. Нас все это не удивляет, но рабочий-коммунист не поколебнется, рабочая масса явится незыблемой, и если крестьянская среда настроена по-кулацки, то это легко объяснимо»⁵⁹.

Итак, «крестьянская масса» колеблется, «крестьянская среда настроена по-кулацки». Но ни малейшей свободы выбора Ленин за этим трудящимся большинством народа не признает: он надеется его сломать.

Более того, крестьянин, сопротивляющийся советской власти, вырастает в публицистике Ленина в какой-то вселенский символ:

«Смерть — или победа!

И мы победим мирового кулака и отстоим дело социализма!

«Известия В.Ц.И.К.» № 164(428), 3 августа 1918 г.»⁶⁰.

Теперь уже главным боем для «социалистического пролетариата» оказывается война с крестьянством. Война эта идет непрерывно — с лета 1918 года до весны 1921 года, опровергая все мифы о «расейском покорстве силе».

Сев был практически сорван. Хлеб отбирался с весны и все лето. Но какой-то урожай в 1918 году был еще снят. И Ленин бросает в деревню все новые и новые

⁵⁹ Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 162 («Речь на объединённом заседании В.Ц.И.К.» 29 июля 1918 года).

⁶⁰ Там же, стр. 171 («Речь на митинге красноармейцев на Ходынке» 2 августа 1918 года).

отряды рабочих — за хлебом для государственных аппаратов, новой охраны и армии, утверждающей власть большевиков. В статье с красноречивым названием «Товарищи-рабочие! Идем в последний решительный бой!» Ленин уже не может молчать о волне крестьянских восстаний, колеблющих его непрочную еще власть⁶¹. Для того, чтобы выдать крестьянские восстания за «кулацкие», Ленин прибегает к беспочвенным статистическим инсинуациям. И все-таки не может не упомянуть о том, что и беднота парадоксальнейшим образом поддерживает не своих благодетелей-большевиков, а своих погубителей-мироедов.

«Кулаки — бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского, меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом *ни ко г да*.

И поэтому бой против кулаков мы называем *п о с л е д н и м* решительным боем. Это не значит, что не может быть многократных восстаний кулаков, или что не может быть многократных походов чужеземного капитализма против Советской власти. Слово: «последний» бой означает, что последний и самый многочисленный из *эксплуаторских* классов восстал против нас в нашей стране.

Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры...

Кулаки пользуются темнотой, раздробленностью, распыленностью деревенской бедноты. Они натравливают ее на рабочих, они подкупают иногда ее, давая ей на сотенку рубликов «пожиться» от спекуляции хлебом (и в то же время грабя бедноту на

61) И демократы, и либералы, и монархисты, и «интервенты» (капля в российском море) просмотрели эти восстания, не сумели на них опереться. Все они числили народ за большевиками.

многие тысячи). Кулаки стараются перетянуть на свою сторону среднего крестьянина, и иногда им это удается»⁶².

Ленин очень часто говорит о «подкупе» бедняка и середняка «кулаками». О том же в 1927-м году заговорит и Сталин. И тот, и другой свидетельствуют, что крестьянство вставало против продразверстки и хлебозаготовок единым фронтом, энергично поддерживая свои экономически слабые группы.

В октябре 1918 года ненадолго воскресли надежды Ленина на европейскую социалистическую революцию. И, выжимая из крестьян России все хлебные запасы ради выживания своей власти, Ленин готовится еще и отдать этот награбленный хлеб «немецким товарищам». «Немецким товарищам» он намерен предоставить еще и трехмиллионную армию, которую год назад заставил бросить оружие посулами скорого и прочного мира.

«... Но пролетариат России не только со вниманием и восторгом следит за событиями. Он ставит вопрос о том, чтобы напрячь все силы для помощи немецким рабочим...»

Начнем же немедленно готовиться. Докажем, что русский рабочий умеет гораздо более энергично работать, гораздо более самоотверженно бороться и умирать, когда дело идет не об одной только русской, но и о международной рабочей революции.

Прежде всего удесятерим свои усилия по заготовке запасов хлеба. Постановим, что в каждом крупном элеваторе создается запас хлеба для помощи немецким рабочим, если обстоятельства поставят их в трудное положение в их борьбе за освобождение от чудовищ и зверей империализма. Пусть каждая партийная организация, каждый профессиональный союз, каждая фабрика, мастерская и

62) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 205-209. Надо знать стилистику политических сочинений Ленина, чтобы понять, сколь массовый размах явлений скрывается за ленинским «иногда им это удаётся».

т. д. свяжутся специально с несколькими избранными ею волостями для укрепления союза с крестьянами, для помощи им, для просвещения их, для победы над кулаками, для полной очистки всех излишков хлеба.

Пусть таким же путем удесятерится наша работа по созданию пролетарской Красной армии . . .

Мы решили иметь армию в 1.000.000 человек к весне, нам нужна теперь армия в три миллиона человек. Мы можем ее иметь. И мы будем ее иметь.

Мировая история за последние дни необыкновенно ускорила свой бег во всемирной рабочей революции»⁶³.

Естественно, Ленину не пришло бы и в голову подумать о согласии или несогласии голодных крестьян «заполнять зерном» (?) его элеваторы «для помощи немецким рабочим» и о степени готовности голодных рабочих умирать за «международную рабочую революцию». Бухарин в 1927-1930 гг. непрерывно ссылается на демократизм аграрной политики Ленина эпохи НЭПа (об этом «демократизме» несколько ниже). Но куда девались из его памяти 1918-1921 (март) годы с их аграрной политикой? А ведь литературное наследие Ленина доказывает неопровержимо: в 1918-19 гг. он намеревался сделать с крестьянством именно то, что удалось сделать Сталину в 1928-1932 гг. Ленин говорит об этом неоднократно и отступает окончательно только после Кронштадского восстания. Он говорит об этом до февраля, и в марте-октябре 1917 года, и после своей победы.

Что означает следующий его пассаж в речи на VI Всероссийском чрезвычайном съезде советов⁶⁴ в ноябре 1918 года, как не директиву о коллективизации?

«Июльский кризис закончился тем, что в деревнях повсюду поднялись трудовые эксплуатируемые

⁶³) Там же, стр. 216-217 («Письмо объединенному заседанию ЦК и ЦИК» 3. 10. 1918 г.).

⁶⁴) Там же, стр. 254.

элементы, поднялись вместе с пролетариатом городов. Сегодня товарищ Зиновьев сообщал мне по телефону, что в Питере областной съезд комитетов бедноты достиг 18.000 чел. и что там господствует необыкновенный энтузиазм и воодушевление. По мере того, как складывается в более наглядную форму то, что происходит во всей России, когда поднялась деревенская беднота, она увидела борьбу с кулаками на собственном опыте, увидела, что для того, чтобы обеспечить продовольствие в городе, чтобы восстановить товарообмен, без которого деревня жить не может, нельзя идти вместе с деревенской буржуазией и с кулаками. Нужно организоваться отдельно. И нами теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне. В октябре этого сделать мы не могли. Мы поняли этот момент, когда идти к массам, и мы достигли теперь того, что социалистическая революция в деревнях начата, что нет такой захолустной деревни, где не знали бы, что свой брат богачей, свой брат кулак, если он спекулирует хлебом, — смотрит на все происходящие события со старой захолустной точки зрения.

И вот деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплываясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства. Только теперь социалистическое строительство начнется в деревнях. Только теперь образуются те советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники, что на основах старого, реакционного темного времени даже простой, элементарной, человеческой культуры дать не может.

И вот величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне, показывает, что вся эта борьба увенчалась успехом».

Ленин надеется сделать комбеды эффективным оружием коллективизации. Обращаясь к делегатам комитетов бедноты Московской области⁶⁵, он пытается влить в сознание делегатов свою волю, свои устремления, свое понимание целесообразности. Но, едва успевши избрать комбеды, он вынужден инспирировать их «переизбрание»:

«Мы знаем, что и в комбеды иногда пролезают кулаки. Если это будет продолжаться, то и к комбедам будет такое же отношение со стороны бедноты, как к кулацким советам Керенского и Авксентьева. Переменой клички никого не обманешь. Ввиду этого предположено произвести перевыборы в комбеды. Выбирать в комбеды имеет право только тот, кто не эксплуатирует чужого труда, кто не грабит на народном голоде, кто не спекулирует излишками хлеба и не прячет его. Кулакам и мироедам в пролетарских комбедах места быть не должно.

... такие люди, которые могут во время голода прятать и накапливать хлеб, — злейшие преступники. С ними надо бороться, как с худшими врагами народа...⁶⁶

Дележка хороша была только для начала. Она должна была показать, что земля отходит от помещиков, что она переходит к крестьянам. Но этого недостаточно. Выход только в общественной обработке земли.

Этого сознания у нас не было, но жизнь сама приводит нас к этому убеждению. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономия сил и борьбы с кулачеством, тунеядством и эксплуатацией...

⁶⁵ Там же, стр. 282-284 («Речь к делегатам комитетов бедноты Московской области» 8 ноября 1918 года).

⁶⁶ Так, через год и один день после октябрьского переворота (а не в середине тридцатых гг.) устами Ленина (а не Сталина!) произнесся этот зловеющий термин.

Если понадобятся интеллигенты-специалисты, мы их пошлем. Они в большинстве хоть и контр-революционеры, но комбеды сумеют их запретить, и они будут работать для народа не хуже, чем работали раньше для эксплуататоров. Вообще, наши интеллигенты уже успели убедиться, что своим саботажем, умышленной порчей работы им не скинуть рабочей власти» . . .

Но и вновь избранные комбеды не рвутся в коммуны, ибо, как весьма справедливо заметил И. Бунин⁶⁷, «разрушает «старую жизнь» во время революции не презрение народа к ней, а как раз наоборот — острая зависть к ней, жажда ее». А Ленин топчет эту жажду в зародыше, когда не использует ее в своих политических интересах.

Я потому столько говорю о Ленине в части трилогии, посвященной Бухарину, что вот уже сорок пять лет (от расстрела Бухарина Сталиным) главным оправдательным доводом в пользу Бухарина служит то, что он, по мнению его защитников, продолжал в аграрном вопросе Ленина, которому Сталин якобы бессовестно изменил. Поэтому мне не ступить ни шага, не восстановив ленинской линии в этом вопросе.

Ах, как досадует Ленин по поводу нежелания доставшегося большевикам во власть человеческого материала лезть в уготованное ему прокрустово ложе! На собрании партийных работников Москвы⁶⁸ он говорит о главных источниках своего раздражения — о крестьянстве и интеллигенции.

Буржуазия и старая крупная администрация уничтожены, землевладельцы — тоже. Рабочие и рядовые служащие, слои по самой своей функции и психологии исполнительные, лишь поменяли хозяев. Российские рабочие имели только несколько групп: транспортники, металлисты, полиграфисты, связисты, электрики и т. д.,

67) Бунин И., «Богиня разума». В сб. *Под серпом и молотом*. Лондон, 1975, «Заря» (Онтарио), 1975.

68) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 320-323 («Доклад о мелкобуржуазных партиях» 27. 11. 1918 г.).

— уже обладавших европейским уровнем солидарности и политической эмансипации. Весь 1918-й год (с несколькими более поздними рецидивами) Ленин душил их независимость и их лидеров. Он додушил их лишь в 1922-м году, окончательно растоптав «рабочую оппозицию». Но свободные крестьяне и интеллигенция (поскольку речь идет о товаропроизводителях, а не о крепостных или илотах) — слои, по определению нуждающиеся для своего функционирования в независимости. Общеисторическое заблуждение, выразившееся в словах К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни», заставило нас позабыть о творческом характере труда крестьянина и о необходимости для него, как и для интеллигента, свободного замысла и реализации этого замысла.

И Ленин жаждет избавиться от независимого крестьянства:

«... Лишь по мере победы пролетарского движения в деревнях и не против помещиков вообще, а против кулаков, — лишь по мере победы этого движения, мы будем переходить систематически к коллективному общественному землевладению и к общественной обработке земли. Эту задачу нельзя было осуществить иначе, как опираясь на чисто пролетарское движение в деревне, и в этом отношении предстоит еще очень многое сделать...

Если бы нам пришлось строить социализм не из элементов, оставленных нам в наследие капитализмом, — задача была бы легка, но в том то и трудность социалистического строительства, что нам приходится строить социализм из людей, насквозь испорченных капитализмом. В том то и трудность перехода, что он связан с диктатурой, с моментом, когда руководит один только класс — пролетариат. Из этого вытекает, что мы говорим себе, что линию будет определять пролетариат, который вышколен и обращен в боевую силу, способную разбить буржуазию...

Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано. Если ход событий нас толкнул на борьбу, — мы ответили по правилу: на одного разбойника — три разбойника».

Трудно определить свою позицию точнее и циничней. «Разбойник» — всякий, кто (в огромном большинстве народа, не приемлющем коммунистов) осмелится на сопротивление. Зато три разбойника, являясь автохарактеристикой, никаких кавычек вокруг себя не требуют.

Очень откровенно звучит это пассивно-причастное «вышколен» и ««обращён» (о пролетариате), за которым сразу же следует поставить вопрос: «кем?»

А. Авторханов в *Становлении партократии* неоднократно пишет, что в вопросе коллективизации и, следовательно, отмены ленинского НЭПа Сталин был куда более ленинцем, чем все его оппоненты. И вдруг резкая перемена тона: «... ссылками на Ленина Сталин теоретически обосновал свой план коллективизации. Но первая же ссылка на Ленина была фальсифицированной. Сталин говорил: «К организации колхозов Ленин звал партию еще с первых дней Октябрьской революции»...» И далее А. Авторханов свидетельствует, что Сталин не смог подтвердить этого своего заявления цитатой, ибо, во-первых, при Ленине и термина «колхоз» еще не существовало, а во-вторых, Ленин «с первых дней революции» принял эсеровскую аграрную программу, а посему партию к организации колхозов не звал и не мог звать. К сожалению, прав тут все-таки Сталин: термин «колхоз» при Ленине был и принадлежал Ленину. В своем «Наказе от СТО местным советским учреждениям» от 21 мая 1921 года Ленин пишет: «Не менее 2-х раз в год обязательны точные сведения о числе всех видов колхозов (коллективных хозяйств...)⁶⁹. В плане брошюры «О продовольственном налоге» читаем: «Роль

69) Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 282.

колхозов. Много наглумили. Под суд за неисполнение закона и за *неумелость* (три года)⁷⁰. Это отнюдь не единственные упоминания о колхозах в наследии Ленина. Как известно, в 1918-1921 гг. Сталин специально аграрной политикой не занимался (постольку-поскольку, как все члены Политбюро).

Ленинское горестное сожаление о неполноценности человеческого материала распространится вскорости и на рабочих. Ведь и они громили богатых для того, чтобы жить, как богатые, а не ради политических идеалов Ленина. «Кто был ничем, тот станет всем», контроль «над банками» и получение «в собственность» понимались рабочими так же буквально, как деревней — лозунг «земля — крестьянам» и всеми вместе — «вся власть Советам»!

И теперь Ленин недоволен пролетариатом:

«Мы много боролись с теми остатками проклятого буржуазного строя, с мелкособственническими, не то анархистскими, не то эгоистическими, стремлениями, которые засели глубоко и в рабочих.

Рабочий никогда не был отделен от старого общества китайской стеной. И у него сохранилось много традиционной психологии капиталистического общества. Рабочие строят новое общество, не превратившись в новых людей, которые чисты от грязи старого мира, а стоят по колени еще в этой грязи. Приходится только мечтать о том, чтобы очиститься от этой грязи. Было бы глубочайшей утопией думать, что это можно сделать немедленно. Это было бы утопией, которая на практике только отодвинула бы царство социализма на небеса.

Нет, мы беремся за устройство социализма не так. Мы беремся, стоя на почве капиталистического общества, борясь со всеми теми слабостями, недостатками, которые имеются и у трудящихся, которые тянут пролетариат книзу. В этой борьбе много

70) Ленин В. И., Соч., изд. IV, т. 32, стр. 302 (Курсив Ленина).

сепаратистских старых мелкособственнических привычек и навыков и еще имеет место старый лозунг: «каждый за себя, один бог за всех». Этого было слишком достаточно в каждом профессиональном союзе, на каждой фабрике, которая думала сплошь да рядом только о себе, а об остальном — пусть позаботится господь бог да начальство. Это мы испытали, это мы видели на своем горбе, это нам стоило столько ошибок, столько тяжелых ошибок, что этот опыт мы теперь учитываем и говорим Товарищам: мы вас предостерегаем от всех самочинных действий в этой области самым решительным образом. И мы говорим: это будет не строительство социализма, это будет то, что мы все поддадимся слабостям капитализма»⁷¹.

В начале 1919 года, в речи на I Всероссийском съезде земельных отделов⁷², Ленин вспомнил о тех своих дооктябрьских алиби, о которых мне так часто приходилось говорить в главах о предоктябрьской его позиции. Тогда за громовым кличем: «Земля — крестьянам!» («Сарынь на кичку!») — всегда скороговоркой и шепотком возникало напоминание о передаче земли советам, а не крестьянам, понятное только посвященным в социалистическую аграрную фразеологию. Теперь Ленин говорит своим деревенским функционерам:

«... мы и ставим вопрос так, как он поставлен в законе о социализации земли. Вы знаете, что там провозглашена отмена частной собственности на землю, провозглашено уравнильное разделение земли, вы знаете, что таким образом и начато осуществление этого закона, и что мы провели его в большинстве крестьянских местностей и в то же

71) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 490-491 («Доклад на II Чрезвычайном съезде профсоюзов» 20 января 1919 г.).

72) Там же, стр. 426-427. Здесь, кстати, как нельзя лучше рассказано самим Лениным, для чего и в какой мере он «с первых дней революции» принял эсеровскую программу социализации земли, без чего он не был бы ни на миг принят крестьянством, и как трактовал он эту программу.

время, по общему единодушному согласию и коммунистов, и всех, кто тогда взглядов коммунизма еще не разделял; в законе стоит то положение, которое я вам сейчас прочитал и которое говорит, что нашей общей задачей, нашей общей целью является переход к социалистическому хозяйству, к коллективному землевладению, к общественной обработке земли. Чем дальше идет период строительства, тем яснее становится теперь и для крестьян, уже осевших на земли, и для тех военнопленных, которые сотнями тысяч и миллионами возвращаются теперь измученные и истерзанные из плена, все яснее и яснее становится перед ними весь гигантский размер того, что мы должны сделать для восстановления хозяйства, для того, чтобы вывести крестьян навсегда из старого положения заброшенности, забитости и темноты, все яснее становится, что выходом, действительно прочным и приближающим массу крестьян к культурной жизни, действительно ставящим их на положение, равное с другими гражданами, — этим выходом является только общественная обработка земли, и к этой общественной обработке земли постепенными мерами стремится теперь Советская власть систематически. Во имя этой общественной обработки земли образуются коммуны и советские хозяйства. Значение такого рода хозяйства указано в законе о социализации земли. В той части его, где ставится вопрос, кто может пользоваться землей, вы прочтете, что на первом месте среди лиц и учреждений, которые могут пользоваться землей, стоит государство, на втором — общественные организации, дальше — сельско-хозяйственные коммуны и на четвертом месте — сельско-хозяйственные товарищества».

Точно по И. Бунину: крестьянин хотел жить, как помещики, или, на худой конец, как хуторяне, — Ленин заставляет его жить, как безлошадники или батраки. Ну, а если он не согласится на это? Тогда «на одного

разбойника — три разбойника». Это было сказано (по адресу «мелкой буржуазии», т.е. интеллигенции и крестьянства) недвусмысленно.

В схеме Ленина [(1) государство; (2) общественные (?) организации; (3) сельско-хозяйственные коммуны; (4) сельско-хозяйственные товарищества] единоличнику не оставлено даже последнего места. В отрывке, который приведен выше, поставлено требование не эпизодической, а систематической коллективизации.

Но продотрядам становится все труднее, все невыносимее работать. Если в начале 1918 года столичным рабочим можно было рассказывать, что их посылают отнимать богатые запасы хлеба у кровососов-эксплуататоров, то теперь они знают, что идут отбирать последнее у голодных и их детей.

На X съезде РКП(б) во всю силу проявятся обстоятельства «крестового похода за хлебом» (Ленин, Сталин): от самоубийств продкомиссаров до поголовной порки и расстрела каждого десятого в селах⁷³. Ленин знает об этих обстоятельствах все.

В его публицистике и речах начинает звучать еще одна нота: «излишки» куда-то исчезают, а вместо них появляется некоторое ограничение крестьянской «сытости»⁷⁴. Скрывать от продотрядов то, что они сами делают, уже немислимо.

«Надо сказать, что здесь на наших товарищей продовольственников ложится самая тяжелая задача. Понятно, что голод есть бедствие самое свирепое, самое ужасное, что ко всяким неустройствам в этой области массы относятся с понятным нетерпением, озлоблением и возмущением, ибо перенести такое бедствие нет никакой возможности. И понятно в то же время, что Помпроду выпадает самая трудная задача . . .

73) См. Стенограмма X съезда РКП(б). Москва. Политиздат, 1963.

74) Ленин В. И., Соч., изд. III, т. 23, стр. 462-463 («Речь на объединённом заседании В.Ц.И.К.» 17 января 1919 года).

А ведь выбора нет. В стране продуктов вообще мало. Их недостаточно для того, чтобы накормить всех.

Что значит, когда говорят, что некоторых продуктов в обрез. Это значит, что если бы мы теперь их распределили между всем населением, если бы каждый крестьянин свез все продукты, если бы каждый свел свое потребление, несколько ниже сытого, потому что полностью сытым всем быть нельзя, если бы каждый крестьянин добровольно согласился уменьшить свое потребление несколько ниже сытой нормы и все остальное полностью отдать государству, и если бы мы все это правильно распределили, — мы продержались бы при уменьшенном питании, но без голода.

Если продовольствия недостаточно, — это значит... что это значит? Это значит, что если вы разрешите свободу торговли, при недостаточном количестве продуктов, от которых зависит жизнь или смерть населения, вы создадите бешеную спекуляцию, вы создадите то, что продукты вздуются до цены, которая называется монопольной или голодной ценой, и что по этим бешеным ценам смогут удовлетворить себя небольшие верхушки, которые получают доход значительно выше среднего, а громадная масса останется при голоде. Вот, что значит положение, когда в стране продуктов недостаточно, когда страна находится в голоде. А с тех пор, как империалисты двинулись на Россию, она окружена. Они не могут открыто выступать со своими грабительскими планами, но это не есть конец их вмешательства, как справедливо указал товарищ Каменев. Мы представляем осажденную страну, крепость. В этой осажденной крепости нужда неминуема, и поэтому задача Комиссариата Продовольствия самая трудная из организационных задач какого бы то ни было комиссариата».

Через двадцать шесть месяцев Ленин буквально в десятках работ и речей будет доказывать, что только свобода торговли может спасти народные массы от голода, советскую власть от крушения и помочь ей построить социализм. Почему не в 1919-м году? И даже не в 1920-м (как предлагал Троцкий)?

Потому, что в 1919-1920 гг. еще нельзя было ни на миг ни одним пудом бесплатного хлеба поступиться, ни одного красноармейца поставить к станку или вернуть в поле без того, чтобы не оказаться перед лицом военно-политического поражения. Неоткуда было взять ни зерна для прокормления армии и своих аппаратов. В 1921-м году военная угроза почти отпала, а терпению масс пришел конец. Перед лицом неминуемой гибели своего режима Ленин в битве с отчаявшимся народом сделал резкий вираж в сторону экономической либерализации — с надеждой, что социализм *удастся построить* и при наличии некоторых элементов капитализма. Союза с крупной буржуазией он пытался добиться и в 1918-м году, тогда главным врагом социализма были им объявлены «мелкий собственник» и «мелкая буржуазия» (то есть крестьянство и интеллигенция). Союза с крупным капитализмом, которым, по замыслу Ленина, должна была бы управлять советская власть, тогда не вышло⁷⁵. В 1921-м году, Ленин, снова пытающийся создать управляемый государством капитализм, будет без конца ссылаться на свои выступления 1918 года. Однако в 1921 году главной ставкой будет не крупная, как в 1918 году, буржуазия (её уже нет), а крестьянство, его производственно-торговая инициатива, то есть всё то, что на протяжении трёх лет объявлялось опасностью номер один.

В ряде работ и набросков Ленина, хорошо известных Бухарину, полностью обнажены как самосохранительный и преходящий характер НЭПа, так и террористи-

⁷⁵ Впоследствии подобный союз крупного капитала с правящей партиократией в несколько иных формах был осуществлен в нацистской Германии, на непродолжительное время в Мао-Цзе-Дуновском Китае и некоторых других коммунистических странах.

ческие тенденции большевизма в пресловутом «мирном» соревновании государственного и свободного секторов экономики. Если бы Ленин, подобно Бухарину, был до конца своих дней уверен в преимуществах национализированной экономики над свободной рыночной, то к чему бы ему тогда формировать и подчеркивать беспрестанно чисто насильственные приемы и способы одоления предприимчивого и вездесущего «частника»?

Наиболее обнаженно мысли Ленина о НЭПе проступают в его набросках к выступлениям на различных партийных собраниях, съездах и конференциях 1921-1922 годов.

Так, в набросках к своим речам на X съезде РКП(б) в марте 1921 года он пишет:

«6а Кронштадтские события (II.—III. 1921). *Политическая* сторона и политическое выражение *экономического* зла.

6б Политическая сторона дела и политическое выражение экономических неустройств и несоответствий.

{ меньшевики, эсеры, анархисты. > смена власти
(в Кронштадте *новая власть*).
{ Ее безнадежность.
{ Ее смысл: переход к буржуазной реставрации
{ под лозунгом «свободы».

Политически побороть и уже почти побороли, но *экономически учесть безбоязненно*».

В последних двух строчках с предельной четкостью и выражен смысл НЭПа: полный политический разгром всех антибольшевистских движений при безбоязненном исполнении их основных экономических притязаний. Однако мера уступок и полнота исполнения народных экономических требований сразу же ставятся Лениным под вопрос:

«6. Кронштадтские события

П о л и т и к а: переход власти немного вправо = крах дисциплина

Э к о н о м и к а: крестьянская мелкобуржуазная стихия [«уступки» мелкой буржуазии? крестьянам?]⁷⁶

Итак, по части политических отношений — ни малейшего сдвига вправо: власть **безраздельная**.

По части уступок экономических сразу же следует закончить вопросом: до каких пределов? Бухарин в своих речах всегда опирается на публичные высказывания и печатные статьи Ленина. Ленин, однако, в наброске плана своей речи о замене разверстки налогом писал четко и однозначно:

«1. Общеполитическое значение этого вопроса: = вопрос о **крестьянской** (мелкобуржуазной) **контрреволюции**.

Такая контрреволюция стоит уже против нас.

2. Теоретический экскурс

(α) буржуазная или социалистическая революция? **Решит борьба**

(β) ренегат Каутский (стр. 102 изд. 1918).

3. Кто кого? 2 разных класса. Урок «Кронштадта»

——— в политике: больше сплоченности (и дисциплины) внутри партии, больше борьбы с меньшевиками и социалистами-революционерами.

——— в экономике: **удовлетворить** возможно больше **среднее крестьянство**⁷⁷.

в печати сгладить «взаимоотношения пролетариата и крестьянства»

в печати сгладить

⁷⁶ Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 367-370 (Материалы к X съезду РКП(б), Планы отчета о политической деятельности ЦК).

⁷⁷ Там же, стр. 371 (Материалы к X съезду РКП(б). План речи о замене разверстки налогом).

«В печати — сгладить . . .» В полемике с Бухариным Сталин продолжит линию внутреннего, не «сглаженного» для печати, отношения Ленина к «крестьянской контрреволюции». Бухарин же будет манипулировать (и притом в решительно изменившихся обстоятельствах) исключительно «сглаженными» формулировками Ленина. Между тем, стоит перевернуть страницу, и существо отношения Ленина к НЭПу выступает уже вполне оголенным:

«6. «Свобода оборота» = свобода торговли = свобода капитализма.

Назад к капитализму?

Слишком поспешный, прямолинейный, неподготовленный «коммунизм» наш вызывался войной и невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики.

Есть еще целый ряд возможных переходов. Можно еще сделать «веревку» более свободной, *не разрывая ее*, «отпустить» «полегче»⁷⁸.

Крестьянство, торговец, ремесленник, предприниматель всего лишь отпускаются на «более свободной» «веревке», «не разрывая ее», — можно ли точнее и откровеннее выразить неполноту «свободы» им предоставленной? Надолго ли? Видно будет. Сейчас не до жиру — быть бы живу:

«Костыли и перевязка?

Избиты до полусмерти.

10. Переутомление, изнеможение и у рабочих.

«Передышка» вроде Бреста, передышка экономическая»⁷⁹.

Инверсия: »передышка экономическая» (вместо стандартного «экономическая передышка») обеспечивает ло-

⁷⁸) Там же, стр. 372 (Материалы к X съезду РКП(б). План речи о замене разверстки налогом).

⁷⁹) Там же.

гическое ударение на слове «экономическая». В политическом отношении предусмотрена твердость, твердость и твердость:

«(4) Свободнее весь «сборот» и поосвободить от «отрядов» можно.

14. *Твердость* «аппарата» сохранить.

Но аппарат для политики (= пересмотра и исправления отношений между классами), а не политика для аппарата!! (Хорошая) бюрократия на службе политики, а не политика на службе (хорошей бюрократии).

Гибкость нужна теперь максимальная и для этого для гибкого маневрирования наибольшая твердость аппарата»⁸⁰.

Что касается того, кто на чьей службе находится: политика у аппарата или аппарат у политики, — этот вопрос давно потерял смысл. С ноября 1917 года по сей день центральным вопросом партийной политики является сохранение власти. Чьей власти? Верхушечной части партии. Как реализуется эта власть? Посредством ее иерархического распределения в аппарате, полностью подчиненном вершине партийного конуса. Следовательно, «политика для аппарата» — в такой же степени, в какой аппарат — для этой (*и только для этой*) политики.

Важно другое: «*твердость* «аппарата» сохранить»⁸¹. «*Твердость*» выделена курсивом. И «поосвободить» вместо «освободить», «свободнее» вместо «свободно». Что же до отрядов, то за несколькими скупыми словами о продотрядах разворачивается один из актов трагедии. В плане заключительного слова по докладу о замене разверстки натуральным налогом⁸² Ленин набрасывает (мимоходом):

80) Там же.

81) Этим же принципом руководствуется в критических ситуациях верхушка ВКП(б)-КПСС и в отношениях с другими классами и слоями подвластного ему населения собственной страны. и в отношениях с «братскими» компартиями других стран.

82) Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 377.

«Расстрел продработников?»

Кооперация.

- 1) Тьма мелких вопросов
- 2) ни перечислить, ни сгруппировать нельзя».

Решив свернуть продразверстку, прекратить ее крайности, Ленин рассылает по стране циркуляр о расстреле продработников, допустивших насилие при изъятии хлеба⁸³. Глава Наркомпрода Цюрупа отчаянно протестует против рассылки этого циркуляра. С трибуны партийного съезда он напоминает Ленину, что невозможно было отнимать у голодных последний хлеб, не применяя насилия, что продработников забивают теперь крестьяне, что продкомиссары кончают самоубийством, что нельзя их расстреливать за то, что вчера еще было их партийным долгом, что благодаря Наркомпроду стояла советская власть... Результатом речи Цюрупы явился маленький вопросительный знак после написанного курсивом «расстрел продработников» (рядом с «кооперацией», в ряду «тьмы мелких вопросов»). Но циркуляр все же был разослан: надо было дать выход народному гневу, указать «виновных», отказавшись делить с ними ответственность за «крайности»... Я уже говорила об этом в главе, посвящённой этике Ленина.

И в плане брошюры «О продовольственном налоге»⁸⁴, Ленин акцентирует те же мысли. Здесь, правда, к ним добавляются еще два мотива: мысль о «победе во всемирном масштабе» — даже «при задержке пролетарских революций», то есть о возможности ведения мировой революционной войны, если удастся создать большой запас экономической прочности; и мысль о возмездии, ожидающем большевиков и всё, что им служит, если не удастся утихомирить уступками крестьянство, накормить его и поставить у себя за спиной в качестве прочного и щедрого тыла. Кроме того, подчеркнута (не в самой брошюре, а именно в плане ее, *для себя*, а не для

83) См. Стенограмма X съезда РКП(б). Москва, Политиздат, 1963.

84) Ленин В. И., ПСС, т. 43, стр. 383.

печати) двусмысленность понятия «соглашение» при диктатуре. С таким же успехом Ленин мог написать не «двусмысленность», а «бессмысленность» понятия «соглашение» при диктатуре. Речь идет об *уступке*, о хорошо контролируемой *подачке*, о *чуть более длинной веревке* — при решительной политической бескомпромиссности:

«10-20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20-40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut — aut. Tertium non datur.

NB:

<p>«Соглашение» с крестьянством? Учредилка (прямо и прикрыто), гословование, изменение конституции, социалисты-революционеры и меньшевики + анархисты.</p>	<p><i>К о о п е р а ц и я</i>. Ее экономическая и политическая (меньшевики и социалисты-революционеры) сторона.</p>	<p>Двусмысленность понятия «соглашения» особенно versus «диктатура».</p>
--	---	--

<p>Опыт и урок Кронштадта (новое в политической истории Советской власти).</p>	<p>Непримиримая борьба против меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов».</p>
--	---

И сразу же, в самом начале 1922 года, едва удлинив веревку, на которой приотпущена посвободнее всероссийская экономика, Ленин начинает лепить из Наркомата юстиции беспощадный, маневренный, изобретательный аппарат экономического террора. В письме «О задачах Наркомюста в условиях НЭПа»⁸⁵ он пишет:

85) Там же, т. 44, стр. 398-400.

«Каждого члена коллегии НКЮста, каждого деятеля этого ведомства надо бы оценивать по послужному списку, после справки: скольких коммунистов ты закатал в тюрьму втрое строже, чем беспартийных за те же проступки? скольких бюрократов ты закатал в тюрьму за бюрократизм и волокиту? скольких купцов за злоупотребление *нэпо* ты подвел под расстрел или под другое, не игрушечное (как в Москве, под носом у НКЮста обычно бывает) наказание? Не можешь ответить на этот вопрос? — значит ты шалолай, которого надо гнать из партии за «комболтовню» и за «комчванство».

Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст «плывет по течению»; я это вижу. А он обязан бороться *против* течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надуть тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое. Не поддаваться Наркоминделу, который «по должности» тянет линию «приспособления к Европе», а бороться с этой линией, вырабатывать новое гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. п. Мы ничего «частного» не признаем, для нас *в с е* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный, а государство, это — мы, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romani** к «гражданским правоотношениям», а *наше революционное правосознание*; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого.

*) Свод законов римского права. Ред.

Торгуй, наживайся, мы это тебе позволим, но в ро е подтянем твою обязанность быть честным, давать правдивые и аккуратные отчеты, считаться не только с буквой, но и с *духом* нашего, коммунистического законодательства, не допускать *ни тени* отступления от наших законов, — вот какова должна быть основная заповедь НКЮста в отношении *нэпо*. Если НКЮст не сумеет добиться того, чтобы у нас капитализм был «вышколенный», был «приличный», если НКЮст не докажет рядом образцовых процессов, что он *умеет* ловить за нарушение этого правила и *карат* не позорно-глупыми, «коммунистически-тупоумным» штрафом в 100-200 миллионов, а *расстрелом*, — тогда НКЮст ни к черту не годен, и я буду считать своим долгом тогда добиться от Цека полной смены ответственных работников НКЮста».

Еще отчетливей отношение Ленина к свободе экономических отношений, допущенной НЭПом, выражено в его письме Наркомюсту Курскому с замечаниями на проект Гражданского кодекса⁸⁶.

«28/II. 1922.

т. Курский!

По поводу Вашего письма от 23/II. (№ 255) в ответ на мое письмо*.

Лично видется постараюсь, но не обещаю, ибо здоровье плохо.

Надеюсь, *после* собрания ответственных работников, в связи с моим письмом, Вы мне еще напишете о практических итогах его. Особо важно установить фактическую проверку: что *на деле* делается? что на деле достигается? успехи нарсудов и ревтрибов? как бы это учесть и проверить?

Число процессов по злоупотреблению *нэпом*?

86) Там же, стр. 411-412.

Число обвинительных приговоров, и каковы наказания (в целом, а не в единичных случаях)?

и т. д.

С коммунистическим приветом *Ленин*

Особо спешно и важно:

Р. С. По поводу гражданского кодекса: я не в состоянии вникнуть в формулировку отдельных пунктов. Здоровье не позволяет.

Должен ограничиться следующими пунктами:

1) НКЮст должен проследить и проверить лично, кто именно отвечает за каждый важный отдел гражданского кодекса...

... Не угодать «Европе», а продвигаться дальше в усилении вмешательства государства в «частноправовые отношения», в гражданские дела. Как именно надо это сделать, я не могу сказать, ибо не в состоянии ни изучить вопроса ни вникнуть хотя бы в отдельный кодекс. Но что это надо сделать, для меня ясно. Что нам сейчас грозит опасность — в этой области не доделать (а не опасность «пере»-делать), это тоже для меня вполне ясно. Именно перед Генуей не сфальшивить, не смалодушничать, не выпустить из своих рук ни малейшей возможности расширить вмешательство государства в «гражданские» отношения.

Ленин».

Не будучи в состоянии вникнуть «в формулировку отдельных пунктов», Ленин и в предыдущем документе, и в этом письме дает одну установку: применять не «ясное, четкое и воспроизводимое право» (Норберт Винер), а «революционное правосознание»⁸⁷, усилить террор, плевать на общественное мнение Европы. Слово «расстрел» не исчезает (при НЭПе!) из его лексикона до тех пор, пока у него не отнимаются речь и рука.

Особо следует остановиться на внимании Ленина к

⁸⁷ Курсив Ленина.

монополии внешней торговли, против которой были тогда и Бухарин, и (недолгое время) Сталин⁸⁸.

«т. Сталин и Фрумкин! Я считаю, что надо *формально запретить* все разговоры и переговоры и комиссии и т. п. об ослаблении монополии внешней торговли»⁸⁹.

«3. III. 1922 г.

т. Каменев!

Я довольно долго размышлял о нашем разговоре (с Вами, Сталиным и Зиновьевым) насчет Внешторга и линии Красина и Сокольников.

Мой вывод — безусловно прав Красин. Нельзя нам теперь дальше отступить от монополии внешней торговли, чем то предлагал и предлагает Лежава в своих тезисах. Иностранцы иначе скупят и вывезут все ценное.

... Величайшая ошибка думать, что *неп* положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому.

Иностранцы уже теперь взятками скупают наших чиновников и «вывозят остатки России». И вывезут.

Монополия есть вежливое предупреждение: милые мои, придет момент, я вас за это буду вешать.

Иностранцы, зная, что большевики не шутят, считаются с этим всерьез.

Поэтому:

1) ни в коем случае не подрывать монополии внешней торговли;

2) принять завтра же тезисы Лежавы;

3) опубликовать тотчас же (потеряли мы тьму времени) от имени Президиума ВЦИКа твердое, холодное, свирепое заявление, что мы дальше не от-

88) В конце 1920-х гг. и Сталин сочтёт наиболее опасным симптомом крестьянского экономико-правового движения посягательство окрепших фермеров на монополию внешней торговли.

89) Ленин В. И., ПСС, т. 54, стр. 260, док. 412 (курсив Ленина).

ступаем в экономике и что покушающиеся нас надуть (или обойти монополию и т. п.) встретят террор; этого слова не употреблять, но «тонко и вежливо намекнуть» на сие.

Если не через Президиум ВЦИКа это делать, можно иначе (мое письмо? это хуже!), но сделать и быстро *на до*».

В том же письме о нерасторопности внешторговцев пишется:

«... За это надо *знать в тюрьме*, а не создавать изъятия. Москвичей за глупость на 6 часов клоповника. Внешторговцев за глупость плюс «центрответственность» на 36 часов клоповника.

Так, и только так *учить надо*...

... Торговать свободно мы не можем: это гибель России»⁹⁰.

Заметим: всё это пишется в разгаре НЭПа.

Самое удивительное то, что после этих давно опубликованных слов, в свободном мире продолжают печататься десятки статей о ленинско-бухаринском экономическом либерализме. Не менее удивительно, что и Бухарин в своей недолгой открытой полемике со Сталиным настаивал на преемственности своего экономического либерализма от ленинского. Остается предположить, что «лучший теоретик партии» сознательно жонглировал подходящими ленинскими цитатами, вырванными из истинного контекста экономических воззрений и планов Ленина. А ведь Ленин успел вступить и в прямую полемику с Бухариным по поводу экономического либерализма и монополии внешней торговли.

Если в письме к Каменеву от 3. 3. 1922 года Ленин делает главный упор на то, что иностранцы вывезут «остатки России», то в письме к Сталину от 13. 10 того

⁹⁰ Там же, т. 44, стр. 426-429. Письмо Л. Б. Каменеву (курсив Ленина).

же года⁹¹ он делает упор на вещи куда более для него существенные⁹²:

«Лен стоит в России 4 рубля с полтиной, в Англии — 14 рублей. Мы все читали в «Капитале», как внутренне преобразуется и смелеет капитал при быстром росте процента и прибыли. Все помнят, что капитал способен быстро доходить до риска головой, и это Маркс признавал задолго до войны и до ее «скачков».

«Что же теперь? Какая сила удержит крестьян и торговцев от выгоднейшей сделки? Покрывать Россию еще сетью надзирателей? Ловить соседа закупочной конторы и доказывать, что его лен запродан для тайного вывоза? . .

. . . Никакая «законность» в деревенской России по подобному вопросу абсолютно невозможна. Никакое сравнение с контрабандой вообще («все равно, дескать, и контрабанда против монополии тоже идет вовсю») абсолютно неправильно: одно дело специалист-контрабандист на границе, другое дело *все* крестьянство, которое *все* будет защищать себя и воевать с властью, пытающейся отнять «собственную» его выгоду.

Не успев испытать режима монополии, который только начинает нам давать миллионы (и будет давать десятки миллионов и больше), мы вводим полный хаос, толкаем те самые подпорки, которые едва-едва начали укреплять.

Мы начали возводить систему: и монополия внешней торговли и кооперация начаты постройкой. Через год-два будут некоторые итоги. Прибыль от внешней торговли измеряется сотнями процентов, мы *начи-*

91) Там же, т. 45, стр. 220-223. Письмо в ЦК РКП(б) о монополии внешней торговли.

92) В конце 1920-х гг. Сталин будет оперировать ленинскими доказательствами, основанными на обширном опытном материале семи лет НЭПа. К этому времени и крестьяне уже докажут советской власти, что относятся к ликвидации монополии внешней торговли весьма серьезно. Последовательно партократическое мышление Ленина и Сталина не могло не совпасть в столь важном вопросе.

наем получать миллионы и десятки миллионов. Мы начали строить смешанные общества, начали учиться получать *половину* их (чудовищной) прибыли. Мы видим уже некоторую перспективу солиднейшего господства. Мы бросаем это в надежде на пошлыни, которые не могут дать сколько-нибудь подобной прибыли, мы бросаем все и гонимся за призраком!»

В продиктованном по телефону письме о монополии внешней торговли — одном из последних ленинских писем в ЦК (13. 12. 1922 г.)⁹³, — Ленин обрушивает свое негодование уже непосредственно против Бухарина. По всей вероятности, именно легкомысленная позиция Бухарина в дискуссии о монополии внешней торговли и дала Ленину повод в его письме-завещании сказать о Бухарине, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистском, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)»⁹⁴.

«Схоластической» была по-видимому, безоговорочная приверженность Бухарина к той (вполне, впрочем, марксистской) схеме экономических отношений, согласно которой крупный (и тем более-государственный) капитализм, крупное производство и, соответственно, торговля в конечном счете и без террора, чисто экономически, должны оказаться сильнее мелких и средних производителей и торговцев. Ленину же (при всей его слабой — в связи с болезнью — осведомленности о конкретных эпизодах соревнования государственного сектора экономики с рыночным) было уже ясно, что по какой-то еще непонятной ему причине в данном случае классические представления не работают. «Вполне марксистскими экономическими воззрениями» Ленин считал только те воззрения, которые вели к усилению коммунистической партократии, а не к ее проигрышу. «Диалектикой» же в

93) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 333-337.

94) Там же, стр. 345. (Письмо к съезду).

его устах оказывалось все то, что помогало истолковывать или подменять классические постулаты марксизма таким образом, чтобы они работали на партократию. Бухрин, который в своем диалоге с акад. Павловым прекрасно проделывает подобные «диалектические» операции (хотя бы в вопросе о диктатуре пролетариата и партии, о партии и вождях, о свободе и принуждении и т. п.), в вопросе о монополии внешней торговли почему-то теряет партократический инстинкт самосохранения. И Ленин это отчетливо видит:

«Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина. В первом пункте он говорит, что «ни у Ленина, ни у Красина нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности НКВТ, вытекающей из его «принципиальной» структуры, нет ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состоянии (и долгое время не будем в состоянии по причинам вполне понятным) мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот».

Это утверждение прямо неверное, ибо у Красина ясно сказано в параграфе II об образовании смешанных обществ, которые представляют из себя способ, во-первых, мобилизовать крестьянский товарный фонд и, во-вторых, заполучить прибыли от этой мобилизации не меньше, чем наполовину в нашу государственную казну. Обходит, таким образом, суть вопроса именно Бухарин, который не хочет видеть того, что «мобилизация крестьянского товарного фонда» даст доход целиком и исключительно в руки нэпманов. Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде.

Вспрос о неработоспособности НКВТ, по сравне-

нию с этим первым, основным, принципиальным вопросом, является совершенно подчиненным, ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей социальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уровня вообще».

При снятии монополии внешней торговли, по словам Красина, которые цитирует Ленин,

«в деревне будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничного капитала, орудующий долларом, фунтом, шведской кроной».

И Ленин добавляет уже от себя:

«... у нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства, не ответив на этот основной экономический и классовый довод ни одного звука, Бухарин выдвигает против Красина обвинения, которые поражают своей несостоятельностью ...

Бухарин не видит, — это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, — что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссылается на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка.

Поэтому все рассуждения Бухарина о таможен-

ной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме системы монополии внешней торговли».

Естественно, что Ленин и здесь не обходится без того партийно-корыстного терминологического словоблудия, которое он именует «диалектикой». Он подменяет (чисто лексически) партократические интересы интересами пролетариата. Но смысл его высказываний однозначен:

«... На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому, с точки зрения пролетариата и его промышленности, данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение...

... Если же мы будем разговаривать о «таможенной охране», то это значит, что мы будем засорять себе глаза насчет опасностей, указанных Красиным с полной ясностью и ни в одной своей части не опровергнутых Бухариным.

Добавлю еще, что частичное открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадаем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей

возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России».

Таким образом, монополия внешней торговли, позволяющая безоговорочно запретить границы СССР и открывать их только для лиц, выпускаемых и впускаемых партократией, обретает для Ленина и политическое значение. *Это еще один прочный заслон от «заграничной России».* Так называет Ленин первую эмиграцию.

Можно лишь удивляться тому, как сохранялся партийный самосохранительный инстинкт в сознании уже смертельно больного Ленина и как мало он был присущ Бухарину, сохранившему свои экономические иллюзии вплоть до разгара победной войны коммунизма с крестьянством в 1928-1933 гг.

Ленин успел недвусмысленно сделать ряд заявлений, исключая мысль о НЭПе как об эволюции. Сталин неоднократно эти заявления Ленина цитировал, правда, выборочно и не до конца смысловых отрывков, останавливаясь для убедительности на полдороге.

Но можно ли сомневаться в смысле таких высказываний:

«Мы уже видим ясно то положение, которое у нас создалось, и можем сказать с полной твердостью, что отступление, которое мы начали, мы уже можем приостановить и приостанавливаем. Достаточно. Мы совершенно ясно видим и не скрываем, что новая экономическая политика есть отступление, мы зашли дальше, чем могли удержать, но такова уже логика борьбы»⁹⁵.

«Мы знаем, с другой стороны, что при отчаянном голоде, при том состоянии промышленности, какое есть, всех позиций, полученных с 1917 по 1921 год, нам не удержать. Мы целый ряд их сдали. Но мы можем теперь сказать, что это отступление в смысле

⁹⁵ Там же, стр. 8. «О международном и внутреннем положении советской республики» (Речь на заседании коммунистической фракции всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г.).

того, какие уступки мы капиталистам делаем, закончено. Мы свои силы и силы капиталистов взвесили. Мы целый ряд примерных разведочных движений в смысле заключения договоров с капиталистами русскими и иностранными имеем и говорим, и я надеюсь и уверен, что и съезд партии скажет это официально от имени руководящей партии России: *наше экономическое отступление мы теперь можем остановить. Достаточно. Дальше назад мы не пойдём, а займемся тем, чтобы правильно развернуть и группировать силы*⁹⁶.

... теперь мы должны сказать: *«Довольно, больше никаких уступок!»*. Если господа капиталисты думают, что можно еще тянуть и чем дальше, тем будет больше уступок, повторяю, им нужно сказать: *«Довольно, завтра вы не получите ничего!»*. Если история Советской власти и ее побед их ничему не научила, тогда — как им угодно. Мы со своей стороны все сделали, и мы заявили об этом перед всем миром. Я надеюсь, что съезд также подтвердит, что дальше мы не отступаем. *Отступление кончилось, а в связи с этим и изменяется наша работа*⁹⁷.

«Приостановка отступления (экономического) и задача перегруппировки сил. Предостережение нам со стороны буржуазии, которая устами сменовеховца Устрялова заявляет, что *н э п* — не «тактика», а «эволюция» большевизма»⁹⁸ —

замечает Ленин в своем письме к Молотову для пленума ЦК РКП(б) с планом политдоклада на XI съезде партии. Тем не менее о том, что НЭП не тактический самооборонительный прием, а эволюция, специалисты и дилетанты от истории СССР и КПСС продолжают твердить по сей день.

Возражая против тезисов Е. А. Преображенского по

96) Там же, стр. 11.

97) Там же, стр. 13.

98) Там же, стр. 60 («Письмо В. М. Молотову для пленума ЦК РКП(б) с планом политдоклада на XII съезде партии»).

аграрному вопросу и НЭПу, Ленин весьма осторожно пишет:

«9. Вторая фраза II параграфа (против «комбедовских способов») вредна и неверна, ибо война, например, может принудить к комбедовским способам.

Об этом сказать надо совсем иначе, например так: ввиду преобладающей важности подъема сельского хозяйства и увеличения его продуктов, в данный момент политика пролетариата по отношению к кулачеству и зажиточному крестьянству должна быть направлена главным образом на *ограничение* его эксплуататорских стремлений и т. д.

Как ограничивать эти стремления, как защищать бедноту должно и может наше государство — в этом вся суть. Это надо изучать и заставить изучать практически, а общие фразы *пусты*»⁹⁹.

Но, во всяком случае, Ленин (с его осторожностью и предусмотрительностью) считает декларативный отказ от «комбедовских методов» «неверным и вредным». При этом он не обольщается качествами «сельского пролетариата» и освобождает себя от недавней необходимости произносить комплименты по его адресу:

«О «кадрах сельскохозяйственного пролетариата» в наших совхозах пока умнее помолчать будет.

Правильно говорится дальше, что организация этого «пролетариата» («весьма разнородного и пестрого» — правильно! и потому больше похожего на... нечто неприличное, но не «кадры») «очень трудна».

Верно! И поэтому не надо говорить таких вещей, как «состав совхозов должен быть очищен от мелко-собственнических элементов», ибо это вызовет *смех*, и законный (вроде очистки крестьянских изб от дурного воздуха).

⁹⁹ Там же, стр. 44 («Письмо в политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского 'Основные принципы политики РКП в современной деревне'»).

Лучше помолчать»¹⁰⁰.

НЭП для Ленина — бой, соревнование, которое он представляет себе достаточно своеобразно. На XI съезде РКП(б) он пытается изложить свое представление о НЭПе, но делает это весьма путанно. Остроязыкий Ларин относит спутанность ленинской мысли на счет болезни. В действительности же мысль его не проста по своему существу.

Попробуем проследить ее развитие. Речь идет об экзамене, перед которым поставлена партия.

Это

«... экзамен серьезный, который устроит приближающийся финансовый кризис, экзамен, который устроит русский и международный рынок, которому мы подчинены, с которым связаны, от которого не оторваться. Экзамен этот серьезный, ибо тут нас могут побить экономически и политически.

Вопрос стоит так и только так, потому что тут соревнование серьезное и это соревнование решающее. Много у нас было всяких ходов и выходов из наших политических и экономических трудностей. Мы можем с гордостью похвастаться, что мы до сих пор умели использовать все эти ходы и выходы в разных сочетаниях, применительно к разным обстоятельствам, но теперь у нас больше никаких выходов нет. Позвольте это вам сказать без всякого преувеличения, так что в этом смысле, действительно, «последний и решительный бой» не с международным капитализмом — там еще много будет «последних и решительных боев», — нет, а вот с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства, с тем, который им поддерживается. Вот тут предстоит в ближайшем будущем бой, срок которого нельзя точно определить. Тут предстоит «последний и решительный

100) Там же, стр. 46 («Письмо в политбюро ЦК РКП(б) о тезисах Е. А. Преображенского 'Основные принципы политики РКП в современной деревне'»).

бой», тут больше никаких, ни политических, ни всяких других, обходов быть не может, ибо это экзамен соревнования с частным капиталом. Либо мы этот экзамен соревнования с частным капиталом выдержим, либо это будет полный провал. Чтобы выдержать этот экзамен, для этого мы имеем политическую власть и целую кучу всяких экономических и других ресурсов — все, чего хотите, — кроме уменья. Уменья нет. И вот, если мы этот простой урок извлечем из опыта минувшего года и сделаем его руководящим для себя на весь 1922 год, тогда мы и эту трудность победим, несмотря на то что она гораздо больше, чем предыдущая трудность, потому что она лежит в нас самих. Это не то, что какой-нибудь внешний враг. Эта трудность заключается в том, что мы сами не хотим сознать той неприятной истины, которая нам навязана, и не хотим попасть в то неприятное положение, в которое надо попасть: начни учиться сначала»¹⁰¹.

Отпустить русский капитализм на «длинной веревке» и «научиться» у капитализма работать по...? По-капиталистически? Зачем тогда подменять капитализм каким-то странным строем, который должен научиться у капитализма работать по-капиталистически, не являясь капитализмом? Не означает ли это, что и во времена Ленина, как сегодня, экономическое мышление партократии и ее специалистов должно было свестись (и сводится) к потугам искусственно моделировать капиталистические закономерности, не допуская при этом капитализма? Ведь это Бухарин наивно думает, что речь идет об одолении рыночного капитализма госсектором экономики в *честной борьбе*. А Ленин представляет себе в качестве капитализма нечто весьма противоестественное:

«Государственный капитализм, по всей литературе экономической, — это тот капитализм, который

101) Там же, стр. 80-81 (XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 г.).

бывает при капиталистическом строе, когда государственная власть прямо подчиняет себе те или иные капиталистические предприятия. А у нас государство пролетарское, на пролетариат опирается, пролетариату дает все политические преимущества и через пролетариат привлекает к себе крестьянство с низов (вы помните, что мы начали эту работу с комбедов). Поэтому-то государственный капитализм сбивает очень и очень многих с толку. Чтобы этого не было, надо помнить основное, что государственный капитализм в таком виде, какой мы имеем у себя, ни в какой теории, ни в какой литературе не разбирается по той простой причине, что все обычные понятия, связанные с этими словами, приурочены к буржуазной власти в капиталистическом обществе. А у нас общественность, которая с рельсов капиталистических соскочила, а на новые рельсы еще не вошла, но руководит этим государством не буржуазия, а пролетариат. Мы не хотим понять, что когда мы говорим «государство», то государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, это — мы.

Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно умения у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и

чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только умение, а его у нас нет.

Положение, совершенно невиданное в истории: у пролетариата, у революционного авангарда, совершенно достаточно политической власти, а наряду с этим — государственный капитализм. Гвоздь вопроса в том, чтобы мы поняли, что это тот капитализм, который мы можем и должны допустить, который мы можем и должны поставить в рамки, ибо капитализм этот необходим для широкого крестьянства и частного капитала, который должен торговать так, чтобы удовлетворять нужды крестьянства. Необходимо дело поставить так, чтобы обычный ход капиталистического хозяйства и капиталистического оборота был возможен, ибо это нужно народу, без этого жить нельзя. Все остальное не является для них, для этого лагеря, абсолютно необходимым, — со всем остальным они могут примириться. Сумейте вы, коммунисты, вы, рабочие, вы, сознательная часть пролетариата, которая взялась государством управлять, сумейте вы сделать так, чтобы государство, которое вы взяли в руки, по-вашему действовало. А вот мы год пережили, государство в наших руках, — а в новой экономической политике оно в этот год действовало по-нашему? Нет. Этого мы не хотим признать: оно действовало не по-нашему. А как оно действовало? Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то незаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частнохозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины. Вот основное, что надо помнить по вопросу о государственном капитализме. Надо в этой основной области учиться сначала, и только тогда, если это станет нашим

абсолютным достоянием и сознанием, мы можем ругаться, что мы этому научимся»¹⁰².

Владимиру Ильичу, столько писавшему о капитализме рыночном и о сверхмонополии с ее неизбежным застоєм и загниванием, все-таки невдомек, что капитализм работает только тогда, когда у машины нет единственной направляющей воли, когда управление конкурентным рынком — процесс по-преимуществу «общественно-бессознательный» (Маркс), точнее — суммирующий взаимодействие массы вовлеченных в него сознаний. Чтобы капитализм работал на общество, ему нужна конкуренция, а не веревка, на которой гоняют его, как лошадь по кругу. И научиться его работе можно, лишь бросившись, словно в воду, вплавь, в соревнование свободных рыночных сил. Ленин же думает погонять годик-другой по кругу «на длинной верёвке» прирученный политически и послушный экономически «капитализм», «подсмотрев» тем временем его приемы, «научась» им и вооружив ими экономику, подчиненную совершенно иным законам, — экономику *национализированную*, то есть огосударствленную, монокапиталистическую. А тем, кто не желает учиться и отступать, он, как всегда, грозит террором (лекарство от всех большевистских скорбей и печалей):

«Отступление в общем и целом прошло в достаточном порядке, хотя голоса панические, к числу которых принадлежала «рабочая оппозиция» (и в этом был ее величайший вред!), и вызвали у нас частичные отрезывания, отпадения от дисциплины, от правильного отступления. Самая опасная штука при отступлении — это паника. Ежели вся армия (тут я говорю в переносном смысле) отступает, тут такого настроения, которое бывает, когда все идут вперед, быть не может. Тут уже на каждом шагу вы встретите настроение до известной степени подавленное. У нас даже поэты были, которые писали, что вот,

102) Там же, стр. 84-86 (XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 г.).

мол, и голод и холод в Москве, тогда как раньше было чисто, красиво, теперь — торговля, спекуляция. У нас есть целый ряд таких поэтических произведений.

И понятно, что это порождается отступлением. И в этом громадная опасность: отступить после победоносного великого наступления страшно трудно; тут имеются совершенно иные отношения; там дисциплину если и не поддерживаешь, все сами собой прут и летят вперед; тут и дисциплина должна быть сознательней и в сто раз нужнее, потому что, когда вся армия отступает, ей не ясно, она не видит, где остановиться, а видит лишь отступление, — тут иногда достаточно и немногих панических голосов, чтобы все побежали. Тут опасность громадная. Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: «Стреляй!». И правильно.

И меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: когда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз большая, чем при наступлении, потому что при наступлении все рвутся вперед. А если теперь все начнут рваться назад, то это — гибель, неизбежная и немедленная.

Именно в такой момент отступить в порядке, точно установить предел отступления и не поддаваться панике — это самое главное. И когда меньшевик говорит: «Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе», — то мы ему на это говорим: «За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое».¹⁰³

¹⁰³ Там же, стр. 88-89. (XI съезд РКП(б). Политический отчет центрального комитета РКП(б) 27 марта 1922 г.).

21 января Ленин пишет Л. Д. Троцкому¹⁰⁴:

«... Термин «государственный капитализм», по моему мнению (о чем я неоднократно спорил с Бухариным), есть единственно правильный теоретически и необходимый, чтобы заставить косных коммунистов понять, что новая политика идет всерьез. Но, конечно, такие злостные помощники белогвардейцев, каковы все меньшевики, могут прикидываться при этом не понимающими, что государственный капитализм в государстве с пролетарской властью может существовать лишь ограниченный и временем и областью распространения и условиями своего применения, способом надзора за ним и т. д.

21/1 — 22 г.»

В начале 1922 года одно за другим мелькают в ленинских служебных письмах следующие замечания:

«... арендуемое у Соввласти предприятие есть тоже советское предприятие...»¹⁰⁵.

«... именно теперь надо спешно выработать ясный и точный закон о распространении на все и всякие (и частные, и кооперативные, и концессионные и т. п.) учреждения и предприятия права РаКрина ревизовать и осведомляться»¹⁰⁶.

«Думаю, что на ⁹⁹/₁₀₀ следует оценивать успех работы всего НКфина развитием государственной торговли и торгового отдела Госбанка (по кредитованию частной торговли). Остальное — ¹/₁₀₀»¹⁰⁷.

Таким образом Ленин в своем отношении к свободе торговли и государственному капитализму куда в большей мере полагается на ущемления и ограничения, чем на истинную конкуренцию.

104) Там же, т. 54, стр. 131. Письмо Л. Д. Троцкому. Док. № 221.

105) Там же, стр. 165. Письмо Д. И. Курскому и поручение Н. П. Горбунову. Док. № 270.

106) Там же, стр. 166.

107) Там же, стр. 167. Письмо Г. Я. Сокольникову. Док. № 271 (курсив Ленина).

Я привожу некоторые ленинские высказывания вторично (см. «Победа и крушение Ленина»), ибо цитирую их в другой связи: ради установления общего и разного между позициями Ленина, Сталина и Бухарина. Если Сталин оказывается наследником ленинской цели — одолеть частно-собственническую стихию, не потеряв политической власти, то Бухарин оказывается наследником ленинской ошибки — надежды на целиком управляемый «капитализм», который можно, научась у него работать, одолеть в конкурентной борьбе. Бухарин еще и усугубляет ленинскую ошибку, надеясь, что государственный сектор выиграет в борьбе и с действительно свободным рынком, чего Ленин не думал. Но об этом — ниже.

(Конец отступления)

Ученики

Могут ли после всего процитированного выше возникнуть сомнения, что Бухарин (как и в 1918-м году, в дни Бреста, в бытность свою не «правым», а «левым коммунистом») продолжал в 1927-1930 гг. ленинскую фразу (тогда — о мировой революции, теперь — о первостепенной важности «народной экономики»), а Сталин, прервавший «отступление» при первой возможности его прервать (и при серьезной опасности потерять все, упустив эту возможность) продолжал дело Ленина?

Действия и высказывания Ленина выстраиваются в принципиальную линию только тогда, когда мы, пытаемся (следуя собственной рекомендации Ленина) установить, с какой конкретной политической целью сделаны каждое его заявление и каждый шаг. Тогда перед нами возникает единственный незыблемый принцип ленинской политики: говорить и делать всегда то, и только то, что ведет партию к единовластию и это единовластие укрепляет. Сталин проявляет в своей аграрной политике конца 1920-х — начала 1930-х годов и в партийной полемике по поводу этой политики ту же ленинскую последовательность. Противоречивость ряда высказываний как учителя, так и ученика исчезает, если рассматри-

вать их действия и высказывания с точки зрения прочности монопартократической диктатуры, а не с каких-то иных, не существующих для них обеих позиций.

Главным и единственно важным для Ленина и для Сталина была диктатура партократии (неважно — из каких побуждений и в какой мере отождествляемая со своей личной властью). Сталин уничтожил независимое крестьянство при первой возможности обойтись без него. Он сделал это не из садизма, которого, вероятно, было немало в его характере и который не мог не отразиться на ходе этого процесса, но по причине серьезной угрозы существованию партократии со стороны независимого крестьянства. Мало-мальски внимательное прочтение документов той эпохи исключает пошлейшую версию о беспочвенности «мужикоборства» Сталина и о тиранолюбии народных масс СССР конца 1920-х — 1930-х гг. Кто кого — вот как стоял вопрос.

Итак, имея, казалось бы перед собой ту же цель, что и Сталин, — построение плановой централизованной экономики, Бухарин и в конце 1920-х гг. продолжает упорно говорить о бдительно управляемой «конкуренции» в рамках партократического диктата, политического, идеологического и крупнопромышленного. Эта управляемая «конкуренция» будет нужна, по Бухарину, до тех пор, пока государственный сектор экономики в мирном соревновании не восторжествует над частным и не включит в себя кооперативный её сектор.

Но, во-первых, «свободная конкуренция», «мирное соревнование» государственного сектора экономики с рыночным — абсурд, пустословие при тех преимуществах, которыми располагает в этом «соревновании» коммунистическое государство. А во-вторых (и для Сталина, для партии это главное), государство при всех своих преимуществах *уже проигрывало* соревнование с крестьянством и «нэпманом»¹⁰⁸ — там, где такое соревнование шло на мало-мальски паритетных началах.

108) В главах, посвященных Ленину 1922 года, были мною приведены его гневные письма об изыскании мер против выигрыша частника на внутреннем рынке (на внешний он и не выпускался).

Национализированная экономика оказывалась объективно слабее экономики рыночной в сфере удовлетворения народных потребностей. И если партократия хотела выжить, она должна была пресечь состязание.

Статистика 1926-28 гг., при всех маскирующих правду цензурных натяжках, доказывает это достаточно убедительно. В том числе — и материалы XIV-XVI съездов ВКП(б).

Точно так же, как Сталин не «создал», то есть не выдумал, «правой оппозиции», реально существовавшей в партии, так он не сочинил и крестьянской угрозы дальнейшему всевластию партии. Он великолепно парировал в партийной полемике опасную для партократии путаницу, в которой бухаринский ум завяз, пытаюсь сочетать партийную логику с экономическим здравым смыслом. Да и Бухарин противостоял самому себе в этой путанице. Он панически пугался любого намёка на его отклонения от главного общепартийного догмата — политико-идеологической внеконкурентности партии.

Как суетливо он, в то время второй человек после Сталина (да и первенство Сталина еще так уж четко не обозначилось), выгораживал себя от обвинений в сочувствии «кулакам» на XIV съезде:

«... Но ведь слово «обогащайтесь» было произнесено за долго до партийной конференции! ... Лозунг «обогащайтесь» я трижды снял»¹⁰⁹.

Поначалу Сталин вроде бы всецело поддерживает Бухарина, и ловкая сталинская демагогия против Троцкого, казалось бы, повторяет уже прозвучавшие и предваряет будущие прокрестьянские монологи Бухарина.

«Оппозиционный блок... исходит из противопоставления индустрии сельскому хозяйству и сбивается на путь отрыва индустрии от сельского хозяйства. Он не понимает и не признаёт, что нельзя двигать вперед индустрию, обходя интересы сельского хозяйства, нарушая эти интересы...»

109) Бухарин Н. И., *Три речи*. М-Л, Госиздат, 1925, стр. 50-54.

... Отсюда рассматривание крестьянского хозяйства как «колонии», которую должно «эксплуатировать» пролетарское государство (Преображенский)¹¹⁰.

Несомненно, Бухарина вводит в заблуждение поддержка со стороны «дорогого Кобы», и он азартно атакует сперва зиновьевцев, а потом троцкистов.

Сегодня Сталина обвиняют в том, что он-де сначала разбивает Троцкого с помощью экономических идей Бухарина, а потом уничтожает Бухарина, манипулируя идеями Троцкого. Но ведь это симптом не только сталинского коварства (кто из большевиков, начиная с Ленина, был честен в полемике? Уж никак не Бухарин), но и политической зоркости Сталина. Это, кроме того, ещё и наглядный пример совпадения интересов Сталина как лица, стремящегося к абсолютной власти над партией, с интересами партии, стремящейся к абсолютной власти над страной. Здесь личный интерес тирана совпал с интересом мафии как целого. Кстати, только на этом основании и побеждают и тираны, и мафии: при взаимной опоре на их общие интересы. Когда мафии перестаёт подходить тиран или тирану — какие-то члены или группы мафии, возникает один вопрос: кто кого?

Сталину в его личных целях — в его «работе на публику», на партийные и народные массы — очень выгодно поначалу нападать на антикрестьянский максимализм Троцкого, этого опаснейшего в силу его популярности из своих соперников¹¹¹. Он умело играет на недалёковидной откровенности Троцкого, требующего от народа всё новых жертв во имя «мировой пролетарской революции». Сталин срывает блестящий политический выигрыш, выставляя себя, в противоположность

110) Сталин И. В., Соч., т. 8, стр. 288. «О социал-демократическом уклоне в нашей партии».

111) Я подчеркиваю: в силу его популярности, но отнюдь не в силу его тактико-стратегического дарования и политического характера, куда более слабых, чем у Сталина. В этом плане Троцкий ни Ленину, ни Сталину опасен не был, как впрочем, и все вожди оппозиций 1917-1930 гг. Детали глухой борьбы в партийной верхушке в течение 1931-1934 гг. мне неизвестны.

Троцкому, защитником практических, сегодняшних интересов народного большинства. Поэтому Троцкий и кричит потом до самой своей гибели о сталинском «термидоре»: себя-то он числит в якобинцах. А народ от якобинцев устал. Да и партия — тоже.

Вот как «добрый» Сталин защищает трудящихся от «злых» троцкистов:

«Не угодно ли, например, послушать Преображенского, являющегося одним из лидеров оппозиционного блока? Вот что он говорит в одной из своих статей:

«Чем более экономически-отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства... — тем больше социалистическое накопление вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства...» (Е. Преображенский, статья «Основной закон социалистического накопления», «Вестник Комкадемии», 1924 г., № 8).

Едва ли нужно доказывать, что Преображенский сбивается на путь непримиримых противоречий между интересами нашей индустрии и интересами крестьянского хозяйства нашей страны, — стало быть, на путь капиталистических методов индустриализации»¹¹².

Откровенность Преображенского (троцкисты вообще страдали избытком ослабляющей их тактику откровенности), весьма точно отметившего своеобразный, внутригосударственно-колониалистический характер социалистического накопления, очень полезна Сталину. Ему необходимо подчеркнуть, что троцкисты готовы и на пролетариате затянуть ремень до предела, о чём откровенно сами же и сообщают:

112) Сталин И. В., Соч., т. 8, стр. 289. «О социал-демократическом уклоне в нашей партии».

«Оппозиция против Манифеста ЦИК Союза ССР! Весь рабочий класс СССР, вся передовая часть пролетариев всех стран с восторгом встречают Манифест, дружно аплодируют идее перехода на семичасовой рабочий день, — а оппозиция голосует против Манифеста.

Я не думал, что оппозиция может дойти до такого позора»¹¹³.

И «Бухарчик», которого Сталин клянется не отдать на съедение оппозиции, расцветает от постоянного повторения его другом Кобой заветных бухаринских тезисов. И утверждает в нелепой мысли, что они со Сталиным единомышленники, союзники, что он Сталина убедил в своей правоте относительно постепенности, эволюционности построения социализма в СССР: разве не Сталин в каждой статье и речи кричит, что троцкизм преступно

«... рассматривает крестьянство, как «колонию» для нашей промышленности, как объект, подлежащий всемерной эксплуатации»¹¹⁴.

Всё это — ещё не спор Сталина с Бухариным, а скорее дуэт начальственного сталинского баритона с бухаринским тенорком...

Но вот троцкистско-зиновьевская оппозиция свалена; упрочилось положение Сталина. Изменение позиции Сталина можно приписать исключительно второму факту, что обычно и делают. А. Авторханов приводит¹¹⁵ высказывания профессора Стэна — одного из ведущих

113) Там же, стр. 290. «О социал-демократическом уклоне в нашей партии».

114) Там же, т. 10, стр. 256. «Партия и оппозиция» (Речь на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 года). Сталин, в любом нужном случае вынимающий из кармана цитату из Ленина, здесь нисколько не стесняется противоречить вождю и учителю, не раз говорившему о крестьянстве примерно то же, что и троцкисты. Зато, перейдя в атаку на «правых», Сталин об этих цитатах тотчас же вспомнит. Точно так же обращался Ленин с высказываниями Маркса и Энгельса, оперируя ими лишь выборочно и к случаю.

115) Авторханов А., *Технология власти*, стр. 240-241.

преподавателей Института красной профессуры, в котором учился в свое время А. Авторханов:

«Стен избрал оригинальный способ «философствования» и на основании всего того, что сам Сталин писал и говорил о троцкистах во время борьбы с Троцким, доказывал, что в нынешнем курсе Сталина на сверхиндустриализацию за счет военно-феодалных грабежей крестьянства ничего нет сталинского — это «второе исправленное и дополненное издание троцкизма» Сталиным. «Исправления» и «дополнения» сводятся только к одному: объявлению открытой гражданской войны в деревне, клевета на Троцкого и фальсифицируя Ленина. Если ЦК станет на путь Сталина, контрреволюция свернет шею нам всем. В этом случае русская революция захлебнется в крови крестьянской Вандеи. Теоретический примитивизм не дает Сталину видеть за деревьями леса, а лес этот — великая крестьянская Россия. Русская революция была спасена крестьянством, крестьянство же может ее и погубить. Если партия не хочет подготовить, в конечном счете, свои собственные похороны, она должна заявить Сталину и его единомышленникам — назад к нэпу. По отношению к крестьянству это означает — уничтожение чрезвычайных мер по хлебозаготовкам, пересмотр политики чрезмерного налогового обложения, свободу кооперирования, поднятие цен на хлеб, обеспечение крестьянского рынка промышленными товарами по нормальным ценам. Этот путь — путь завоевания крестьянства советским рублем. Верно, путь этот — длинный, трудный, но ленинский. Есть и другой путь, короткий и соблазнительный, но полицейский — путь завоевания крестьянства штыками войск ОГПУ. По первому пути завещал идти Ленин, по второму хочет шагать Сталин. Но мы ему тогда не попутчики».

Сталинской во всем том, что Сталин делал, писал и

говорил в этот период, была своевременность сказанного и его практическая (военная и организационная) обеспеченность. Последнего не было ни у кого из оппозиционеров. Не было под ними и настоящей почвы в партии. У Бухарина была почва вне партии и частично — в партийных кругах провинции. У Троцкого — маленький островок ортодоксального экстремизма в среде партийной молодежи и интеллигенции. За Сталина в партии было все то, что хотело сохранить свою власть, свои привилегии и свою безответственность перед народом. О том, что Сталин аграрной политики Ленина по её существу не фальсифицировал, я уже говорила. «Крестьянская Россия» могла бы спасти демократическую революцию. Крестьянство двинулось к ней в экономике с середины 1920-х гг. Но партократию это разрушило бы. Крестьянство нельзя «завоевать» советским рублем», ибо монокапиталистической (государственной) экономике неоткуда взять этот рубль. Трудно придумать менее соответствующее название для такого «пути», чем ленинский. Поражает, что стереотип всеблагого Ленина (здесь А. Авторхановым не оспариваемый) был столь силен и в годы, ближайшие к его деятельности, а не только сегодня. Очевидно, слишком многое было тогда издано и переиздано из ленинских писем, речей и статей — однодневок. Старые газетные материалы не перечитывались (кто их перечитывает из нормальных людей?). А в памяти был живее всего тот факт, что Ленин дал НЭП. Далеко не все известное ныне было тогда опубликовано, а в изданном не улавливались многие ноты, как не улавливались летом 1917-го года проговорки Ленина о предстоящей коллективизации в громогласном «Земля — крестьянам!»

Однако к концу 1920-х гг. ведь изменилась существеннейше и хозяйственная ситуация в стране, а не только положение Сталина в руководстве правящей партии: «старательный крестьянин» (Ленин) входит в силу не на словах, а на деле. Он уже требует отмены монополии внешней торговли и выбирает в советы «лишенцев».

Колхозы и совхозы тем временем из нуля превратились в некоторую реальную, хотя и небольшую величину.

И Сталин пишет:

«Статистика говорит, что до войны у нас было индивидуальных крестьянских хозяйств около 16 млн. по всей стране. Теперь у нас имеется индивидуальных крестьянских хозяйств около 25 млн. Это значит, что мы являемся страной самого что ни на есть мелкокрестьянского хозяйства. А что такое мелкокрестьянское хозяйство? Это — самое необеспеченное, самое примитивное, самое неразвитое и самое нетоварное хозяйство.

Есть ли у нас вообще крупные хозяйства в деревне, применяющие машины, удобрения, агрономические знания и т. д.? Да, есть. Это, во-первых, колхозы и совхозы. Но их у нас мало, товарищи. Это, во-вторых, крупные кулацкие (капиталистические) хозяйства. Этих хозяйств не так уж мало в нашей стране, и они всё еще играют в сельском хозяйстве значительную роль¹¹⁶.

Можем ли мы стать на путь поощрения частных крупных капиталистических хозяйств в деревне? Ясно, что не можем. Отсюда вывод: нажать во-всю на развитие крупных хозяйств в деревне типа колхозов и совхозов, стараясь превратить их в хлебные фабрики для страны»¹¹⁷.

Это означало войну с крестьянством. Но это же озна-

116) Еще бы, если по газетным данным 1978 года, приусадебные участки, составляющие менее 4% от возделываемых земель в СССР (и это сомнительно много), дают больше половины потребляемого в стране картофеля — второго после хлеба продукта в потреблении — и около одной трети мяса, яиц и молочных продуктов! А уж тогда это сталинское «все еще» было не более, чем камуфляжем, ибо крупные фермерские хозяйства играли в 1926-28 гг. не «все еще» значительную, а все более значительную роль в сельском хозяйстве СССР. И это «все более» нарастало в угрожающем темпе. Но, действительно, были уже и совхозы, а кое-где и колхозы, дающие скромную, но для проведения партократией успешной войны против крестьянства достаточную долю сельскохозяйственной продукции.

117) Сталин И. В., Соч., т. 11, стр. 40-41. О работе апрельского Объединенного пленума ЦК и ЦКК, 1928.

чало, что, по ряду приведенных там же данных, партократия к такой войне за 1921-1927 годы более или менее *подготовилась*. И в этом случае, точно так же, как в конце октября 1917 года, «вчера» было рано вступать в эту войну, а «завтра» стало бы поздно.

И когда Бухарин пытается лепетать, что нужны не колхозы, а «ленинская» кооперация, Сталин не называя еще имени основного своего оппонента обрывает его¹¹⁸. Партократии не нужна кооперация — ей нужны колхозы и совхозы, ибо и те, и другие в отличие от истинной, то есть свободной, кооперации, которую пытается защитить Бухарин, *целиком* находятся в руках государства, а не частично.

Вот тут-то Сталин и берет на вооружение (с обычным для него лицемерием и демагогией) троцкистские (они же — ленинские 1918-1920 гг.) идеи колонизации крестьянства:

«Наша страна тем, между прочим, и отличается от капиталистических стран, что она не может, не должна заниматься грабежом колоний и вообще ограблением чужих стран. Стало быть, этот путь для нас закрыт.

Но наша страна не имеет также и не хочет иметь кабальных займов извне. Следовательно, закрыт для нас и этот путь.

Что же остаётся в таком случае? Остаётся одно: развивать промышленность, индустриализировать страну за счёт внутреннего накопления»¹¹⁹.

Колонизация всей страны, включая рабочих, феодальное закрепощение колхозно-совхозных кадров и рабовладение ГУЛага — вот единственно возможные

118) Кстати, ведь и Бухарин так и не называет (в качестве своего оппонента) Сталина: он все еще полемизирует против троцкистов, полагая, что Сталин лишь повторяет поверженного противника.

119) Сталин И. В., Соч., т. 11, стр. 158. Об индустриализации и хлебной проблеме. (Речь на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г.).

источники этих «внутренних накоплений»¹²⁰. Других источников нет.

Ими могли бы стать независимое крестьянство, отечественная буржуазия и нормальные иностранные капиталовложения. Однако все это означало бы в конце концов снятие диктатуры. Но дослушаем Сталина:

«... С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это, во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это, во-вторых.

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъёма индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно для того, чтобы сохранить и развить дальше нынешний темп развития индустрии, обеспечить индустрию для всей страны, поднять дальше благосостояние деревни и потом уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти «ножницы» между городом и деревней»¹¹⁹.

«Уничтожить вовсе этот добавочный налог, эти «ножницы» между городом и деревней» — было бы сказано, а забыть помогут сталинские репрессии 1930-х годов. Зато несколько ниже Сталин весьма убедительно объясняет, почему Троцкий в 1926-27 годах был так же неправ, как Бухарин — в 1928-1930 годах. А он, Сталин, был прав тогда и прав сегодня, отвергая программу Бухарина, вчерашнего своего союзника и повторяя тезисы

120) По завершении коллективизации официально 80-85% продукта колхозного производства начали отбирать «в казну» в виде налогов или фиктивно оплачиваемых государством «обязательных поставок». После смерти Сталина оплата «поставок» государством значительно возросла, но продолжает оставаться существенно ниже себестоимости продукции. По данным М. Поповского (*Новое русское слово*, январь 1979), колхозы и сейчас используют на свои нужды лишь 17% производимой ими продукции.

своего повергнутого, изгнанного противника Троцкого¹²¹.

«Могли ли мы предпринять лет пять или года три назад такое наступление с расчётом на успех? Нет, не могли.

В самом деле, кулак производил в 1927 году более 600 млн. пудов хлеба, а продавал из этой суммы в порядке внедеревенского обмена около 130 млн. пудов. Это довольно серьёзная сила, с которой нельзя не считаться. А сколько производили тогда наши колхозы и совхозы? Около 80 млн. пудов, из коих вывезли на рынок (товарный хлеб) около 35 млн. пудов. Судите сами, могли ли мы тогда заменить кулацкое производство и кулацкий товарный хлеб производством и товарным хлебом наших колхозов и совхозов? Ясно что не могли.

Ну, а теперь? Как теперь обстоит дело? Теперь у нас имеется достаточная материальная база для того, чтобы ударить по кулачеству, сломить его сопротивление, ликвидировать его, как класс, и заменить его производство производством колхозов и совхозов. Известно, что в 1929 году производство хлеба в колхозах и совхозах составляло не менее 400 млн. пудов (на 200 млн. пудов меньше, чем валовая продукция кулацкого хозяйства в 1927 году). Известно, далее, что в 1929 году колхозы и совхозы дали товарного хлеба более 130 млн. пудов (т. е. больше, чем кулак в 1927 году)»¹²².

Я возвращусь к статистике Сталина в главах о Троцком, но ясно одно: продукции, которую начали давать к 1929 году государственные имения, для прокормления партократии и её реквизиционных, охранных и других жизненно важных аппаратов на весь период тотального

121) Дабы не быть понятой превратно, подчеркиваю: прав с точки зрения партократии, ее сохранения и упрочения.

122) Сталин И. В., Соч., т. 12, стр. 168. «К вопросам аграрной политики в СССР».

уничтожения фермерства хватит. Остальное во внимани ене принимается¹²³.

Вот главная причина того, что не в 1925-1926 годах, а в 1928-1929-м счёл Сталин возможным *всерьёз* двинуться войной на крестьянство. Вторая причина заключается в следующем: Сталин готовил против крестьянства войну *тотальную и уничтожительную*. К этому следовало хорошо подготовиться. Это надо было произвести радикально. И не красная-троцкистам это было под силу. С иронией и с чувством вполне обоснованного превосходства — превосходства в беспощадности и **практичности** Сталин пишет:

«Наступление на кулачество есть серьёзное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царпанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его, как класс. Вне этих целей наступление есть декламация, царпанье, пустозвонство, всё что угодно, только не настоящее большевистское наступление. Наступать на кулачество — это значит подготовиться к делу и ударить по кулачеству, но ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги»¹²⁴.

Что и было сделано — в полном соответствии с партийными целями, близкими и вечными.

123) Во время самого страшного голода на Украине (1932-33 гг.) вымирало только сельское население. В городах были хлебные карточки и пайки, чем выше по иерархической лестнице, тем обильнее. Мне было 9-10 лет, и я хорошо помню приметы страшного голода вокруг города и продукты, которые наша семья и семьи соседей (специалисты и администраторы) получали в «распределителях». В них выдавались в скромных, но достаточных количествах и белый хлеб, и мясо, и копченые рыбины, и ветчина, и сладости.

В свою деревню наша «домашняя работница» (няня) слала ячменный кофе — на лепешки племянникам.

О случаях людоедства в украинских сёлах того времени имеются многочисленные свидетельства.

124) Сталин И. В., Соч., т. 12, стр. 167. «К вопросам аграрной политики в СССР».

У Ленина начала 1900-х годов уже имеются прогнозы и требования такой войны. Копните глубже — и вы у Маркса и Энгельса обнаружите смертный приговор крестьянству.

Бухарин же совершенно по-детски продолжает вплоть до XVI съезда партии прежнюю свою линию, придавая ей словесную форму полемики с уже разгромленными оппозиционерами, хотя его оппонентом давно стал Сталин. Что заставляет Бухарина без конца цитировать Сталину Сталина, чтобы отвести в сторону уже занесённую над крестьянством руку? Надежда напомнить Сталину его собственные вчерашние взгляды? Но ведь это смешно: какие у Сталина «взгляды»? *Ситуация изменилась*: появились военные и экономические возможности нейтрализовать угрозу со стороны независимого крестьянства. Кровавой ценой? Какая Сталину разница? Что в большевистском перевороте делалось не кровавой ценой? Давно ли Бухарин высмеивал акад. Павлова, которого эта кровь ужасала? Если стоять на той общей коммунистической почве, о которой сказано выше, какой резон может быть у Бухарина защищать опасную для партократии, непокорную, быстро крепнущую фермерскую деревню?

Гуманность? Надежда на бескровное построение социализма? Для Сталина это не доводы. И для всей, за редчайшими исключениями, правящей части партии — тоже. Сталина избрал и поставил у власти не весь «народ» (какой: русский, грузинский, советский?), как представляется А. Зиновьеву. Роль «народа» (каких слоёв, какой части, включая и исключая какие группы?) в победе большевиков ждёт своего строжайше фактографического изучения, а не очередной концепции, выстраивающей известные автору факты в нужном ему порядке. Сталин (как в свое время Ленин) затратил на свое продвижение к власти, на создание своей власти и её аппаратов огромные личные усилия. Но, когда вопрос о выборе лидера и, главное, *направления действий* встал открыто, Сталина избрала и поставила у власти партия,

которая без Сталина у власти не удержалась бы (как без Ленина к власти не пришла бы). И это означало не всенародную тягу под власть тирана, а беспощадное наступление государства и партии на безоружное большинство народа.

5. На страшном съезде

До 1922 года — по XI съезд РКП(б) — все партийные остроумцы и краснобаи на съездах яростно и эффектно спорили с Лениным. Зал рукоплескал ортодоксам, эрудитам и озорникам, радуясь их залихватским наскокам на вождя партии, чем и удовлетворял свое (для каждого человека естественное) чувство реваншистской неприязни к начальнику. Но в голосовании зал почти всегда шел за Лениным: *к власти коммунистов привёл и власть им обеспечивал Ленин*, а не зубастые фейерверкеры вроде Рязанова или Ларина.

В 1930-м году, на XVI съезде ВКП(б), сохранение власти «братии»¹²⁵ обеспечивала только линия Сталина. Перелистайте стенограмму этого съезда (её не будет скучно читать — такого сценария нарочно не придумаешь) — и вы убедитесь, что зал непритворно ненавидит Бухарина и изо всех сил подпирает Сталина.

А. Авторханов пишет¹²⁶:

«Как бухаринцы, так и сочувствующие «правой оппозиции» ожидали что правые лидеры, готовясь к очередному съезду партии, будут держаться на своих, по существу решающих в государстве постах, пока не будет дан генеральный бой на самом съезде. «Бухарин, Рыков, Томский готовят бомбу против заговорщицкой группы Сталина на XVI партсъезде» — таково было весьма распространенное мнение в антисталинском активе партии. Вместо этого произошла беспринципная игра в парламентаризм — «отставка». Правые непоправимо уронили этим опрометчивым шагом свой моральный престиж. На этот раз положение спас Сталин, отклонив эту отставку. Еще не поздно сделать соответствующие по-

125) Зиновьев А., *Зияющие высоты*. Лозанна, 1978.

126) Авторханов А., *Технология власти*, стр. 176-177.

литические выводы. Надо любой ценой ускорить созыв съезда. Да и мотивировка отставки правых должна была заставить ЦК запросить решение съезда по спорным вопросам. Правые подавали в отставку, но «капитуляции» тут, собственно, никакой не было. Правые заявляли, что поскольку аппарат ЦК узурпировал у них власть и сознательно создал невозможные условия работы, они вынуждены оставить свои посты, но что они по-прежнему убеждены в гибельности политики большинства ЦК, которая расходится со всеми директивами партийных, в частности XIV и XV, съездов. Правые оставили за собою право доложить очередному съезду свои взгляды и защищать их на этом съезде. «Нынешняя линия большинства ЦК приведет объективно к установлению диктатуры партийной олигархии для государственно-крепостнической эксплуатации рабочих и военно-феодалных грабежей крестьянства. Мы предупреждали ЦК и хотим предупредить партию от этого гибельного для партии и советского государства пути. Разговоры о «правой оппозиции» служат дымовой завесой для усыпления бдительности партии перед этой величайшей опасностью... Какой выход? Выход только один: назад к Ленину, чтобы идти вперед по Ленину! Другого выхода нет. Мы в состоянии убедить партию в этом. Поэтому мы требуем немедленного созыва очередного съезда партии». Таков был, приблизительно, смысл длинного заявления «трех» об их отставке. Заявление это тогда не было оглашено (впервые оно было оглашено на апрельском пленуме ЦК 1929 года уже как обвинительный документ против правых), но оно стало известным в партии».

«Решающие в государстве посты?..» В этом партоткратическом государстве решающей [еще со времен эмбрионального вызревания тоталитарного государства в лоне РСДРП(б)] была всегда только вершина партий-

ной иерархии. Причем не формальная ее верхушка, всегда олигархическая, а вершина полного конуса — лицо или чрезвычайно узкая группа лиц, обладающие реальной властью¹²⁷.

Чем обеспечивалась такая власть?

Сначала — авторитетом в борьбе за общее дело и организацией, предваряющей завтрашний государственный аппарат. Затем — аппаратом, охранкой и военными силами, а также политикой, надёжно ограждающей от любых посягательств партократической строй.

«Решающий в государстве пост» к XVI съезду партии уже занимал Сталин (Бухарин очень ему в этом помог). А «не делать божжков» из решений прошлого и позапрошлого съездов (или из писаний классиков) научил партию Ленин. Если у оппозиции не было иного предложения, иного лозунга, кроме демагогического всхлипа «Назад, к Ленину!», то у нее за душой не было ничего. Бороться *против идей* Сталина, как бороться и *против идей* Ленина, нельзя: можно бороться только *против их политики*, то есть *против них самих*. Ибо они тождественны своей политике, а идеи используют или изобретают в зависимости от целей этой политики. По существу же своей аграрной политики Сталин продолжает Ленина, и *путь от Сталина 1927-1933 гг. не может быть в этом вопросе путем к Ленину*.

Бухарин в свое время помогал Ленину разгромить РОПП в РКП(б) и в Коминтерне. «Правые» не могут, следовательно, не знать, чего стоит партийный «легаллизм» внутри (и вокруг) такой партии, как ВКП(б). Легалистские заявления в устах многоопытных большевиков — не более чем лицемерная или беспомощная демагогия. Ленинско-сталинская демагогия никогда не была беспомощной: она всегда была рычагом, имеющим точку опоры либо и в массах и в партии, либо только в партии, либо в собственных репрессивно-охранных аппаратах.

127) Подобным образом организуются все силы, реализующие господство некоего тиранического меньшинства над мирным большинством, например, уголовные мафии.

Демагогия «правых» («Назад к Ленину!») висит в воздухе, не имея реальной точки опоры.

Если бы «правые» попытались воспользоваться своим влиянием в нескольких областных парторганизациях и созвать «чрезвычайный съезд» (А. Авторханов), Сталин со своим аппаратом уличил бы их во фракционной деятельности при первом же (задолго до мобилизации ими нескольких крупных обкомов партии) их организационном шаге. Как уже было сказано, гениальная (в смысле сохранения партократии) ленинская «Резолюция о единстве партии», принятая на X съезде РКП(б) в 1921 году, в своём пункте 7 предусматривала и обеспечивала за правящей силой ЦК такой и только такой ход событий. Именно с помощью этой резолюции Бухарин со Сталиным парализовали все предыдущие оппозиции. Законопослушно противостоять всемогущей, всепроникающей, вооруженной силе, подчинившей себе государство, играющей вне каких бы то ни было ограничительных правил, нельзя.

Но вернемся к XVI съезду ВКП(б).

... Если бы кто-то рискнул развернуть убийственные и самоубийственные стихи Осипа Мандельштама о Сталине в эпос, он не нашел бы для этого лучшего материала, чем XVI съезд РКП(б) во всем его мистическом и будничном ужасе. На этом съезде партия кончала с Бухариным. Потом он уже доживал, шел к страшной развязке, а не жил, хотя был еще молод и полон сил. Можно было бы сказать об этом зловещем сборище словами Высоцкого: «Билась нечисть груди в груди и друг друга извела», если бы нечистью, обрушившейся на еретиков, не управлял расчетливейший дирижер, добившийся от нее всего, чего хотел добиться.

Уничтожив львиную долю «первичной» нечисти, он набрал на ее место новую. «Чища» ее перманентно огнем и железом (по принципу: «партия укрепляется тем, что очищает себя»), Сталин всегда оставлял на расплод до-

статочно, чтобы партийная «нечисть» многократно умножилась после всех чисток.

Был ли смысл в этих чистках? Думаю, что с его точки зрения (а это и точка зрения «нечисти» в целом) был. В тоталитарном мире разнообразие взглядов, целей и вкусов гонят в двери и в окна, а оно лезет обратно сквозь поры в стенах. Отсюда — террор, неизбежный для силы, вводящей и сохраняющей единообразие. Дискуссионный клуб не может осуществлять монопартократию. Верховная «нечисть» в значительной части своей хотела в 1917-1930 гг. для себя свободы, а для прочих — монолитного послушания. Как было Сталину не прессовать и ее в монолит?

И послевоенные сталинские частичные чистки типа «борьбы с космополитизмом», и запланированная им большая чистка на 1950-е годы (после XIX съезда КПСС) вполне логичны с точки зрения партократической «нечисти» в целом и ее главной цели — подготовки к решительной схватке с основным предметом ее ненависти — мировой демократией. Отказавшееся (после устранения Берия) от террора «на верхах», послесталинское руководство КПСС оказывается вынужденным действовать менее жестоко и «внизу». Но и по сей день клещи террора тотчас же хватают за шею тех, кто всерьез выбивается из монолита. Иное дело, что террор во времена своих максимальных вспышек приобретает неизбежно характер потерявшей управление цепной реакции, отчего и кажется со стороны бессмысленным.

Бухарина на XVI съезде не было: вместе себя он прислал справку о болезни, над которой потешался каждый оратор. Бухарину было страшно идти на съезд.

Когда-то в своих речах и писаниях он связывал несоединимое легко, ловко и гладко, потому что всего лишь играл словами, плел словесные сети, твердо зная, что следует говорить, а что — делать. Теперь эта задача для него непосильна, ибо он хочет связать не слова, камуфлирующие действительность, а дела, процессы и интересы, которые нельзя совместить. У Сталина в го-

лове холодная и бесчеловечная ясность. Он знает, что ему следует делать. Его не беспокоят никакие сомнения и не изводят никакие эмоции. Настал момент отступления прекратить и начать наступать — в простом военно-физическом смысле слова. Теперь это можно сделать без риска рухнуть. Исторически этот момент не менее значителен для судьбы партии, чем канун октябрьского переворота. Сталину ли дрогнуть перед цитатами, которыми и он манипулирует достаточно ловко, и перед Бухариным с его ребяческим лепетом об экономической целесообразности?

Стенограмма XVI съезда представляет собой пухлый том многословных речей и резолюций, реплик и выкриков, но она полностью укладывается в одну строфу рокового стихотворения Мандельштама: «А вокруг него сброд толстокожих¹²⁸ вождей. Он играет услугами полулюдей. Кто свистит, кто мяучет, кто хнычет — он один зуботычины тычет» . . .

Свистят и неистовствуют не только уцелевшие в 1930-1953 годах счастливы, но и Киров, и Орджоникидзе, и Постышев, и Хатаевич, и . . . — словом, все те, кого будущий сценарист мог бы изобразить тут же, после окончания последней фразы, пускающим пулю в собственный лоб. Или получающим ее в затылок из рук, которые здесь так беззастенчиво лижет.

Вот боготворимый ныне «коммунистами-антисталинистами» (бессмысленное самоопределение), убитый позднее Сталиным Постышев. Он прямо-таки вопит от ужаса перед реставрационными потенциями программы Бухарина:

«Тов. Каганович в своем докладе говорил о том, что у нас на Украине раскрыта органами ГПУ контрреволюционная организация, так называемая Украинская народно-социалистическая партия. В эту контрреволюционную организацию входили бывшие члены партии. Они ставили своей задачей

128) В другом варианте «тонкошеих».

на данной стадии как можно шире, как можно более умело использовать лозунги правых. У нас раскрыта контрреволюционная предательская организация в Наркомземе. Во главе ее стоял кандидат в члены нашей партии Резников. Он на суде прямо заявил, что они, вредители, были уверены, что программа правых восторжествует и будет программой всей партии, но в этом ошиблись... Так обстоит дело с прямой кулацкой агентурой внутри нашей партии, какой является правый уклон»¹²⁹.

Делегаты один за другим свидетельствуют, что «правизна» всё наглядней объединяет политически активную и экономически дееспособную часть крестьян и беспартийных горожан с той частью самой партии, которой не по душе партийная линия и партийная логика:

«... Мы уже имеем примеры вырождения целых групп, на основе правой платформы, в явно контрреволюционные организации.

... Мне сегодня передали один документ, касающийся группы членов партии и беспартийных в нашем Нижневолжском крае, которые сформировали явную контрреволюционную организацию. Я вам прочитаю только несколько выдержек из показаний¹³⁰ одного старого члена партии, одного из руководящих работников наших краевых организаций, который возглавлял это дело. Это говорит Ульянов:

«Я разделял платформу правых — Бухарина, Рыкова и др.

... Для меня было ясно, что недовольство курсом партии вело к крестьянскому восстанию против со-

129) Стенограмма XVI съезда ВКП(б), Москва, Госполитиздат, 1930, стр. 105.

130) Заметьте: «из показаний». Значит, за семь лет до ареста Бухарина его сторонников уже подвергали репрессиям. Весьма примечательно, что старый член партии, руководящий работник, бывший крестьянин (Ульянов) и на следствии продолжает отстаивать если не свою правоту, то свои сомнения. В то же время все «правые» на съезде отрекаются от себя, а Бухарин на съезд не приходит.

ветской власти, что этим под угрозой находятся все завоевания Октября. Поэтому нужно возглавить крестьянскую стихию и вести работу по смене внешнего руководства и возглавить партию и советскую власть Бухариным, Рыковым и Томским».

Когда его спросили: что, если не удастся сменить руководство? На это он заявил: «Я и Залетов ответили: в крайнем случае можно взять власть вооруженным путем». По вопросу о программе: «Никакой писаной программы нет, и её выдумывать нечего, так как программа уже имеется — это платформа Бухарина». (Голос: «Это явные контрреволюционеры».) Да, это явные контрреволюционеры и среди них есть члены партии. У них появились, видите ли, «колебания», «сомнения», как пишет Ульянов, в политической линии партии.

«... Как крестьянин по происхождению, до сих пор я не могу усвоить линию на широкие темпы коллективизации».¹³¹»

Это из речи некоего Шеболдаева, дальнейшая судьба которого мне неизвестна. Подобных свидетельств в стенограмме множество, так же, как и в газетах тех дней.

Перелистайте речь Кирова¹³². По словам Н. С. Хрущёва, на XVII съезде ВКП(б) Киров выражал возмущение сталинской аграрной политикой 1930-1933 гг. В открытой стенограмме XVII съезда партии Киров этого возмущения не выражает. Напротив: он буквально захлёбывается славословием Сталину. Но, говорят, были и закрытые, очень узкие, заседания, и там Киров обеспечил себе лёгкую и скорую смерть. На XVI же съезде он выдвигает против правых страшные обвинения:

«Я бы рекомендовал т. Рыкову и т. Томскому прочитать хотя бы показания академика Платонова»¹³³.

131) Стенограмма XVI съезда ВКП(б).

132) Провидеть бы Сергею Мироновичу на четыре года вперёд!

133) Опять — «показания». А мы по сей день воображаем, что сигналом к массовому террору стало убийство Кирова.

Он гораздо лучше изобразил платформу правых, чем это сделал г. Томский. Он ставит вопрос ребром и правильно. Он сочувствует правым не только потому, что они борются против генеральной линии партии. Конечно всякая борьба внутри партии неизбежно будет подхвачена враждебными элементами. Но дело обстоит гораздо серьезнее и глубже. Дело в том, что программа правых является родственной по духу, по идеологии, по крови кругу идей этих платоновых, устряловых и иже с ними.

... Товарищи вожди правой оппозиции, вы должны по-большевистски квалифицировать вашу программу и, не вдаваясь в глубоко теоретические изыскания, сказать прямо, что ваша программа по сути дела — программа кулацкая (*голоса*: «Правильно!», *аплодисменты*), выполнение которой в конечном счете погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма»¹³⁴.

Слышите свист?

Григорий Петровский, испуганный реакцией разных групп общества на колебания Бухарина, тоже шьет «правым» неплохое «дельце» — «объективное» провоцирование ими террора против большевиков в мировых масштабах и внутри страны¹³⁵.

А вот бормочет в растерянности загнанная в угол и прижатая репликами зала к стене Крупская¹³⁶: «Затем по всей линии, по фронту работы в деревне, начиная с хлебозаготовок, — трудно перечислить...» (*Голос*: «Скажите о Бухарине, о выступлениях Рыкова и Томского») «Из того, что я говорила о правом уклоне, вытекает и моя точка зрения на выступление Томского и выступление Рыкова». (*Голоса*: «Что из этого вытекает?» «Скажите точнее, яснее!» «Не ясно!» «Крайне недостаточно!»).

134) Стенограмма XVI съезда ВКП(б), стр. 156-157.

135) Там же, стр. 209.

136) Там же, стр. 213-214. К чести Крупской, она забыла, как высокомерно Бухарин на XIV съезде ВКП(б) учил её непримиримости к оппозициям.

А это уже хныканье — под хлыстом и свистом:

«Угланов. — Товарищи, само собой понятно, после двух лет довольно большой борьбы, которую я вел, находясь в рядах правой оппозиции, против линии партии, против руководства партии, само собой понятно, трудно рассчитывать на то, чтобы мне на настоящем съезде поверили на словесные заявления... (голоса из зала: «Это верно!») ... поверили в то, что я заявляю, в чем я ошибался, какие были у меня ошибки, и что я впредь подчиняюсь решениям партии и безоговорочно их буду защищать.

Голоса из зала. Правильно! (Движение в зале.)

Угланов. Я думаю, что мы это в дальнейшей работе постараемся сделать.

Голоса. Кто — мы? Думаете? (Шум. Волнение в зале.) ...

Угланов. Сейчас, по прошествии двух лет — а фактически сейчас, примерно, два года с того срока, когда мы начали расходиться с основной линией партии, которую она начала осуществлять после XV съезда, — я совершенно отчетливо вижу всю, так сказать, позицию, которую мы занимали и которую с большевистской точки зрения...

Голоса. Скорей, скорей.

Угланов. ... пожалуй, можно назвать хвостистской позицией.

Голоса. Мало этого, мало.

Голоса. Слабо. Не хвостистская, а правооппортунистическая.

Угланов. Подождите, товарищи.

Голоса. А с классовой точки зрения? (Шум.) ...

Угланов. ... Признаю совершенно откровенно, что не так, как нужно, не так, как я в течение 23 лет, примерно, пребывания в партии выполнял свои обязанности перед партией, я работал за этот промежуток времени. Я признаю, что из всего 23-летнего пребывания в партии я за последние пару лет плохо работал...

Голос. А против партии?

Голос. Отвиливаешь? (Голос: «А по существу ничего не сказал!»)

Голос. А через месяц что будет?

Голос. А завтра как будет?

Угланов. . . . результатом чего и явился разговор с отдельными товарищами, где в этих разговорах я сомневался, правильно ли мы идем, и т. д.

Голос. А зачем вел борьбу?

Угланов. Никакой, товарищи, борьбы я не веду и впредь не собираюсь. И заявляю, что все те обязательства, которые выпадают на большевика, будут выполняться честно и добросовестно.

Голос. А почему фракционной работой занимаешься?

Угланов. Товарищи, я прямо скажу. В промежуток времени, в период 1928/29 г., вы прекрасно знаете, никакой особой фракционной работы, как это делали другие оппозиции, мы не организовывали.

Голос. Что это значит особой? А не особой? (Шум.)

Угланов. Вы сами видите. . . . Никакой организованной. . . фракции я не организовывал и не собирался организовывать.

Петерс. А просто не вышло.

Голос. Не удалось?!

Угланов. . . . я честно и добросовестно признаю, и потому впредь я приму все меры, чтобы их не допускать. . . .

Голос. А раньше?

Голос. Мало!

Голос. Надо было бороться против этого.

Голос. А Промакадемия?

Угланов. . . . буду не только не допускать, но буду бороться против этого. (Смех и шум.)

Калыгина. Только на пленумах и съездах!

Голос. А как вы сегодня колеблетесь, Угланов?

Угланов. Сегодня я не колеблюсь, а если бы колебался, то я бы — одно из двух — наверное не вылез

на эту трибуну, или я бы сказал что-нибудь другое.

Голос. А что бы ты делал?

Голос. Говоришь не твердо!

Голос. Говори определенно.

Голос. Не убедительно.

Голос. Говоришь не серьезно.

Калыгина. У вас каждую минуту настроения меняются»¹³⁷.

Это не имитация — это *дословная* стенограмма. Прошу прощения за столь обширное цитирование легально изданной в СССР стенограммы, но ведь мы с вами этих драматических материалов, как правило, не читаем. И фильмов по ним не ставим.

Лишь голос Томского прозвучал на этом шабаше по-человечески; да еще с известными оговорками, голос Рыкова. На съезде раздавалось множество панических, истерически злобных свидетельств о том, что мысли Бухарина были услышаны и поняты достаточно широко — шире, чем он хотел. Поэтому съезд требует от еретиков не покаяния, которое Рыков и Томский произносят весьма уклончиво, ни одним словом не задевая и не обвиняя Бухарина (а от них требуют в первую очередь этого).

Беснующаяся от страха и гнева мафия требует от «уклонистов» *самоуничтожения*. Она добивается от *обвиняемых* стилистики предстоящих и им, и ей процессов тридцатых годов. Она жаждет от кающихся мазохистского самооплевывания и самоуничтожения. Добившись этого от слабохарактерного Угланова, она звереет. Не добившись от Томского и от Рыкова, звереет еще больше. Почему? Потому что аудитория съезда додумывает программу Бухарина прямее, чем он сам. А вопрос власти для нее — это уже не только вопрос власти как таковой, но и вопрос расплаты за совершенное и совершаемое. Опасность, исходящая от Сталина, еще не так явственна, как эта опасность.

¹³⁷) Там же, стр. 130-132.

То, что абсурды и злодейства, которых потребует сохранение партийного единовластия, окажутся не всем им по душе и под силу, — это тоже еще скрыто от них самих. Впрочем, после 1930-33 годов выбор для них еще более сузится: прибавятся такие грехи перед народом, что куда уже будет деваться от Сталина, кроме самоубийства или тайного ропота? И они не убьют его, когда еще могли бы убить, ибо его железная воля к власти и «уголовная уникальность» (А. Авторханов) все-таки охраняют их всех от падения и расплаты. Без Сталина рухнут все, а, ходя под ним, каждый из них надеется, что погибнет сосед, а он уцелеет.

Но, пожалуй, наиболее омерзительно изощряются, отмежевываясь с трибуны от своего бессменного воспитателя и покровителя — Николая Ивановича Бухарина — гуманитарные и творческие партийные интеллигентоиды.

Историк Покровский с высокомерной и циничной барственностью объясняет собравшимся, почему крепнущее крестьянство — главная и нешуточная угроза коммунистической диктатуре. Драматург Киршон, своей гибели в застенках ГУЛага ещё не предвидящий, занят тем, что педантично перечисляет «правых» («вредителей») по ведомствам науки и литературы¹³⁸. Большинство из названных им коллег (те, кого я знаю) погибли в 1937-1953 гг. или отмутились много лет¹³⁹.

Отвратительным стихотворным доносом раздражается перед гогочущим залом большевистский «романтик» Александр Безыменский¹⁴⁰.

С Пильняками¹⁴¹ мы драться сумеем

138) Там же, стр. 282.

139) Каюсь: прочитав длинную прокурорскую речь Киршона на съезде, я перестала ужасаться его судьбе: он был репрессирован и погиб почти одновременно с Бухариным.

140) Стенограмма XVI съезда ВКП(б), стр. 395-396.

141) Известный писатель, автор Повести о непогашенной луне, написанной, как считают, по поводу убийства наркомвоенмора М. В. Фрунзе на операционном столе, совершенного по указанию Сталина (Б. Бажанов, Воспоминания бывшего секретаря Сталина, стр. 141). Впоследствии репрессирован и погиб.

Вместе с братьями
из «Налитпосту»,
Но по этим
враждебным идеям
Будем бить мы
начистоту.
Ведь от этих идеек
писатель,
По просёлкам душевным плетясь,
На семейные драмы потратил
Силу мысли
и зоркость глаз.
Вот поэтому
мы не готовы,
Вот поэтому
мы и слабы.
Батарей
Пролетарского слова
Нехватает в окопах борьбы.
... А вдали
боевую идею
Взяв пленительным словом в штыки
Цветом «Красного дерева»
Преют
И Замятины¹⁴², и Пильняки.
А рядом
«Перевальское слово»¹⁴³
Разливает мещанский яд.
«Молоком»
буржуазной коровы
Гуманисты рабочих поят.
(Смех)
... И «Разгромы», и «Тихие Доны»
Нам нужны,
И лирический стих.

142) Писатель-эмигрант, автор антиутопии *Мы* — гротескного изображения тоталитарного общества.

143) Литературное объединение «Перевал». К нему принадлежал И. Катаев.

Но писателей наших колонны,
А не ряд марксовидных Толстых!
... Так следите, товарищи, зорко,
чтоб писатель
 не сбился с пути,
Не копался у
 дней на задворках,
Не застрял бы
 в квартирной клети.
... Чтобы армию слова мы дали
В наш *сегодняшний*
 день боевой.
Философы
 сей мир объясняли, —
Мы идем
 переделать его!

Бухарин, возможно, был потрясен истолкованием его позиции на съезде. Но ведь объективно, на деле, он не только пытается отстоять и продолжить НЭП, т.е. временно взятую на вооружение Лениным экономическую часть программы восставших кронштадцев. На деле Бухарин протекционизирует хозяйственной линии, воскрешающей сельскохозяйственные тенденции реформ П. А. Столыпина!

Вот отрывок из выступления на XVI партсъезде некоего «тов. Гея» из Белоруссии:

«У нас в Белорусской организации наиболее ярким выражением правого уклона была так называемая «прищеповщина», которая состояла в систематическом насаждении хуторов. Если царизм за время проведения столыпинской политики расселил на хутора 22% крестьянских хозяйств, то Прищепов за 3½ года сумел расселить 18%. И к началу развёртывания коллективизации как массового явления мы имели по Белоруссии около 40% крестьянского землепользования под хуторской формой. Прищеповщина — это прямая ставка на развитие

сельского хозяйства по капиталистическому пути; это прямая ставка на капиталистическую верхушку деревни. *Наделение хуторян землей производилось по норме в два раза более высокой, чем обычная норма*»¹⁴⁴.

«Ах, оставьте! — отмахнется «демократический социалист», — это всё совместимо с настоящим социализмом!»

— «Но, простите, — возразит ему бесчеловечный партократ из Кремля, — крестьяне уже требуют свободы внешней торговли и выбирают в советы «лишенцев»! Кроме того, коллега, «настоящесть» социализма¹⁴⁵ штука тёмная, не только для меня, но и для вас... А диктатура ВКП(б) при бухаринско-прищеповском развороте событий рухнет как пить дать, наверняка. И тогда «кремлянам» придется платить по счетам 1917-го — 19...-го годов. Лучше уж ты умри сегодня, а я завтра, — как говорят блатные...»

А впрочем, не потому ли укрылся Бухарин от съезда за справкой о гриппе, вызвавшей такую потеху, что все это себе хорошо представлял? И потому не сделал даже слабой попытки обосновать свою линию. Не организовывал ли он вместе со Сталиным нечто подобное то против зиновьевской оппозиции, то против Троцкого и троцкистов, то против объединенной оппозиции зиновьевцев и троцкистов? Бухарин отлично знал меха-

144) Стенограмма XVI съезда ВКП(б), стр. 140 (курсив Д.Ш.).

145) Склонностью называть реальный социализм социализмом настоящим обладают по сей день многие последовательные и принципиальные антисталинисты. При этом социализмом они считают нечто такое, чего этим именем не называют ни литературные основоположники социализма, ни политические его строители. Я согласна, что слово «социализм» (т.е. «обществовизм») не подходит для обозначения антиобщественных тоталитарных режимов. Но словесные символы нередко уходят весьма далеко от своего первоначального лексического наполнения. Разве «танк» — это и в самом деле «бак» (английское tank означает по-русски бак)? Разве все Бэллы — красавицы? Разве зловещее слово «рак» в любом контексте обозначает общеизвестное животное?

Социализмом более полувека именуется четко определенные общественные обстоятельства. Так не лучше ли во избежание путаницы оставить за ними их привычное имя, а для чего-то куда более сносного и желательного, чем социализм, подыскать другое определение?

нику и технологию публичного политического уничтожения внутривнутрипартийных еретиков и предвидел, что его ожидает на съезде.

Он должен был заранее истерзаться, рисуя себе себя, удачливого и обаятельнейшего «Бухарчика», «любимца партии», баловня Кобы, его недавнего присяжного теоретика, кающимся на этом позорище под лавиной этих пинков и плевков, фамильярных издевок партийной толпы и уничтожительных приговоров Сталина. Не мог ли Бухарин?.. Нет, что вы, не мог! Не приспособлен был для такой войны. Не обладал психическими возможностями для поединка со Сталиным. Да и какой мог быть поединок в этом содоме, где сотни затыкали рот единицам, каждой поочередно?.. Бухарин ушел от бесполезного унижения, предоставив его друзьям, которые выстояли, уклончиво ругая себя, но его не ударив ни одним словом. Он и уходить по-настоящему не умел: не пустил себе вовремя пулю в лоб, как Томский, решивший не дожидаться сталинской пули. Не попытался покончить с собой, как пытался Рыков, у которого домашние вырвали револьвер, сохранив мишень для Сталина. Николай Иванович ни в чем не умел дойти до конца: ни в размышлениях, ни в отказе от размышлений, ни в борьбе и выборе, ни в уходе от выбора и борьбы.

Может быть, зрелому Николаю Ивановичу легче было быть добрым, чем злым, и приятней было быть искренним, чем обманщиком. Но материал, над которым постоянно работает его мысль, и предрешенное идеологией направление этой мысли не позволяют ему быть честным ни с людьми, ни с самим собой. Бухарин втянут в порочный круг своей службой политике, по определению предполагающей готовность лгать и насиловать чужую волю. Научная правда и нравственная правда разошлись с этой политикой раньше, чем Бухарин вышел в ней на первые роли, а когда вышел, то оказался вросшим в нее столькими собственными нитями, что не ему, очень чуткому к своим неприятностям, было рвать их.

Не разорвав же связей с партийной логикой, не став против нее, о чем спорить со Сталиным? Разумеется, Сталин действует против «правых» не покладая рук. Но наберовать достаточное число сторонников против Бухарина, Рыкова и Томского не так уж и сложно, ибо их позиция восстанавливает против них всю цепляющуюся за власть верхушку партии.

«Здравствуй, т. Куйбышев!

Как твои дела? Слышал, что Томский собирается обидеть тебя. Злой он человек и не всегда чисто-плотный. Мне кажется, что он не прав. Читал твой доклад о рационализации. Доклад подходящий. Чего ещё требует от тебя Томский?

Как дела с Царицынским тракторным заводом и тракторными мастерскими в Питере? Можно надеяться на успех?

Жму руку.

Сталин

31 августа 1928 г.»¹⁴⁶

И все резче, все решительней, все язвительней отвергает «добрый» и «всегда чисто-плотный» (в отличие от страшного Томского) Сталин апелляции Николая Ивановича к их сердечной, давней (с «дорогим Кобой») дружбе. Он отклоняет сентиментальные ссылки Бухарина на их старую дружбу так же решительно, как и личные выпады против себя других оппозиционеров.

«Товарищи! Я не буду касаться личного момента, хотя личный момент в речах некоторых товарищей из группы Бухарина играл довольно внушительную роль. Не буду касаться, так как личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Бухарин говорил о личной переписке со мной. Он прочитал несколько писем, из которых видно, что мы, вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ними в политике . . .

146) Сталин И. В., Соч., т. 11, стр. 220 (Письмо тов. Куйбышеву).

Я думаю, что все эти сетования и вопли не стоят ломаного гроша. У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса. Нельзя допускать, чтобы интересы личной дружбы ставились выше интересов дела . . .»

Партийной самосохранительной зоркости нижеследующего рассуждения Сталина «правые» (Бухарин и его сторонники) так ничего вразумительного противопоставить и не смогли. Сталин спрашивает:

«Что значит не мешать кулацкому хозяйству? Это значит дать кулаку волю. А что значит дать ему волю? Это значит дать ему власть. Когда буржуазные либералы Франции требовали от феодальной власти не мешать буржуазии развиваться, они это выражали в конкретных требованиях о том, чтобы предоставить буржуазии власть. И они были правы. Чтобы развиваться как следует, буржуазия должна иметь власть. Стало быть, если быть последовательным, надо сказать: припустите кулака к власти. Ибо надо же это понять, что *нельзя не стеснять развитие кулацкого хозяйства, отбирая у кулака власть и сосредоточивая её в руках рабочего класса*»¹⁴⁷.

Этого-то Бухарин и старался не понимать.

Заметьте, Сталин говорит, что если уж на деле, а не на словах «не мешать кулацкому хозяйству», то «надо сказать: припустите кулака к власти». Здесь он оказывается зорче, чем Ленин, считавший, что крестьянство удовлетворится уступками экономическими и не посягнет на расширение своих политических прав¹⁴⁸.

«Припустить» — это значит включить и буржуазию, и крестьянство в механизм власти, то есть восстановить демократию *и политическую*, если уж ратовать за демо-

147) Там же, т. 12, стр. «К вопросам аграрной политики в СССР» (курсив Д.Ш.). «Рабочий класс» здесь, как в любом подобном контексте, синоним партии.

148) Ленин В. И., ПСС, т. 45, стр. 265-268. Интервью корреспонденту «Манчестер гардиан» (второй вариант).

кратию экономическую. Иными словами, тогда уж извольте потесниться всерьез, отказаться от нашей с вами партийной диктатуры. Но Бухарин хочет крушения диктатуры не больше, чем Сталин! Он *никогда* этого и не предлагал! Он этим и отличается от многих нынешних «демократических социалистов» и «либеральных коммунистов», что последние обещают сохранить информационную и политическую свободу *при централизации* экономики, тогда как Бухарин добивался экономической свободы для крестьянства *при сохранении политической и идеологической диктатуры партии.*

В полном согласии с нынешними поклонниками Бухарина Сталин дает ему определение как «либерально-му марксисту». Но гораздо убедительней, чем нынешние поклонники или представители «либерал-коммунизма», Сталин доказывает политическую бессмысленность и опасность для партократии этого словосочетания.

Человек, считающий себя марксистом, может согласиться на многопартийность и экономическую свободу, на идеологический плюрализм. Таковы некоторые современные социал-демократы. Но тогда нам придется сказать о них то же, что говорил Сталин о бухаринцах и их вожде:

«Но это ведь буржуазно-либеральная политика, а не марксистская политика».

6. Альтернатива?

Как же Бухарин пытается доказать своему бывшему другу и будущему убийце, на восемь лет (1933-38) растянувшему его падение в чекистский подвал, свою правоту в их споре?

Похоже, что между Бухариным и его друзьями, Томским и Рыковым, действительно существовали и единомыслие, и товарищество. Поэтому можно говорить об их общих взглядах. В отличие от чисто самосохранительного мировоззрения Сталина и его аппаратчиков, у них в конце 1920-х гг. были *взгляды* — явление в партии конца 1920-х годов ещё встречавшееся, в начале 1930-х — редкое, а после «большого террора» — публично, во всяком случае, не проявляемое. Поэтому их воззрения можно исследовать, тогда как воззрения какого-нибудь Молотова или Шверника исследовать бессмысленно: имеет смысл характеризовать лишь их поведение.

Я приведу интересный отрывок из книги А. Авторханова *Технология власти*, содержащий сопоставление тактики и партийной этики «правых» и Сталина в их роковой для оппозиции схватке.

Итак, Сталин блистательно проводил «организационное окружение» (выражение Бухарина по А. Авторханову) руководящего ядра «правых». Какие же меры предпринимала группа Бухарина против этих достаточно открытых действий, спрашивает А. Авторханов, и делает вывод, что почти никаких:

«И это несмотря на наличие равного положения в Политбюро, на сочувствие и поддержку (одних — открыто, других — предположительно) солидных групп в ЦК и ЦКК, всего аппарата ВЦСПС и ЦК союзов, несмотря на известные позиции в Красной армии, активность и поддержку ведущих групп партийных теоретиков и пропагандистов, несмотря, наконец, на сочувствие и возможную поддержку

основного населения страны — крестьянства. Все объективные факторы говорили за Бухарина. Но увы, не доставало все-таки одного фактора, который Ленин называл «субъективным фактором»: организации жертвенных революционеров. Бухарин был для этого слишком теоретиком, Рыков — педантом, а Томский — одним воином в поле. Руководители правой оппозиции до смерти боялись нарушения легальности партийных рамок, которые так нещадно прямо на их же глазах ломал Сталин. Они боялись обвинения во фракционности, тогда как в их же присутствии Сталин создал собственную фракцию — «партию в партии». Руководители правой оппозиции боялись апелляции через голову Сталина и его аппарата к партийной массе, а Сталин в беспрерывных письмах и инструкциях не только апеллировал через головы Политбюро и Оргбюро к партийной массе, но и без малейшего стеснения громил и разносил ее местных выборных руководителей, чтобы заменить их назначенными из Москвы.

У Сталина не было объективных факторов Бухарина, но зато у него был тот самый ленинский «субъективный фактор» — динамичная организация вышколенных дельцов, способных на авантюру, неразборчивых в приемах, жадных до власти. Их сила заключалась в том, что в интересах борьбы за власть они были готовы на большее, чем Бухарин и Троцкий вместе взятые: на то, чтобы осквернить мавзолей Ленина, а Маркса с Энгельсом предать вечной анафеме, если только от этого зависит их победа. Кто этого не понимает, тот знает сталинцев только по книжкам»¹⁴⁹.

Боюсь, что дело не в «жертвенных революционерах» (ибо и в распоряжении Сталина никаких «жертвенных революционеров» уже не было), а в половинчатости позиции Бухарина и бухаринцев, не порывавших с

149) Авторханов А., *Технология власти*, стр. 214-215. Все цитаты из А. Авторханова в этом разделе — отсюда.

партийной идеологией, не отделявших себя от партии и от ее будущего. Кроме того, Бухарин и психологически (забегая вперед, замечу, что то же относится и к Троцкому) становился хорошим организатором только тогда, когда его направляла чужая, более сильная воля, не знающая преград в своем политическом прагматизме, — ленинская, потом сталинская. Дело здесь не в моральных ограничениях: теоретически ни Бухарин, ни Троцкий никогда не оспаривали ленинского маккиавеллизма и вполне разделяли этот маккиавеллизм даже по отношению к Ленину. Они достаточно просто предали своего вождя и учителя, оставив его умирать под надзором Сталина. Они предавали друг друга Сталину, предавши в конце концов и себя. Но по своей собственной инициативе они быть организующими средю прагматиками не умели — порок и болезнь всей интеллигенции, даже ренегатствующей и отщепенческой.

Они не убили Сталина — единственный шаг, дававший им шанс на успех. «Объективные факторы», которые «говорили за Бухарина», находились вне партии; Бухарин же, как и его друзья, оставался плотью от плоти партии. А. Авторханов и сам говорит о боязни бухаринцев обратиться за поддержкой к крестьянству. Но как обратиться? Организовать гражданскую войну против коммунистической власти, уничтожив предварительно Сталина?

Каким — практически — образом мог коммунист Бухарин организовать народное сопротивление партократии? Дворцовый переворот был единственным более или менее реальным путем для снятия сталинского диктата в то время. Но здесь у бухаринцев не нашлось бы союзников: партийная аристократия шла за Сталиным. Нет, не у Бухарина, а у Сталина были все реальные «объективные факторы» для разгрома «правых», а не наоборот. В его руках были и партийная аристократия, и государственная организация, и приданные ей к тому времени охранные и военные аппараты. Он полностью контролировал материальные факторы, созданные ло-

гикой существования партии, логикой системы, воздвигнутой Лениным. Без этих факторов система не просуществовала бы и нескольких месяцев. За Сталиным стоял и основной человеческий материал этой организации и ее аппаратов.

Кто в партии мог бы встать за Бухариным? Политические самоубийцы? Свою позицию (все то, что он мог предложить руководству партии) Бухарин наиболее полно выразил в «Заметках экономиста» (1928) и в своем заявлении от 30 января 1929 года.

А. Авторханов пишет об этом исчезнувшем в партийных архивах, а возможно, и уничтоженном заявлении:

«К сожалению, этот важнейший программный документ правой оппозиции никогда не был опубликован в СССР. За границу, насколько мне известно, он тоже не попал. Чтение этого документа было запрещено Сталиным даже для членов ВКП(б). Только руководящий партийный актив, у которого, по логике сталинцев, уже выработался достаточный про-сталинский иммунитет против «антипартийных ересей», мог познакомиться с ним в приложении «материалов» к стенографическому отчету апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (16-23. 4. 1929 г.). Более того. Даже решение этого пленума о группе Бухарина держалось в тайне до 1933 года. Только в 1933 году было опубликовано как решение объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК, так и решение указанного пленума по делу о правых, конечно, опять-таки без заявления Бухарина от 30 января и «платформы трех» от 9 февраля 1929 года. Насколько и эти документы неполны и явно «подчищены» задним числом, показывают пропуски всех более или менее ярких цитат из заявления Бухарина. Но и в таком виде эти документы помогают воспроизвести заявление Бухарина.

Основная цель заявления Бухарина от 30 января

— личность Сталина, а из руководящих органов ЦК — лишь Секретариат ЦК. Предусмотрительно отгораживая от критики Политбюро, Оргбюро и пленум ЦК, Бухарин открыто и со ссылками на данные текущей практики аппарата ЦК обвинял Сталина по существу в заговоре против линии партии.

Обвинения Бухарина сводились, главным образом, к следующим пунктам:

1. В основе крестьянской политики Сталина лежит провозглашенный им на июльском пленуме ЦК лозунг «дани, то есть военно-феодальной эксплуатации крестьянства». Цель Сталина: базируясь на методическом, государством легализованном грабеже основного класса страны — крестьянства, — держать курс на индустриализацию. К этой цели Сталин стремится двумя способами: один способ — насильственная коллективизация, другой — «налоговое переобложение».

2. Вопреки неоднократным решениям партии о стимулировании развития крестьянского хозяйства и поднятии его урожайности мерами поощрения, Сталин прибегает к совершенно противоположным мерам: к практике введения нового «военного коммунизма» в деревне путем применения чрезвычайных административных репрессий по хлебозаготовкам (огульная конфискация крестьянского хлеба при отказе в то же время производить для деревни товары широкого потребления, как это требовали предыдущие решения партии).

3. Во всей политике страны вообще, в крестьянской же политике в особенности, «съезды, конференции, пленумы, Политбюро партии решают одно, а сталинский аппарат проводит другое».

4. Во внутрипартийной политике вообще, в организационной политике партии в особенности, «съезды, конференции, пленумы ЦК и устав партии устанавливают одни нормы, а сталинский аппарат придерживается своих собственных норм». Все это при-

вело к тому, что «внутрипартийная демократия стала фикцией, а назначенчество сверху партийных секретарей — законом». Поэтому «в партии нет выборных секретарей, а есть назначаемые и сменяемые сталинским аппаратом партийные чиновники». Цель такого отбора секретарей — создание сталинской фракции отборных чиновников, чтобы взорвать ленинскую партию изнутри («партия в партии», или, по выражению Бухарина, «секретарский отбор»).

5. Тот же самый процесс бюрократизации партии перенесен сталинцами и в сферу государственного аппарата. Роль Советов сведена к роли придаточного механизма партийного аппарата. Причем бюрократизация государственного аппарата ведется по одному плану с бюрократизацией партии. Все это «бюрократическое перерождение» пролетарского государства и ленинской партии идет не стихийно, а организовано, по методически разработанному плану «Кабинета Сталина».

6. Там, где Сталину и сталинцам не удается охватить и парализовать государственный, партийный или профсоюзный аппарат бюрократическими клещами своей фракции, Сталин и его помощники прибегают к планомерному и рассчитанному методу «организационного окружения» — к назначению туда «политкомиссаров» (ВЦСПС — Каганович, Совнарком — Орджоникидзе, «Правда» — Савельев и Мануильский и т. д.). Причем это делается не по решению партии (пленум ЦК, Политбюро, Оргбюро), а по решению собственного «Кабинета Сталина» с формальным оформлением на заседаниях Секретариата ЦК.

7. Ту же организационную политику бюрократизации и отбора чиновников сталинцы ведут и по линии Коминтерна. В основе отбора работников и руководителей последнего лежат не ленинские принципы выдвижения профессиональных революционеров, а сталинский план отбора наемных чи-

новников. Преданные партийные кадры Коминтерна изгоняются из братских партий, если они проявляют самостоятельность в суждениях и независимость в работе. Не убеждение, не воспитание, а политика диктата — вот стиль работы Сталина в Коминтерне. Если иностранные коммунисты осмеливаются критиковать персональные приказы сталинского аппарата, то они тут же объявляются «оппозиционерами» или «примиренцами», «социал-демократами» или «перерожденцами» и изгоняются из партии не через их собственные партии, а через Коминтерн в Москве (Тальгеймер, Брандлер) или, если их исключения связаны с крупными неприятностями лично для Сталина, то их просто отзывают из их страны в Москву как «примиренцев» (Эверт, Герхардт).

8. Если все это делается методами «нормальными для сталинского аппарата», то другой путь, на который стал отныне Сталин, не может быть терпим ни в одной партии политических единомышленников: этот путь — путь чудовищной провокации, фальсификации, вымогательства, шантажа одних руководителей и членов ЦК против других, а всех вместе — против организационных принципов и идейных основ ленинизма. За спиной партии и ее высших органов Сталин ведет политику ликвидации ленинской партии. Этот «сталинский режим в нашей партии более невыносим».

Единственная возможность оздоровить партию и восстановить Ленинскую политику — это немедленно убрать Сталина со всем его «кабинетом» в полном согласии с завещанием Ленина.

Таково было в главных чертах содержание заявления Бухарина от 30 января 1929 года. Что это так, читатель может убедиться и из сличения моего изложения этого заявления с документами Сталина о Бухарине»¹⁵⁰.

150) Там же, стр. 215-218.

Я уже говорила: Бухарин редактировал III издание сочинений Ленина вплоть до 1932 года. В дополнениях и примечаниях к отредактированным им томам великолепно проиллюстрированы все те черты ленинской тактики — в партии и в Коминтерне, — которые Бухарин теперь приписывает исключительно Сталину. Сам подбор публикуемых в III издании сочинений, речей и документов, подписанных Лениным, а также протокольных записей и газетных отчетов о его выступлениях выпячивает именно эти черты ленинской тактики и этики. Сам Бухарин проводил в Коминтерне диктаторскую, провокационно-раскольничью политику Ленина и не может питать никаких иллюзий по поводу его (и своей!) тактики и морали. Роль Бухарина в партийной политике 1917-1926 гг. не позволяет приписать ему простодушие современных его исследователей. Возникает иное предположение: не имея другой легальной почвы для полемики, Бухарин решает (то же делали и Зиновьев, и Троцкий) опереться на словесные партийные декларации в борьбе против истинной партийной политики. Он как бы не видит (неужели действительно не видит?) того, что отказ от возобновления *ленинской* политики военного коммунизма по отношению к вставшему на ноги, крепнущему крестьянству конца 1920-х гг. ведет к «стольпинскому эффекту». Вырастает огромный класс фермеров, способный оказывать на правительство экономическое давление и, по справедливому утверждению Сталина, нуждающийся в существенном расширении своих прав — экономических (свобода производства, внутренней и внешней торговли) и политических (свобода выборов в советы своих независимых представителей). Именно в стране с преобладающим и массивным, могучим крестьянством такой путь для монопартократии невозможен, губителен. Крестьянство в целом не авантюристично. Только в периоды крайней неустойчивости общественных отношений, крайне тяжелого и вдруг потерявшего «узду» бытия на какое-то время его можно толкнуть на экстремистские выступления. Но его эконо-

мико-правовые возможности для крестьянства тем важнее, чем оно сильнее и эмансипированней. А НЭП против воли своего устроителя продолжил линию дореволюционной крестьянской эмансипации, очень сильную в имперской России 1860-х — 1910-х годов. Российское крестьянство и партократия стояли теперь друг против друга, решая судьбу СССР (и мира). Бухарин играл с огнем, хотя и отнюдь не стремился «похоронить в гроб» (Сталин) партократию.

А. Авторханов пишет:

«С точки зрения «интересов страны и интересов самой партии», бухаринцы апеллировали и к разуму, и к чувству партии.

В интересах захвата всей власти и установления личной диктатуры и над партией, и над страной Сталин апеллировал к сокровенным чувствам партийных карьеристов и организованной силе партийного аппарата»¹⁵¹.

Но «интересы страны и интересы самой партии» — это взаимоисключающие антонимы, а не синонимы!

Сталин тем и был так силен в ту пору, что это именно он действовал одновременно в своих эгоистических интересах и «в интересах самой партии» — как монопартократической правящей силы (сколько бы отдельных партийцев эта партия позднее ни потеряла). Она — в отличие от других, подвергшихся террору слоёв населения, — сохранится, укрепитя и, укоренившись, залечат свои раны и вырастет вдесятеро против прежнего. Повторяю: «большой террор» обретёт и избыточно-могучую силу разветвлённой лавинообразной цепной реакции (знаменитое «лес рубят — щепки летят»). Но эта цепная реакция останется достаточно управляемой для того, чтобы не довести ни партию, ни страну до взрыва. В среднестатистическом результате уничтожены будут в партии и вне партии преимущественно все «не-

151) Там же, стр. 199.

винтики» и не до конца «винтики», в том числе и вернейшие, и фанатики. Возникает система, в которой появление «не-винтиков», «не-рычагов» будет затруднено достаточно для обеспечения ее устойчивости. Тогда и станет возможным ввести вместо террора тотального террор избирательный, сущность которого изложена в нижеследующем библейском изречении: «Когда всё стадо идёт одесную, а одна овца идёт ошую, пастырь ту овцу изымает из стада и закланию предаёт».

*

Бухарин пишет в одной из своих статей тех лет:

«Можно подойти к вопросу и иначе, примерно так. При капиталистическом режиме налицо борьба самых различных форм. Но общая тенденция развития заключается в том, что крупное производство побеждает своего более мелкого противника, вытесняет его, преодолевает его и, в конце-концов, становится экономическим диктатором страны. В *пределе* мы имели бы здесь государственный капитализм (не в нашем русском, а в западно-европейском смысле слова). *Формально* мы имеем то же и у нас. Но с той принципиальной, существеннейшей разницей, что крупное производство у нас находится в руках *пролетарского* государства. Это крупное производство ведет борьбу с частным, более мелким, капиталом. Оно *конкурирует* со своим врагом. Оно пользуется при этом капиталистическими методами, и даже все счетоводство («калькуляция») ведется в капиталистических формах. Но объективно эти формы и методы обслуживают другой класс, т.-е. пролетариат. Процесс этой конкурентной борьбы должен обеспечить победу *крупному* производству, т.-е. нашему, пролетарскому. А по мере этих побед, по мере централизации хозяйства, по мере кооперирования крестьянства (все эти процессы регулируются и направляются диктаторской властью рабочего класса) будет все более реальным

и хозяйственный план, который все скорее будет превращаться в действительный план всего общественного производства. В пределе мы будем иметь здесь не государственный капитализм, а социализм, так как чистые формы пролетарской общественной собственности вытеснят и государственно-капиталистическое (концессии, аренду, частный капитал, регулируемый нами, и проч.)»¹⁵².

Отбросим общепринятую в РКП(б) — КПСС демагогическую спекуляцию понятием «диктаторской власти рабочего класса». Будем говорить о том, о чем действительно идет речь, — о большевистском диктаторском государстве.

Политическое заблуждение Бухарина сводится, как сказано выше, к тому, что он упорно игнорирует всё более очевидное повсеместное перерастание экономической борьбы крестьянства и новой буржуазии в борьбу за такие аспекты этой экономической свободы, которые не могут не выражаться и политически. В отличие от Сталина, Бухарин не видит все возрастающей опасности для диктатуры в затягивании этой борьбы. Экономические заблуждения Бухарина тоже наглядно представлены в этом отрывке.

В 1928-30 гг. «крупное производство» ни в одной из «капиталистических» стран не является «экономическим диктатором страны». Бухарин считает, по-видимому, что оно явится таковым «в пределе», то есть если процесс капиталистической монополизации дойдет до своего логического завершения. Операцию мысленного доведения современного им процесса концентрации капитала до логического его предела уже проделали Энгельс и Каутский. Они довели (на бумаге) этот процесс до возникновения одной мировой суперфирмы, управляющей всем общественным производством. Затем (в схеме Энгельса) «ассоциированные производители» отбирают у государства его собственность (как достояние трудя-

¹⁵² Хейтмен, стр. 179-180 (Бухарин Н. И., «О ликвидаторстве наших дней»).

щихся, а не государственной власти). Только после этого акта *государственная* собственность станет, по мнению Энгельса, собственностью *общественной*, то есть *каждого производителя* в равной с прочими мере. В схеме Энгельса государственная собственность *противопоставляется* собственности социалистической, то есть общественной. Не трудно заметить, что Бухарин, в отличие от Энгельса, подобно большинству современных социалистов, не противопоставляет, а *отождествляет* собственность государства («идеального совокупного капиталиста» Энгельса) с «социалистической собственностью». Ни о какой экспроприации государства-монокапиталиста у Бухарина, в противоположность Энгельсу, нет и речи.

Как же выйти из конфликта с основоположником?

Экспроприировать государство? В чью пользу? Всем уже ясно, что «ассоциированные производители», то есть рабочие, *сами* управлять своей «собственностью» не смогут. Альтернатива заключается в выборе между конкурентнорыночным (с участием потребителей, поставщиков, демократического государства, союзов, партий, и т. д.) или государственно-партократическим способами управления. Но ведь Бухарин на спор с Энгельсом ни в коем случае не пойдет. Ни открыто признать невозможность диктатуры рабочего класса и безгосударственного управления экономикой, ни отвергнуть в *принципе* целесообразность диктатуры «идеального совокупного капиталиста» он не рискнет. И, как весь марксизм-ленинизм той поры, Бухарин выходит из противоречия чисто лексически: слово «государство» заменяет словом «пролетариат», коммунистическую диктатуру — «диктатурой рабочего класса».

У Энгельса в его модели предсоциалистического «идеального совокупного капиталиста» есть оговорка: подобная сверхцентрализация будет оправдана только в том случае, если подобной сверхмонополизации потребуют характер и уровень развития средств производства. Энгельс был твердо уверен, что техника и техно-

логия капиталистического производства нуждаются в такой сверхмонополизации капитала. Но, как видно, процессы, протекающие в сложных системах, нельзя спекулятивно экстраполировать в будущее — вплоть до их логического предела, ибо в ходе процесса такие системы обретают новые свойства, изменяющие самый характер процесса.

На капиталистических конкурентных рынках сверхмонополизация остановилась перед границей, которую поставило ей падение управляемости фирм-гигантов. На некотором этапе роста возникает снижение конкурентоспособности суперфирм. В перспективе либо их существенная децентрализация, либо финансовый крах.

Но...

Уничтожьте конкурентов подкупом, шантажом, *наси-лием*, надёжно вооружитесь протекцией, диверсией, клеветой и другими внеэкономическими приёмами, и к чему вам заботы о конкурентоспособности? Сталин и хочет разом завершить сверхмонополизацию политическими силовыми приемами и средствами. Так она была начата Лениным, и только так она осуществляется по сей день.

Не «формально», как говорит Бухарин, а *фактически* его «пролетарское государство» есть «предел» капиталистической монополизации экономики.

И курсив, которым он постоянно выделяет эпитет «пролетарское» (государство), ни о чем не свидетельствует, кроме того, что Бухарин чувствует алогичность своих построений.

Демократические социалисты пытаются доказать, что Бухарин провидел (и пытался построить) современную «конвергентную» экономику, в которой государственное регулирование сосуществует с частной инициативой.

Действительно, в современном мире имеются такие «конвергентные» государства. Но каковы тенденции их развития?

Если *сосуществование* государственного регулирования (по некоторым значительным направлениям эконо-

мики) со свободной инициативой *не фикция*; если на рынке государственный сектор *равноправно* и *чисто экономически* конкурирует с частным и кооперативно-корпоративным; если выполняется требование Адама Смита, гласящее, что государство должно вмешиваться только в такие дела общества, которые без него разрешены быть не могут; если сохраняются политические свободы; если наличествуют законы, предупреждающие перерастание какой-либо из конкурирующих в экономике и политике сил в силу единственно определяющую и направляющую, — то к модели Бухарина такое конвергентное общество отношения не имеет.

Если же в обществе идет подспудная (или открытая) эволюция в сторону выделения из общества и постановки над ним какой-то единственно инициативной, единственно полномочной¹⁵³ силы, то именно этого Бухарин в СССР 1920-х годов в конечном счете и добивался (во всяком случае — в своих прямых декларациях).

Но, как уже было сказано, в честном, чисто экономическом соревновании сверхмонополия не побеждает. Она использует методы политические и уголовные. В СССР конца 1920-х — начала 1930-х гг. сверхмонополистам надо было спешить. Крестьянство всё менее соглашалось им подчиняться.

Бухарин запутался между логикой партократического сверхмонополизма и экономическим здравым смыслом и был уничтожен воплощением партократии — Сталиным.

А. Авторханов рассказывает об одной из дискуссий тех лет:

«Был приглашен и Бухарин. Бухарин был в веселом настроении, шутил со всеми; как будто это не его, а Сталина собираются хоронить на XVI съезде. Вся идиллия была нарушена неприятным вопросом:

— Николай Иванович, когда жизнь подтвердила ваши самые мрачные прогнозы во всех отраслях внутренней политики, а крестьяне, доведенные до

153) «Единственно правильной».

отчаяния, проголосовали за вас своей кровью, неужели после всего этого вы собираетесь на XVI съезде голосовать за Сталина?

С лица Бухарина исчезла притворная веселость, наигранное хладнокровие и маска политического индифферентизма. Вероятно, такие вопросы в последние месяцы задавали ему не раз. Столь же вероятным казалось и то, что у Бухарина на такие и им подобные вопросы никакого удовлетворительного ответа не было. Он находился в положении полководца, который, блестяще выиграв генеральное сражение, предлагал противнику собственную капитуляцию, так как не знал о своей победе.

— Атаки против сталинцев сверху не увенчались успехом. Линия партии может быть выправлена только снизу, — вот все, что мог сказать Бухарин.

— Но в том-то и дело, что партии нет, а есть аппарат, против которого бессильны и членские билеты низов, и крестьянские вилы в деревне, — вмешался Сорокин.

— Мораль? — спросил Бухарин.

— Хирургия! — ответил Сорокин.

Наступила та напряженная тишина, которую прилично нарушать только при веском аргументе. Такого аргумента не нашлось сразу даже у Бухарина. Мы продолжали молчать. Бухарин почувствовал, что он должен ответить.

— Нож в руках неосторожного хирурга может вместе с язвой поразить и жизнь молодого организма, — сказал он, наконец.

Сорокин сразу отвел аргумент:

— При смертельной язве такая операция явится только актом высокой милости к самому организму.

Вновь наступила тишина. Но нарушить ее пришлось опять-таки самому Бухарину. Теперь он начал издаലെка.

— В нашей революции, — говорил Бухарин, — надо различать две стороны — преходящую форму

правительственной верхушки и постоянное содержание социального строя. Идеалы социализма и социальной справедливости, во имя которых мы совершили революцию, не могут быть принесены в жертву межгрупповой борьбе в верхах партии. Нелепое управление великолепной машиной вовсе не говорит о пороках самой машины. Нелепо разбивать эту машину лишь бы убрать водителя.

Бухарин прочел Сорокину и нам почти часовую лекцию в этом духе. Стало ясно, что хотя Бухарин и не собирался предложить Сталину «торжественную капитуляцию» на XVI съезде, но не думает вернуться к своим прежним атакам против «водителя».

Острота внутривнутрипартийной борьбы дошла до такой грани, за которой у оппозиции была только одна перспектива — обращение к народу, а народ был против всей существующей социальной системы («машины»). У меня создалось впечатление, что Бухарин боится этого народа не меньше, чем Сталин. Идеолог советского крестьянства с его вернейшим лозунгом — «обогащайтесь!» — словно испугался, как бы это крестьянство не объявило его своим «Пугачевым». Ни Бухарин, ни его друзья на это органически не были способны»¹⁵⁴.

Это свидетельство квалифицированного очевидца ценно своей достоверностью.

Бухарин разговаривает с молодыми и очень искренними людьми, проявляя всю глубину своего осознанного бессилия. Он готовится к полной капитуляции, ибо знает, что на единственно эффективную «хирургическую операцию» физического устранения Сталина его и его друзей не хватит, а его «обращение к народу» невыполнимо прежде всего технологически. К такому обращению готовятся десятилетиями.

И для чего ему было обращаться к народу? Чтобы

154) Авторханов А., *Технология власти*, стр. 256-257.

эволюционно, за десятилетия создать систему, которую Сталин создает в три года? Ведь и молодые сторонники решительных действий против Сталина, и устало их поучающий ветеран считают своей конечной целью то же, что Сталин! Бухарин не хочет жестокой атаки Сталина против крестьянства? Возможно. Но он не верит в свою способность противодействовать Сталину, хотя и прямо об этом не говорит. Он вообще не склонен к прямым ответам.

Упомянутая многими бухаринская искренность — феномен, по-видимому, весьма сложный. Выскажу предположение, порожденное, разумеется, знакомством не с Бухариным, а с его работами и с воспоминаниями о нем. Мне представляется, что эта искренность — проявление женственного характера, отдающегося каждой сиюминутной мысли, изрекаемой вслух, каждому демонстрируемому настроению так достоверно, что не только у собеседника, но и у говорящего возникает ощущение полнейшей искренности. Кто не обжигался о такой характер? Кто не встречался с ним в книгах и в хороших актерах?

Это написал о Бухарине Ленин в 1921 году:

«... Мы знаем всю мягкость тов. Бухарина, одно из свойств, за которое его так любят и не могут не любить. Мы знаем, что его не раз звали в шутку: «мягкий воск». Оказывается, на этом «мягком воске» может писать что угодно любой «беспринципный» человек, любой «демагог».»¹⁵⁵

А Троцкий говорит о Бухарине в своей автобиографии:

«Одним из первых на почве Нью-Йорка нас встретил Бухарин, сам незадолго перед тем высланный из Скандинавии. Бухарин знал нашу семью еще по венским временам и приветствовал нас со свойственной ему ребячливой восторженностью. Несмотря на

155) Ленин В. И., ПСС, т. 42, стр. 242 (Кризис партии).

нашу усталость и позднее время, Бухарин увел нас с женой в первый же день осматривать публичную библиотеку. Со времени совместной работы в Нью-Йорке начинается все возрастающая привязанность Бухарина ко мне, которая, все повышаясь, перешла в 1923 г. в свою противоположность. Свойство этого человека таково, что он всегда должен опираться на кого-либо, состоять при ком-либо, прилипнуть к кому-либо. В такие периоды Бухарин является просто медиумом, через который говорит и действует кто-то другой. Но надо не спускать с медиума глаз: иначе он незаметно для себя подпадет под прямо противоположное влияние, как другие люди попадают под автомобиль, и начнет поносить своего идола с той же беззаветной восторженностью, с какой только что превозносил. Я никогда не брал Бухарина слишком всерьез и предоставлял его самому себе, а это значит — другим. Бухарин стал после смерти Ленина медиумом Зиновьева, затем Сталина. Сейчас, когда пишутся эти строки, Бухарин проходит через новый кризис, и новые мне еще неизвестные флюиды проникают в него»¹⁵⁶.

Обе характеристики весьма похожи на правду. Впрочем, о самом Троцком можно сказать нечто сходное: он действовал в высшей степени энергично, когда его ораторский пафос и организационная беспощадность были обеспечены железной всеобъемлющей волей Ленина, стоявшего над ним. Убедившись в нарастающем физическом бессилии Ленина, он отшатнулся от него и занял выжидательную позицию. Для подчинения Сталину он был слишком честолюбив, но найти в себе и в своем окружении силы его устранить и заменить собою не смог...

156) Троцкий Л. Д., *Моя жизнь*. Берлин, «Гранит», 1930, ч. 1, стр. 310-311.

7. Над пропастью во лжи

Насколько Бухарин верил в ценность «постоянного содержания социального строя» СССР, о которой он говорил молодым коммунистам? Думаю, что продолжал еще верить.

Никто из авторов, пишущих о Бухарине, не может ручаться за подлинность его знаменитого самиздатского письма к коммунистам будущего, написанного якобы уже в тюрьме. Но многие отмечают высокую степень правдоподобия для Бухарина этого завещания. Его лейтмотив — решительное отождествление себя с большевизмом, с марксизмом-ленинизмом — от Маркса до Сталина («...ничего не замышлял против Сталина»)¹⁵⁷. Обращенное к коммунистам грядущего, призванным разобраться в трагических «заблуждениях» страшного бухаринского настоящего, письмо в подтексте адресовано безжалостному убийце, которому с таким же успехом можно было что-то доказывать, как топору, опускаемому на шею казнимого. Исторгнутое отчаянием и страхом, оно не содержит ни одной мужественной осуждающей интонации, естественной, казалось бы, для человека, которому терять уже нечего. Даже Николаевскому в Париже в 1936 году¹⁵⁸ Бухарин сказал больше обличающих Сталина слов (хотя бы о коллективизации и о своем желании умереть), чем тут. Если не к тюремному, то к внутреннему, в душе сидящему, цензору, столь привычному для советского человека, для коммуниста, обращено это письмо — как свидетельство о благонадежности, о способности принять, не отрекшись от партии, весь тот кровавый ужас, в который по горло погружен пишущий.

157) В обстановке «большого террора» само участие Бухарина в разговорах об устранении Сталина, независимо от его согласия или несогласия с собеседником, было (в соответствии с «теориями» А. Я. Вышинского) более чем достаточным поводом для обвинения во всех смертных грехах; и никакие заявления типа «ничего не замышлял против Сталина» помочь ему не смогли.

158) *Социалистический вестник*, 1965, сб. № 4.

Соблазнительно думать, что Бухарин дошел до предела в роли, в которую так глубоко втянулся, что он не захотел ни умом, ни сердцем пойти на то дальнейшее, что готовил России Сталин своим решительным отказом от НЭПа. По-видимому, человек, активно участвовавший до этого в самых малопочтенных операциях большевизма внутри и вне страны, наткнулся в себе самом на границу, через которую ему очень уж трудно было шагнуть. Недаром в 1936 году в Париже он, содрогаясь, говорил Б. Николаевскому, что преступления коллективизации превзошли все жестокости гражданской войны и военного коммунизма, что ее партийные функционеры спивались, кончали с собой и обезумевали от ужаса, ими содеянного. Вера, что он стоит уже достаточно высоко, чтобы не разделить участи недавних сталинских и своих противников, что, справившись с Троцким, Зиновьевым и другими, он с простоватым и ограниченным Кобой тем более справится, позволила ему попытаться противопоставить свою экономическую логику логике Сталина. При всем том наивно звучат слова Б. Николаевского объясняющие бунт Бухарина против Сталина намерением первого противопоставить «гуманитарные элементы Марксизма коммунизма» крепнущему «тоталитарному этатизму», воплощенному в Сталине. Давно ли Бухарин куда красноречивей и, главное, откровенней, чем Сталин, пропагандировал тот же тоталитарный коммунистический этатизм?¹⁵⁹.

Скорее всего Бухариным все-таки двигало убеждение, что социализм осуществим и без проведения антикрестьянской акции, задуманной Сталиным. И окрепло, может быть, с возрастом в его душе инстинктивное, подспудное отвращение к той цепи насилий, которыми обернулась власть его партии. Но отвращение недостаточное для бунта, для разрыва, для бегства, для самоубийства.

Звездный час программного поединка со Сталиным кончился для Бухарина достаточно быстро. Он вышел из этого поединка человеком политически конченным,

¹⁵⁹) См. диалог «Бухарин и акад. Павлов».

без воли к борьбе и продолжению умственных исканий.

То, что Бухарин успел пережить от начала своего падения до расстрела, было вряд ли менее разрушительно для его личности, чем для личности Ленина — его болезнь и блокада, которой подвергло его Политбюро во время болезни. В Иране имелась такая кара — срок заключения с последующей смертной казнью через несколько лет. Нечто подобное довелось пережить Бухарину на сталинской «воле». Представьте себе падение с головокружительной высоты власти над огромной страной и Коминтерном — падение с замедлениями и ускорениями, с остановками и коварно-обманчивыми поддержками со стороны палача, с неожиданными, в относительно мирные моменты, пинками. Бухарин не сопротивлялся и лишь время от времени пытался доказать свою благонадежность, радуясь каждому признаку благожелательности со стороны Сталина и пугаясь каждого свидетельства его раздражения или охлаждения¹⁶⁰.

В 1936 году он последний раз был в Европе и не пытался бежать. Б. Николаевскому он объяснял это по-разному: привык к «напряженному ритму» советской жизни; уверен, что в СССР прокладывается все-таки магистральный путь спасения человечества; полагает, что ради построения коммунизма, действительно, следует «подстригать» и «ровнять» все, что как-то приподнимается над введенным в бетонное русло потоком его строителей или отбивается в сторону от него... И тут же рассказывал, что чуть было не покончил с собой: удержало сердечное и бодрое слово случайного встречного. Сожалел, что не может встретиться с Троцким, но объяснял это занятостью и расстоянием, а не страхом перед «хозяином» или стыдом перед Троцким, поверженным при решающем содействии Сталину со стороны Николая Ивановича...

Думаю, что была и другая причина не пытаться бежать. Бывший глава Коминтерна в совершенстве

160) См. Солженицын А. И., *Архипелаг ГУЛАГ*, т. 1, стр. 410-415.

знал, как Москва охотится на высокопоставленных «невозвращенцев», как беспощадно убирает перебежчиков из «своих». Тогда еще ни западные правительства, ни общественность беглых большевиков под особую защиту не брали. Скорее всего он настолько боялся к этому времени «дорогого Кобу»¹⁶¹ что не смел шевельнуться без его дозволения. Разве что шевельнуть языком, да и то — с бесчисленными перестраховками. Вероятно, и в Париже он чувствует себя «под колпаком» у Сталина, и это чувство его не обманывает. В его последних беседах на относительной «воле» (бедный расконвоированный!) с будущими мемуаристами немало обычных для него смещений в сторону полуправды, имеющих хорошо различимую цель. Вот он рассказывает о своих взаимоотношениях с болеющим Лениным и о преемственной связи своих выступлений 1926-30 годов с последними работами Ленина. Бухарин, действительно, был долгое время близок семье Ульяновых. Но в своем рассказе он смещает хронологию этой близости: в конце 1922- в 1923 годах ее уже не было... Бухарин участвовал в совещании на высочайшем уровне, передавшем Сталину надзор и власть над умирающим, но еще пытающимся работать Лениным. Бухарин — редактор *Правды* — не возражал против цензуры Политбюро над статьями больного Ленина и не помогал ему ее обойти. Бухарин не контактировал с умирающим Лениным вне официоза, и все попытки Ленина или Крупской найти управу на Сталина адресованы Каменеву, Зиновьеву или Троцкому, но не Бухарину, который теперь с многословной сентиментальностью подчеркивает свою верность Ленину, живому и мертвому. Воюя против Зиновьева, Каменева и Троцкого, которых Крупская пыталась поддерживать, Бухарин достаточно едко одергивал и ее, ставя ее на место. Бухарин не рассказывает Николаевскому, что Ленин умирал полурестантом, что он ни с кем не обсуждал своих последних статей и писем с их грифами о сверхсекретности... Николай Иванович благодушно

161) Там же.

передает Б. Николаевскому юмористические подробности своей беседы с академиком Павловым: суровый, но чудаковатый старик сначала хмурился, принимая у себя против своего желания твердокаменного большевика Бухарина. Потом увлекся беседой; затем, узнав, что хобби Бухарина — энтомология, и вовсе размяк, пригласил его к завтраку, и потекла на равных беседа двух интеллектуалов — старого и молодого, либерала и революционера... Ни слова — об уничтожительном гласном отказе И. П. Павлова голосовать за проведение Бухарина (с его незаконченным высшим образованием и псевдотеоретическими построениями) в академики.

Ни слова — о своей собственной высокомерной, циничной, невежественной печатной отповеди старому академику. Занимательные, живые детали встречи двух эрудитов с разными взглядами, но в общем-то — равно своих в мире мысли... То же и в реплике о досадной невозможности встретиться с Троцким: обойдена пропасть, которая разделяет соучастника Сталина с его поверженным и травимым противником. Есть два ветерана одной революции, которым лишь случайные обстоятельства мешают встретиться...

Складывается упорное впечатление, что Бухарин создает себе в последних своих разговорах со свободными социалистами Запада некое нравственное и концептуальное алиби. Он старается вызвать симпатию собеседников, отстранив себя в их глазах от Сталина. Несколько многозначительных фраз при обаянии говорящего и при его способности так вживаться в каждую свою интонацию, что и сам ей верил, должны были поставить — и поставили! — Бухарина в стороне от... Бухарина: Бухарина возможного, но не состоявшегося, от Бухарина — соучастника и орудия Сталина во внутрипартийной борьбе 1924-1927 годов и в Коминтерне. Он возвращался под занесенный уже топор — то ли считая, что бесполезны попытки скрыться; то ли питая надежду, что пронесет: что Коба не решится на такой шаг; то ли (и это наименее вероятно) под гипнозом пре-

словутого партийного долга. Не предположил ли он, что за него, представляющего в этих беседах чуть ли не демократом и либералом, заступится в роковой момент мировая общественность, как заступилась она в свое время за эсеров? Тем более, что тогда Бухарин, против воли Ленина, этому вмешательству изрядно способствовал.

Истинным алиби мог стать для Бухарина побег и серьезный разрыв со Сталиным и коммунизмом. Или хотя бы искренний — в меру сил — анализ большевизма, переданный кому-нибудь из европейских собеседников.

Бухарин на это не пошел. Ему вообще было свойственно и на бумаге, и в жизни не идти «на», а уходить «от». Драматически выпукло предстает это его свойство: петляя и уклоняясь, пытаться выскользнуть из альтернативной ситуации — и в этих его последних почти свободных беседах...

8. Бухарин и Запад

«Ученые коровы либерализма», «пустопорожние болтуны из «живых трупов» распавшегося II Интернационала», занятые «проституированием (выделено Бухариным) марксизма», «лизанием генеральского сапога», — вся эта «социал-демократическая падаль» (искреннейше прошу прощения, но это не я, а Бухарин¹⁶²) сегодня усердно решает вопрос о том, должно ли руководство КПСС реабилитировать Бухарина. Почему-то их нисколько не занимает вопрос о том, должны ли они сами простить Бухарину эту грубую ругань. Более того: их не интересует, вправе ли Запад вычеркнуть из наследия одного из организаторов, а затем и главы Коминтерна следующие откровения: «Одна из величайших заслуг товарища Ленина состоит в том, что он первый¹⁶³ во всем марксистском лагере поставил вопрос о революции и о новых войнах¹⁶⁴ пролетариата. А, между тем, это — одна из самых важных проблем нашей эпохи. Ясно, что грандиозный мировой переворот будет включать и оборонительные, и наступательные войны со стороны победоносного пролетариата: оборонительные — чтобы отбиться от наступающих империалистов, наступательные — чтобы добить отступающую буржуазию, чтобы поднять на восстание угнетенные еще народы, чтобы освободить и раскрепостить колонии, чтобы закрепить завоевания пролетариата».

Нелогично, поддаваясь гипнозу демагогической революционерской фразеологии, прощать эти фразы Бухарину и одновременно метать громы и молнии в современный ЦК КПСС за успешное претворение в жизнь ленинско-бухаринских планов мировой экспансии коммунизма.

162) «Теория пролетарской диктатуры», «О ликвидаторстве наших дней».

163) Отнюдь не первый, но что поделаешь: легкая лесть учителю...

164) Выделено везде Бухариным.

А следующее заявление Николая Ивановича — оно его еврокоммунистических адвокатов не настораживает? «Гражданская война в более «культурных» странах должна быть еще более жестокой, беспощадной, исключаящую всякую почву для «мирных» и «законодательных» (!!!)¹⁶⁵ методов. . . говорить о «мирных» и «законодательных» путях просто смешно». Здесь-то уже пишется непосредственно о программе нынешних «еврокоммунистов»: их обещания «мирных» и «законодательных» способов перехода к социализму заранее взяты Николаем Ивановичем в презрительные кавычки с тремя восклицательными знаками в скобках! Так что демократический мир имеет не менее оснований решать вопрос о реабилитации Бухарина, чем ЦК КПСС: неизвестно, перед кем он более виноват . . .

Помню, как-то довелось мне читать «отклики прогрессивной общественности Запада» на процессы «врагов народа». В одном из «откликов» Тухачевский был назван Бонапартом, а Бухарин — «Макиавелли в кожаной тужурке».

Бухарин был весьма своеобразным макиавеллистом. Его макиавеллизм сводился, главным образом, к той словесной гимнастике, о которой мы уже говорили и которая имела основной своей целью подгонку реальной политики большевиков под привычные марксистско-революционерские фразеологические обороты.

Как самостоятельный политик-практик, объединяющий и использующий людей собственными усилиями и по своему личному плану, он ничего не стоил.

«Кожаная тужурка» не была для него естественным атрибутом, органической формой, как френч — для Сталина¹⁶⁶.

165) Знаки, поставленные в скобках Бухариным.

166) В журнальном варианте не было здесь точки, а стояло «или шинель — для Дзержинского». Сегодня я думаю, что Дзержинский, готовивший себя когда-то в католические священники, сложнее своей униформы.

Он принадлежал к «пиджачной» элите ленинской партии. Тужурка и связанные с нею словарь и позы были для него в значительной степени привычным театральным костюмом, приросшим к коже и даже пустившим корни в душу и плоть актера, но все-таки связанным с постоянной игрой. Неполная органичность для него той реальной исторической роли, которую он играл в большевизме, неизбежная психологическая и программная половинчатость его поздней попытки изменить эту роль, изменить ход событий привели к парадоксу: из двух наиболее мощных тенденций, противостоящих друг другу в нынешнем мире (тоталитарной и демократической), ни одна не может принять его. Ближе всего он промежуточным группам, пытающимся совместить несовместное, хотя, как мы видели выше, он и эти группы шельмовал достаточно резко.

9. «Дорогою свободной . . .»

Жутким и знаменательным образом пересеклись дороги Осипа Мандельштама и Николая Бухарина. Соучастник и царедворец, Бухарин ни разу в жизни и не приблизился к тому странному и упорному мужеству, с которым Мандельштам читал случайному собеседнику свои столь несвойственные ему и столь неизбежные для него стихи об их общем убийце. Отдадим, однако, Бухарину должное: он помогал Поэту, как мог (пока мог). В сопоставлении этих двух судеб возникает не только сюжетное пересечение. «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум» . . . Дорога свободна не потому, что на ней нет стен, а на идущем — оков, а потому, что влечет по ней свободный (неизлечимо и непоправимо свободный) ум. Он живет один — и говорит за всех. Когда нечто примешивается: благоразумие, тщеславие, расчет, оглядка, — осененность благодатью уходит. Поэт умирает полубезумным на пороге лагерного барака или на нарах от голода и холода. Но умирает полубезумным на пороге лагерного барака Великий Поэт. Свобода Осипа Мандельштама и власть побочных для мыслителя соображений над Николаем Бухариным вели начало от одного и того же Зова: «Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум». Один, творя, ничего, кроме этого Зова, не слышал. Другой и н о г д а слышал Зов (таким, и н о г д а слышащим, хуже всего), но не шел на него. Побочные соображения всегда оказывались сильнее.

Через сорок лет после мученической кончины обоих некий мародер, торгующий анекдотами из жизни своих убиенных товарищей, изобразит Мандельштама городским сумасшедшим, юродствующим на площади. Я не знаю, что более кощунственно в этом портрете: вскользь брошенное Катаевым замечание, что Мандельштам сам виноват в своей гибели, или добротные валенки и бело-

снежный тулуп на замученном голодом, холодом и разлукой лагернике? . .

А Бухарин «сам виноват» в своей гибели или вина на других? Беспощадным ли: «За что боролись, на то и напоролись!» — припечатать его могилу или вставанием почтить человеческую трагедию — еще одну «задушенную возможность» России?

Не знаю. Винить или миловать не берусь. Скажу только, что лучше ему оставаться среди убитых Сталиным, не по ошибке, чем быть оправданным нынешними: им ли оправдывать? Может быть, смерть, отрезавшая Бухарина от Сталина, — это и есть прощение, награда ему за попытку встать и, раскинув руки, остановить катившийся на страну очередной мор?.. И за то, что чаще хотел быть добрым, чем злым? И за помощь Поэту?

Каждому — свое. И мародер получит свои тридцать сребреников очередного зарубежного рейса и публикацию повести¹⁶⁷ — вместо чечевичной похлебки. Но бессмертия не удостоится, хотя и поторопился воздвигнуть себе памятник рядом с убитыми. Бессмертным останется только Поэт, ибо бессмертны — свободные.

167) Катаев Вал., «Алмазный мой венец». *Новый мир*, Москва, 1977.

ЧАСТЬ III

ЧИТАЯ ТРОЦКОГО

1. Уроки в пустом классе

Опасные делишки —
Писать в России книжки.
Ты, Лёва, тиснул зря
«Уроки Октября».

*(Из лагерной эсеровской
песенки 1920-х гг.)*

Профессионалы, пишущие о Троцком, испокон его века исследуют вопрос о том, почему Троцкий не овладел партийно-государственной инициативой после смерти Ленина и что ему необходимо было предпринять для одоления Сталина. И почему-то очень немногих занимает вопрос о том, что сделал бы Троцкий, если бы пришел после Ленина к власти. Можно поставить вопрос и так: что сделал бы Троцкий, если бы судьба даровала ему возможность осуществить его планы? Что было у него за душой — какая (альтернативная сталинской) программа?

Логика, предопределяющая сегодняшнюю популярность Троцкого, такова: Троцкий упал, сраженный ледорубом, вложенным Сталиным в руки ничтожного политического статиста; если Сталин стремился его убить, значит, Троцкий был Сталину опасен; значит, Троцкий был противником Сталина, его антитезой. И если Сталин — тиран и невежда, то Троцкий — тираноборец и интеллектуал. Сталин совершил страшные преступления — значит, Троцкий сделал бы на его месте массу хорошего. Кроме того, Троцкий в течение первых пятнадцати лет своей политической деятельности был и противником Ленина, войдя в верхушку большевистской партии лишь летом 1917 года.

Растёт, однако, не только апологетическая, но и отрицательная популярность Троцкого: ему приписывается всё больше и больше злого влияния на ход российской истории 1917-1929 гг.

Второй вариант мифа о Троцком таков: замысел хорошего русского коммуниста Ленина погублен злодейством еврея Троцкого, разоблачённого слишком поздно, чтобы можно было ликвидировать плоды его преступлений.

В истолковании связей и смысла тандема «Ленин — Троцкий» существуют и другие апокрифы — я касаюсь лишь двух основных. Поскольку я не общалась в СССР, как, впрочем, не общаюсь и ныне, с образованными антисемитами, то мне чаще встречалась и встречается апология Троцкого, чем его поругание.

В СССР Троцкого не читают, ибо там он запрещён. Запрещён — значит, опасен советской власти, значит, обладает чем-то ценным для общества. Такова в общих чертах логика апологетического мифа о Троцком. Западные исследователи, а также советологи-эмигранты, усвоившие западный подход к вопросу (а иногда и стимулирующие этот беспечный подход), поддаются ловкости языка Троцкого, обилию блестящих (и знакомых) имен в его текстах. Бенгальский огонь его красноречия утомителен, по всей вероятности, и для расположенных к нему людей. Читают его недолго и не всего, но остаются во власти первоначального впечатления (блеск!), которое затем и мифологизируют.

Однако блеск риторики Троцкого — это лишь один из стимулов апологетического мифа о нем. Интеллектуализм, эрудиция, книжное красноречие — черты покоряющие, в основном, интеллигенцию, и прежде всего ту, которая на улицу не выходит, бомб не бросает, заложников не захватывает а лишь отворачивается, когда всё это происходит у неё на глазах. Весь же IV — троцкистский — Интернационал, все числящие себя в троцкистах (они же часто и маоисты) члены «красных бригад», «красных армий», евроамериканские хунвейбины и бомбовики, захватчики самолётов и заложников, терро-

ристы — вся до зубов вооруженная Советским Союзом или грезящая о вооружении мировая накипь бредит Троцким — баррикадным революционером, ведущим народ (народы!) в атаку на мировой капитал, на справедливую делёжку его большущих деньжищ, достатка и власти. Бредит, хотя речей Троцкого она не слышала и не могла непосредственно поддаться его патетике. Это власть исторического мифа, а не реальности.

Как это ни дико, существует ещё стереотип Троцкого-демократа, либерала, универсалиста в вопросах политики и культуры, и этот стереотип возникает даже в работах специалистов по советской и партийной истории, хорошо знающих свой предмет.

Собственно говоря, Троцкий не из тех авторов и политиков, чьи побуждения, черты и действия глубоко законспирированы и требуют для своего выявления исследователя с детективным даром. В своих сочинениях он весь как на ладони. В печатно-речевом наследии Троцкого присутствует зачастую удивительная — до цинизма, граничащего с наивностью, — откровенность. И одновременно в них явственно ощущается столь знакомая каждому подсоветскому человеку фальшь партийных мнимо теоретических штампов и партийной политической фразеологии. Это противоречие объяснимо. Троцкий — приверженец глубочайше беспомощной схемы перманентной мировой пролетарской революции. Он исповедует эту схему неукоснительно, с патологическим безразличием к её наглядному расхождению с действительностью. Не утратить при этом видимости логичности и правдоподобия Троцкому, как и всем радикальным марксистам, позволяет только ряд словарных подмен. Эти лексические подмены со времён Маркса и Энгельса стали частью партийного ритуала, вошли в плоть мышления коммунистических партийных лидеров. Они сводятся к неправомерному лексическому отождествлению радикал-экстремистской партии коммунистов с рабочим классом, с его лучшей частью («авангардом»), впитавшей в себя некий мистический «дух рабочего

класса» (Ленин). До своего перехода к большевикам Троцкий не раз уличал Ленина в беззащитной эксплуатации этого неправомерного отождествления (большевики = «авангарду пролетариата»). Это ему сразу же после смерти Ленина и напомнили «старые большевики» — Каменев и Сталин — с целью указать самонадеянному пришельцу его место в партии. Троцкий претендовал на лидерство — Сталин умело обратил против него его небольшевистское прошлое и свары с Лениным.

С весны 1917 года, примкнув к Ленину, Троцкий начинает умело пользоваться бутафорской партийной риторикой, подменяющей пролетариат коммунистами. Его перманентная *пролетарская* революция на деле является — в силу словарного сдвига, о котором сказано выше, — перманентной партократической экспансией. Троцкий жаждет этой экспансии открыто и, очевидно, искренне, но соглашается на фальшивый термин «пролетарская революция», составляющий главное правило партийной игры. Отсюда странное сочетание искренности и фальши в его речах и работах, особенно — большевистского периода, всегда ориентированных на публику, а не на исследование и определение предмета, в первую очередь, для себя самого.

Как все талантливые ораторы артистического, актёрского типа, Троцкий легко самовозгорался от пламени, которым стремился зажечь аудиторию. При согласии с лексической подменой, о которой сказано выше, в действиях коммунистов-экспансионистов появлялась марксистская логика. Сумев внутренне переступить через эту подмену, Троцкий уже не сомневался более в непогрешимости пророчеств и рецептов Маркса, а значит, и в собственной правоте: он работал на «мировую пролетарскую революцию», которую предсказал Маркс. И уже не трудился скрывать неблагоприятные, на посторонний взгляд, детали и своего, и партийного поведения: всё искупалось «правильностью» диктующей эти поступки схемы. Так Гитлер не скрывал своего антисемитизма, который обычные житейские антисемиты из тех, кото-

рые покультурнее, стараются не выставлять на показ без особой нужды. Они понимают, что расизм не красит, — Гитлер не понимал, вернее отучил себя понимать, поверил величию и спасительности своей программы для немцев. Точно так же Троцкий уверовал в конечную спасительность своей программы для всего человечества; поэтому исчезли всякие поводы стесняться, стыдиться жестоких или бесчестных шагов, продиктованных интересами всемирной экспансии коммунизма. К тому же Троцкий и по натуре склонен к рисовке, к позе, к самолюбованию. У него что ни фраза — то поза; что ни поза — то фраза. Обращаясь в своих сочинениях к единомышленникам, полагая в них ту же приверженность к марксистской схеме, что и в себе, он охотно обнажает свои политические маневры, которые всегда считает блистательными, свою беспощадность и бескомпромиссность, а заодно нередко демонстрирует и изнанку партийной тактики.

Удивляет не это вполне объяснимое сочетание партийной фразеологической фальши с откровенностью, переходящей в циническое простодушие, а другое противоречие в характере Троцкого.

С одной стороны, он вроде бы и организатор, и распорядитель весьма способный (правда, его юношеские игры с листовками не кажутся мне¹ свидетельством серьезного организаторского дарования, но были и более поздние примеры его успешной организаторской деятельности). С другой стороны, после смерти Ленина он почти без боя отдал Сталину первое место в партии, хотя выглядел какое-то время, по меньшей мере, равноправным претендентом на это место (так, судя по его «завещанию», считал и Ленин, писавший о Сталине и о Троцком, как о двух крупнейших фигурах в партии). Нельзя же назвать серьезной битвой со Сталиным полемическое «царапанье» (Сталин) в долженствующих

1) Как представляются Дж. Кармайклу. См. Кармайкл Джоэль, *Троцкий* (сокращенный перевод с английского). «Москва—Иерусалим», 1980. Все последующие ссылки на Дж. Кармайкла — по этой книге.

устыдить и обличить «эпигонов» статья или детскую фракционную суматоху, так и не перешедшую в серьёзную конспиративную деятельность против Сталина, которого уже и в 1924-м году можно было уничтожить, но не убедить (да и убеждать его Троцкому было не в чем).

Сочинения, речи и автобиография Троцкого² свидетельствуют: Троцкий силён только на гребне волны, в условиях, когда его революционерские устремления, ораторский фейерверк, тактическая изобретательность и военная беспощадность поддержаны, подстрахованы общей благоприятной ситуацией (массовым настроением) или некоей фигурой № 1, предопределяющей возможности Троцкого — организатора и завоевателя. Троцкий по личным психологическим качествам деятель № 2, верховный исполнитель, а не инициатор, не генератор ведущих идей, маневров и настроений. Его (и Парвуса) «перманентная революция» есть тоже не что иное, как извлечение из Маркса и Энгельса. Ортодоксальной марксистской схеме, популярной в среде западных социал-демократов и российских меньшевиков, Троцкий в основном и следовал до февраля 1917 года. Но темперамент и честолюбие влекли его к более радикальной деятельности, чем осторожная политика западной и российской социал-демократии. В месяцы и недели революционных подъёмов его тянуло в сторону большевиков. Когда подъёмы сменялись спадами, он возвращался в исходную свою стихию ортодоксов-марксистов, ожидающих для пролетарской революции обстоятельств, предсказанных и предписанных Марксом, и склонных к сближению с либералами, а не с экстремистами.

Февральская революция возродила революционные устремления Троцкого 1905 года. Он увидел в ней один из этапов своей «перманентной революции» и решил что следующий этап (переход от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской) можно проделать в союзе с Лениным. За этим этапом ему грезились третий — международная, во всяком случае —

2) Троцкий Л. Д., *Моя жизнь*. Берлин, «Гранит», 1930.

европейская социалистическая революция. Но пока следовало энергично действовать здесь, в России, опираясь на тактический гений Ленина. Этот союз предопределил драматическую гибель Троцкого и его детей. Но тогда — кто мог предвидеть такой ход событий? И Троцкий решительно становится в кильватер деятелю, о котором за 1906-1916 годы произнёс и написал столько уничтожительных слов. Отныне и до 1923 года его поведение стратегически предопределено сценарием Ленина.

Он вдохновенно играет на историческом театре, когда имеется не только автор, написавший ходкую пьесу, но и находчивый режиссёр, и аудитория, которую сравнительно легко возбудить. Мизансцену, рисунок собственной роли (роли трибуна или командующего) Троцкий при благоприятных для него обстоятельствах импровизирует легко и успешно. В 1905 году он играл на высокой волне восстания. Между февралём и октябрём 1917 года он действовал с опорой на Ленина внутри распадающегося государства, против кучки растерявшихся интеллигентов — либералов и социалистов. Потом носился в штабном вагоне, как Махно — в тачанке, чувствуя за собой, в партийном тылу, всё того же Ленина и партию, которой отступить иначе, как в пропасть расплаты за всё творимое, уже в 1919 году было некуда. В 1923 году он по необходимости перестал опираться на выпадающего из игры большевика № 1, но никого из вероятных преемников Ленина не ощутил стоящими не только над собой, но и вровень с собой. Не Сталина же, с которым в его сознании ассоциировалась непреодолимая второсортность? . . . Троцкий остался без внутренне признанного активизирующего патрона и сделался снова тем, чем был до альянса с Лениным, — коммунистическим литератором, для которого поле битвы — бумага, оружие — разные полемические и пропагандные жанры: статья, декларация, диалог, заявление, прокламация. Борьба со Сталиным на этом поле и этим оружием было смешно, ибо Сталин действовал сугубо организационно, лепя работающие в нужных ему направлениях функциональ-

ные структуры и подразделения, временные и постоянные, динамические и стабильные. Литературная и фракционно-идеологическая работа Троцкого 1924-1929 гг. располагалась вне плоскости, в которой действовал Сталин (вне структуры, функций и оперативных наступательных акций). Poleмика не могла существенно помешать Сталину в опережении шагов оппозиции. Литераторы и агитаторы неспособны успешно сражаться со столь всеобъемлющей и самозащитно-динамичной структурой, как партократия, ибо они неспособны создать равносильную организацию. Сталин овладевал партократическими аппаратами, — Троцкий и его сторонники упражнялись в различных жанрах дискуссии. Несовпадение плоскостей состязания предreshало исход борьбы.

Было ещё и объективное обстоятельство, предопределившее падение Троцкого после смерти Ленина (произошло бы то же самое и при Ленине или Ленин сумел бы его увлечь за собой, трудно гадать). Троцкий всегда оставался человеком Схемы. По окончании гражданской войны его схема пришла в существенное противоречие с интересами его не склонной к смертельному риску партии. Троцкий (как Гитлер) утратил чувство реальности в определении возможной меры риска для партии и для системы.

Он хотел продолжать свою «перманентную» (непрерывную) «революцию» прямолинейно, как, по его представлениям, он действовал до тех пор. Но перманентность того, что большевики называли «мировой пролетарской революцией», уже уходила в разветвлённый подкоп под Европу — в мировое агентурное, пропагандистское и террористическое *подполье*. Даже от собственного народа это подполье надо было конспирировать: народ только-только утихомирился в НЭПе, ещё едва-едва набиравшем силу. Серенький Сталин, над чьей ленностью беспечно потешался Бухарин³, пре-

3) «Первое качество Сталина — ленность, — поучал меня когда-то Бухарин. — Второе — непримиримая зависть к тем, которые знают или умеют больше, чем он. Он и под Ильича вёл подпольные ходы». Троцкий Л. Д., *Моя жизнь*, Ч. II, стр. 184.

восходно усвоил и очень быстро освоил внешнеполитическую тактику Ленина — основателя Коминтерна — тактику подпольной деструктивно-пропагандистской экспансии взамен чересчур откровенных лозунгов «мировой революции».

У Сталина было такое же четкое чувство меры, как и у Ленина: оба они как правило не заглатывали кусков, которых не могли бы переварить. Сталин, следуя Ленину, отбросил мысль о лобовой революционной атаке против «мирового империализма». В этом за Сталиным стояли и партия, и страна. Вместо этого возникала тактика саламандр⁴, проникающих в жизнь всех народов мира без объявления военных действий, сквозь любые щели и ходы, включая водопровод и канализацию. Шпионаж, агентура влияния, вербовки, деструкции, демобилизации, подкупа, дезориентации, в определённых случаях — ограниченный террор, сперва сугубо индивидуальный, который в 1970-х — 1980-х гг. стал массовым, — вот направления, по которым начала развиваться перманентная экспансия партократии в свободный мир. Троцкий то ли проглядел, то ли не мог ради этих приёмов расстаться с революционерской патетикой и эстетикой своей модели «мировой революции». Он рвался к межконтинентальной трибуне и жаждал трансъевропейского штабного вагона.

Между тем ему не на кого было опереться в пропаганде своей перманентной схемы, кроме горстки таких же догматиков и одновременно романтиков, революционеров-космополитов, каким оставался до самой своей гибели он сам. Сколько бы Троцкий ни рассуждал и ни писал о своем понимании задач РКП(б), российского и мирового пролетариата, сам он ничего не делал и не мог бы поделаться для решения этих задач. Любая попытка РКП(б) переключиться на «перманентную революцию» была бы губительной для режима и встречала решительное сопротивление не только Сталина, но и большинства членов партии.

4) См. роман Карела Чапека *Война с саламандрами*.

Что же ему оставалось делать? Он удалялся от неблагоприятной и несимпатичной реальности в партийные санаторные заповедники (благо, болезни, действительно были: колит, хроническая лёгкая лихорадка, нервы, изредка — обмороки⁵⁾) и вёл против Сталина уничтожительную, как ему казалось, войну, то есть писал статьи об истинном ходе и смысле октябрьской революции, об истинных ролях и поведении её участников и время от времени требовал (то же в статьях, иногда — в письмах) ленинской демократии в партии. Как и во всех внутри-цекистских требованиях «демократии», это означало требование свободы высказываний и действий для себя и своих сторонников.

В Кисловодске в сентябре 1924 года он написал замечательную статью «Уроки октября». Ему самому эта статья не принесла ничего, кроме неприятностей: в ней он ядовито напоминал своим процветающим коллегам по руководству партией то, о чём они очень старались забыть.

Они оплатили ему за эту предельно недипломатическую, преисполненную самолюбования и самоуверенности статью первым открытым и грозным в своей откровенности выступлением против него и его претензий на ведущее место в *ленинской*, то есть их партии. Ленин, изолированный и пренебрегаемый партийной элитой весь последний год своей жизни, был к этому времени уже мумифицирован. Его литературное наследие стало неисчерпаемым источником разноречивых цитат для всех фракций РКП(б). Статья Троцкого издается по указанию Центрального Комитета партии отдельной книгой с присовокуплением к ней доклада Каменева и выступления Сталина, посвященных разбору не только этой статьи своего оскорбителя, но и всей политической биографии Троцкого. На титульном листе этой книги зловеще-массивными черными литерами напечатано: «Троцкий перед судом коммунистической партии». Далее сле-

5) Ходили слухи, что у Троцкого была эпилепсия, но он это в своей автобиографии решительно отрицает, настаивая лишь на склонности к обморокам.

дует: «Л. Троцкий, 1917. Уроки Октября». А ещё ниже — «Каменев и Сталин. Ленинизм или троцкизм? Ответ Троцкому»⁶.

Главная роль в разгроме Троцкого предоставлена на этот раз Каменеву. Он скрупулёзно перечисляет все — за 1905-1924 гг. — случаи расхождения Троцкого с Лениным. Его многословные построения, ничего, впрочем, в статье Троцкого об Октябре убедительно не опровергающие, припечатывает затем своими тяжелыми рубленными чугунными фразами Сталин. В докладе Каменева и в выступлении Сталина отчетливо (для современного слуха) звучит убийственная фразеология «больших процессов» 1930-х гг. На вертеле этой фразеологии будет корчиться через тринадцать лет и Каменев. Но в 1924 году Сталин милостиво отпускает ему и Зиновьеву (а также себе) грех несогласия с Лениным осенью 1917 года. От Троцкого же в докладе Каменева и выступлении Сталина остается лишь самовлюбленная и беспринципная безличность, суетливо перебегающая от одной партийной группировки к другой в поисках политического выигрыша. Между тем прав, рисуя свою картину октябрьских событий, Троцкий, а не его оппоненты. Именно эта унижительная для многих «старых большевиков» точность Троцкого в изображении октябрьского переворота и явилась главным (не декларируемым его оппонентами) его преступлением перед партией. Он не смел посягать как на партийный миф, так и на его героев в своей статье, рассчитанной на молодых партийцев и на коммунистов Запада.

«Уроки Октября», возбудившие негодование верхушки тогдашней РКП(б), могли бы стать блистательными уроками истории XX века для человечества, если бы они не шли в пустом классе, как идут все такого рода уроки. А жаль . . .

У Б. Пастернака есть прекрасные, но не совпадающие с исторической реальностью строки о Ленине («Высокая болезнь»): «Столетий завистью завистлив, ревнив их

6) Берлинское книгоиздательство, 1924.

ревностью одной, он управлял течением мыслей и только потому страной».

Ленин, действительно, «управлял течением мыслей» — в партии, а в некие решающие моменты и вне партии, оседлывая «течение мыслей» нужных ему лиц, групп и слоёв партии и народа. Управляющая поведением людей демагогия или ложь — один из центральных приёмов ленинской технологии власти. Но Пастернак говорил не об этом. Тогда ему чудилась в Ленине высокая способность управлять народной мыслью, насыщая и просветляя последнюю неподдельной исторической истиной. Доктор Живаго тоже пережил мгновение такой иллюзии. Подозреваю, что Троцкий, кочуя с момента последнего удара Ленина по дачам и санаториям и занятый изданием своего многотомника, виделся себе самому примерно таким, каким Ленин в минуту иллюзий привиделся Пастернаку. Работая над «Уроками Октября» и другими такого же рода уроками, Троцкий, по видимому, надеялся овладеть «течением мыслей и только потому» партией, занять в ней «объективно» ему положенное, по его убеждению, первое место. Если бы чудом (иначе, как чудом, он в поединке со Сталиным победить не мог) он это место занял, он несомненно, загубил бы сказочный исторический выигрыш Ленина (исторического Ленина, а не частного человека, умершего в отвержение). Но, к несчастью, этого не случилось (природа скупа на чудеса): «Уроки Октября» скользнули по сознанию партии и лишь навсегда ожесточили против Троцкого его врагов.

В «Уроках октября» доказывается, в первую очередь, тот общеизвестный для тогдашнего руководства партии факт, что подавляющее большинство предоктябрьского ЦК (более остальных — Зиновьев и Каменев, а долгое время и Сталин, — его правда, Троцкий не называет) в октябре 1917 года были против восстания. Тогда, то есть в феврале-октябре 1917 года, руководящие члены РСДРП(б), до 1917 года жившие в авторитарном, но правовом государстве, приученные годами эмиграции к

демократическому образу жизни, ушедшие с головой в водоворот российских гражданских свобод весны 1917 года, еще и действовали, и мыслили, несмотря на многолетнюю ленинскую работу над ними, несмотря на отбор, все-таки как свободные люди. Тогда даже Сталин в упомянутой выше статье «Ленинизм или троцкизм?» утверждал, что «партия была бы кастой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли», и что без разногласий «не бывает вообще живой партийной жизни и партийной работы». Но тут же подчеркивается, что бывают разногласия и разногласия и что многолетнее несогласие Троцкого с Лениным выходит за рамки плодотворной дискуссии внутри одной партии.

Осенью 1917 года неслучайно многие из старых большевиков не могли согласиться без длительных споров с идеей Ленина об однопартийном захвате власти.

Считая себя марксистами, они никак не могли освоиться с мыслью, что в стране с двадцатикратным, если не более, преобладанием крестьянства над промышленными рабочими можно устраивать пролетарскую революцию... И уж вовсе никто из них, даже Сталин, вероятно, не мог тогда представить себе, что свободно высказанные внутри партии политические соображения окажутся когда-нибудь для них смертоносными. В марте-октябре 1917 года в тяжбе с верхушкой собственной партии Владимир Ульянов, победив, предрешил губительный поворот истории XX века в тупик партотократии и нечеловеческую гибель большинства октябрьских партийцев. Однако Троцкий, вскочивший тогда на подножку ленинского автомобиля, никогда не будет воспринимать октябрьскую победу Ленина (и свою) иначе, как величайший исторический выигрыш⁷. Он всегда будет возвращаться в 1917-й год как в эру высшего своего торжества. Всегда бесцеремонно относившийся к теоретическим догмам Ленин (мастер их подгонки под нужды момента) и упрямый, казалось бы, марксистский

7) Сб. *Троцкий перед судом коммунистической партии*, стр. 65, 67.

доктринёр Троцкий равно легко переступили через ортодоксальный марксизм, когда учуяли возможность добиться власти. Этим и предопределилось их объединение летом 1917 года. Все социалисты России и мира помнили, что, по Марксу, социалистической революции должна предшествовать не только революция буржуазно-демократическая, но и сознательное, организованное пролетарское большинство в стране, и революционная ситуация в индустриальных районах мира. Эти представления исключали для ортодоксальных марксистов борьбу за завоевание безраздельной политической власти в России 1917 года. Ленин же и Троцкий загорелись одним желанием: пока развернётся (или не развернётся) международная пролетарская революция, овладеть политической властью здесь, в полностью государственно дестабилизированной России.

«... вырвать власть. Остальное приложится», — так характеризует Троцкий в «Уроках октября» сентябрьскую позицию Ленина и подписывается под ней обеими руками. Он многократно подчеркивает и первый возводит в исторический антипартийный криминал несогласие большинства куда более старых, чем он, сподвижников Ленина с этой позицией. Однако «вырвать власть» для Ленина и «вырвать власть» для Троцкого — это не полностью одно и то же.

Реакция Троцкого на известие о февральских событиях в России была сродни реакции на них Ленина: оба отчётливо ощутили возможность захвата власти и загорелись осуществлением этой возможности. Но при этом оба повели себя соответственно своим политическим характерам и ролям. Ленин немедленно занялся обновлением и переориентацией своей партии. Не давая ей разоружиться, легализоваться в качестве левой парламентарной оппозиции, Ленин начал лепить и сколачивать из неё организацию, способную сразу начать пропагандистский подкоп под неустановившуюся новую власть. Одновременно он начал вооружать свою партию системой лозунгов, способных повернуть народ против

власти и создать популярность большевикам. Он, конечно, время от времени возвращался к мысли о европейской коммунистической революции и упоминал о ней в своих речах и статьях, но только время от времени: все его силы поглощены были конкретными задачами ближайшего дня. В этом проявилось одно из главных свойств Ленина-политика: сосредоточенность на ближайшей тактической задаче без конкретизации далеко идущих последствий её решения. Ленин чётко и твёрдо выделил для себя и своих соратников ближайшую цель: отвратить массы от новой власти, предельно дестабилизировать положение, предложить народу чудодейственную альтернативу тяжкой реальности. Эта задача поглотила Ленина целиком, как всегда поглощала его очередная тактическая задача.

Троцкий же, узнав о февральских событиях, буквально взорвался феерической патетикой, адресованной расплывчатому «мировому пролетариату». Он тоже сразу заговорил о необходимости превращения российской буржуазно-демократической революции в революцию пролетарскую, но с первой же минуты нетерпеливо смотрел сквозь скучную неизбежность революции в одной стране — в революцию всеевропейскую и мировую. Российская революция была для него не более чем пусковым сигналом, долженствующим запустить цепную реакцию революционных пожаров на всей планете. Без этого события лишались марксистской логики, владевшей Троцким. И эта же Схема, приведя его в марте-октябре 1917 года к большевикам, должна была рано или поздно его от них отдалить.

Вот один из образчиков публицистики Троцкого первых дней существования Российской республики:

«Прямая обязанность революционного пролетариата России показать, что за злой империалистической волей либеральной буржуазии нет силы, ибо нет поддержки рабочих масс. Русская революция должна обнаружить перед всем миром свое подлин-

ное лицо, т.-е. свою непримиримую враждебность не только династически-дворянской реакции, но и либеральному империализму.

Дальнейшее развитие революционной борьбы и создание Революционного Рабочего Правительства, опирающегося на подлинный народ, нанесет смертельный удар Гогенцоллерну, ибо даст могущественный толчок революционному движению германского пролетариата, как и рабочих масс всех остальных европейских стран. Если первая русская революция 1905 года повлекла за собою революцию в Азии — в Персии, Турции, Китае, — то вторая русская революция послужит началом могущественной социально-революционной борьбы в Европе. Только эта борьба принесет залитой кровью Европе подлинный мир.

Нет, русский пролетариат не даст запрячь себя в колесницу миллюковского империализма. На знамени российской социал-демократии сейчас ярче, чем когда бы то ни было, горят лозунги непримиримого интернационализма:

Долой империалистических хищников!

Да здравствует Революционное Рабочее Правительство!

Да здравствует мир и братство народов!»

«Новый Мир» № 941, 20 (7) марта 1917 г.³

У Троцкого, пишущего эти строки в Америке, в предстездном ажиотаже, есть, разумеется, и трезвые оппоненты. Они пытаются противопоставить схеме, владеющей Троцким, другой разворот истории:

«— А если немецкий пролетариат не поднимется? Что мы будем делать тогда?

— То-есть, вы предполагаете, что русская революция может пройти бесследно для Германии — даже в том случае, если у нас революция поставит

8) Троцкий Л. Д., Соч., М., 1923-1924, т. III, ч. 1, стр. 16.

у власти рабочее правительство? Но ведь это совершенно невероятно.

— Ну, а если все же? . .

— Нам в сущности незачем сейчас ломать себе голову над таким невероятным предположением. Война превратила всю Европу в пороховой склад социальной революции. Русский пролетариат бросает теперь в этот пороховой склад зажженный факел. Предполагать, что этот факел не вызовет взрыва, значит мыслить наперекор законам исторической логики и психологии. Но если бы случилось невероятное, если бы консервативная социал-патриотическая организация помешала немецкому рабочему классу в ближайшую эпоху подняться против своих правящих классов, — тогда, разумеется, русский рабочий класс защищал бы революцию с оружием в руках. Революционное рабочее правительство вело бы войну против Гогенцоллерна, призывая братский немецкий пролетариат подняться против общего врага. Точно так же, как и германский пролетариат, если бы он оказался в ближайшую эпоху у власти, не только имел бы «право», но и был бы обязан вести войну против Гучкова-Милюкова, чтобы помочь русским рабочим справиться со своим империалистским врагом. В обоих этих случаях руководимая пролетарским правительством война была бы только вооруженной революцией. Дело шло бы не о «защите отечества», а о защите революции и перенесении ее на другие страны»⁹.

«Новый Мир» № 942, 21 (8) марта 1917 г.

Современным апологетам Троцкого следовало бы вслушаться в этот его диалог со сторонником «совершенно невероятных предположений» о запаздывании «мировой революции». Надёжность расчётов Троцкого весьма показательна и для коммунизма в целом, и для его троцкистской версии. Предположения Маркса возводятся

⁹

этим миропониманием в абсолют, на котором, как на чём-то доказанном и проверенном, строится поведение сторонников марксистской доктрины. На все возражения, ставящие под сомнение исходные пророчества Маркса, вам ответят, что «незачем . . . ломать себе голову над таким невероятным предположением». Тем более, что стоит принять одну небольшую терминологическую подмену — назвать партократию диктатурой пролетариата — и Марксов прогноз обретает историческую реальность, пусть даже весьма растянувшуюся во времени. Но растянутость перехода от партократии в одной стране к партократии мировой и неизбежность подмены диктатуры пролетариата диктатурой партии весной 1917 года для Троцкого ещё не явственны. И он торопит российскую пролетарскую революцию лишь для того, чтобы скорее перескочить через эту прелюдию мировой революции.

Различие и сходство политического мышления Ленина и Троцкого явственно проступает в их отношении к аграрному вопросу. Ленин в речах и статьях, затрагивающих земельный вопрос и рассчитанных на солдат и крестьян, и не заикается о мировой революционной войне. Он и с рабочими о ней говорит не часто. Он пишет о переходе власти к большевикам («к рабочим и беднейшим крестьянам») как о самоценном решении всех одолевающих народную массу проблем. Троцкий же в марте 1917 года пишет:

«Было бы преступлением пытаться разрешить эту задачу путем приспособления нашей политики к национально-патриотической ограниченности деревни: русский рабочий совершил бы самоубийство, оплачивая свою связь с крестьянином ценою разрыва своей связи с европейским пролетариатом. Но в этом и нет никакой политической надобности. У нас в руках более сильное орудие: в то время, как нынешнее Временное Правительство и министерство Львова-Гучкова-Милюкова-Керенского вынуждены

— во имя сохранения своего единства — обходить аграрный вопрос, мы можем и должны поставить его во весь рост перед крестьянскими массами России.

— Раз невозможна аграрная реформа, тогда мы за империалистическую войну! — сказала русская буржуазия после опыта 1905-1907 годов.

— Повернитесь спиной к империалистической войне, противопоставив ей аграрную революцию! — скажем мы крестьянским массам, ссылаясь на опыт 1914-1917 годов.

Этот же вопрос, земельный, будет играть огромную роль в деле объединения пролетарских кадров армии с ее крестьянской толщей. «Помещичья земля, а не Константинополь!» скажет солдат-пролетарий солдату-крестьянину, объясняя ему, кому и для чего служит империалистическая война. И от успеха нашей агитации и борьбы против войны — прежде всего, в рабочих, а во вторую линию, в крестьянских и солдатских массах — будет зависеть, как скоро либерально-империалистическое правительство сможет быть замещено Революционным Рабочим Правительством, опирающимся непосредственно на пролетариат и примыкающие к нему деревенские низы.

Только такая власть, которая не упирается против натиска масс, а, наоборот, ведет их вперед, способна обеспечить судьбу революции и рабочего класса. Создание такой власти есть сейчас основная политическая задача революции»¹⁰.

Примечательно, что и Ленин, и Троцкий, не сговариваясь, делают ставку на земельный голод, испытываемый крестьянством. Но Троцкому эта ставка нужна лишь на короткое время превращения русской революции в революцию мировую, Ленину же — для захвата власти большевиками — без акцента на дальнейшем развитии революции.

10) Там же, стр. 18.

Оба делают главную ставку на тяге крестьян к земле, решительно игнорируя тот факт, что земли для наделения ею всего крестьянского населения в разумных производственных нормах в России нет.

С. Н. Прокопович¹¹ в согласии с рядом других авторов, писал ещё в 1907 году: «В среднем один работник может обработать и убрать 5,3 десятин посева. Следовательно, в крестьянском и частновладельческом хозяйстве занято только 38,8% всех работающих сил земледельческого населения, — около 60% этого населения не находит приложения своим силам». Если даже и разделить между крестьянами все частновладельческие земли России 1907 года, то на одни рабочие руки приходилось бы чуть более трёх десятин. Такой передел не решил бы проблемы крестьянской занятости, не обеспечил бы прокорма крестьянского населения и уничтожил бы всё товарное хозяйство страны.

По переписи 1916 года¹² помещичья посевная площадь составляла лишь 10% общей посевной площади; при этом в руках помещиков находилось лишь 6% общего числа лошадей и рогатого скота и немного более 5% овец и свиней.

Основа аграрного кризиса в России 1860-х—1910-х годов состояла не в неправильном распределении земли, а в избыточности сельского населения, доставшейся России в наследство от крепостного права.

И Ленин, и Троцкий были, несомненно, знакомы с российской аграрной статистикой. Цель обоих состояла не в том, чтобы предложить крестьянской России конструктивное решение аграрной проблемы, а в том, чтобы поставить Временное правительство перед нерешимой задачей быстрого и полного удовлетворения земельных притязаний крестьян. Аграрный вопрос разрешался в России трудно и постепенно — за счет пролетаризации одной части крестьянства, полной или частичной, и за

11) *Аграрный вопрос в цифрах*, СПб, «Библиотека общественной пользы», 1907.

12) Чернов В. М., *Рождение революционной России* (февральская революция). Париж—Прага—Нью-Йорк, 1934.

счёт фермеризации другой его части. Ещё два-три десятилетия интенсивного промышленного развития в темпах начала века окончательно разрешили бы это мучительное противоречие. Снять его одновременно, каким-то законодательным актом не смог бы никто. Для Ленина и Троцкого марта-октября 1917 года наиболее ценным элементом крестьянского вопроса была именно невозможность конструктивно разрешить его за короткое время. Достаточно было заразить толщи крестьянства, в том числе и мобилизованного в армию, всезаслоняющим нетерпением получить немедленно землю, и мог вздыбиться в разрушительном перевороте весь фундамент российской народной и государственной жизни.

Троцкий долго чувствует свою нетождественность Ленину и его окружению. Он не торопится оформлять организационно свое присоединение к большевикам. По-видимому, ему понадобилось какое-то время, чтобы почувствовать, что на одной декламации, без ленинского будничного умения организовывать необходимые акции и предопределять их последствия, далеко не уедешь.

Но при Ленине оставаться первым нельзя было. Без всякого культивирования внешних примет своего главенства Ленин до 1923 года ухитрялся не допускать ни малейших посягательств на первое место в партии со стороны своих соратников. Для Троцкого было, по-видимому, не просто принять это правило большевистской игры. И пока речь шла о вещах меньших, чем полная политическая победа, Троцкий до объединения, заведомо предполагающего главенство Ленина, не снисходил. Летом 1917 года встал вопрос о власти. И Троцкий начинает смиряться с мыслью, что «вырвать власть» без объединения с большевиками, то есть без признания главенства Ленина, без опоры на тактическое и организационное дарование Ленина, ему не удастся.

Будучи арестованным по делу об июльских событиях 1917 года, Троцкий в своих показаниях несколько раз осторожно отделяет себя от большевиков, хотя и не отрицает своего с ними политического родства:

«В Петрограде я сразу примкнул к организации объединенных социал-демократов-интернационалистов («Междурайонный Комитет»). Отношения этой организации, имевшей совершенно самостоятельный характер, к партии с.-д. большевиков, были вполне дружественными. Я считал, что принципиальные разногласия, отделявшие нас раньше от большевиков, изжиты, и потому настаивал на необходимости скорейшего объединения. Это объединение, однако, еще не совершилось до настоящего дня...

К помещавшейся во дворце Кшесинской военной организации я никакого отношения не имел, в состав ее не входил, ни на одном из ее собраний не участвовал, и состав ее мне решительно не известен. О политике большевиков я судил по «Правде», заявлениям Ц.К. и считал, что и военная организация действует в том же духе. В «Правде» я не сотрудничал, так как наши организации еще не объединились. В конце июня или начале июля я поместил в «Правде» небольшую заметку, за своей подписью, призывая к объединению обеих организаций...

В дополнение к сказанному выше об организационных взаимоотношениях между объединенными с.-д. и большевиками я на соответственный вопрос г. следователя могу присовокупить, что наша организация помещалась не во дворце Кшесинской, а на Садовой № 50 («Общество спасания на водах»), и имела свой самостоятельный орган «Вперед»¹³.

В этих отрывках проявляется (очень характерное и для Ленина) стремление обеспечить себя рядом политических алиби: Троцкий, с первого дня февральской революции бредящий пролетарским восстанием, изображает себя в показаниях человеком мирным, законопослушным, ко взрыву народного негодования никакого отношения не имеющим, а также с большевиками организационно не связанным. В том же своём собрании со-

¹³) Троцкий Л. Д., «Напор контрреволюции». Соч., т. III, стр. 195-196, 198-199.

чинений, за пару десятков страниц до этого и десятком страниц позже, Троцкий метал и снова будет метать охапками революционные громы и молнии. Но это соседство не заставляет Троцкого убрать из собрания своих сочинений вышеприведенные скользковатые показания. Моральные критерии в его политическом поведении играют не бóльшую роль, чем в поведении Ленина. Бросать зажигательные призывы в гущу побуждаемых к восстанию толп и отказываться от этих призывов при необходимости за них ответить — такие манёвры не противоречат политической этике Троцкого.

Ленин никогда не компоновал сам собрания своих сочинений. Это делали за него другие, в основном, после его смерти. Его редакторы, а не он включили в его сочинения все клочки бумаги, которые он когда-либо подписал (кроме по сей день секретных), все газетные отчёты о его речах, включая самые косноязычные. Троцкий же сам курирует издание своих сочинений и любовно включает в них даже протоколы своих допросов, а также газетные упоминания о своих выступлениях и подписанные им приказы, полагая, по-видимому, что для современников и потомков значительно всё, что он когда-либо произнёс или написал. Великая Схема, которая избрала его своим орудием, не допускает сомнения в своей всеохватывающей правоте и тем самым исключает сомнения в непогрешимости своего носителя.

В «Высокой болезни» Б. Пастернак писал о Ленине: «Когда он обращался к фактам, казалось: полоща им рот, его голосовым экстрактом сквозь них история орёт».

Так показалось в какой-то миг Пастернаку. Сам же Ленин был чужд соизмерению себя с историей: он впрягся в свою чудовищную задачу и волок её, пока не свалился, так, вероятно, и не постигнув её бессмысленности. Троцкий же, оказавшись уже к середине 1920-х гг. почти не у дел, всегда ощущает себя «голосовым экстрактом» самой истории. Вся его энергия уходит опять, как это было до объединения с Лениным, в литературно-революционную диктатуру. «Уроки Октября» — это прежде

всего рассказ о том, как Троцкий организовал Октябрь. В 1924 году, явно оттесняемый Сталиным и остальными уже не на второе, как при Ленине, место, а на третьестепенные роли, он упивается величавыми воспоминаниями о своем апогее, что и было язвительнейше прокомментировано Каменевым и Сталиным в упомянутой выше книге.

Итак, в своей статье Троцкий дает урок революционного действия коммунистами Европы, а заодно бьет по своим высоким коллегам, которые чуть было не сорвали начало мировой революции в лице октябрьской акции РСДРП(б). И сорвали бы, если бы не Троцкий и Ленин. А теперь они претендуют на место Ленина в партии, не понимая (или притворяясь непонимающими), что легитимное право наследования за Троцким. И Троцкий раскрывает механику октябрьского переворота — прежде всего для того, чтобы продемонстрировать свою ведущую роль в этом великом событии (великом *постольку, поскольку* оно продолжится на мировой арене).

Главная мысль его вполне компетентной статьи сводится к парадоксальному утверждению, что никакой пролетарской октябрьской революции не существовало в природе — во всяком случае, в природе реальных российских политических событий октября (ноября) 1917 года. Это его сообщение, убедительно, со знанием дела, проиллюстрированное картиной октябрьских событий, в центре которых он действительно находился, в высшей степени поучительно для современных противников партократии. Оно наглядно опровергает распространённую, но ошибочную мысль о том, что массивные следствия вызываются только большими причинами. Иными словами, что события, направившие жизнь огромной страны, а может быть, и всего человечества по новой дороге, должны были быть изначально массовыми и грандиозными. Как выясняется, пусковые сигналы, (начальные акции) могучих, часто — необратимых процессов могут быть энергетически весьма дешевыми и на вид незначительными.

Статья Троцкого «Уроки октября», обращённая, в первую очередь, к зарубежным компартиям, постулирует ряд трезвых тактико-стратегических рекомендаций. Вот одна из них:

«... при отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высокоиндустриальной и высоко-культурной Германии стихийное восстание трудящихся (в ноябре 1918 года) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имущий класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою «культурность», на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии»¹⁴.

В ходе рассуждений Троцкого оказывается, что пролетариат способен быть лишь рычагом, физической силой переворота, организуемого партией, нацеленной на овладение политической властью. Мало-мальски последовательное размышление должно было бы привести автора статьи к мысли, что пролетариат вообще не может осуществлять самостоятельно политическое и экономическое руководство и что, следовательно, вся Марксова концепция «диктатуры пролетариата» ложна. Но, как было сказано выше, Троцкий безоговорочно принял общекommунистическую подмену «партия тождественна авангарду пролетариата» и таким образом выбрался из уничтожительного противоречия.

В итоге долгих рассуждений Троцкого оказывается-таки, что для начала партokratического переворота в России вообще не потребовалось ни согласия, ни участия народных масс, в том числе и пролетарских.

14) Троцкий Л. Д., «1917. Уроки Октября». Троцкий перед судом ком.мунистической партии, стр. 4-5.

Понадобилась продолжительная кризисная ситуация и бездействие (безвластие) революционного Временного правительства, чтобы обстоятельства, именуемые «двоевластием», привели к большевистскому перевороту.

По Троцкому, и переворот фактически совершился несколько раньше, чем принято числить в силу традиции, связавшей переворот со II съездом Советов.

Ленин, впрочем, и не собирался ждать II съезда Советов. Он упорно требовал от ЦК своей партии пренебрежения этой пустой формальностью — предварительной легализацией съездом действий большевиков. Но во всей своей публицистике и речевой продукции 1917-1921 гг. Ленин с неменьшим упорством камуфлирует большевистский партократический переворот волей и властью Советов. Троцкий же с присущей ему — всегда не во времени — откровенностью доказывает изначально камуфляжную роль Советов в большевистской политике. Ведь не Советы, а партия есть синоним лучшей части пролетариата, — кому же, если не партии, положено воплощать в своих действиях волю класса?

«В сентябре, в дни Демократического Совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию: «Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, — писал он, — т.-е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты воору-

женной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*» (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии с тем, чтобы затем освятить победу через Съезд Советов. Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со Вторым Съездом Советов. Это разногласие требует подробного объяснения, — тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности»¹⁵.

В данном случае Троцкий был среди тех, кто не принял ленинского предложения. И поэтому он обосновывает «чисто технический» характер своего расхождения с Лениным. Одновременно он не устаёт подчеркивать, что у Каменева, Зиновьева, Ногина и *других* (читай: у Сталина) расхождения с Лениным были не технические, а принципиальные: они не хотели восстания *вообще*. Он же только варьировал сроки и технологию (по сравнению с ленинскими предложениями). И Троцкий старается продемонстрировать своё принципиальное единство с Лениным. Одновременно, не выпячивая себя за нейтральным «мы», он показывает, что своим фантастическим выигрышем в восстании¹⁶ партия обязана ему, а не Ленину:

«Все эти письма¹⁷, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная, проникающая их мысль,

¹⁵ Там же, стр. 39-40.

¹⁶ В автобиографической *Моей жизни* с такой же скромностью будет показано, что и выигрышем в гражданской войне тоже.

¹⁷ Речь идет о потоке возмущённых ленинских писем из Разлива в ЦК в сентябре-октябре 1917 года с угрозой отставки и прямого обращения к массам в случае дальнейших проволочек с восстанием.

это — возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции, как к какой-то бесконечной ленте¹⁸. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять власть — значит повернуть руль истории; неужели же такое событие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло до вооруженного восстания, то события измеряются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день — равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этого нажима, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выравнивала бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки Второго Съезда Советов и под лозунгом защиты его¹⁹ дали нам в руки неоценимые преимущества. *С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах*

18) Имеется в виду ранее Троцким рассмотренное отношение к революции ряда нынешних его соперников.

19) То есть тактика Троцкого, а не Ленина.

того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, предопределен в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизона, создали Военно-Революционный Комитет (1 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство»²⁰.

«... Советы Ленина — начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-Революционного Комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то, что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом.

... Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Второго Съезда Советов только потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание

²⁰ Троцкий Л. Д., «1917. Уроки Октября». Троцкий перед судом коммунистической партии, стр. 40-41 (курсив Д.Ш.).

— по крайней мере в Петрограде — было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом. Мы называем это восстание «легальным» — в том смысле, что оно выросло из «нормальных» условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял решения правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжали и углубили методы двоевластия. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго Съезда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, *подготавливали рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе*²¹.

Так «двоевластие», то есть фактическое безвластие Временного революционного правительства обеспечило априорную легализацию большевистского — под прикрытием власти Советов — монопартократического переворота.

«... нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов — соглашателей»²².

«В ловушку советской легальности» — это сказано с непозволительной откровенностью, но в высшей степени метко. В эту ловушку по сей день ловятся хорошие люди во всем мире, включая героических советских правозащитников. А советской легальности не суще-

21) Там же, стр. 41-42 (курсив Д. Ш.).

22) Там же, стр. 42-43 (курсив Д. Ш.).

ствуется с октября 1917 года. Для коммунистов легитимности и суверенности какой бы то ни было власти, включая советскую, кроме их собственной диктатуры, не существует и никогда не существовало. Пренебрегая официальной партийной легендой (обрисовать свою главную роль в событиях для него важнее всего остального) Троцкий уверенно обнажает простой механизм столичного октябрьского переворота: с опозданием на четыре-шесть месяцев

«Временное Правительство хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели идти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, «легальное» прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путанности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность»²³.

Коммунисты никогда не пренебрегают ничьим желанием быть обманутыми. Не видя в предпринятом большевиками обмане никакого урона для их достоинства, Троцкий всё-таки немножечко кривит душой в своём рассказе:

«В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам.

... и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического Совещания мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго Съезда Советов. Этот Съезд создавал для них чрезвычайные затруд-

23) Там же, стр. 43 (курсив Д. Ш.).

нения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что Съезд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму Съезду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу приурочивали к поддержке и охране Съезда от неизбежных на него покушений контрреволюции»²⁴.

Здесь есть маленькая, но существенная передержка: съезд не обещал «ничего хорошего» не «соглашателям», а большевикам. Потому они и предварили его своей операцией. Поставив съезд явочным порядком перед уже свершившимся захватом власти, большевики добились на нём перевеса только после ухода со съезда значительной части его депутатов. Впрочем, чуть ниже Троцкий и сам о том говорит:

«Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — одно, а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав Съезда Советов — совсем другое. Таким образом, приурочение вопроса о захвате власти ко Второму Съезду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что Съезд сам по себе может разрешить вопрос о власти. *Такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд*²⁵. Вся необходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техниче-

24) Там же, стр. 43-44.

25) Что «фетишизм» любых представительных форм большевикам был и остался чужд, это точно. Поэтому так и удивило меня, что А. Авторханов в *Становлении партократии*, защищая демократизм Троцкого начала 1920-х годов против узурпаторских тенденций Сталина, пишет:

«Сталин обосновал и программу превращения Советов из органов государственной власти во вспомогательный орган партаппарата.

... Сегодня такой порядок в СССР считается само собой разумеющимся, но в то время, когда Советы пришли к власти под лозунгом самого Ленина «Вся власть Советам!» такая бесцеремонная узурпация власти Советов, этих якобы народных парламентов («Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов») считалась прямо-таки кощунственной».

ская, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий Съезд, который должен разрешить вопрос о власти»²⁶.

Чем ещё можно объяснить эту одиозную откровенность, если не абсолютной уверенностью в своей работе? Разве что только весьма обоснованным представлением о нечитаемости партийной литературы никем вне партии и Коминтерна?

Здесь я вынуждена процитировать большой отрывок из статьи Троцкого. Надеюсь, что читатель оценит его почти детективную занимательность.

Если бы эту речь приписал Троцкому какой-нибудь драматург или романист, её наверняка сочли бы плодом фантазии автора. Ценность этого монолога Троцкого заключена в том, что он позволяет нам сопоставить действия, настроения и характеры участников пьесы: большевиков, Керенского, меньшевистского крыла Советов и др. Подлинность картины сомнения не вызывает. Реплика Керенского ещё и документирована.

«Ведя наступление по всей линии, мы сохраняли видимость обороны»²⁷. Наоборот, Временное Прави-

26) Троцкий Л. Д., «1917. Уроки Октября». Троцкий перед судом коммунистической партии, стр. 44.

27) Этот метод захвата власти и внешней агрессии под маской легитимной защиты с тех пор был и остаётся на вооружении коммунистов. Несколько примеров:

Вторжение в Польшу в союзе с Гитлером было предпринято в 1939 году под лозунгом защиты её населения, оказавшегося «брошенным на произвол судьбы».

Уничтожение демократии в странах Восточной Европы после второй мировой войны производилось под лозунгом её защиты «от сил «фашизма» (только-только разбитых!) и «реакции».

Подавление венгерского восстания в 1956 году осуществлялось под лозунгом защиты страны и её народа от «чёрной реакции».

Ввод войск стран Варшавского пакта в Чехословакию в 1968 году был предпринят также под видом её защиты «от сил внутренней реакции» и «западногерманских реваншистов».

Вторжение в охваченный антикоммунистическим восстанием Афганистан в конце 1979 года тоже было предпринято в целях «защиты» страны и её народа от китайской и прочей внешней угрозы.

В настоящий момент, когда пишутся эти строки, над Польшей висит угроза советской агрессии в целях «защиты завоеваний польских трудящихся» от них самих.

Не находящиеся у власти компартии всегда действуют против демократии под лозунгами её легитимной защиты.

тельство, — если бы оно только решилось серьезно обороняться, — должно было бы покуситься на Съезд Советов, запретить его созыв и тем самым дать наиболее для себя невыгодный повод противной стороне к вооруженному восстанию. Мало того, мы не только ставили Временное Правительство в политически невыгодное положение, но и прямо-таки усыпляли его и без того ленивую и неподвижную мысль. Эти люди верили всерьез, что дело идет для нас о советском парламентаризме, о новом съезде, где будет вынесена новая резолюция о власти — на маневр резолюций Петроградского и Московского Советов, — после чего правительство, сославшись на Предпарламент и предстоящее Учредительное Собрание, откланяется и поставит нас в смешное положение. Что именно в этом направлении работала мысль самых мудрых мещанских мудрецов, тому мы имеем непререкаемое свидетельство Керенского. В своих воспоминаниях он рассказывает, как в полночь на 25 октября в его кабинете происходили бурные споры с Даном и другими по поводу шедшего уже полным ходом восстания. «Прежде всего Дан заявил мне, — рассказывает Керенский, — что они осведомлены гораздо лучше меня, и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная «для самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах»; что эффект ее «уже сказывается», и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства Советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желания, без их санкции». В заключение, Дан, упомянув, что

большевики «завтра же» (все завтра!) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только «раздражают массы», и что, вообще, я своим «вмешательством» лишь «мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания»... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды «Красной гвардии» занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по отъезде из Зимнего дворца Дана и его товарищей, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен тогда же в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками. Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и с не меньшим искусством. В то время, когда восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом «переговоров» большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы эсеров и меньшевиков не были во-время мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать!» (А. Керенский, *Издалека*, стр. 197-198).

Вот, именно: что и требовалось доказать! Соглашатели оказались, как мы видим из этой картины, целиком и полностью пойманы на удочку советской легальности. Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили

в заблуждение меньшевиков и эсеров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны не верно. На самом деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но объективно эти парламентареры несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага. Однако эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и повела его до конца.

Для того, чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых. Прежде всего нужна была армия, не желавшая более сражаться. Весь ход революции, особенно в первый ее период, с февраля по октябрь включительно, — об этом мы уже говорили, — выглядел бы совершенно иначе, если бы у нас не было к моменту революции разбитой и недовольной многомиллионной крестьянской армии. Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу»²⁸.

Здесь Троцкий не только решительно отменяет привычную версию героической октябрьской революции — на деле плода всезаслоняющей шкурной трусости петроградского гарнизона. Он ещё и преподносит весьма сомнительный комплимент своим противникам в тогдашней, 1924 года, глухо идущей борьбе за власть — за лидерство в партии. Они, оказывается, сыграли роль не только оппортунистов и почти изменников партийному

²⁸ Троцкий Л. Д., «1917. Уроки Октября». Троцкий перед судом коммунистической партии, стр. 44-46 (курсив Д. Ш.).

делу, но и послужили невольно безмозглой ширмой для истинных революционеров. Троцкий же действовал прощательней самого Ленина. Псевдолегализованный, псевдосоветский переворот в столице весьма облегчил насаждение большевистской («советской») власти в провинции:

«... можно сказать, что ход гражданской войны в провинции предопределялся в огромной степени исходом ее в Петрограде, даже несмотря на заминку в Москве. *Февральская революция надломил старый аппарат; Временное Правительство унаследовало его и неспособно было ни обновить, ни укрепить его. В результате этого государственный аппарат между февралем и октябрем действовал лишь остатком бюрократической инерции. Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в феврале, она повторила это в октябре. Огромным нашим преимуществом являлось то обстоятельство, что мы подготовляли ниспровержение режима, который еще не успел сложиться. Крайняя шаткость и неуверенность в себе «февральского» государственного аппарата чрезвычайно облегчала нашу работу, питая самоуверенность революционных масс и самой партии»²⁹.*

Фраза «такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд», признающая фиктивность советской вывески партократии *ленинского периода*, произносится Троцким без колебаний. Доблестью коммуниста является партийность, а не народность. «Уроки Октября» написаны для своих, для посвященных. Непосвященные вполне обоснованно игнорируются: они по сей день коммунистической литературы в первоисточниках не читают. И Троцкий спокойно дает урок посвященным: он демонстрирует ловкий маневр прикрытия партийных целей мнимой народностью (советской легальностью). Нам большевистская тактика представляется амораль-

29) Там же, стр. 47-48 (курсив Д.Ш.).

ной, ему — ловкой и умелой, не более. Партийность для коммуниста более широкое понятие, чем мораль. Коммунистическая мораль — элемент партийной логики, а не всечеловеческая категория.

Очень важна у Троцкого защита стратегии столичного переворота — момент весьма злободневный. «Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в феврале, она повторила это и в октябре»³⁰. Обычно картина гражданской войны представляется большинству наших современников так: захват власти большевиками в центре и сопротивление законных властей узурпаторам на местах. В действительности советы были *езде*, и они подчинялись Всероссийскому ЦИК Советов, узурпированному большевиками. В провинции были комиссары Временного правительства и Советы. Большевики объявили Совет народных комиссаров³¹ тоже *временным* правительством, намеренным функционировать лишь до созыва Учредительного собрания. Таким образом переворот был представлен как всего-навсего легитимная смена партийной коалиции (большевики включили в правительство левых эсеров) во Временном правительстве и в Советах. Мы редко вдумываемся в слова «аппарат власти», автоматически понимая их как «*властвующий* аппарат». На деле же это аппарат *исполнительный, принадлежащий верховной власти*. Сменяется верховная власть — аппарат переходит к новым хозяевам. Сопротивление возникает не сразу. Свергнутые должны организовать его. Но тогда оно уже будет, в глазах значительной части общества, выглядеть как сопротивление законной власти! Пока «временные», и часть бывших советских

30) Если сегодня усечённый у самой вершины (узкая олигархия) советский партократический конус был бы у самой вершины же и перехвачен другой олигархией, партийно-военно-охранно-бюрократическая провинция подчинилась бы ей так же, как это произошло в феврале, и полнее, чем это произошло в октябре 1917 года. Если бы новая олигархия сознательно эволюционировала к демократии, пусть очень медленно, о лучшем нельзя было бы и мечтать.

31) Троцкий в *Моей жизни* рассказывает, что и этот термин — «народные комиссары» — принадлежит ему. Он возник в ночной беседе с Лениным 25. 10. 1917 года и очень понравился собеседнику Троцкого.

деятелей (небольшевистская демократия), и монархисты, и — в какой-то мере — Антанта, и часть крестьянства, и часть военных, и часть интеллигенции опомнились достаточно для того, чтобы начать как-то организовываться для сопротивления центру большевиков и их властям на местах, те уже достаточно укоренились для того, чтобы дать отпор и, в конце концов, победить. Верховный или столичный переворот, сохраняющий какое-то необходимое время видимость легитимности и старые связи с государственной периферией, — великое дело.

С неподражаемым безразличием к партийному мифу «Власти Советов» Троцкий многократно поучает западных коммунистов (с их подсознательной парламентской закваской), что не следует «делать божка» из советов (как в свое время Ленин советовал своим партийным коллегам «не делать божка» из демократической революции):

«Советы Рабочих Депутатов выросли у нас, и в 1905 и в 1917 гг., из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы, как «доктрину», как «принцип», всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам, как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов, как организации борьбы за власть, вполне возможны случаи, когда восстание развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания, или даже после победы его, возникнут Советы, уже как органы власти.

В высшей степени поучительна, под этим углом зрения, та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсеро-меньшевистские

Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавляющими большевиков, поскольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов, Ленин намечал фабзавкомы, как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания т. Орджоникидзе)³². Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, т.-е. большевистское, крыло . . .

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на «демократическом» этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следовательно, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет достаточно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть, — и это создаст условия для создания Советов, как *открытых органов подготовки восстания*. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уж после перелома восстания и даже на исходе его, как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они

32) И тогда «Страна Советов» называлась бы «Страной Фабзавкомов»? Сколько горькой иронии судьбы в этом названии «Страна Советов».

должны быть, — гибкой, жизненной формой борьбы — в организационный «принцип», извне врезающийся в движение и нарушающий его правильное развитие»³³.

Иными словами, Советы, равно как и завкомы или фабкомы, следует принимать во внимание (точнее — использовать в своих интересах) только тогда, когда они являются монопольным орудием и гибким послушным инструментом коммунистической партократии.

Троцкий наглядно препарирует опыт российского республиканского демократического периода, чтобы внушить европейским коммунистам то неуважение к парламентским началам, которое искони было в высшей степени свойственно российскому радикализму, развившемуся в непарламентской ситуации. Он делает это с такой откровенностью, что, казалось бы, сводит на нет всю большевистскую демагогию о власти советов. Однако демократия не услышала и не испугалась, как не услышала и Гитлера, обнажившего в книге *Mein Kampf* выгребную яму своей души. Если бы демократия умела слышать своих потенциальных убийц, она бы не предала генерала Корнилова летом 1917 года. Даже Ленин недооценил тогда слепоты и глухоты демократии. В *Моей жизни* Троцкий рассказывает о июльских днях 1917 года:

«5-го утром я виделся с Лениным. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый для них подходящий момент». Но Ленин переоценил противника — не его злобу, а его решимость и его готовность к действию. Они нас не перестреляли, хотя были не так далеки от этого».

Ошибка Ленина легко объяснима: уж он-то наверняка перестрелял бы своих противников в такой ситуации. Восставших кронштадцев весной 1921 года Ленин и

³³ Троцкий Л. Д., «1917. Уроки Октября». Троцкий перед судом коммунистической партии, стр. 49-51.

Троцкий, непосредственно руководивший операцией, истребили без суда почти поголовно. А слово «злобу» Троцкий вставил в свой текст для пущей эффектности: российская демократия лета 1917 года неспособна была озлиться по-настоящему на большевиков: мешала социалистическая рефлексия.

О том, как правительство Керенского предало себя и российскую демократическую республику, Троцкий рассказывает в своих статьях о Корниловском движении, включенных в собрание его сочинений под общим названием «Агония мелкобуржуазной демократии». Статья, о которой пойдет речь ниже, была опубликована ещё до октябрьского переворота в газете *Рабочий Путь* (№№ 5-7, от 21 и 23 сентября 1917 года).

Взаимоотношения между Корниловым и правительством Керенского воспроизведены Троцким достаточно точно. Разумеется, необходима поправка на фразеологию Троцкого, которая, как всегда и везде, содержит фальшивые партийные штампы.

Троцкий, например, пишет:

«... заговор генерала Корнилова против «правительства Керенского» вырос из другого, более широкого заговора, подготовлявшегося Керенским вместе с Корниловым против революционной России»³⁴.

«Против революционной России» следует читать как «против большевиков», ибо эсер Керенский был представителем левоцентристского «крыла» революционной России. Положение премьер-министра Керенского было поистине трудным: что-то вроде стояния на двух неотвратно разъезжающихся морских лыжах: левой ногой — на левой доске, правой ногой — на правой. Эта позиция угрожала вот-вот превратиться в балетную позу «шпагат» и на ней не закончиться. Социалист Керенский буквально разрывался между двумя тенденциями:

³⁴ Троцкий Л. Д., «Агония мелкобуржуазной демократии». Соч., т. III, ч. 1, стр. 270.

между желанием сохранить и сделать жизнеспособным руководимое им правительство и между лояльностью по отношению к «социально близким» ему — левым эсерам и даже большевикам. Не поручусь за отсутствие у Керенского и личных опасений, как бы проведение мероприятий, предложенных генералом Корниловым, не развязало цепи событий, способной сломать государственную карьеру Керенского. Во всяком случае, поведение Керенского во взаимоотношениях его с «красным генералом» Корниловым (так называли генерала Корнилова в царской армии задолго до февраля 1917 года) было постыдным. Поведение это оказалось губительным для России.

В полном соответствии с данными других исторических документов. Троцкий свидетельствует:

«Прежде всего — факты.

Генерал Корнилов в своих переговорах с Савинковым определенно указал на сделанное ему предложение диктатуры через посредство В. Н. Львова, который, по его словам, приезжал к нему по поручению Керенского. Львов предлагал Корнилову, по словам последнего, высказать свой взгляд на три формы диктатуры, намеченные Керенским. Первая: Керенский уходит в отставку, правительство упраздняется, Корнилов овладевает диктатурой. Вторая: Керенский с Корниловым разделяют диктаторскую власть. Третья: правительство Керенского само вручает Корнилову диктатуру, после чего добровольно устраняется.

Корнилов ответил, что, по его глубокому убеждению, единственным выходом является установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении. Корнилов поручил Львову передать Керенскому, что считает необходимым участие в правительстве диктатуры, кроме себя, Керенского и Савинкова»³⁵.

35) Там же.

Таким образом, по Троцкому, официальная советская версия «белогвардейского мятежа» генерала Корнилова оказывается такой же фикцией, как версия победоносного октябрьского восстания петроградского пролетариата. Речь шла в действительности об изменении по договорённости с премьером и военным министром — приёмов государственного управления, что обуславливалось войной и подрывной деятельностью экстремистов. Предложение Корнилова не шло дальше предложений Керенского и отличалось лояльностью по отношению к государственной власти. Если бы речь шла и в самом деле о военном заговоре против Временного правительства (против социалистической коалиции, а не только против большевиков и других крайних левых), положение ещё могло бы быть спасено. Возглавленная военной диктатурой Россия осталась бы после окончания 1-й мировой войны в русле европейской цивилизации. Но Корнилов действовал в рамках истинной, а не камуфляжной, как большевики, легальности — легальности государственной, а не советской. Обращаясь к Керенскому и Савинкову, по словам Троцкого (и в действительности),

«... обоим он 'настойчиво' предлагал немедленно приехать в ставку для принятия окончательного решения, причем заявил, что, по имеющимся у него 'точным сведениям' о готовящемся в Петрограде выступлении большевиков, нахождение Керенского и Савинкова в столице представляется крайне опасным. Далее Корнилов обсуждал 'общее положение дел' с верховным комиссаром Филоненко, причем оба пришли к окончательному выводу, что для спасения страны 'необходимо немедленное установление коллективной диктатуры в виде совета обороны при непрременном участии в нем Керенского, Савинкова, Филоненко и Корнилова'»³⁶.

Здесь уже прямо названы те, против кого, по мнению

36) Там же, стр. 270-271.

легалиста Корнилова, необходимо было «немедленное установление коллективной диктатуры в виде советов обороны». Это были только большевики. Генерал Корнилов не был ни Тьером, ни Пиночетом, ни Сухарто и взять на себя ответственность вне контактов с правительством тогда, когда это ещё могло принести спасение, не рискнул.

Долее Троцкий точно и чётко сообщает о том, о чём свидетельствуют и воспоминания уцелевших участников движения, близких в ту пору к генералу Корнилову, и людей из окружения Керенского. Да и сам Керенский после крушения попытки Корнилова спасти (с его, Керенского, помощью) Россию немедленно предал гласности часть своей переписки с Корниловым, мечась в самооправданиях перед левым краем российской общественности:

«22 июля Керенским была получена от Корнилова телеграмма, в которой этот последний указывал, на каких условиях он готов принять верховное командование. «Во-первых, ответственность перед собственной совестью и всем народом. Во-вторых, полное невмешательство в мои оперативные распоряжения... В-третьих, распространение принятых за последнее время мер на фронте и на (соответственные) местности тыла... В-четвертых, *принятие моих предложений, переданных телеграфно* верховному главнокомандующему (Брусилову) *на совещании ставки 18 июля*». Таким образом, предъявлены какие-то особые требования, о которых Керенский не счел нужным ничего сообщить, когда передавал телеграмму печати.

Весь август прошел в непрерывных переговорах между Корниловым и Керенским, причем в качестве посредников выступали неизменно те же Филоненко и Савинков. В своем письме в газете «День» Филоненко совершенно не отрицает того, что он был посвящен в планы и замыслы ген. Корнилова. Да и

как мог бы он это отрицать? Восстание подготовлялось в течение ряда недель, причем подбор офицеров, агитационная работа ставки и передвижение войсковых частей, отнюдь не вызывавшееся оперативными потребностями, происходили на глазах Филоненко. 2 августа в ставку прибыл Савинков, где вместе с Филоненко участвовал в совещании комиссаров и представителей армейских организаций. Это было за три дня до открытого восстания ставки»³⁷.

О каком же «восстании» идёт здесь речь, если сам автор статьи, на основании перечисленных им публикаций, свидетельствует о согласии Керенского и Савинкова с намерениями Корнилова? Троцкий не акцентирует этого момента, ибо при его подчеркивании окажется, что большевики никого не спасали от контрреволюционного белогвардейского заговора, а с благословения перебежчика Керенского сорвали попытку лояльных по отношению к режиму военных сил защитить правительство от готовящихся контрреволюционный переворот большевиков. Троцкий отводит Савинкову полупассивную роль в инициативе Корнилова, но вместе с тем не может себе отказать в удовольствии, а большевизму — в тактической выгоде бросить чёрную тень «контрреволюционного мятежа» (против кого? против себя самого?) и на Керенского.

«Савинков не мог не знать, что, согласно одному из вариантов, ему отводится одно из мест в военной диктатуре. Об этом прекрасно знала суворинская «Маленькая Газета», которая настойчиво повторяла, что диктатура в лице Корнилова, Савинкова и Керенского стала неизбежностью и должна осуществиться в ближайшем будущем. Другая суворинская газета «Новое Время» разрабатывала другой вариант той же темы в момент поездки Савинкова в ставку. *«Все правительство, все социалисты и не со-*

37) Там же, стр. 271.

циалисты, раз они думают спасти Россию, должны предоставить все свои силы в полное беспрекословное распоряжение Верховного Главнокомандующего, чтобы ни одного протеста, ни одного препятствия он не встречал среди людей, которые держат в своих руках массы народные». Так писал 23 августа в «Новом Времени» некий посвященный, скрывающийся под буквами О. Б-ть. Члены правительства, с своей стороны, периодически сообщали прессе о каких-то переговорах Керенского с Корниловым, причем тема этих переговоров никогда не называлась по имени.

В своем первом воззвании генерал Корнилов прямо заявил о том, что именно Керенский вовлек его в выступление; поведение представителей Временного Правительства Корнилов назвал *провокацией*. Никто, разумеется, не обязан верить Корнилову на слово, хотя, скажем прямо, мы не видим никаких оснований доверять Корнилову меньше, чем его партнерам. Но суть дела в том, что слова Корнилова не встретили опровержения. Посредник Львов подтверждает, по словам газет, заявление Корнилова. Савинков молчит. Филоненко, корниловский кандидат в министры внутренних дел, откликнулся в «Дне» таинственным письмом, которое косвенно подтверждает худшие подозрения, вытекающие из слов Корнилова и, главное, из всей логики фактов. Что же касается поведения самого Керенского в отношении корниловцев, то оно таково, как если бы он видел в них не «заговорщиков» и «мятежников», а политических деятелей, которые зашли несколько дальше, чем это считал, по условиям момента, полезным сам Керенский»³⁸.

Керенский, судя по тому, что мне довелось прочесть, и этого не считал. Он вообще ничего не считал, а бесконечно взвешивал, что ему выгодней: естественная для

38) Там же. стр. 271-272.

государства самозащита, то есть коллективная милитаризованная диктатура, способная стабилизировать внутреннее положение ведущей войну республики, или дальнейший советский флирт с родными братьями — социалистами — и с двоюродными — большевиками. Волею судьбы в роковой момент в России оказался у власти левоориентированный фразёр и позёр, неспособный принять спасительное решение. И даже Корнилов был в своих действиях скован не только воинской традицией государственной лояльности, но и полувековым преклонением российской интеллигенции перед социализмом (преклонением, которым болен сегодня весь мир):

«В то время, как Керенский растерянно колебался под влиянием событий на фронте, внутренней разрухи и политических толчков, переходя от диктаторского высокомерия к плаксивой прострации, ставка безостановочно вела свою работу и 27 августа уперлась в ультиматум, причем ни Корнилов, ни сам Керенский, ни их посредники не знали точно, есть ли это ультиматум Корнилова Керенскому или их общий ультиматум 'революционной демократии'», — пишет Троцкий³⁹.

Ко времени срыва Керенским корниловской акции⁴⁰, Троцкий и Каменев были членами Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И они, вожди партии, против которой и началась правительством и Ставкой чрезвычайная военная акция, после ареста Корнилова сочли возможным сделать легальный запрос в Бюро ЦК относительно

«действий членов и агентов Временного Прави-

39) Там же, стр. 273.

40) Я не говорю о разгроме движения, ибо военного столкновения между, с одной стороны, социалистами, большевиками, взбудораженной ими городской массой и столичными гарнизонами, которые боялись быть отправленными на фронт, и, с другой стороны, корниловскими частями так и не произошло.

тельства в связи с подготовкой в Корниловской ставке военного заговора против революции, ее учреждений и завоеваний.

Эти разоблачения, совпадая друг с другом, находя прямое или косвенное подтверждение в известных всем объективных обстоятельствах дела и не встречая немедленного и категорического опровержения со стороны непосредственно затронутых лиц и учреждений, производят впечатление глубокой внутренней убедительности. Существо этих опубликованных документов и разоблачений сводится к нижеследующему: бывший военный министр Савинков предлагал будто бы от имени Керенского — на рассмотрение генерала Корнилова три варианта диктатуры, причем в переговорах речь шла об участии Корнилова, Савинкова, Филоненко и самого Керенского в разных комбинациях. Провозглашение единоличной или коллективной диктатуры должно было совпасть с объявлением Петрограда на военном положении и с беспощадным разгромом петроградских революционных организаций и рабочих масс, под видом подавления мнимого большевистского заговора. С этой именно целью совершалось по соглашению Временного Правительства и ставки подтягивание 3 конного корпуса к Петрограду, причем завершение этой военной операции должно было послужить сигналом для проведения в жизнь требовавшихся Корниловым репрессий и установления военной диктатуры.

Принимая во внимание то огромное впечатление, какое эти сообщения и разоблачения производят на рабочих Петрограда и на все население страны, мы предлагаем, не дожидаясь работ следственной комиссии, предпринять немедленно шаги к освещению политической стороны дела. В этих целях мы считаем необходимым в первую голову предложить бывшим представителям Совета в составе Временного Правительства Скобелеву, Авксентьеву, Черно-

ву сообщить Бюро ЦИК все, что им было известно о фактах, составляющих предмет указанных выше разоблачений.

*Л. Троцкий
Ю. Каменев».*

«Рабочий Путь» № 7, 23 сентября 1917 г.»

Создав обстановку, в которой были возможны и легализованы (в виде советской демократии) такие запросы со стороны наиболее экстремистских сил, Временное правительство подписало себе смертный приговор. Троцкий же, переиздавая в 1923 году этот документ, ни в коей мере не устыжается собственных слов о «мнимости» «большевистского заговора против демократии».

⁴¹⁾ Троцкий Л. Д., «Агония мелкобуржуазной демократии». Соч., т. III, ч. 1, стр. 274-275.

2. Легенда о демократе Троцком

«... Если труд организован на неправильном принципе, на принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит мы обречены на экономический упадок, как бы мы ни делали... это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а, стало быть, к социалистической организации вообще».

Троцкий, Из выступления на XII съезде РКП(б)

Упрекая Сталина в избрании «аппаратного курса» руководства партией, А. Авторханов замечает, что оппозиция Троцкого Сталину в этом вопросе была «неуязвима с точки зрения ленинской ортодоксии»⁴². Более того: он уверен, что поражение Троцкого в борьбе против «бюрократизма партии»⁴³ добило больного Ленина.

Вызывает некоторое недоразумение сам термин «ленинская ортодоксия».

В чем, по отношению к кому или к чему, когда был Ленин ортодоксален? Когда громил ревизионистов или когда иронизировал по поводу «старых книг» (Маркса и Энгельса)? Когда отрицал возможность построения социализма в одной стране или когда утверждал ее? Когда трактовал социализм как образование безгосударственное или когда писал о коммунистическом государстве? Когда обзывал К. Каутского «парламентским кретином» — за утверждение, что пролетариат не сможет управлять иначе, как через партию (и приводил в пример феодалов, управлявших без партии), или тогда, когда сам утверждал, что диктатура пролетариата возможна исключительно через партию и что «*волю класса осуществляет иногда диктатор, который один более сделает и более необходим*»?⁴³

⁴² Авторханов А., *Становление партюкратии*, т. 2. стр. 45, 128, 130-131, 173.

⁴³ Там же, стр. 132-135.

Если под ортодоксией подразумевать верность основополагающим постулатам марксизма, то Ленин ею никогда не обладал: революцию (или то, что он считал революцией) он произвел в обстоятельствах, Марксом не предусмотренных; диктатуры пролетариата не создал; ни одного из предписаний литературного марксизма не осуществил. Он провел ликвидацию частной собственности, но превратил её в собственность *государственную, а не общественную*, ибо немислимо было организовать глобально-общинное управление современной национализированной экономикой.

В т. 2 той же книги А. Авторханов говорит о Ленине как о *сознательном* опровергателе основных постулатов Маркса. На мой взгляд, он никогда не опровергал их сознательно, то есть *преднамеренно*. Просто жизнь не укладывалась в прокрустово ложе утопии. Приходилось как-то выкручиваться и объяснять отклонения от марксизма без полемики с Марксом, подменяя исходные постулаты какими-то их эрзацами.

Ленин был ортодоксален в одном-единственном отношении: он всегда говорил и совершал то, что вело к созданию партии «нового типа», несущей в своей структуре генотип тоталитарного государства, а затем — к завоеванию этой партией внеконкурентной государственной власти и к упрочению, сохранению таковой.

В этом смысле Троцкий был недостаточно ортодоксом, ибо его мономания непрерывной мировой коммунистической революции порождала в нём некоторый политический авантюризм, угрожавший жизненным интересам партократического государства. То же можно сказать и о противодействии со стороны Троцкого растущей бюрократизации партии — «аппаратному курсу» Сталина, якобы чуждому ленинской внутрипартийной политике. Курс Ленина в партии всегда был по существу своему аппаратным, то есть бюрократическим, курсом. Естественно предложить, что умирающего Ленина потрясла решительная — ещё при жизни учителя! — победа его надзирателя Сталина во внутрипартийной борьбе тех

дней, а не судьба бюрократизма или демократизма в партии.

Пишет же сам А. Авторханов, что:

«В 'письме ЦК ко всем парторганизациям о проведении чистки партии' от 27 июля 1921 года цель чистки была выражена в одной центральной идее: 'необходимо, чтобы наша партия более чем когда бы то ни было, *была вылита из одного куска*'..., то есть в результате чистки в партии должны оставаться только те, кто способен и думать и действовать одинаково по команде сверху»⁴⁴.

В своих книгах А. Авторханов, рисуя борьбу Ленина против «рабочей оппозиции» и группы «демократических централистов», показывает, как в этой борьбе Ленин утверждал и насаждал власть верхушки партийного аппарата над партией. И делает вполне обоснованный вывод, что Сталин с полным правом объявил свой режим ортодоксально ленинским, а самого Троцкого — чужеродным элементом в большевизме⁴⁵. Пути Троцкого и большевиков совпали на короткий бурный период завоевания и упрочения власти большевиков в Российской империи. Вслед за этим Троцкий стал рваться в поход на Европу. А Сталин продолжил утверждение и укоренение партократии в СССР, без всякого риска для первого коммунистического государства расширяя ленинский подкоп под свободный мир и пропитывая своим влиянием отсталые страны. Троцким же продолжало владеть полузабытое ныне: «Наш паровоз вперед лети — в коммуне остановка! Иного нет у нас пути — в руках у нас винтовка!..»

Впрочем, нечто ленинское в критике Троцким внутрипартийного бюрократизма 1924-1930-х гг. (до и после высылки из СССР) несомненно было. Ленин тоже начинал обличать диктаторские замашки или бюрократизм своих коллег по партии и требовать демократии как

44) Там же, т. I, стр. 694.

45) Там же, т. 2, стр. 303.

только он оказывался в меньшинстве и ущемлялись его интересы, его, как он полагал, права. И Ленин, и Троцкий в указанных обстоятельствах требовали демократизма от Временного правительства, от западных демократий, от противостоящих им руководителей собственной партии. Но о демократизме политических деятелей (и партий) лучше судить не по их поведению в роли оппозиционеров, а по их поведению в роли властителей.

Откуда возник образ Троцкого — пламенного революционера мировых масштабов — в общем ясно: из его перманентно-революционной фразеологии. За этой фразеологией неприметным становится тот факт, что мало-словный Сталин сделал для мировой инфильтрации своей разнообразнейшей агентуры и для мировой экспансии коммунистического режима неизмеримо больше, чем феерический Троцкий.

Но откуда возник миф о Троцком — борце за внутрипартийную и советскую демократию — это поистине загадка. Менее демократа, чем Троцкий, нелегко обнаружить даже среди коммунистических вождей 1920-х годов, ибо его антидемократизм был, как все его тенденции и настроения, демонстративным и прямолинейным. Он не стремился замаскировать его демократической демагогией. Приведу несколько конкретных примеров.

На IX съезде РКП(б) в 1920 году возникает вопрос о посягательстве со стороны ЦК партии на суверенитет Президиума ВЦИК (высшей партийной власти на высшую советскую власть). Троцкий оголётно и чётко постулирует такой же, как в 1917 году, отказ от «фетишизма советской формы»:

«... т. Киселев потребовал дополнительного времени для того, чтобы рассказать, как ЦК святотатственно поднял руку на такое учреждение, как Президиум ВЦИК, т. е. на верхушку советского парламента. По этому вопросу шла борьба по всей Европе, и здесь, под видом орабочения, хотят провести осво-

бождение некоторых высоких советских учреждений, вроде Президиума ВЦИК, из-под контроля ЦК. А я вам говорю: вы можете нынешний ЦК разогнать, но новому ЦК скажите: 'Глядите в оба за всякими рабочими группами и за самыми высокими учреждениями, в том числе и за ВЦИК'»⁴⁶.

Гражданская война идёт к концу, территории советской России ширятся — возникает вопрос о создании областных комитетов партии. Троцкий оказывается и здесь не только ещё менее демократом, чем все остальные, но, как всегда и во всём, неумеренно и неуместно декларативным антидемократом. Партократическая практика всегда сводится к назначенству под видом выборов. Это обычный приём от ленинских и до наших времён, охватывающий и советы, и профсоюзы, и партийные органы. Троцкий же требует узаконенного назначенства, без всякого камуфляжа:

«Здесь есть еще одна сторона дела, которой коснулся г. Преображенский, но взял не с того конца. Он указывает, что наша страна чрезвычайно расширилась. Действительно, наша страна расширилась благодаря победам Красной Армии, имеется 40% новых свежих мест, где приходится строить партийные и советские организации, приходится делать колоссальные переброски сил. Несомненно, ЦК трудно уследить за этой работой в отдаленных местах, особенно при нашей неналаженной связи. Тов. Преображенский говорил, что нужны какие-то гибкие органы и, как он сказал, партийный децентрализованный аппарат. Это в корне ошибочно и неверно. Децентрализовать партийную власть, это значит растащить ее, сделать ее достоянием областной стихии, это значит уничтожить всякое руководство . . .

46) *Девятый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС.* М., ИМЭЛ при ЦК КПСС, Госполитиздат, 1960, стр. 75-76.

Я считал бы вредным создание областных комитетов на основе избрания от местных комитетов. Я считал бы полезным создание областных бюро при ЦК в той или другой форме»⁴⁷.

Через четыре года, явно оттесняемый от кормила власти, Троцкий заговорит о демократизме в партии и тем всколыхнет амбициозную партийную молодежь, к власти не подпускаемую. Но в 1920-м году [на IX съезде РКП(б)] он ещё настолько уверен в себе, что решительно требует исключения опасного суверенитета областных партийных организаций, который может возникнуть при непосредственных местных выборах их руководства. Только формирование «областных бюро» при ЦК, и формирование исключительно путём назначения, гарантирующего абсолютную власть правящей группировки ЦК. Эту власть он и называет «определённой партийной линией», когда возражает стороннику известной самостоятельности партийных организаций республик Сапронову:

«... т. Сапронов, наибольшее количество сторонников ваших не в Петрограде, Москве и на Урале, а на Украине. (*Аплодисменты.*) Что такое Украина, Украина, разъединенная десятком режимов — меньшевиков, социалистов-революционеров и всеми остальными болезнями болевшая? Мы знаем хорошо, что наши партийные организации на Украине, в худшей своей части, отражают те же самые болезни. В этом я слишком хорошо убедился на Украине, когда в каком-нибудь городе встречал сколько угодно критики, брюзжания и болтовни, а когда приходилось мобилизовать на фронт работников, шло 5 человек, а дезертировало 95. (*Аплодисменты.*) Делать такого рода уступки этим элементам не приходится и было бы недопустимо».⁴⁸ —

47) Там же, стр. 76-77.

48) Там же, стр. 77.

хорошее, кстати, свидетельство и о том, как цепко хваталась за жизнь демократическая многопартийность на Украине. Условного партийного ритуала «добровольности» присоединения партократией окраин к Москве Троцкий не соблюдает. Он не даёт себе труда понять, что ритуал «добровольности» работает на тот же экспансионизм, которому хочет служить, но только мешает своей неуклюжей демонстративностью и торопливостью он сам.

На том же IX съезде Троцкий во всей полноте разворачивает свою идею поголовного охвата советских граждан системой принудительного труда⁴⁹:

«Это есть милитаризация рабочей силы, милитаризация промышленности. Это ее основа. И здесь нельзя ставить вопрос так, как это делает т. Смирнов; по отношению к крестьянам — говорит он — это понятно, там нет профессиональных союзов, но по отношению к рабочим профессиональный союз заменяет милитаризацию. Я говорю: неправда, не заменяет милитаризацию, а проводит ее, является ее проводником. Если в деревне мобилизацию крестьян проводит военное ведомство (ибо другого аппарата там нет), то по отношению к рабочей силе городской промышленности таким аппаратом является прежде всего профессиональный союз. Я спрашиваю, кто будет по отношению к крестьянам в дальнейшем этим элементом милитаризации? Сейчас мы имеем военное ведомство, оно может милитаризовать. А дальше кто будет? Передовые рабочие. Таким образом передовые рабочие являются строителями хозяйства; через профессиональные союзы они могут милитаризовать огромные крестьянские массы, привлекаемые к труду на основании трудовой повинности.

Эта милитаризация немислима без милитаризации профессиональных союзов как таковых, без

49) Там же, стр. 94-95.

установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить, если он не выполнит — он будет дезертиром, которого ка-рают. Кто следит за этим? Профессиональный союз. Он создает новый режим. Это есть милитаризация рабочего класса⁵⁰. ...И здесь режим твердой, неукоснительной железной исполнительности является не менее важным и неотложным, чем в области Красной Армии».

Троцкий произносит эти слова весной 1920 г. Этот год и начало 1921 года (по март) пройдут под знаком отчаянного сопротивления рабочих, крестьян и кронштадтских матросов большевистскому режиму. Троцкий возглавит физическое уничтожение кронштадтских моряков, в том числе — коммунистов, примкнувших к восставшим. Правда, в 1920-м году он обмолвится, что если уж полная милитаризация экономики большевикам пока что не удастся, то надо бы дать крестьянину некоторый хозяйственный простор, чтобы ослабить тиски голода. Но тогда ещё шла гражданская война, и Ленин счёл невозможной такую хаотизацию своих тылов. Троцкий потом до конца своей жизни будет повторять, что он опередил Ленина не только в октябрьском перевороте, но и в НЭПе. Однако он и на этот раз опередил события столь же несвоевременно, как пытался потом опередить Сталина в окончании НЭПа.

Злая ирония судьбы: и в определении очерёдности хозяйственных задач партократии Троцкий прежде

⁵⁰ До такого всеохватывающего порабощения не дошел и Сталин. Произвольная переброска с одного трудового объекта на другой, из одного населенного пункта в другой без согласия трудящегося практиковалось по отношению к заключённым, ссыльным и военнослужащим. Коммунисты и комсомольцы, а также отдельные категории специалистов подверглись давлению, но формально от них требовалось письменное согласие на такой перевод. Прочих, начиная с 1940 г., судили и отправляли в лагеря за *самовольный* уход с работы, но полностью так и не милитаризовали даже во время второй мировой войны. Всё это производилось вне компетенции профсоюзов.

других сформулировал один из законов партократической экономики, но припишут эту его заслугу одни — Ленину, другие — Сталину.

«...Итак, основная задача — улучшение состояния его и заготовка элементарнейших запасов продовольствия, сырья и топлива. Весь первый ближайший период целиком заполнен сосредоточением, напряжением рабочей силы на разрешение этой задачи, которая является предпосылкой дальнейшего. Второй период — будет ли он измеряться месяцами, годами — сейчас счень трудно предсказать, это зависит от тысячи причин, начиная от международного положения и в последнем счете от единодушия партии: это — машиностроение в интересах транспорта, добычи сырья и продовольствия. Третий период — машиностроение в интересах производства предметов широкого массового потребления, и, наконец, четвертый период — производство предметов массового широкого потребления»⁵¹.

Но год спустя партии пришлось на время изменить очерёдность задач. «Элементарнейших запасов продовольствия» уже не обеспечивали никакие поборы, даже поборы с привлечением армии. Кроме того, «элементарнейшие запасы» предназначались только для тех слоёв населения, которые составляли партократию и обеспечивали её существование, а продовольствия вдруг стала требовать вся страна. Пришлось пустить это дело в известных границах на самотёк. Этого оказалось достаточно для спасения себя от краха, страны — от голодной смерти. Заодно пришлось передвинуть на первое место, тоже пустив её на самотёк, и четвёртую задачу — производство «предметов массового широкого потребления»; а с машиностроением слегка погодить. Но, несмотря на то, что с окончанием НЭПа восторжествовала очерёдность задач провозглашенная Троцким, в офи-

⁵¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС, стр. 95.

циальной советской истории за ним не сохраняется соответствующий приоритет. В преддверии катастрофы предстоящего (1921-го) года Троцкий лихо натягивает словесные вожжи, любуясь всеобъемлющей упорядоченностью своей бесчеловечной программы и не предчувствуя краха, на грани которого стоит вся система:

«Мы должны сказать открыто и ясно, что наш хозяйственный план, при максимуме напряжения трудящихся, даст не кисельные берега и молочные реки, но что при самых больших усилиях, в ближайший период, мы направляем нашу работу на то, чтобы подготовить условия для производства средств производства. И лишь после того, как в минимальных размерах мы будем иметь средства производства, мы перейдем к производству средств потребления и, стало быть, предметы личного потребления, непосредственно осязательный для самих масс плод работы, получатся в стадии последнего звена этой хозяйственной цепи. Массы, которые будут мобилизоваться и применяться для труда, должны будут во всем объеме понять этот хозяйственный план, чтобы оказаться способными поднять его на своих плечах, чтобы в течение проведения этого плана у них не порвалось раз десять терпение»⁵².

И Троцкий раздражается многословной апологией принудительного труда, который Сталин введёт посредством ряда указов и «большого террора», когда для того придёт время, деловито и немногословно, под неумолчный аккомпанемент знаменитой песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..»⁵³ На IX съезде РКП(б) Троцкий явно кокетничает как блеском своих парадоксов, так и мужеством мысли, открыто постулирующей преимущества рабства (в качестве инструмента для построения царства свободы):

52) Там же.

53) «Песня о Родине» из кинофильма «Цирк», музыка И. Дунаевского, слова В. Лебедева-Кумача.

«Если принять за чистую монету старый буржуазный предрассудок или не старый буржуазный предрассудок, а старую буржуазную аксиому, которая стала предрассудком, о том, что принудительный труд непроизводителен, то это относится не только к трудармии, но и к трудовой повинности в целом, к основе нашего хозяйственного строительства, а, стало быть, к социалистической организации вообще»⁵⁴.

Великолепно, не правда ли? Кто ещё из социалистов так откровенно связал социализм с принуждением и, главное, так любовался бы этим единством?

«Конечно, вместе с т. Осинским и другими его сторонниками мы можем развернуть перспективу относительно организации социалистического хозяйства. Там принуждение, постепенно отходя, совершенно отомрет, и в хорошо организованном социалистическом хозяйстве элементы принуждения не будут ощущаться как таковые, ибо труд — и физический, и духовный — будет необходимостью каждого сочлена»⁵⁵.

С чего бы это труд, воспитанный принуждением, стал вдруг субъективной необходимостью? Но перелистайте Маркса, Энгельса, Ленина — вы и у них не найдете другой мотивации субъективной потребности в коммунистическом труде, кроме привычки, воспитанной длительным принуждением. Речь идёт таким образом о рефлексе, образованном с помощью дрессировки, и ни о чём более. О внутренних, независимых импульсах творчества нигде и не упоминается.

«Но до этого есть еще много переходов, и тут элементы принуждения будут стоять во всей своей силе. Стало быть, в переходную эпоху принуждение играет в организации труда огромную роль, а если

⁵⁴ Девятый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС, стр. 97.

⁵⁵ Там же.

принудительный труд непроизводителен, то, стало быть, этим осуждается наше хозяйство, ибо общество есть организация нашего труда. Если труд организован на неправильном принципе, на принципе принуждения, если принуждение враждебно производительности труда, значит мы обречены на экономический упадок, как бы мы ни изворачивались, что бы мы ни делали»⁵⁶.

Истекшее после речи Троцкого шестидесятилетие доказало, что это его заключение верно. Партократия по сравнению со свободными демократическими государствами пребывает всегда в состоянии перманентного экономического упадка. Но многолетняя низкооплачиваемость труда, а в пору становления тяжелой индустрии его неоплачиваемость (ГУЛаг и колхозы) помогли ей создать материально-техническую и военно-охранную базы, позволяющие системе существовать и распространяться, а её подданным как-то жить (на одном из низших в Европе уровней обеспеченности).

«Но это есть предрассудок, товарищи! Мы говорим: это неправда, что принудительный труд при всяких обстоятельствах и при всяких условиях непроизводителен... Но в то же время мы стоим перед необходимостью применения сложнейшей системы средств и методов, и духовного и организационного порядка, и характера премиального и характера карательного для того, чтобы повышать производительность труда на тех принудительных основах, на которых строится все наше хозяйство. Поэтому, когда кто-нибудь говорит, что принудительный труд непроизводителен, если это либерал, мы просто прогоним его.

56) Там же. Сравните со следующим высказыванием П. А. Столыпина: «Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, т.е. труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей» (Леонтович В. В., *История либерализма в России 1762-1914*. Исследования новейшей русской истории. Под общей редакцией А. И. Солженицына. Париж, ИМКА-Пресс, 1980; стр. 294).

... Наконец, нужна дальнейшая личная заинтересованность в эту переходную эпоху каждого рабочего и каждого крестьянина в отдельности, в непосредственных плодах применения его рабочих сил. Я говорю о премиальной системе. До тех пор, пока в нашем распоряжении предметов продовольствия в обрез, до тех пор, пока мы не можем децентрализовать систему распределения предметов широкого потребления, чтобы каждый мог получить то, что ему нужно, — а это будет в результате четвертой стадии нашего хозяйственного плана, — если мы справимся с предшествующими тремя стадиями, когда мы сможем в результате ряда лет упорного труда децентрализовать наше распределение, до тех пор оно должно быть централизовано, т. е. мы должны подчинить его производственным задачам, прежде всего кормить тех, которые необходимы для производства в тех отраслях, которые являются самыми важными, и давать тем предприятиям, которые являются ценными, которые лучше, честнее выполняют свой трудовой долг. Это тоже есть система повышения производительности труда. Наконец, карательные меры, от которых мы не уйдем, по отношению к шкурникам, дезертирам труда, — словом, целая сложная система духовных мероприятий, организационных, материальных, премиальных, карательных, репрессивных, которая может в результате своего согласованного систематического применения на основе общего подъема уровня культуры в стране в течение ряда лет, десятилетий поднять производительность труда, поднять на такую высоту, на какую никогда ни при каком другом строе производительность труда не повышалась»⁵⁷.

Кто ещё из вождей коммунистической партократии с такой непосредственностью и настойчивостью объяснял,

57) Там же, стр. 98-100 (курсив Д.Ш.).

что осуждение принудительного труда есть осуждение всей советской системы хозяйства, другого труда не знающей?

Кто ещё так откровенно и чётко растолковал, что, пока продуктов в обрез, из пайки следует делать дрессирующий кнут для выполнения нужной государству работы? И что надо «прежде всего кормить тех, которые необходимы для производства в тех отраслях, которые являются самыми важными» (а какие являются «самыми важными», то ведомо только ЦК-ЧК, а не дрессируемому двуногому тяглу).

Трудно решить, чего больше в этой риторике — бесчеловечности или высокомерия, ибо сам говорящий всегда остаётся вне принуждения и вне дрессировки. Ещё в 1915 году Ленин ответил А. Балабановой на вопрос о том, что заставляет Троцкого держаться в стороне от большевиков: «Вы не догадываетесь? Амбиция, амбиция и ещё раз амбиция!»⁵⁸. Летом 1917 года эту амбицию Троцкий загнал в свою душу поглубже: надо было пробиваться к власти в альянсе с Лениным. С болезнью и смертью Ленина амбициозность Троцкого становится фактом скорее литературным, чем политическим: ему ли было тягаться со Сталиным на поприще государственной и партийной жизни, а не декламации печатной и устной?

Но в 1920-м году он ещё не только ораторствовал о принудительности — он её проводил в качестве наркомвоена и председателя Реввоенсовета Республики. И проводил без пощады. Внутриармейский террор, широчайшее применение смертной казни, в том числе внутри собственной армии, расстрел адмирала Щастного (сохранившего большевикам балтийский флот), на «процессе» которого он, хозяин вооружённых сил и их трибуналов, был главным «свидетелем обвинения», бессудная казнь кронштадтцев; захват в заложники семей офицеров, ушедших в белую армию, и взятие на учёт (на случай измены главы семьи своим новым хозяевам) родствен-

⁵⁸) Кармайкл Дж., *Троцкий*, стр. 76.

ников офицеров, согласившихся служить у большевиков; расстрельные заградотряды в арьергарде насильно мобилизованных крестьянских частей; крайне жестокая позиция в процессе левых эсеров.

И при этом беспощадности к себе — ни на грош. Соавтор чудовищных планов (и самый пылкий соавтор), Троцкий чутко лелеет свои обиды и недомогания⁵⁹. Как человечно сострадает ему его жена и соратница, не проявившая в своих мемуарах ни тени сочувствия ни к одной его жертве! В книге «Моя жизнь» Троцкий часто цитирует скорбные жалобы Н. Седовой-Троцкой то на бесчувственность сталинского ЦК по отношению к не совсем здоровому Троцкому, то на жестокость европейских правительств, медлящих дать убежище опальному коммунистическому вождю. Да и сам он говорит о своём нездоровье, о несправедливостях, допущенных по отношению к нему и к его семье с куда большей значительностью и трагизмом в голосе, чем о расстрелах, заградотрядах и десятилетиях принудительного труда.

«Температура возобновилась у меня осенью 1924 года. К этому времени вновь разыгралась дискуссия. На этот раз она была вызвана сверху, по заранее разработанному плану. В Ленинграде, в Москве, в провинции происходили предварительно сотни и тысячи тайных совещаний по подготовке так называемой «дискуссии», т. е. систематической и планомерной травли, направленной на этот раз не против оппозиции, а против меня лично. Когда тайная подготовительная работа была закончена, по сигналу из «Правды» открылась одновременно со всех концов, со всех трибун, со всех страниц и столбцов, во всех углах и щелях кампания против троцкизма. Это было в своем роде величественное зрелище. Клевета получила видимость вулканического извержения. Широкая партийная масса была потрясена.

⁵⁹ Там же, стр. 145-146, стенограммы VIII-IX съездов РКП(б) и *Моя жизнь*.

Я лежал с температурой и молчал. Пресса и ораторы ничем другим не занимались, кроме разоблачения троцкизма. Никто точно не мог сказать, что это значит.

По утрам мне приносили в постель газеты. Я просматривал перечень телеграмм, заглавия статей и подписи. Я достаточно хорошо знал этих людей, знал, что они думают про себя, что они способны сказать, и что им приказано сказать»⁶⁰.

Через несколько строк автор, обессилев от горестного повествования, предоставляет слово своей жене:

«Второй приступ болезни Л. Д. — пишет Н. И. Седова — совпадает с чудовищной травлей против него, которая переживалась нами, как жесточайшая болезнь. Страницы «Правды» казались огромными, бесконечными, каждая строчка газеты, каждая буква ее лгала. Л. Д. молчал. Но чего стоило ему это молчание! Друзья навещали его в продолжении дня, а иногда и ночи. Помню, кто-то спросил Л. Д., не читал ли он сегодняшней газеты? Он ответил, что вообще не читает газет. Действительно, он брал их в руки, едва скользил глазами и откидывал. Казалось, ему достаточно было посмотреть на них, чтоб знать их содержание. Он слишком хорошо знал поваров, готовивших это блюдо, притом каждый день одно и то же. Читать газету того времени было все равно, говорил он, что «ламповую щетку затыкать себе в горло». Можно было бы сделать над собой такое насилие, если бы Л. Д. решил отвечать. Но он молчал. Простуда затягивалась, благодаря тяжкому нервному состоянию. Он сильно похудел и побледнел. В семье нашей мы избегали разговора на тему о травле, но ни о чем другом тоже не могли говорить»⁶¹.

60) Троцкий Л. Д., *Моя жизнь*, ч. II, стр. 256-258.

61) Там же, стр. 257-258.

Я снова подчёркиваю: всё это было бы понятно и очень печально, если бы на совести Троцкого не лежало столько жизнерадостных од принуждению, хладнокровных приказов убивать и если бы жена его не воспринимала мужа-убийцу восторженно — как орудие высшей исторической справедливости. И обратное: будь он и к себе, к своему здоровью и самолюбию, к своей жизни, к переживаниям своей жены столь же безразличен, сколь к чужой гибели, к чужому рабству, легче было бы объяснить его бессердечие. Он очень сочувствует своей семье и себе в 1929-1930 гг. Но до чего же бойко он говорил о предпринятых им расстрелах в своём докладе на XI съезде РКП(б):

«Разве не бывало так, что во время отступления армия беспощадно расстреливала дезорганизаторов? Кого? Подлецов? Вовсе не всегда, нередко людей, которые растерялись, свихнулись... Расстрел был жестоким орудием предостережения другим. В хозяйственной области тоже необходимы бывают суровые меры»⁶².

Итак, расстрел может быть всего-навсего «жестоким орудием предостережения другим», невинным профилактическим мероприятием... Интересно, читала ли Н. Седова речи Л. Троцкого?

Чужая смерть без усилий воспринимается Троцким как наглядное пособие в деле коммунистического воспитания масс. Но своё здоровье (не жизнь, а только здоровье) он считает ценнейшим государственным достоинством, вопросом государственной важности.

«Весною 1926 года мы совершили с женою путешествие в Берлин. Теряясь перед затяжной моей температурой, московские врачи, чтоб не брать на себя ответственности, давно настаивали на зарубежной поездке. Я тоже хотел найти выход из тупика: температура парализовала меня в наиболее

⁶² Одиннадцатый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС. М., ИМЭЛ при ЦК КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 274.

критические моменты и являлась надежным союзником моих противников.

В течение нескольких недель я стал объектом медицинских наблюдений в одной из частных клиник Берлина. В поисках корней таинственной температуры врачи перебрасывали меня друг другу. В конце концов горловик выдвинул гипотезу, что источником температуры являются миндалевидные железы и посоветовал их на всякий случай вырезать»⁶³.

Будучи волей Центрального Комитета партии низринут во мрак опалы (убитый им адмирал Щастный о ссылке в Алма-Ату и о высылке за границу мог только молиться), Троцкий всем своим существом восстает против этой недавно ещё обожаемой им воли. Не он ли на XII съезде РКП(б) произнёс постыдные для маломальски свободного человека слова:

«Партия в конечном счёте всегда права, так как она есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для решения его основных задач. . . Правым можно быть только с партией и через партию, *ибо других путей реализации правоты история не создала*»⁶⁴.

А. Авторханов цитирует эти слова как доказательство преданности Троцкого партии. На мой взгляд, в устах Троцкого это циничное словоблудие, ибо кому-кому, а Троцкому был достаточно хорошо известен политический механизм создания партийного «мнения» и партийной «правоты». Но если даже поверить, что слова эти искренни, тем меньшее уважение они вызывают. Сколь немногого стоила эта броская фраза, стало ясно тогда, когда «воля партии», то есть воля её господствующего меньшинства, обратилась против Троцкого не на словах, а на деле. И снова в качестве адвоката предстаёт в его книге «Моя жизнь» Н. Седова-Троцкая:

63) Троцкий Л. Д., *Моя жизнь*, ч. II, стр. 266-267.

64) Курсив Д. Ш.

«В своей речи на пленуме московского комитета вы говорите о м н и м о й болезни мужа моего Л. Д. Троцкого. По поводу беспокойства и протестов многочисленных товарищей вы возмущенно заявляете: «Вот к каким мерам прибегают!» У вас получается, что к недостойным мерам прибегают не те, которые ссылают сподвижников Ленина и обрекают их на болезни, а те, которые протестуют против этого. На каком основании и по какому праву вы сообщаете партии, трудящимся, всему миру, что сведения о болезни Л. Д. ложны? Ведь вы этим обманываете партию. В архивах ЦК имеются заключения лучших наших врачей о состоянии здоровья Л. Д. Консилиумы этих врачей собирались не раз по инициативе Владимира Ильича, который относился к здоровью Л. Д. с величайшей заботой. Эти консилиумы, созывавшиеся и после смерти В. И., установили, что у Л. Д. колит и вызванная дурным обменом веществ подагра. Вам может быть известно, что в мае 1926 г. Л. Д. подвергся в Берлине операции, чтоб избавиться от преследовавшей его в течение нескольких лет повышенной температуры, но безуспешно. Колит и подагра — не такие болезни, от которых излечиваются, особенно в Алма-Ата. С годами они прогрессируют. Поддерживать здоровье на известном уровне можно только при правильном режиме и правильном лечении. Ни того, ни другого в Алма-Ата нет. О необходимом режиме и лечении вы можете справиться у наркомздрава Семашко, который неоднократно принимал участие в консилиумах, организованных по поручению Владимира Ильича. Здесь Л. Д. сделался сверх того жертвой малярии, которая влияет, с своей стороны, и на колит и на подагру, вызывая периодами сильные головные боли. Бывают недели и месяцы более благоприятного состояния, затем они сменяются неделями и месяцами тяжелых недомоганий. Таково действительное положение вещей. Вы сослали Л. Д. по 58 статье,

как «контр-революционера». Можно бы понять, если бы вы заявили, что здоровье Л. Д. вас не интересует. Вы были бы в этом случае только последовательны той самой губительной последовательностью, которая, если ее не остановить, сведет не только лучших революционеров, но может свести и партию и революцию в могилу. Но тут у вас, очевидно, под напором общественного мнения рабочих не хватает духу быть последовательными. Вместо того, чтобы сказать, что болезнь Троцкого есть для вас выгода, ибо она может помешать ему думать и писать, вы просто отрицаете эту болезнь. Так же поступают в своих выступлениях Калинин, Молотов и другие. Тот факт, что вам приходится держать по этому вопросу ответ перед массой и так недостойно изворачиваться, показывает, что политической клевете на Троцкого рабочий класс не верит. Не поверит он и вашей неправде о состоянии здоровья Л. Д.

Н. И. Седова-Троцкая».

Письмо Н. Седовой адресовано секретарю московской парторганизации Угланову, перед которым тоже маячат (пока ещё незримые) покаяния, арест, пытки, казнь. Так и тянется эта зловещая очередь...

Пока же, на IX съезде РКП(б), в 1920 году, Троцкий не прячется за письма жены. Он твёрд и величественен, уча непокладистых оппонентов смирению перед его пронизательной мыслью:

«Профсоюзы обязаны создать новый режим. Это и есть милитаризация рабочего класса. Я прямо сказал, что милитаризация рабочего класса есть новый режим профсоюзов. Это было сказано с этой трибуны. Если т. Косиор говорит, что ЦК переменил свою позицию, то это значит, что он не помнит, что было сказано вчера. Если он не хочет прочесть, что было предъявлено съезду, конечно, у него в голове будет все опрокидываться, и он будет обвинять нас

в том, что мы при помощи мер принуждения изменяем характер рабочего движения, тогда как дело идет о милитаризации основных производственных органов рабочего класса, профсоюзов. Я полагаю, товарищи, что обвинение ЦК, что он сдал свои позиции, отказался от всего, можно приписать тому, что т. Косиор очень хорошо говорит, очень плохо читает и еще хуже слушает. Необходимое качество хорошего работника везде и всюду, как в партии, так и в профессиональном союзе, состоит в том, что он не только бойко излагает свои мысли, но и внимательно воспринимает чужую мысль, иначе получается великое затемнение умов!»⁶⁵

«Чужую мысль» — это здесь, вне всяких сомнений, означает непогрешимую мысль Троцкого.

Неутомимо играя беспощадными формулировками, Троцкий 1920 года походя решает дела и судьбы целых слоёв поработаемого большевизмом общества:

«Сейчас, в период, когда власть Советов обеспечена, борьба с саботажем должна выражаться в том, чтобы вчерашних саботажников превратить в слуг, в исполнителей, в технических руководителей там, где это нужно новому режиму. Если мы с этим не справимся, если не привлечем все те силы, которые нам необходимы, и не поставим их на советскую службу, то наша вчерашняя борьба с саботажем, борьба военно-революционная, была бы тем самым осуждена, как совершенно напрасная и бесплодная.

Как и в мертвые машины, так и в этих техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен известный наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами»⁶⁶.

65) *Девятый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС*, стр. 190.

66) *Там же*, стр. 107.

Сравнение «Как и в мёртвые машины» относит все перечисленные категории специалистов к разряду живых машин, предназначенных работать на партократию в жестко обозначенных ею рамках.

И опять, как всегда, Троцкий раскрывает здесь ту неизменную суть отношения партократии к специалистам, которую партия предпочитает маскировать демагогией. То же относится и к его риторике, обнажающей истинное отношение партии к рабочим союзам, которое Ленин старается несколько вуалировать:

«Профсоюз железнодорожников нужно переделывать в самой основе, придать сюда необходимых работников и выкинуть всю шваль, которая имеется, покарать злостных итальянских саботажников. Для этого нужен ряд митингов и время, а для больших успехов — два года. Ближайшие же недели являются самым острым моментом в жизни нашего транспорта. Здесь нужны какие-то исключительные меры, обгоняющие темп улучшения союза железнодорожников и поднятия его существования. Кто может принять эти меры? Организованный рабочий класс, в лице своих более развитых элементов⁶⁷. На железных дорогах имеются отсталые элементы. Наиболее сознательные элементы из Коммунистической партии принимают эти меры, меры принуждения по отношению к отсталому и развращенному отряду армии труда. Вот в чем главный вопрос. Таким образом стоит вопрос с Главполитпутем по отношению к профсоюзам»⁶⁸.

«Выкинуть всю шваль» — это очень характерное для Троцкого начала 1920-х гг. выражение.

И ещё:

«... спецы очень боятся такого поста, на котором

67) То есть в лице всё тех же коммунистов — доверенных рычагов партократии.

68) *Девятый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС*, стр. 112.

с них будут спрашивать. Они страшно напуганы. Совершенно то же самое было и в военном ведомстве. Спецы сначала не шли на военные посты, но советский строй брал их за шиворот, ставил их на ответственные посты, заставлял их командовать, а когда они командовали плохо, то их расстреливали и проч. Я говорил недавно с одним инженером, который мне то же самое сказал, что т. Рыков; инженерская публика боится, что их на тачках будут вывозить. Эта робость у них осталась, и на это было достаточно причин. Но необходимо тут индивидуализировать и брать таких, которые годятся не для тачки, а для ответственных постов»⁶⁹.

У кого может вызвать уважение или сочувствие человек, который об убиении не подошедших ему живых орудий, говорит: «... то их расстреливали и проч.»?⁷⁰ А об угодивших: «которые годятся не для тачки»? У меня — не может, как бы ни убивалась о его колитах и лихорадках прелестная Наталья Седова, бывшая романтическая дворяночка.

В 1922 году, на XI съезде РКП(б) Троцкий вспоминает о том, как большевики формировали свою армию:

«... мы брали красноармейца прямо из деревни,

69) Там же, стр. 197.

70) Может быть кого-нибудь заинтересует, что скрывается за этим «и проч.» (помимо расстрелов, о которых Троцкий упоминает особо)?

В четырех подвалах *Правды* в статье члена Военного совета Южного фронта В. Трифонова (5, 8, 15 и 19 июня 1918 г.) помещено следующее сообщение:

«... Я знаю полки, развернутые на основе крепкого добровольчества: они ввели у себя совершенно добровольно, без всякого принуждения, жестокою дисциплину, дисциплину николаевских времен. Их дисциплинарный устав предусматривал даже телесные наказания, которые с успехом и довольно широко применялись.

... Нужны были драконовские и героические меры, чтобы части сохранить, не дать им окончательно разложиться. Меры были приняты самими добровольцами, по своему собственному почину, и полки были спасены».

«В. Трифонов имел вероятно в виду партизанские полки В. К. Блюхера и Н. Д. Каширина» поясняет Ю. Трифонов.

Вряд ли наркомвоенмор Троцкий не читал тогда *Правды* и не знал о телесных наказаниях, «с успехом и довольно широко» применявшихся в его войсках. Цит. по книге Ю. Трифонова *Отблеск костра*, Москва 1966.

вооружали его — иногда у входа в вагон, иногда вооружение ехало отдельно от него, и мы вооружали его по высадке; две-три недели, а то и неделю он проводил в запасной части, потом, поскольку его, неподготовленного, приходилось бросать в огонь, на него набрасывали железную сетку дисциплины в виде комиссаров, трибунала, заградительных отрядов и пр. Мы, правда, проводили агитационную кампанию, когда могли, но наспех, под огнем, под давлением в 100 атмосфер»⁷¹.

Когда я читаю, как крестьянский сын Александр Зиновьев объявляет советскую партократию народной властью, я всегда вспоминаю роман Василия Гроссмана «Всё течет» и «Руку» Юза Алешковского. И если мне задают вопрос: «А почему они не сопротивлялись?» — я отвечаю, что, во-первых, они отчаянно сопротивлялись, а во-вторых, легко ли безоружным и мирным людям сопротивляться вооруженному, организованному и легализованному бандитизму? Если считаете, что легко, — попробуйте.

В той же речи, из которой взято это невинное воспоминание, имеется и такой пассаж:

«... И поверьте, товарищи, что в тот день, когда наша армия будет освобождена от физической и духовной вшивости, когда все красноармейцы будут опрятны и грамотны, наша армия сразу поднимется на две головы»⁷².

«Духовная вшивость» — уважительное определение для насильственно угнанной из родных мест и под смертным страхом брошенной в уничтожительную и непонятную бойню мужицкой армии...

«Выкинуть всю эту шваль» и «духовная вшивость» — выражения, достаточно ярко характеризующие демократизм народного трибуна Троицкого.

⁷¹ Одиннадцатый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций КПСС, стр. 289.

⁷² Там же, стр. 293.

Вопрос о роли и полномочиях рабочих союзов не мог не занять центрального места в политике коммунистической партии, которая объявила созданный режим «диктатурой пролетариата». Всё, что было в партии мало-мальски идейного не могло не споткнуться об этот вопрос. Но для Троцкого центральной идеей схемы, которая обезчеловечивала его сознание, была не «диктатура пролетариата» (служебное и переходное звено), а «мировая пролетарская революция». Эпитет «пролетарская» тоже не возмущал безжизненной чёткости его построений, ибо он, как уже было сказано, без оговорок принял априорное отождествление партии с пролетариатом, ЦК — с партией и своего толкования тех или иных вопросов партийной жизни — с единственно ортодоксальным марксистским взглядом на вещи. В дискуссии о профсоюзах он автоматически занимает крайнюю из централистских позиций. Он решительно отказывается «фетишизировать» суверенитет рабочих союзов, «рабочую демократию», рабочевластие, которым всё ещё бредят ортодоксальные партийные утописты:

«Теперь о взаимоотношениях партии и класса. Тут борьба у нас шла как бы за рабочую демократию или *против* рабочей демократии. «Рабочая оппозиция» выступала с опасными лозунгами, фетишизируя принципы демократии. Выборность внутри рабочего класса как бы ставилась над партией, как если бы партия не имела права отстаивать свою диктатуру даже и в том случае, если эта диктатура временно сталкивалась с преходящим настроением рабочей демократии».

Троцкий, впрочем, и не скрывает (вслед за Г. Зиновьевым), что пролетарские массы (рабочие — члены профессиональных союзов) вряд ли поддерживают большевиков:

«Вот Петроград. Тов. Зиновьев — разумеется, это было сказано в увлечении, — заявил, что если бы «съезд производителей» собрали, на нем было бы

99% беспартийных, эсеров, меньшевиков. Это — чудовищное преувеличение, которое, конечно, при редакции должно быть как можно скорей вычеркнуто из протокола. Неужели же это для поучения Интернационала говорилось, будто «рабочая демократия» состоит в том, что одна сотая часть рабочего класса зажимает рот $99/100$? Это чудовищное преувеличение! Но если скинем у т. Зиновьева большое количество процентов из 99, в данный момент, при данном настроении, все-таки останется еще очень много. Есть сведения с мест, которые говорят, что нередко нет уверенности у коммунистов на местах перед напором анархической стихии. У нас в партии много молодежи.

Необходимо сознание, так сказать, революционного исторического первородства партии, которая обязана удерживать свою диктатуру, несмотря на временные колебания стихии, несмотря на временные колебания даже в среде рабочих. Вот это сознание есть необходимая спайка. Без этого сознания партия может погибнуть зря на одном из поворотов, а их много».

И далее — о платформе РОП:

«Если брать с формальной стороны, то ведь это наиболее отчетливая линия рабочей демократии. Но мы выступаем против этого. Почему? . . . *Да по причинам основным — удержания диктатуры партии, по причинам подчиненным, — потому что такого рода управление на важнейших, основных заводах будет некомпетентным и с хозяйственной стороны провалит дело. И мы говорим, что соподчинение рабочей демократии и хозяйственных интересов рабочего класса мы ставим над формальным критерием рабочей демократии»⁷³.*

Сталин потом инкриминирует и Зиновьеву, и Троцко-

73) Троцкий Л. Д., Выступление на XI съезде РКП(б). Курсив д.ш.

му эту их проговорку — «диктатуру партии» взамен «диктатуры пролетариата», прилюдное признание в том, что кучка вооруженных и организованных коммунистов навязывает свою волю рабочему классу. Но и в последнем издании «Протоколов XI съезда РКП(б)» 1963 года останутся в тексте эти 99⁰/₀ рабочих, несогласных с политикой партии, которых Троцкий рекомендовал «как можно скорее вычеркнуть из протокола».

Троцкий во весь голос ратовал за «огосударствление профсоюзов», а Ленин и Сталин их огосударствили без патетической декламации — ещё одно доказательство недостаточной серьезности Троцкого для руководства партократической тиранией, носящей личину народной власти.

Впоследствии Троцкий одиннадцать лет подряд (1929-1940) жаловался «мировому пролетариату» на произвол изгнавших его из СССР «эпигонов». Вспоминал ли он XI съезд РКП(б) и свои филиппики против РОПП, рискующей обратиться в Коминтерн с жалобой на ЦК РКП(б)?

«Обращаясь к Коммунистическому Интернационалу, Шляпников безусловно вправе был это сделать. Это ЦК заявил. Всякая часть партии, которая исчерпала, с ее точки зрения, внутрипартийные методы борьбы за свои взгляды, имеет право обратиться к Коммунистическому Интернационалу. Так поступила в свое время Немецкая партия, так поступила Французская партия, так поступила группа бывшей «рабочей оппозиции», — одна ее часть.

И Коминтерн ответил, что вы правильно поступили, что обратились к нему. Формально это правильно⁷⁴. Но вы, товарищи, находитесь на ложном пути; вы говорите о трудностях обстановки, вы исходите из этих трудностей, которые ваша партия знает, но вы не делаете конкретных деловых пред-

74) Опять «формально», то есть не «по сути». Хотя право не может не быть чётко формализованным.

положений ни по отношению к социальному составу партии, ни по отношению к хозяйственной политике, и вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-либо другая партия в запасе!.. Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Интернационала. Уже позднее (я по роду своих занятий имею мало возможности, к сожалению, участвовать в низовой партийной жизни) я из многих источников узнал, что эти товарищи или некоторая часть их единомышленников ставят вопрос обращения т. Шляпникова и др. к Коминтерну так: что, конечно, это было бестактно, но «по существу» они правы. Но что сказал Коминтерн? Коминтерн ответил: вы обратились к нам — это ваше законное право, но по существу вы находитесь на позиции, которая грозит вас поставить вне Интернационала, тем самым вне партии. Ибо Интернационал есть наша международная партия, — не может быть человек в партии вне Интернационала — и наоборот».

«Тов. Медведев говорит, что положение трудное — умирают, голодают и т. д.

А вот перед тем, как мне выступить, во время перерыва, ко мне подошел товарищ, которого я знаю давно, по разным фронтам, как одного из лучших наших работников, и сообщил, что у него на Волге умерли от голода мать и сестра. Такие случаи вряд ли редки! Это был работник, который заведовал у нас политотделом армии, один из виднейших партийных работников. Я спрашиваю его: «Как же так, товарищ, — неужели вы не нашли пути оказать им помощь?» А он отвечает: «Я и сам не знал». Вот факт, факт, конечно, глубоко трагичный. Да, тут наша коснорукость, неуменье, наша проклятая почта, как и все у нас, неорганизованная, — можно за волосы схватиться и воскликнуть: «Черт

возьми, надо что-нибудь сделать, что-нибудь предпринять!» Но поставьте себя в положение «мы» и «они»: с одной стороны, дескать, Центральный Комитет, а с другой стороны — вот какие факты происходят. Это уже будет значить — бедственное положение страны эксплуатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта — только Кронштадта! (Аплодисменты.)

И я думаю, что здесь необходимо абсолютно ясно и твердо, после предостережений Коминтерна, упразднить самую возможность такой постановки вопроса — «мы» и «они».⁷⁵

На первый взгляд, может показаться, что это всего-навсего демагогия. Но упоминание о перебитом почти поголовно Кронштадте делает эту демагогию потенциально угрожающей и кровавой.

Фактически отказав своим партийным коллегам в праве апеллировать в Коминтерн, Троцкий отчётливо обнажил перед ними тот, почему-то для них недостаточно ясный факт, что Коминтерном командует Кремль. Словно в отместку за Шляпникова и Медведева, Троцкий последние одиннадцать лет своей жизни посвятит этому криминальному даже не «мы» и «они», а «я» и «они», решительно противопоставляя себя Кремлю. Но Кремль будет действовать по отношению к Троцкому так, как сам Троцкий, пребывая у власти, действовал по отношению к врагам партократии. Правда, себя невозможно воспринимать как абстракцию, а других людей — можно. Отсюда — безразличие к тысячам и миллионам смертей и такая высокая чувствительность к собственным бедам. Примерно то же происходило и с Лениным, и с Бухариным.

⁷⁵ *Одиннадцатый съезд РКП(б). Протоколы и стенографические отчёты съездов и конференций КПСС*, стр. 131-132.

3. Интеллигентоид и культура

*«... Не бросивши векам
ни мысли плодovитой...»
(М. Ю. Лермонтов)*

Что такое интеллигентоид, объяснить очень легко: это человек со словарём и манерами интеллигента, но таковым не являющийся. Гораздо труднее прийти к согласию в определении понятия интеллигент. Лучше в каждом случае сообщать своё личное толкование этого термина. Я имею в виду не профессиональную категорию деятелей умственного труда, то есть не интеллигенцию как социальный слой. Я подразумеваю особенности ума и совести, предопределяющие активность духовной жизни и её сопряженность с нравственными критериями. Интеллигентоид может обладать умом и знаниями, но ему не свойственны духовная, умственная честность и чуткая совесть. Интеллектуал в моём представлении обладает умственной честностью, но не считает себя существенно связанным узами совести. Я не навязываю другим своего представления, но буду его придерживатьяся.

Мне пришлось однажды в узком кругу делиться своими впечатлениями о крупных большевиках, числимых традицией по департаменту коммунистической интеллектуальной элиты. Моими собеседниками оказались недавний советский идеологический функционер, странным образом превратившийся в руководителя кафкиански загадочного советологического института (впрочем, большинство учреждений этого рода кафкиански загадочны), и элегантная дама, знающая об искусстве и литературе всё то, чего никогда о себе не знали искусство и литература. В ответ на моё предположение, что на верхах кремлёвской иерархии и в 1920-х годах истинных интеллигентов не было, оба в один голос воскликнули: «А Троцкий? Знакомы ли вам статьи Троцкого об искусстве и литературе?»

Тогда мне статьи Троцкого об искусстве и литературе знакомы не были. И, хотя знакомство с речами Троцкого на партийных съездах 1900-х—1920-х гг. не позволяло мне ожидать от него откровений в сфере искусства, я отступила. Теперь мне знакомы эти работы Троцкого, и я берусь говорить о них с полной ответственностью.

Дж. Кармайкл в своей книге о Троцком⁷⁶ пишет, что «годы жизни в Вене позволили Троцкому приобрести широкий кругозор. Он отличался чрезвычайным разнообразием интересов, необычным для профессионала-марксиста. Он, например, был единственным из русских марксистов, который когда-либо читал Фрейда. На страницах «Киевской мысли» он обсуждал вопросы литературы, живописи, поэзии, политики — всё, что угодно».

Троцкий, действительно, и на страницах дофевральской «Киевской мысли» и значительно позже обсуждал «всё, что угодно». И есть у него упоминания о Фрейде, о теории относительности, о новейшей (по тому времени) теории створения атома — весь малый джентльменский набор большевистского вождя из числа «интеллигентских перебежчиков» (Н. Бухарин), претендующего на неординарный интеллектуализм. Дж. Кармайкл встретил в сочинениях Троцкого множество русских, европейских и американских имён, которых не встретишь ни у Сталина, ни у Хрущёва, ни у Брежнева, и в авторе этих статей ему привиделась «отчуждённость в новом обществе», проистекающая из бескорыстия и терпимости, несвойственных остальной большевистской элите 1920-х гг.:

«В 20-е годы большевистская смирительная рубашка всё туже затягивалась вокруг всех областей советской жизни. Генеральная линия партии, намеченная в области экономики и политики, не могла миновать культуру. Взгляды Троцкого в этой области были отмечены теми же чертами — гуманность, терпимость, универсализм, — что и его вы-

76) Кармайкл Дж., Троцкий, стр. 66.

сказывания по вопросам политики и экономики. Естественно поэтому, что всё, что он говорил, объявлялось уклонением, которое к середине 20-х годов стало быстро превращаться в ересь. Поскольку к этому времени собственно пролетарский элемент в партии почти исчез, отрицание Троцким идеи Пролеткульта удобно было объявить содержанием этой ереси в области культуры. Точно так же, как Троцкий проморгал превращение большевистской партии в группу, спаянную общей выгодой, так и в своих нападках на Пролеткульт и его сторонников он атаковал по сути такую же спаянную общей выгодой группу, собственной группы при этом не имея».

Неосновательность этого представления Дж. Кармайкла относительно политических и экономических взглядов Троцкого проиллюстрирована мной в предыдущей главе, посвящённой легенде о демократе Троцком. Здесь пойдёт речь об отношении Троцкого к проблемам литературы, искусства, культуры как таковой.

Прочитую несколько документов, подписанных Троцким в первые недели существования большевистской власти и посвящённых проблемам печати:

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ЦИК ПО ВОПРОСУ
О ПЕЧАТИ
(4 ноября)

Здесь два вопроса связаны между собою: 1) вообще о репрессиях и 2) о печати. Требование устранения всех репрессий во время гражданской войны означает требование прекращения гражданской войны. Такое требование может исходить или от противников пролетариата, или от сторонников этой противоположной стороны. Противники, с которыми идет гражданская война, мира нам не предлагают. Я утверждаю, что никто не может дать нам гарантии за сторонников Корнилова. В условиях гражданской войны запрещение враждебных газет

есть мера законная. Необходим, конечно, переход к определенному режиму печати. К такому режиму мы и хотим перейти. В нашей партийной прессе мы задолго до восстания не смотрели на свободу печати под углом зрения собственников типографии. Те меры, которые применяются к устранению отдельных личностей, должны применяться и к печати. Мы должны конфисковать типографии и запасы бумаги в общественное достояние. (С мест говорят: «В большевистское»).

Да, наша задача состоит в том, чтобы превратить все эти запасы в общественное достояние. Все группы могут предъявлять требование на бумагу и типографии — все солдаты и крестьяне. Каждый солдат, рабочий и крестьянин поймет, что мы не для того брали власть, чтобы оставить монополию в руках старой власти. Мы говорим, что «Новое Время», которое не имело своих сторонников на выборах, не может иметь ни буквы шрифта, ни листа бумаги. Пока «Русская Воля» является лишь банковским органом, она не имеет права на существование. Эта мера не должна быть увековечена, но мы не можем вернуться к старому капиталистическому строю. Переход власти к Советам есть переход от буржуазной политики к социалистическому строю. Почему Суворин мог издавать грандиозную газету? Потому, что у него были деньки. Можем ли мы допустить, чтобы во время выборов в Учредительное Собрание суворинцы могли пускать свою отраву? Мыслимо ли, вообще, чтобы существовали газеты, которые держались бы не волею населения, а волею банков? Все средства печати должны быть переданы в собственность Советской власти. Вы говорите, что мы требовали свободы печати для «Правды». Но тогда мы были в таких условиях, что требовали минимальной программы. Теперь мы требуем максимальной. Я не сомневаюсь, что представители рабочих и крестьянства на моей стороне. (Аплодисменты.)

Солдаты возвратятся в свои части, крестьяне — в деревни и заявят, что есть две точки зрения: 1) свобода печати для буржуазных газет и 2) реквизиция бумаги, типографий и предоставление их в руки рабочих и крестьянства.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 24.

РЕЗОЛЮЦИЯ ЦИК ПО ВОПРОСУ О ПЕЧАТИ

(4 ноября)

Закрытие буржуазных газет вызывалось не только чисто боевыми потребностями в период восстания и подавления контрреволюционных попыток, но являлось необходимой переходной мерой для установления нового режима в области печати, такого режима, при котором капиталисты — собственники типографий и бумаги — не могли бы становиться самодержавными фабрикантами общественного мнения.

Дальнейшей мерой должна быть конфискация частных типографий и запасов бумаги, передача их в собственность Советской власти в центре и на местах, чтобы партии и группы могли пользоваться техническими средствами печатания, сообразно своей действительной идейной силе, т.-е. пропорционально числу своих сторонников.

Восстановление так называемой «свободы печати», т.-е. простое возвращение типографии и бумаги капиталистам-отравителям народного сознания, явилось бы недопустимой капитуляцией перед волей капитала, сдачей одной из важнейших позиций рабочей и крестьянской революции, т.-е. мерой безусловно контр-революционного характера.

Исходя из вышеизложенного, ЦИК категорически отвергает всякие предложения, клонящиеся к восстановлению старого режима в деле печати и безоговорочно поддерживает в этом вопросе Совет Народных Комиссаров против претензий и домогательств, продиктованных мелко-буржуазными пред-

рассудками или прямым прислужничеством интересам контр-революционной буржуазии.

«Протоколы заседаний ЦИК 2-го созыва», стр. 24.⁷⁷

Под этими документами нет подписи Троцкого, но он поместил их в собрание своих сочинений. Нам остаётся поверить в его авторство. Это ещё не время того «вырождения» большевизма, которое Дж. Кармайкл относит к середине 1920 годов. Это ноябрь 1917 года. Партократии чуть больше десятка дней, но она рукой Троцкого лишает общество свободы печати, демагогически маскируя свой шаг самозащитой народа, обеспечением свободы печати для масс, а не для «буржуев», и временностью этой меры.

А это уже «растленные» 1920-е годы, когда одинокий Троцкий с его «гуманностью, терпимостью, универсализмом» (Дж. Кармайкл) противостоял вырождению большевистской партии в «группу, спянную общей выгодой» (он же):

«В старых статьях образующих вторую часть книги, есть немало строк, посвященных цензуре. Разумеется, строки эти дадут не одному враждебному революции критику повод показать советской власти язык. Чтобы не лишать господ критиков этой счастливой возможности, мы не вычеркнули ни одной такой строки, даже и в тех случаях, когда она явно способна натолкнуть на «симметрические» заключения по адресу советской власти.

... Вера во всемогущество отвлеченной идеи навивна. Идея должна стать плотью, чтобы стать силой. Наоборот, социальная плоть, даже совершенно потерявшая свою идею, еще остается силой. Класс, исторически переживший себя, еще способен держаться годами и десятилетиями мощью своих учреждений, инерцией своего богатства и сознательной контрреволюционной стратегией. Мировая буржуа-

⁷⁷ Троцкий Л. Д., «Первый этап закрепления революции». Соч., т. III, ч. II, гл. 9, стр. 104-106.

зия является ныне таким пережившим себя классом, выступающим против нас во всеоружии средств обороны и нападения. Если она колеблется вкладывать капитал в советские концессии, то она ни на минуту не поколебалась бы вложить средства в газеты и издательства во всех концах революционной страны. Империализм во всем «демократическом» мире создал такую обстановку для газет (цены, условия кредита, подкуп и пр.), которая позволяет ему утверждать, что ни одна коммунистическая, т. е. независимая от империализма газета не может выходить без материального содействия... советской власти. Зато Стиннес в Германии, Херст в Америке имеют любую нужную им газету для любого употребления. Вот этого режима революция не может допустить. И у нас есть цензура, и очень жестокая. Она направлена... против союза капитала с пред-рассудком. Вот почему мы не опасаемся исторических аналогий, на которые так тароваты дешевенькие демократы, ужасно недовольные, когда реакция бьет их по правой щеке, а революция по левой.

... В тот день, когда пролетариат прочно победит в наиболее могущественных странах Запада, — цензура революции исчезнет за ненадобностью...»⁷⁸

Как видим, никаких существенных изменений во взглядах Троцкого на свободу печати за шесть лет не возникло. В ноябре 1917 года необходимость цензуры объяснялась гражданской войной — в 1923 году она объясняется угрозой извне. Из этого должно само собой следовать, что, когда коммунисты овладеют всем человечеством, они цензуру отменяют. И по сей день партократия, содержащая все коммунистические и бесчисленные некоммунистические, но полезные ей издательства мира и способная перекрыть тиражами своих изданий все вместе взятые тиражи «буржуазных» и эмигрант-

⁷⁸) Троцкий Л. Д., Предисловие к книге *Литература и революция*. М., «Красная новь», Главполитпросвет, 1923, стр. 10-11.

ских изданий Земли, объясняет свою цензурную политику так же, как объяснял её Троцкий. Цитируют, правда, при этом не Троцкого, а Ленина, писавшего о цензуре то же, что Троцкий, и в тех же демагогических словах⁷⁹. Но партократия никогда не отменит цензуры, даже «в тот день, когда пролетариат⁸⁰ прочно победит в наиболее могущественных странах Запада» (Л. Д. Троцкий). У партократии никогда не исчезнет потребность в цензуре, ибо последняя порождается отнюдь не посягательствами мирового империализма (?) на советский строй. Кому, как не интеллектуалам Запада знать, как мало Запад на этот строй посягает? Цензура порождается внутренним неизбывным антагонизмом между властью и обществом, которое не удовлетворено и не хочет подчиниться единообразию, навязанному ему партократией. Это общество необходимо обманывать, чтобы им править. А как обманывать без цензуры, без контроля над обращением информации?

Троцкий мог самым непримиримым образом расходиться в ряде тактических вопросов с другими донами партократии, но против главного общего закона игры — против контроля над мыслью общества — он не погрешил никогда. И само понятие «партия» отождествлялось в его сознании не с партийной массой, а с теми лицами, в которых он соглашался видеть руководство партии. Разумеется, что он признавал руководством партии только такие личные коалиции, в которые на почётных условиях входил он сам. Но и это — черта, присущая всем большевистским вождям, а не только Троцкому.

Как же относился Троцкий к искусству?

Одно маленькое его замечание сразу заставило меня предположить, что Троцкий писал об искусстве, не имея к нему глубокого отношения. Рассуждая в своей автобиографической книге⁸¹ о том, что искусство порождает

79) См. хотя бы знаменитый ответ Ленина на письмо Г. Мясникова о свободе печати.

80) Читай — компартия. Д.Ш.

81) Троцкий Л. Д.. *Моя жизнь*.

ется жизнью и отражает среду, окружающую художника, Троцкий делает вывод:

«Искусство пейзажа не могло бы родиться в Сахаре».

Пустыня пустая — откуда в ней взяться пейзажу? — таков один из аспектов его эстетического мышления.

И ещё он говорит:

«Если моя топографическая память, не говоря уже о музыкальной, очень слаба, а зрительная, как и лингвистическая, довольно посредственная, то идейная память значительно выше среднего уровня».

Он и видит в искусстве только то, что называет идеями.

По его словам, чтение с детства занимало огромное место в его жизни, но:

«Люди долго скользили по моему сознанию, как случайные тени. Я смотрел в себя и в книги, в которых искал опять-таки себя или своего будущего».

Я беру на себя ответственность утверждать, что это мимолётное признание (в «Моей жизни» есть ещё два-три сходных) чрезвычайно важно. Это сказано о поре юности, когда большинство людей, ещё не успев очерстветь особенно чутко к происходящему с теми, кто их окружает. И герои книг воспринимаются в детстве и в юности конкретно и выпукло, как люди, которые нас окружают.

«Люди долго скользили по моему сознанию, как случайные тени...» Это восприятие обще для Троцкого и для Ленина. Оно осталось для них таким же, если не обострилось, когда они, сначала мысленно, а потом и на деле начали манипулировать десятками, сотнями, тысячами и миллионами человеческих «теней».

Троцкий многократно повторяет в своих мемуарах, что долго не чувствовал и природы. Его мировоспри-

ятие складывается сугубо абстрактным и подчинённым неукоснительно законам дедукции, а не индукции. Его мышление подвластно воспринятой извне и ассимилированной сознанием отвлечённой схеме. Он сам говорит о себе:

«Чувство превосходства общего над частным, закона над фактом, теории над личным опытом возникло у меня рано и укреплялось с годами... Позже чувство превосходства общего над частным вошло неотъемлемой частью в мою литературную работу и политику. Тупой эмпиризм, голое пресмыкательство перед фактом, иногда только воображаемым, часто ложно понятым, были мне ненавистны. Я искал над фактами законов. Это вело, разумеется, к слишком поспешным и ошибочным обобщениям, особенно в молодые годы, когда для обобщений не хватало ни книжного знания, ни жизненного опыта. Но во всех без исключения областях я чувствовал себя способным двигаться и действовать только в том случае, если держать в руках нить общего. Социально-революционный радикализм, ставший моим духовным стержнем на всю жизнь, вырос именно из этой интеллектуальной вражды к крохоборчеству, эмпиризму, ко всему вообще идейно не оформленному, теоретически не обобщённому»⁸².

Если вдуматься в этот весьма квалифицированный самоанализ, становится жутко, ибо признание Троцкого делает безнадёжной апелляцию к нему с помощью фактов, противоречащих владеющей им в данный момент схеме.

В другом месте своей автобиографической книги он говорит о нестерпимо раздражавшем его «кретинизме локальных задач», имея в виду экономические чаяния крестьянства и политические — либеральной интеллигенции в дооктябрьские годы. Не закономерно ли, что его политическим и жизненным культом сделалась са-

82) Там же. Курсив Д.Ш.

мая всеобъемлющая из социальных утопий — утопия «перманентной» мировой социалистической революции?

Схематичность мышления Троцкого потрясающа даже на фоне схематичности мышления Ленина.

Троцкий и сам рассказывает в «Моей жизни» о том, как, стремясь оборонить доктринёрскую определённую своего мышления и мироощущения, он защищался от новых воздействий и жизненных впечатлений в том числе и от воздействий искусства, способных чем-то нарушить упорядоченность его восприятия: «В сущности я сопротивлялся искусству так же, как в свое время сопротивлялся революции, а затем марксизму, как в течение ряда лет сопротивлялся Ленину». А несколько выше сказано (о борьбе против влияния на себя искусства): «... в сущности это была борьба варвара за самосохранение». Из чувства справедливости надо признать, что варвар хорошо самосохранился.

Он чувствует, бродя по музеям Европы, что приближается к чему-то огромному, но, чтобы «охватить его по-настоящему, нужно слишком много расходовать себя». А у него «была своя область, очень требовательная и не допускавшая соперничества: революция». И, хотя он на протяжении двух своих дооктябрьских эмиграций «постепенно и с трудом... приобщался к искусству», «смотрел, читал и кое-что писал», он, по его же словам, «дальше дилетантизма...», однако, не дошел». Ну, что ж, многие ли из нас дошли в искусстве «дальше дилетантизма»? Особенность эстетического дилетантизма Троцкого заключается, однако, в том, что после 7 ноября 1917 года он счёл себя вправе не только выдавать писателям и целым литературным школам публичные историко-политические аттестации, но и выносить им приговоры, решая, чему в искусстве следует быть, а чему — не быть. Дилетант, он исписал сотни страниц пророчествами о судьбах различных феноменов искусства, лишёнными тени сомнений и неуверенности. Попутно приведу свидетельство Троцкого об отношении к культуре другого вершителя её судьб — Ленина:

«Он⁸³ показывал мне с моста Вестминстер и ещё какие-то примечательные здания. Не помню, как он сказал, но оттенок был такой: «Это у них знаменитый Вестминстер». «У них» означало, конечно, не у англичан, а у правящих классов. Этот оттенок, несколько не подчеркнутый, глубоко органичный, ... был у Ленина всегда, когда он говорил о каких-либо ценностях культуры или новых достижениях, книжных богатствах Британского музея, об информации большой европейской прессы или много позже — о немецкой артиллерии или французской авиации: умеют или имеют, сделали или достигли — но какие враги! Незримая тень господствующего класса как бы ложилась в его глазах на всю человеческую культуру, и эту тень он ощущал всегда с такой же несомненностью, как дневной свет».

Троцкий вспоминает об этих суждениях Ленина почтительно, без тени иронии или опасения.

Чтение статей Троцкого об искусстве демонстрирует сходное с ленинским восприятие мировой культуры как творения либо враждебных «пролетариату», то есть марксизму, либо чуждых марксизму, либо неполноценных в сравнении с марксизмом сил. При этом марксизм из одной из множества социальных доктрин вырастает в его сознании и декларациях в некое всеобъемлющее и непогрешимое мировоззрение, способное служить руководством во всех, без какого бы то ни было исключения, сферах жизни. Произведения немарксистской культуры пролетариату, по Троцкому, следует «брать... по необходимости, с заключающимся в них процентом реакционно-классовой лигатуры»⁸⁴.

Рассуждения большевистских вождей о культуре — это не беседы в кругу семьи, сослуживцев и единомышленников. Это и не просто статьи или книги, кото-

83) Ленин (Л. Д. Троцкий. *Моя жизнь*).

84) Троцкий Л. Д. *Литература и революция*. Все последующие размышления Троцкого о культуре и литературе цитируются по этой книге.

рые можно читать или не читать, принимать или не принимать во внимание. Это директивная система воззрений, предопределившая для целых народов легальный эстетический кодекс огромной эпохи, жизнь и смерть культуры и её творцов во множестве стран.

Троцкий был вскоре этой эпохой отринут, но таков саркастический парадокс его прижизненной и посмертной истории, что его воззрения без его имени остались на вооружении у его гонителей.

Но Ленин все-таки куда меньше писал о литературе, чем Троцкий, а об искусстве вообще, кажется, не писал специальных статей. Троцкий же в 1923 году любовно собрал и выпустил целый том своих старых и новых статей о литературе, включив в него все составленные с его участием партийные решения по цензурным вопросам.

На мой взгляд, Троцкий в своей философии культуры страшен. *Литература и революция* — так он назвал свою книгу. Это значит, что каждый литературный факт, которого он в ней касается, соотнесен им с владеющей им безраздельно Схемой. Он вообще устрашающ в холодном безумии своего мертвящего доктринёрского мышления, ибо нет на свете таких вещей, которые он не решился бы систематизировать в координатах марксизма.

В предисловии к книге *Литература и революция* он пишет:

«Место искусства можно определить таким схематическим рассуждением.

Если бы победивший пролетариат не создал своей армии, рабочее государство давно протянуло бы ноги, и нам не приходилось бы размышлять сейчас ни над хозяйственными, ни тем более над идейно-культурными проблемами.

Если бы диктатура оказалась неспособной в ближайшие годы организовать хозяйство, обеспечивающее население хотя бы жизненным минимумом материальных благ, пролетарский режим неизбежно

пошел бы прахом. Хозяйство сейчас — задача задач.

Но и успешное разрешение элементарных вопросов питания, одежды, отопления, даже грамотности, являясь величайшим общественным достижением, ни в коем случае не означало бы еще полной победы нового исторического принципа: социализма. Только движение вперед, на всенародной основе, научной мысли и развитие нового искусства знаменовали бы, что историческое зерно не только проросло стеблем, но и дало цветок. В этом смысле развитие искусства есть высшая проверка жизнениности и значительности каждой эпохи.

Культура питается соками хозяйства, и нужен материальный избыток, чтобы культура росла, усложнялась и утончалась. Буржуазия наша подчиняла себе литературу, и при том быстро, в тот период, когда стала уверенно и крепко богатеть. Пролетариат сможет подготовить создание новой, т.-е. социалистической, культуры и литературы не лабораторным путем, на основе нынешней нашей нищеты, скудости и безграмотности, а широкими общественно-хозяйственными и культурническими путями. Для искусства нужно довольство, нужен избыток. Нужно, чтобы жарче горели доменные печи, шибче вращались колеса, бойчее двигались челноки, лучше работали школы»⁸⁵.

Демагогия? Примитивность? Намеренное упрощение в расчёте на малокультурных слушателей? Всего понемногу. «Буржуазия наша подчиняла себе литературу, и при том быстро, в тот период, когда стала уверенно и крепко богатеть». Добывай, пролетариат, поскорее «довольство», «избыток» — и ты «подчинишь себе литературу...»

В одной из самых последних своих работ — в книге *Что такое СССР и куда он идёт?* (1936 г.⁸⁶) Троцкий пи-

⁸⁵ Там же, стр. 5-6.

⁸⁶ Edition en fac-simile du manuscrit original de la "Révolution trahie" — édité par la IVe Internationale Rouge, 10 Impasse Guéméné, Paris 4-ème, стр. 21.

шет о 1918-1921 годах: «Хозяйственная жизнь оставалась целиком подчинена нуждам фронтов. Культурная жизнь ютилась на задворках и характеризовалась смелым размахом творческой мысли, прежде всего личной мысли Ленина, при чрезвычайной скудости материальных средств».

Издательство IV (троцкистского) Интернационала в Париже с полной серьёзностью публикует откровения Троцкого о «смелом размахе творческой мысли Ленина», ютившейся «на задворках» в годы младенчества советского социализма. Не стоило бы и останавливаться на этих сентенциях, если бы историко-литературная схема Троцкого не лежала в наиболее общих своих чертах по сей день в основе советской школьной программы по русской литературе. Разве не эта версия бытует сегодня, пусть в несколько обновленном лексическом оформлении, в советской школе?

«Старая наша литература и «культура» была дворянской и бюрократической, на крестьянской основе. Дворянин, в себе не сомневающийся, и кающийся дворянин наложили свою печать на значительную полосу русской литературы. Потом на крестьянско-мещанской основе поднялся интеллигент-разночинец, который вписал свою главу в историю русской литературы. Пройдя через народническое «опрошенство», интеллигент-разночинец модернизировался, дифференцировался, индивидуализировался в буржуазном смысле. В этом историческая роль декадентства и символизма. Уже с начала столетия, особенно же с 1907-8 гг., буржуазное перерождение интеллигенции и с ней литературы идет на всех парах. Война придает этому процессу патриотическое завершение.

Революция опрокидывает буржуазию, и этот решающий факт вторгается в литературу. Кристаллизовавшаяся по буржуазной оси литература рассыпается. Все, что осталось сколько-нибудь жизнен-

него в области духовной работы и особенно литературы, пытались и пытаются найти новую ориентацию. Осью ее, за выходом буржуазии в тираж, является народ минус буржуазия. А что это такое? Прежде всего — крестьянство, отчасти мещанская масса города, а затем рабочие, поскольку возможно еще не выделять их из народно-мужицкой протоплазмы. Таков основной подход всех попутчиков. Таков покойник Блок, таковы живые и здравствующие: Пильняк, серапионы, имажинисты. Таковы в части своей даже и футуристы (Хлебников, Крученых, В. Каменский). Мужичья основа нашей культуры — вернее бы сказать «бескультурности» — обнаруживает все свое пассивное могущество»⁸⁷.

Много ли вообще она стоит, вся эта, по Троцкому «недолитература» и «недокультура», сплошь состоящая из недопонявших, недодумавших, недоучившихся, недоувидевших? . . Немного. Ей и жить-то осталось какие-то считанные минуты:

«Вне-октябрьская литература, от суворинских фельетонистов до тончайших лириков помещичьего суходола, отмирает вместе с классами, которым служила. В формально-генеалогическом смысле она является завершением старшей линии старой нашей литературы, сперва дворянской, а под конец буржуазной с начала до конца.

«Советская» мужиковствующая литература, формально, но уже с гораздо меньшей беспорядочностью, генеалогию свою может вывести из славянофильских и народнических течений старой литературы. Конечно, и мужиковствующие — не непосредственно от мужика. Они не мыслимы были бы без предшествующей дворянско-буржуазной литературы, младшей линией которой они являются. Сейчас они себя перелицовывают, соответственно новой социальной обстановке.

87) Троцкий Л. Д., *Литература и революция*, стр. 6-7.

Ф у т у р и з м представляет собою также бесспорное ответвление старой литературы. Но в пределах ее русский футуризм не успел развернуться и, достигнув необходимого буржуазного перерождения, получить официальное признание. Он оставался на богемской стадии, нормальной для каждого нового литературного течения в капиталистически-городских условиях, когда разразилась война и революция. Толкаемый событиями, футуризм направил свое развитие в новое, революционное русло. Пролетарского искусства тут не вышло и выйти, по самому существу дела, не могло. Футуризм, оставаясь во многом богемски-революционным ответвлением старого искусства, ближе, непосредственнее и активнее других течений входит в формирование нового искусства.

Как значительны бы ни были достижения отдельных пролетарских поэтов, в общем так называемое «пролетарское искусство» проходит через ученичество, рассеивая элементы художественной культуры вширь, ассимилируя новому классу, пока еще в лице очень тонкой прослойки, старые достижения и являясь, в этом смысле, одним из истоков будущего социалистического искусства»⁸⁸.

Итак, одни «отмирают», другие «себя перелицовывают», третьи во что-то пытаются «сформироваться», четвёртые пребывают на стадии «ученичества». Литературы как таковой у России начала 1920-х гг. Троцкий не обнаруживает.

Я долго размышляла над тем, что дало Дж. Кармайклу основание видеть в Троцком ревнителя духовной свободы и врага политической нетерпимости. Должно быть, следующее его руководящее указание (или что-нибудь вроде этого):

«Наша политика в искусстве переходного периода может и должна быть направлена на то, чтобы

88) Там же, стр. 8-9.

облегчить разным художественным группировкам и течениям, ставшим на почву революции, подлинное усвоение ее исторического смысла и, ставя над всеми ими категорический критерий: за революцию или против революции, — предоставлять им в области художественного самоопределения полную свободу»⁸⁹.

Оперевшись на: «... предоставлять им в области художественного самоопределения полную свободу», почитатели Троцкого не замечают «категорического критерия: за (курсив Троцкого) революцию или против (курсив Троцкого) революции». Да и речь-то идёт лишь о «разных группировках и течениях, ставших на почву революции». О не ставших и разговору нет.

К этому главному «категорическому критерию» прибавляется множество второстепенных критериев, но тоже категорических:

«Искусство этой эпохи будет целиком под знаком революции. Этому искусству нужно новое сознание. Оно непримиримо прежде всего с мистицизмом, как открытым, так и переряженным в романтику, ибо революция всходит из той центральной идеи, что единственным хозяином должен стать коллективный человек и что пределы его могущества определяются лишь познанием естественных сил и умением использовать их. Оно непримиримо с пессимизмом, скептицизмом и всеми другими видами духовной протрации. Оно реалистично, активно, исполнено действенного коллективизма и безграничной творческой веры в будущее...»⁹⁰

А поэтому — хоть помри в одночасье эволюционисты, художники со старым сознанием, мистики, индивидуалисты («хозяином должен стать коллективный человек»), пессимисты, скептики, нереалисты, пассивные

⁸⁹) Там же, стр. 9.

⁹⁰) Там же.

души и субъекты, рискнувшие усомниться в будущем...

В томе I своих сочинений, названном им *Война и революция*, Троцкий говорит об «ужасающем деспотизме» российской власти в канун февраля 1917 года. Затем сообщает читателям, что кровожадные Керенский и Церетели «звергали тысячами рабочих в тюрьму». Видно, всё то, что хочешь разрушить или разрушил, необходимо ещё и решительно опорочить; иначе остается чувство какого-то дискомфортного зуда на месте совести. И тут же, справедливо полагая, что никто из его читателей не станет сопоставлять его разноречивых высказываний, он вспоминает о своих дореволюционных, военного времени корреспонденциях, отправляемых им из нейтральной Швейцарии в «страну ужасающего деспотизма»: в 1914-1916 годах «Киевская мысль», немарксистская интеллигентская газета, давала, по свидетельству Троцкого, «марксистским сотрудникам»... «очень широкое место» «и позволяла им освещать события, особенно иностранные, под социально-революционным углом зрения». Далее Троцкий пишет: «Я имел возможность вести открытую борьбу (на страницах дофевральской «Киевской мысли» — Д.Ш.) против... того «неославянского» империализма, на почве которого кадетская оппозиция заключила соглашение с третье — июньской монархией».

Большевики слишком хорошо знали, что такое свободная пресса и какую роль эта пресса играет в организации политических действий, чтобы позволить себе малейшее послабление в цензурной политике.

Ну, а куда в таком случае девать утверждение Троцкого, что партия допускает и впредь намерена допускать свободу «художественного самоопределения»?

«Не означает ли, однако, такая политика, что у партии окажется со стороны искусства не защищенный фланг? Сказать так — значило бы сильно преувеличить: явно ядовитым, разлагающим тенденциям искусства партия дает отпор, руководясь политическим критерием.

... Если революция вправе, когда нужно, разрушать мосты и художественные памятники, то тем более она не остановится перед тем, чтобы наложить свою руку на любое течение искусства, которое, при всех своих формальных достижениях, грозит внесением разложения в революционную среду или враждебным противопоставлением друг другу внутренних сил революции: пролетариата, крестьянства, интеллигенции. Критерий наш — отчетливо политический, повелительный и нетерпимый. Но именно поэтому он должен ясно очерчивать пределы своего действия. Чтобы выразиться еще отчетливее, скажу: при бдительной революционной цензуре — широкая и гибкая политика в области искусства, чуждая кружкового злопыхательства.

Совершенно очевидно, что и в области искусства партия не может ни на один день придерживаться либерального принципа *laisser faire, laisser passer* (предоставьте вещам идти своим ходом)⁹¹.

Никакого противоречия со словами о свободе «художественного самоопределения» этот отрывок не содержит. Так же, как и следующий:

«Но было бы чудовищно делать отсюда тот вывод, что техника буржуазного искусства рабочим не нужна. Между тем на это многие сбиваются. Дайте, мол, нам хоть корявое, но свое, родное». Это фальшь и ложь. Корявое искусство не есть искусство и следовательно трудящимся не нужно. «Корявый» подходец, заключающий в себе в сущности добрую долю презрения к массе, очень знаменателен для особой породы политиканов, питающих органическое недоверие к силе класса и льстиво славословящих ему, когда «все обстоит благополучно». Вслед за демагогами эту формулу мнимо-пролетарского опрошенства повторяют искренние простаки. Это не марксизм, а реакционное народничество, чуть-чуть

91) Там же, стр. 162.

подделанное под «пролетарскую» идеологию. Искусство для пролетариата не может быть искусством второго сорта. Учиться нужно, несмотря на то, что «учоба» — по необходимости у врагов — заключает в себе свои опасности»⁹².

Учиться пролетариат должен не «содержанию» искусства неполноценных классово (идеологически) течений и групп, а «форме», профессиональному мастерству и технике буржуазного искусства, которые Троцкому представляются (при должном к тому внимании) отдельными от их небезопасного содержания.

Прочь вредные мысли, чуждые взгляды, демобилизующие настроения, но — даёшь красивую, не «корявую» форму! Учись у врага техническим приёмам искусства, оформляя при помощи этих приёмов своё, полезное, коммунистическое содержание. Вылуцивай опасную идеологию, но используй в качестве образца одежды, в которые это содержание облачалось. Трудно придумать что-либо более плоское, более вульгарное и безжизненное, чем эта назидательная дихотомия.

В своих заметках о футуризме Троцкий делает, правда, беглую оговорку о том, что «отделить форму от содержания... не легко», как «не легко... совлечь с футуризма его интеллигентскую ипостась», но «не легко» не означает, что невозможно.

Постичь же нерасчленимость компонентов искусства, условность и неточность определений «форма» и «содержание» схематизированному мышлению Троцкого не дано.

Дж. Кармайкл рисует в одной из глав своей книги Троцкого на роковом для него заседании Политбюро. Бледный и сосредоточенный, опальный революционер читает (в оригинале) французский роман, стараясь не обращать внимания на решающих его судьбу «эпигонов». Да и сам Троцкий в «Моей жизни» говорит о своей особой любви к французской прозе. Но для народных

⁹²) Там же, стр. 151.

масс он, подвергший барственному разносу поименно чуть не всех мастеров российской литературы 1900-х—1920-х годов, находит иной эталон литературного мастерства:

«Любопытно, что сочинители отвлеченных формул пролетарской поэзии проходят, обычно, мимо поэта, который больше, чем кто бы то ни было, имеет право на звание поэта революционной России. Определение его тенденций, его социальной подоплеки не требует сложных критических методов: Демьян весь тут, из одного куска. Это не поэт, приблизившийся к революции, снизошедший до нее, принявший ее; это большевик поэтического рода оружия. И в этом исключительная сила Демьяна. Революция для него не материал для творчества, а высшая инстанция, которая его самого поставила на пост. Его творчество общественно-служебно, не только в так называемом последнем счете, как все искусство, но и субъективно, в сознании самого поэта. И так с первых дней его исторической службы. Он врос в партию, рос с нею, проходил разные фазы ее развития, учился думать и чувствовать с классом изо дня в день, и этот мир мыслей и чувств в концентрированном виде возвращать на языке стиха, басенно-лукавого, песенно-унывного, частушечно-удалого, негодующего, призывного. В его гневе и ненависти нет ничего дилетантского, он ненавидит хорошо отстоявшейся ненавистью самой революционной в мире партии. У него есть вещи большой силы и законченного мастерства, но есть не мало газетного, будничного, второстепенного. Демьян творит ведь не в тех редких случаях, когда Аполлон требует к священной жертве, а изо дня в день, когда призывают события и . . . Центральный Комитет. Но взятое в целом творчество его представляет явление совершенно небывалое, единственное в своем роде. И те поэтики разных школок, которые не прочь

пофыркать по поводу Демьяна, — газетный-де фельетонист! — пусть пороются в своей памяти и найдут другого поэта, который своим стихом так непосредственно и действенно влиял бы на массы и — какие массы? — рабочие, крестьянские, красноармейские, многомиллионные, — и когда? — з величайшую из эпох.

Новых форм Демьян не искал. Он даже подчеркнуто пользуется старыми канонизированными формами. Но они воскресают и возрождаются у него, как несравненный передаточный механизм большевистского мира идей. Демьян не создал и не создаст школы: его самого создала школа, именуемая Р.К.П., для надобностей большой эпохи, которая не повторится. Если отвлечься от метафизического понимания пролетарской культуры, а подойти к делу пол углом зрения того, что пролетариат читает, что нужно ему, что захватывает его, что побуждает его к действию, что повышает его культурный уровень и тем самым подготавливает условия для нового искусства, то творчество Демьяна Бедного есть пролетарская и народная литература, т.-е. литература, жизненно нужная пробужденному народу. Если это не «истинная» поэзия, то нечто больше ее»⁹³.

Сталин, по всей вероятности, не листал на заседаниях Политбюро французских романов и, возможно, читал для собственного удовольствия что-то вроде Демьяна Бедного. Троцкий писал поверхностные заметки о символизме, футуризме, имажинизме и ещё Бог весть о чём, но для общенародного употребления рекомендовал сочинения Демьяна Бедного. Судите сами, что хуже (о лучшем здесь говорить не приходится).

Д. Кармайклу представляется, что Пролеткульт (и как организация, и как пролетарская культура) отвергается Троцким из-за неприемлемости для последнего примитивной политизированности пролеткультовских

93) Там же, стр. 157-158.

деклараций и чрезмерных претензий пролетарских писателей. В действительности же Троцкий ничуть не менее тенденциозен, чем Пролеткульт. Но им владеет несколько иная тенденция. Его отрицание понятия пролетарской культуры есть последовательное приложение идеи перманентной коммунистической революции к проблемам культуры. Он говорит в своём предисловии к тому «Литература и революция»:

«В корне неправильно противопоставление буржуазной культуре и буржуазному искусству пролетарской культуры и пролетарского искусства. *Этих последних вообще не будет, так как пролетарский режим — временный и переходный.* Исторический смысл и нравственное величие пролетарской революции в том, что она залагает основы внеклассовой, первой подлинно-человеческой культуры»⁹⁴.

И уточняет в разделе IV («Пролетарская культура и пролетарское искусство») той же книги, почему пролетарской культуры и пролетарского искусства «вообще не будет»:

«Хватит ли у пролетариата попросту времени на создание «пролетарской» культуры? В отличие от режима рабовладельцев, феодалов, буржуа диктатуру свою пролетариат мыслит, как кратковременную переходную эпоху. Когда мы хотим обличить слишком уж оптимистические воззрения на переход к социализму, мы напоминаем, что эпоха социальной революции будет длиться в мировом масштабе не месяцы, а годы и десятилетия, — десятилетия, но не века и тем более не тысячелетия. Может ли пролетариат за это время создать новую культуру? Сомнения на этот счет тем более законны, что годы социальной революции будут годами ожесточенной борьбы классов, где разрушения зай-

94) Там же, стр. 9 (курсив Д.Ш.).

мут больше места, чем новое строительство. Во всяком случае, главная энергия самого пролетариата будет направлена на завоевание власти, ее удержание, упрочение и применение во имя неотложнейших нужд существования и дальнейшей борьбы.

... на самом-то деле, как ни важно и жизненно необходимо наше культурничество, оно целиком стоит еще под знаком европейской и мировой революции. Мы попрежнему солдаты на походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, подстричь и причесать волосы и, первым делом, прочистить и смазать винтовку. Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди — и, может быть, не так уж далеко.

... Отсюда надлежит сделать тот общий вывод, что пролетарской культуры не только нет, но и не будет; и жалеть об этом, поистине, нет основания: пролетариат взял власть именно для того, чтобы навсегда покончить с классовой культурой и проложить пути для культуры человеческой. Мы об этом нередко как бы забываем.

... диктатура пролетариата не есть производственно-культурная организация нового общества, а революционно-боевой порядок для борьбы за него. Забывать об этом нельзя. Историк будущего культуриацию старого общества отнесет, надо думать, ко второму августа 1914 г., когда взбесившееся могущество буржуазной культуры полыхнуло на весь мир кровью и огнем империалистской войны. Начало новой истории человечества будет отнесено, надо полагать, к 7-му ноября 1917 г. Основные этапы развития человечества будут, надо полагать, установлены примерно так: вне-историческая «история» первобытного человека; древняя история, движение которой шло на рабстве; средневековье — на крепостном труде; капитализм с вольнонаемной экспло-

атацией и, наконец, социалистическое общество с его безболезненным, надо надеяться, переходом в безвластную коммуны. Во всяком случае те 20-30-50 лет, которые займет мировая пролетарская революция, войдут в историю, как тягчайший перевал от одного строя к другому, но никоим образом не как самостоятельная эпоха пролетарской культуры»⁹⁵.

Для Троцкого и пролетариат, и крестьянство, и доставшиеся коммунистам в наследство от прошлого (необходимые им, к превеликому сожалению), спецы, и новая, «красная», интеллигенция, и государственный аппарат, и партия — это прежде всего инструменты осуществления великого замысла, «солдаты» на «дневке», обречённые за «20-30-50 лет» боёв погибнуть, убивая и разрушая. Разве что нынешняя зелёная молодежь и дети выживут, воюя и строя. До культуры ли тут?

Фактически Троцкий говорит о пролетариате и культуре простейшие вещи: «НЭП пришел и уйдёт»; возобновится революционная битва, уже мировая; пролетариату будет не до культуры; культурой займемся в бесклассовой мировой «безвластной коммуне»; а пока — кто грамотней, научите пролетариев между делом читать и писать. Но в какое цветистое и извилистое словесное рукоделие Троцкий уходит, чтобы произнести эти свои простые и утилитарные выводы! Ведь ему необходимо согласовать своё прагматическое признание малограмотности и чисто инструментальной функции рабочего класса (как в войне, так и в мире) с судьбоносной, планетарно-преобразовательной мессианской ролью пролетариата марксистской схемы. В этой точке ломается всякая, даже чисто внешняя логика и Маркса, и Троцкого, и остаётся выходить из логического тупика посредством чисто словесной эквилибристики.

*

Итак, отношение Троцкого к проблемам культуры предопределяется всё той же Схемой, которая стала

95) Там же, стр. 140.

основой всех его социальных реакций. Эта Схема приказывала каждому коммунисту и пролетарию считать своё единственное существование не самоцелью, а средством. Некоммунисты и непролетарии ею расценивались просто как исполнительный материал, долженствующий принимать ту форму, которая ему предписана коммунистами. Опасные и ненужные исключались из жизни. Схема велела и борцам и обывателям не расслабляться, готовиться к десяти-, двадцати-, пятидесятилетней битве, не думать о достатке, о передышке. Троцкий не мог не согласиться на НЭП, ибо, занимая пост наркомвоенмора, он раньше других почувствовал в предельном отчаянии народа смертельную угрозу для партократии. Но он согласился только на минимально необходимую передышку и теперь в сжигающем его нетерпении по всякому поводу буквально бил копытом о землю. Иначе не стал бы он в полемике с Пролеткультом писать о рабочих как о «солдатах на дневке» и утверждать, что пролетариат не успеет создать своей культуры за те короткие грозные десятилетия, которые отделяют СССР от мировой «безвластной коммуны».

Очень трудно понять, почему Троцкий, взяв в свои руки власть, вызывавший того же, что Сталин осуществлял (правда, несколько позже и с несравненно лучшим обеспечением), вызывает у своих современных биографов такую симпатию? Ведь от них далеко не полностью ускользает его чудовищная готовность *на всё* во имя своей чреватой планетарным кошмаром идеи! Все жестокости, которые совершил Сталин, суть не что иное, как историческая реальность лозунгов Троцкого! У этих двух деятелей разные политические амплуа: без Ленина ни тот, ни другой системы не создали бы, но в уже построенной вчерне системе Троцкий оставался по преимуществу агитатором и литератором, периодически являющим миру всплески организаторского таланта и вдохновения, а Сталин был практическим разработчиком, осуществителем широкого промышленного внедрения утопии-оборотня на длинной дистанции. Но фанатический фейер-

веркер, успевший подписать великое множество смертоносных приказов и насочинять убийственных рекомендаций, вызывает почему-то симпатию, а непрезентабельный разработчик — ужас; таков парадокс исторической оптики.

Дж. Кармайкл пишет: «В советских условиях первоначальное социалистическое накопление означало попросту эксплуатацию рабочих. С характерной для него прямотой Троцкий представил эту мысль в столь грубой форме, что аудитория похолодела, вдобавок его сложные интеллектуальные построения делали выводы совершенно невнятными. Массовой аудитории трудно было переварить такое, например, замечание: «Могут возникнуть ситуации, когда правительство вообще не будет платить вам жалованье или будет платить только половину, а второй половиной вы, рабочие, должны будете авансировать государство».

Что же в этом замечании Троцкого «сложного» и тем более «интеллектуального»? Всё та же простая людоедская мысль: будете делать всё, что потребуется для нашей великой цели — жить для неё и умирать для неё. Рабочие же, которым предстояло лишиться всего или половины жалования, понимали прекрасно, что это смерть или голод, ибо им нечем было «авансировать государство», кроме как собственным жалованием. Потому и приняли низовые коммунисты в своём большинстве в 1926-28 гг. сторону Сталина, что он ни единожды не обмолвился *наперед* ни об одном из своих серьезных планов снижения жизненного уровня народа⁹⁶. Сталин молча заставит через несколько лет и крестьян, и рабочих, и служащих, и рабов ГУЛага «авансировать государство» (в том числе и «добровольно-принудительными» займами), недоедая, нищенствуя и умирая. И никому не даст пикнуть. И эта реальность будет выглядеть страшной и будничной, а звонкая, хлёсткая фраза — о

⁹⁶ И как раз в это время провёл в ознаменование десятилетия «Великой октябрьской революции» переход к семичасовому рабочему дню.

том же! — Троцкого представляется «сложной и «интеллектуальной».

*

Дж. Кармайкла, плененного квазидуховностью Троцкого, удивляет благоговение последнего перед письмами Маркса и Энгельса. Он говорит о восторженном панегирике Троцкого по поводу их переписки: «Это звучит поразительно, если учесть, что даже сокращённое издание переписки Маркса и Энгельса, которое читал Троцкий... на каждом шагу демонстрирует злобность, завистливость, мелочность авторов. Они непрерывно унижают своих соперников, посторонних людей и даже собственных друзей, насмеваются и сплетничают о них самым вульгарным образом.

Заметив в них лишь интеллектуальный блеск и идеалистические мечты и отмахнувшись от «слишком человеческого» за этими масками благородства, Троцкий попросту обнаруживал, каким он видел самого себя».

А несколькими главами позже сказано об изолированности Троцкого в партии: «... особенности его натуры — высокомерной, обособленной, замкнутой, *благородной* (курсив Дж. Кармайкла) исключали возможность его участия в паутине интриг, где любые союзы заключались лишь на основе взаимной выгоды».

Я тоже читала письма Маркса и Энгельса и, кроме них, ещё и стенограммы съездов РСДРП, РСДРП(б), и РКП(б), в которых активно участвовал Троцкий. На этих съездах торжествовали «во весь голос» те качества: «злобность, завистливость, мелочность», вульгарная оклочность, недоверие к соратникам, бесчестность по отношению к противникам и оппонентам, которые, по Дж. Кармайклу, свойственны переписке Маркса и Энгельса. На протяжении 1900-1916 гг. Троцкий и Ленин сказали и написали друг о друге столько уничтожительного (последний бывал в своих оценках Троцкого просто зол и груб, первый давал порой убийственно меткие характеристики), что вскакивать в 1917 году на

подножку ленинского «броневичка», идущего к власти, было очень уж неблагоприятно.

Этические критерии Маркса и Энгельса, вскользь осуждённые Дж. Кармайклом, органичны и для самого Троцкого — вот почему он не заметил их изменности, как не заметил изменности партийных свар, в которых всегда активно участвовал.

В своей книге, посвящённой «литературе и революции», Троцкий выносит смертные приговоры читательского забвения десяткам писателей, покинувших и не покинувших Россию в 1918-1920-х гг. Но так получилось, что его приговоры сбылись не над их живым по сей день творчеством, а над его собственным наследием, не принесшим в мир ни крохи добра, красоты и правды. Вот некоторые (только некоторые) из этих впустую прогрохотавших, историей не услышанных приговоров:

«Литература после Октября хотела притвориться, что ничего особенного не произошло и что это вообще ее не касается. Но как-то вышло так, что Октябрь принялся хозяйничать в литературе, сортировать и тасовать ее, — и вовсе не только в административном, а еще в каком-то более глубоком смысле. Значительнейшая часть старой литературы оказалась, и не случайно, за рубежом, — и вот случилось так, что именно в литературном-то отношении эта часть и вышла в тираж. Существует ли Бунин? О Мережковском нельзя сказать, что его не стало, потому что его по существу никогда и не было. Или Куприн? Или Бальмонт? Или сам Чириков? Или может быть «Жар Птица», «Сполохи» и прочие издания, наиболее примечательной литературной чертой коих является сохранение твердого знака и буквы ять? Все это сплошь упражнения в книге жалоб на берлинской станции: очень долго не подают лошадей на Москву, и пассажиры выражаются. В провинциальнейших «Сполохах» художественное творчество представлено Немировичем-Данченко, Амфитеатовым, Чириковым, Первухи-

ным, и другими штатными покойниками, впрочем едва ли когда серьезно рождавшимися. Некоторые, довольно впрочем неясственные признаки жизни обнаруживает Алексей Толстой. Но за это-то он и отлучен от круговой поруки хранителей твердого знака и прочих отставной, с позволения сказать, козы барабанщиков.

Маленький практический урок социологии на тему о том, что нельзя обмануть историю! Ну, хорошо, насилие: земли отняли, фабрики отняли, банковские вклады отобрали, сейфы вскрыли, — а таланты, а идеи? Ведь эти-то невесомые ценности были вывезены за границу в угрожающем для русской «культуры» и особенно ее достолюбезного псаломщика, М. Горького, размере. Почему же из всего этого ничего не произошло? Почему это эмиграция не может назвать ни одного имени, ни одной книги, на которых стоило бы остановиться? Потому что нельзя обмануть историю и подлинную (не псаломщицкую) культуру. Октябрь вошел в судьбы русского народа, как решающее событие, и всему придал свой смысл и свою оценку. Прошлое сразу стошло, поблекло и обвисло, и художественно оживить его можно только ретроспекцией от того же Октября. Кто вне октябрьских перспектив, тот опустошен, насквозь и безнадежно. Оттого-то такими свищами ходят мудрецы и поэты, которые с этим «не согласны» или которых это «не касается». Им просто напросто нечего сказать. По этой, а не по иной причине эмигрантской литературы не существует. А на нет и суда нет»⁹⁷.

Иронией коварной судьбы через пять лет после написания этих строк Троцкий и сам окажется на эмигрантской дорожной станции. И будет горько, без всяких метафорических ухищрений, жаловаться в «Моей жизни» на то, что лицемерные и деспотичные демократические

⁹⁷) Троцкий Л. Д., *Литература и революция*, стр. 18-19.

правительства не предоставляют приюта лихорадящему скитальцу-революционеру.

«Не могу не признать, что перекличка западно-европейских демократий, произведенная по вопросу о праве убежища, доставила мне, сверх всего прочего, немало веселых минут. Иногда казалось, что присутствуешь на «пан-европейской» инсценировке одноактной комедии, на тему о принципах демократии. Текст мог бы быть написан Бернардом Шоу, если б к фабианской жидкости, которая течет в его жилах, подлить хоть пять процентов крови Джона-тана Свифта. Но кто бы ни составлял текст, пьеса остается на редкость поучительной: Европа без визы. Об Америке нечего и говорить. Соединенные Штаты не только самая сильная, но и самая перепуганная страна. Недавно Гувер объяснял свою страсть к рыбной ловле демократическим характером этого занятия. Если это и так, — в чем сомневаюсь, — то это во всяком случае один из немногих пережитков демократий, которые еще остаются в Соединенных Штатах. Права убежища там нет давно. Европа и Америка без визы. Но эти два континента владеют тремя остальными. Это значит — планета без визы.

Мне с разных сторон объясняют, что мое неверие в демократию есть основной мой грех. Сколько на эту тему написано статей и даже книг. А когда я прошу, чтоб мне дали небольшой предметный урок демократии, охотников не обнаруживается. Планета оказывается без визы. Почему же я должен верить, что неизмеримо больший вопрос — тяжба между имущими и неимущими — будет разрешен со строгим соблюдением форм и обрядностей демократии?»

Автору первого советского (декабря 1917 года) декрета о запрещении свободной иммиграции в коммунистическую Россию недоверие к нему демократических правительств, свержением которых он бредит, представляется истинным злодеянием.

«Планета без визы» — это означает в действительности планета с визами, которые демократические правительства не спешат предоставить недавнему вождю № 2 большевистской России, непримиримому врагу демократии.

Коммунисты всегда громогласно настаивают на предоставлении им демократией всех её возможностей, преимуществ и прав и всегда вменяют демократии в криминал её мало-мальские попытки от них защищаться, её малейшую настороженность по отношению к экстремистам. И демократия постоянно отступает перед таким шантажом и спешит исправиться, предоставляя антидемократическим силам возможность действовать.

Ленин и Троцкий создали мир, из которого не выпускают⁹⁸, а только вышвыривают или командируют. При Троцком был узаконен Лениным декрет о суровой уголовной ответственности, вплоть до расстрела, за самовольное возвращение в этот мир. Ленин настаивал исключительно на расстреле, и Троцкий против этого не возражал.

Почему же демократия, упорнейшим из врагов которой был Троцкий, сегодня так жадно тянется к апологетическим мифам о нём? Разве что исключительно по той причине, что «мировая безвластная коммуна» в его пиротехническом освещении выглядит завораживающе притягательно.

Но ведь есть уже убедительный и широкий опыт того, как выглядит эта злокачественная утопия при попытках её воплощения в жизнь. Главная опасность социальных утопий не в их невыполнимости, а в том, что утопии воплощаются в жизнь с неизбежным смещением в сторону результатов, противоположных задуманным. Троцкий убит, но безумие его живёт. И если мы чуть-чуть напряжем наше зрение, мы увидим, как оно расплзается по планете.

98) Флуктуация ограниченного выезда по вызовам из Израиля не изменяет положения для большинства населения огромной советской империи.

4. Читая позднего Троцкого

Передо мной лежит факсимильное издание одной из последних рукописей Троцкого — машинописный текст с дополнениями, исправлениями и пометками автора. *Что такое СССР и куда он идёт*, 1936. Книга написана в изгнании, то есть на свободе от сталинской цензуры. Поставленные Троцким вопросы должны были прозвучать в 1936 году весьма злободенно. Ответы на них одного из двух главных вождей Октября не могут не интересовать историка.

Каковы же всё-таки убеждения Троцкого после девятнадцати лет коммунистического эксперимента в СССР? Каковы его взгляды на центральные положения коммунизма? Что он понял и чего не понял на исходе своей обрубленной сталинским ледорубом жизни? Что он хотел бы построить в СССР и как оценил построенное к 1936 году другими?

Помимо исторического и психологического интереса, эти вопросы содержат ещё и злободневный политический интерес. Во всём мире, за исключением советского блока, троцкисты продолжают предлагать человечеству свою альтернативу как демократии, так и тоталитаризму советского типа. Что эта за альтернатива? Последнее тем более важно знать, что носителями этой альтернативы являются группы отнюдь не парламентского толка, как правило экстремистские и террористические. Троцкистская альтернатива советской модели социализма популярна в Китае. Троцкизм — это сегодня живая политическая тенденция, приглушенность которой (по сравнению с барабанным боем советского коммунизма) не может служить залогом отсутствия у троцкизма будущего⁹⁹.

⁹⁹ Характерно, что экстремистско-террористические международные группы, именующие себя троцкистскими, поддерживаются сейчас Советским Союзом, как и всё мировое террористическое движение, ибо они дестабилизируют Запад и разрушают свободный мир.

Таким образом, вопрос о взглядах позднего Троцкого на коренные проблемы социализма и советского строя и об альтернативах этому строю, предлагаемых Троцким, не является вопросом чисто академическим или беллетристическим. Это один из живых, насущных вопросов текущей геополитики, настоящего и будущего земной истории. Итак:

Что такое, по Троцкому, настоящий социализм?

Есть ли в сочинении Троцкого чёткий ответ на этот вопрос — ответ, позволяющий понять, во имя чего следует пролить реки крови и перестроить привычные правовые системы на всей Земле?

В преамбуле к своей книге¹⁰⁰ Троцкий пишет: «Если считать, что задачей социализма является создание *бесклассового общества, основанного на солидарности и гармоническом удовлетворении всех потребностей*, то в этом основном смысле в СССР социализма ещё нет и в помине»¹⁰¹.

Это определение социализма (*солидаризованное бесклассовое общество гармонически удовлетворяющее все потребности своих сочленов*) отнесено советской официальной наукой к высшей стадии развития нового мира — к стадии коммунизма. Расплывчатость данного определения не позволяет на него опереться без необходимого уточнения всех элементов вышеприведенной формулы. Что означает бесклассовость общества? Отсутствие разнокачественных категорий труда в нём? Как понимать «гармоническое удовлетворение всех потребностей»? Кем будет предопределяться эта гармония: самим потребителем? государством? всем обществом? какой-то его инстанцией? С помощью какой технологии

100) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идет*. Edition en fac-simile du manuscrit original de la "Révolution trahie". Edité par la IVe Internationale Rouge, 10 Impasse Guéménée, Paris, 4-ème. Написано в 1936 г. В дальнейшем все ссылки на это издание исследуемой работы.

101) Напомню, что к моменту принятия второй конституции СССР (1936 г.) Сталин объявил социализм в СССР, в основном, построенным (курсив Д.Ш.).

будут выявляться и учитываться все индивидуальные потребности и т.д. и т.п.?

Собственно говоря, о самом строе здесь ничего не сказано. Это есть лишь максистский (по фразеологическому составу) пересказ неизменной мечты человечества о земле, текущей молоком и мёдом, о скатерти-самобранке, о молочных реках в кисельных берегах и о социальном мире.

Троцкий нигде не даёт развёрнутого и более или менее строгого определения строя, за который он борется. Косвенно же из его рассуждений следует вывод, что для него, как и для Ленина, социализм (коммунизм) тождествен прежде всего полной и всеобъемлющей плановости. Из такого подхода вытекает неизбежно следствие: потребности членов коммунистического общества будут определяться не потребителями, а верховной планирующей инстанцией. Так, Троцкий пишет¹⁰²:

102) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 21.

«Военный коммунизм был, по существу своему, системой регламентации потребления в осаждённой крепости».

В этой фразе заключена историческая передержка, характеризующая политическое мышление коммунистов вообще и Троцкого в частности: узурпируя власть, ведя всеми доступными им в данный момент средствами атаку против существующего строя или других государств, коммунисты всегда изображают себя в качестве осаждённой и подвергающейся атаке стороны конфликта. Между тем, коммунизм от истоков, с «Коммунистического манифеста», постулирует свою наступательную стратегию.

Но вернёмся к Троцкому:

«Нужно, однако, признать, что, по первоначальному замыслу он («военный коммунизм» — прим. Д.Ш.) преследовал более широкие цели. Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно

развить методы регламентации в систему планового хозяйства в области распределения как и в сфере производства. Другими словами: от «военного коммунизма» оно рассчитывало постепенно, но без нарушения системы прийти к подлинному коммунизму. Принятая в марте 1919 года программа большевистской партии гласила: 'В области распределения задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов'».

Далее Троцкий объясняет невозможность этого перехода отсутствием социалистической революции в Германии («её победе помешала только и исключительно социал-демократия»¹⁰³) и «наличием в стране миллионов изолированных крестьянских хозяйств»¹⁰⁴. Несколько ниже он замечает, «что переворот в формах собственности ещё не решает проблемы социализма, а только ставит её»¹⁰⁵.

Что же решает проблему?

«Достаток, при котором распределение жизненных благ, имеющихся в изобилии, не требует — как ныне в любой зажиточной семье или в «приличном» пансионе, — иного контроля, кроме контроля воспитания, привычки, общественного мнения. Нужна, говоря откровенно, изрядная доля тупоумия, чтобы считать такую, в конце концов, скромную перспективу утопичной»¹⁰⁶.

Однако достижение этого скромного результата возможно, по Троцкому (ссылающемуся на Маркса), только при гораздо более высоком уровне промышленного развития, чем уровень современных «капиталистических» стран. А социалистическая революция парадоксально

103) Там же, стр. 22.

104) Там же.

105) Там же, стр. 25.

106) Там же, стр. 41.

совершилась в стране отсталой. «Правильно, поэтому, нынешний советский режим, во всей его противоположности, назвать не социалистическим, а подготовительным или переходным от капитализма к социализму», — пишет Троцкий¹⁰⁷.

С начала и до конца своей книги Троцкий, говоря о социализме и коммунизме, акцентирует в первую очередь распределительную сторону этой проблемы. Однако, помимо распределения, существуют ещё и другие области человеческой самореализации: труд, творчество, власть. Троцкий так и не говорит чётко о том, как приблизиться к его бесклассовой «безвластной коммуне», все члены которой равны не только в области потребления, но и в сферах работы, престижа, власти.

Мимоходом он замечает, что там, «где ликвидированы 'последние остатки' капитализма, там государству нечего делать», и настаивает на этой своей идее. Но о том, каким образом искоренение капитализма (чего именно? Конкуренции? Частной собственности? Ещё чего-то?) может избавить современное общество от потребности в государственной организации, Троцкий, естественно, ничего не пишет. Он много слов тратит на патетические обвинения Сталина и сталинцев в бюрократизме, корысти, произволе и бонапартизме, но о «правильном» социализме для СССР произносит лишь вскользь ничего не значащие и ни к чему не обязывающие слова.

Наиболее догматичный из партийных вождей 1917-1920-х гг., Троцкий наиболее отчётливо демонстрирует в своём творчестве слабые пункты марксистской доктрины.

В его отношении к проблеме «отмирания» государства при социализме сквозит наивность, граничащая с инфантилизмом, причём это наивность не только его, но и классической исходной догматики.

По Марксу и Энгельсу, «рабочее государство» должно начать «засыпать немедленно после своей победы» (чаще

107) Там же, стр. 43.

всего речь идёт о мировой победе государства «диктатуры пролетариата»).

В СССР государство не «засыпает». В докладе на сессии ЦИК (январь 1936 г.) В. Молотов объявил, что хозяйство СССР стало социалистическим, что «в этом смысле классы уничтожены», но что мешают ослабить диктатуру и, напротив, требуют её укрепления всякие «пережитки прошлого»: «спекулянтики», «рвачи», «анти-советские сплетники» и т. п. Почти в то же время (апрель 1936 г.) П. Постышев на очередном съезде комсомола тоже говорил о крепнувшем единстве бесклассового советского общества, омрачаемом лишь тенями прошлого.

Если это так, саркастически вопрошает комментирующий их речи Троцкий, то «к чему тогда всё-таки железная диктатура бюрократии?» Тогда «не только бюрократия стала чудовищным анахронизмом, но и государственному принуждению вообще на советской земле нечего делать!»¹⁰⁸

И отвечает на свои риторические вопросы так: «Оправдание существования советского государства, как аппарата принуждения, заключается в том, что нынешний переходной строй ещё полон социальных противоречий которые в области *потребления* — наиболее близкой и чувствительной для всех — имеют страшно напряжённый характер и всегда угрожают прорваться отсюда в область производства. Победу социализма нельзя, поэтому, назвать ещё ни окончательной, ни бесповоротной.

Основой бюрократического командования является бедность общества предметами потребления с вытекающей отсюда борьбой всех против всех. Когда в магазинах товаров достаточно, покупатели могут приходить, когда хотят. Когда товаров мало, покупатели вынуждены становиться в очередь. Когда очередь длинна, необходимо поставить полицейского для охраны порядка. Таков исходный пункт власти советской бюрократии.

¹⁰⁸) Там же, стр. 90-91-92.

Она «знает», кому давать, а кто должен подождать»¹⁰⁹.

Распределительный коммунизм (социализм) Троцкого (у Маркса и Энгельса всё-таки куда сильнее в теоретических сочинениях функциональный анализ социально-экономических формаций) приводит его к примитивно-распределительному истолкованию «неотмирания» государства при советском строе. В государственном аппарате он видит лишь полицейского, устанавливающего очередь для рвущихся к прилавку голодных толп.

Вопрос о том, почему дефицит товаров широкого потребления, неведомый ни царской России, ни Западу, остаётся все девятнадцать лет кардинальным вопросом советской жизни, Троцкого не занимает. Догадка о том что отмена частнособственнических отношений возлагает на государство неведомые до тех пор функции и полномочия, не посещает Троцкого на протяжении всей его книги ни разу. Его понимание роли и функции государства в истории общества — вообще, в обществе с национализированной экономикой и однопартийностью — в частности удручающе односторонне и примитивно. Громя и клеймя советскую бюрократию за её всеобъемлющий тотальный характер, Троцкий начисто забывает о том, как Ленин и он стремились пропитать всепроникающим централизмом все области партийной, государственной и хозяйственной жизни, чтобы хоть как-то координировать и предопределять их функционирование.

Советский тотальный бюрократизм (иерархически распределённая власть партийно-государственного чиновничества) расчёт из однопартийности (моноидеологичности легального миропонимания) и национализации (в данном случае — огосударствления) экономики, никакому обществу в его свободном развитии в столь полной мере не свойственных и потому нуждающихся в охране и принуждении со стороны партократии.

Троцкий же упорно твердит, что лишь «по причине своей бедности советское государство посадило себе на шею дорогостоящую бюрократию». И при всех своих

109) Там же, стр. 92.

критических оговорок всё-таки продолжает считать советские хозяйственные отношения 1936 года «социалистическими, в принципе, формами собственности».

Коренную беду советского общества Троцкий видит в том, что эти «социалистические, в принципе, формы собственности» сочетаются с «низким, даже с капиталистической точки зрения, уровнем производительных сил»¹¹⁰.

Таким образом, социализм и для Троцкого, как и для Ленина, и для Сталина, — это, в первую очередь, огосударственная экономика. Тупиковых сторон и потенциалов тотального огосударствления экономики не разглядел ни один из них.

На протяжении всей своей книги Троцкий упорно продолжает называть государственную (партократическую, монокапиталистическую) собственность социалистической собственностью¹¹¹. Он фактически расходится на этом с Энгельсом, считавшим огосударствление экономики лишь преддверием её истинного обобществления, и солидаризуется со Сталиным.

«Огосударствление земли, средств промышленного производства и обмена, при монополии внешней торговли, составляет основу советского общественного строя. Этими отношениями, заложенными пролетарской революцией, определяется для нас, в основном, природа СССР как пролетарского государства», — пишет Троцкий¹¹².

Как видно, Троцкий и в конце своей жизни не отказывается от главной лексической подмены марксизма-ленинизма, от главной его идеологической фикции — от синонимизации эпитетов «партийный» (теперь, благодаря А. Авторханову, у нас есть блестящий термин «партократия» и его грамматические производные) и «пролетарский».

Основные пороки тотального централизма, предупре-

110) Там же, стр. 177-178.

111) Там же, стр. 178, 201 и др.

112) Там же, стр. 204.

деляющие деспотизм централизирующей силы, от Троцкого полностью ускользают. Он не понимает что Центр, осуществляющий такое правление, не может, сколько бы он ни пытался это сделать, своевременно извлечь из подвластной ему системы, проанализировать и превратить в команды всю информацию, необходимую ему:

- 1) для изучения потребностей, желаний и целей всех членов общества, интересы которых он взялся удовлетворять;
- 2) для определения наилучшего пути развития общества в целом;
- 3) для нахождения каких-то надёжных критериев зла и блага как для общества в целом, так и для каждого его члена в отдельности.

Пока информация о состоянии того или иного «узла» или «элемента» системы достигает Центра, им изучается и преобразуется в руководство к действию, начальное состояние рассматриваемого объекта изменяется, подчас до неузнаваемости. Число же таких объектов весьма велико, и количество их вероятных взаимосвязей практически бесконечно. Эффективно управлять системой подобной сложности из стоящего над ней командного пункта расчётными методами невозможно. Однако Центр уже есть, и он хочет жить и сохранять привилегии, обеспечиваемые ему его внеконкурентным господствующим положением. И он концентрирует все свои силы, способности, возможности и чрезвычайные полномочия на сохранении своей всеобъемлющей власти. Диктатура становится самоцелью. Других оправданий её существование не имеет и иметь не может. Выход для общества — снятие диктатуры, то есть введение в политическую, экономическую и идеологическую жизнь конкуренции, позволяющей обществу (индивидуумам и группам) отбирать из массы конкурирующих программ, услуг и товаров то, что их привлекает. Выход для диктатуры — пресечение всех поползновений общества к снятию навязанного ему монизма.

Выхода же, сочетающего сохранение централизма,

экономического, идеологического и политического, со свободой для общества, в природе нет. Свободное общество несовместимо ни с партократией с её моноидеологием, ни с полным огосударствлением экономики с его бесплодностью.

Троцкий изыскивает ряд неубедительных истолкований засилья бюрократизма в СССР. В этих истолкованиях неизменно сохраняется фикция, которая позволяет Троцкому не сознаваться ни себе, ни другим в полном крушении дела его жизни. К примеру: «Своей посреднической и регулирующей функцией, заботой о поддержании социальных рангов и эксплуатацией государственного аппарата в личных целях советская бюрократия похожа на всякую другую бюрократию, особенно — на фашистскую. Но у нее есть и величайшие отличия. Ни при каком другом режиме, кроме советского, бюрократия не достигла такой степени независимости от господствующего класса. В буржуазном обществе бюрократия представляет интересы имущего и образованного класса, который располагает бесчисленными средствами контроля над своей администрацией. Советская же бюрократия поднялась над таким классом, который едва выходит из нищеты и тьмы и не имеет традиций господства и командования. . . . бюрократия СССР усваивает буржуазные нравы, не имея рядом с собой национальной буржуазии. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе. . . . Советская бюрократия экспроприировала пролетариат политически, чтобы *своими* (подч. Троцким) методами охранять его социальные завоевания.

. . . Средства производства принадлежат государству. Но государство как бы принадлежит бюрократии.

. . . Пролетариат ещё не сказал своего последнего слова. Бюрократия ещё не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности. Она вынуждена защищать государственную собственность, как источник своей власти и своих доходов. Этой

стороной своей деятельности она всё ещё остаётся орудием диктатуры пролетариата.

Попытка представить советскую бюрократию, как класс «государственных капиталистов» заведомо не выдерживает критики. У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербуетя, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма...» — и так далее¹¹³.

В течение 1918-1927 гг. Троцкий и члены его семьи вполне ощутимо успели использовать распределительные преимущества, которые узаконила партократия для своих высших звеньев с первых месяцев своей революции: госдачи, спецбольницы, спецсанатории, спецстоловые, спецпайки, поездки для лечения за границу, спецквартиры и т. д., и т. п. (пресловутый партмаксимум относился к рядовым партийцам и «среднему звену»). Об этом писалось уже так много, что вряд ли стоит останавливаться на этом подробнее.

Замечание Троцкого о том, что советская бюрократия «делает вид, будто в качестве особой социальной группы вообще не существует», справедливо для коммунистической партии со времен «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса. Компартия в час своего рождения объявила себя частью пролетариата, каковой никогда не являлась. Троцкий, стоя у власти рядом с Лениным, эту фикцию (уже для правящей партократии) изо всех сил поддерживал. Он и теперь, в разбираемой книге, отделяет бюрократию от партии, утверждая, что «противовесом бюрократии с первых дней советского

113) Там же, стр. 204-205.

режима служила партия. Если бюрократия управляла государством, то партия контролировала бюрократию. . . партия всегда находилась в состоянии то открытой, то замаскированной борьбы с бюрократией. Историческая роль фракции Сталина состоит в том, что она уничтожила это раздвоение, подчинив партию её собственному аппарату и слив этот последний с аппаратом государства»¹¹⁴.

Антиисторизм рассуждения Троцкого самоочевиден. Партия пыталась, действительно, в 1917-1920-х гг. в лице своих фракций, группировок и отдельных оппозиционеров отстаивать некое подобие *внутрипартийной демократии* — демократии для коммунистов (преимущественно высокопоставленных) по отношению к руководству партии. Троцкий же в начале 1920-х годов был в этом смысле решительным централистом (вспомним его выступления на IX и XI съездах партии; во время X её съезда ему выступать было некогда: он истреблял возжаждавший демократии матросский Кронштадт). Решительнейшим централистом был в этом смысле и Ленин, которому удалось на X съезде РКП(б) добиться от делегатов, напуганных размахом народных волнений, принятия знаменитой резолюции «О единстве партии» с её седьмым пунктом, запрещающим фракционность. Что же касается советов и всех прочих административных аппаратов, осуществляющих власть партократии и её охрану, то их подчинённость высшему руководству партии — иногда лицу, иногда олигархии — никогда ни у кого не вызывала сомнений (вспомним позицию Троцкого 1920-1922 гг. по отношению хотя бы к прерогативам советов и ЦИК советов или рабочих союзов).

Сталин отнюдь не подчинил партию бюрократии, то есть партийно-советскому чиновничеству. Он окончательно подчинил чиновничество — партии, партию — её центральному комитету, а центральный комитет полностью подчинил себе, естественно, сосредоточив в своих руках распоряжение партийными и государственными,

114) Там же, стр. 229.

охранными и военными аппаратами. Так возник предельный, абсолютистский вариант того строя который Троцкий и Ленин насаждали с ноября 1917 года, но никак не могли довести до идеала из-за непереработанности (ещё) человеческого материала, доставшегося им от досоветской России. К 1936 году ещё и Сталин не добился предельной монолитности от партии и народа — предстоят годы «большого террора». Троцкий успел увидеть его и в нём погибнуть, хотя и в Мексике, а не в Лефортове.

Поражает полное, прямо-таки стерильное непонимание Троцким в 1936 году основных механизмов режима, в создании которого он столь инициативно участвовал. Не менее удивительно и непонимание им механизмов действия демократической государственной власти, хотя и эти механизмы он наблюдал достаточно долго — и в эмиграции, и в изгнании.

«Буржуазными» (то есть демократическими) бюрократическими аппаратами управляет, по его убеждению, буржуазия — класс богатый, образованный, свободный от повседневного труда и потому способный контролировать своё чиновничество, свою бюрократию, своё государство.

Господствующим классом в СССР является, по Троцкому, пролетариат, но он «едва выходит из нищеты и тьмы и не имеет традиций господства», а потому над ним и куражится его бюрократия, его государственная власть, которой он так и не научился (ещё не научился) командовать.

Троцкий — марксист, то есть политический мыслитель, чьё внимание должно быть сосредоточено прежде всего на производственной роли классов, чьи возможности он берётся определять. Несмотря на это ему не приходит в голову мысль о различии общественных ролей бюрократии, буржуазии и пролетариата, о возможности или невозможности совмещения этих ролей одним слоем лиц, о путях влияния того или иного класса на формы и поведение государственной власти. Осу-

ществление пролетариатом его диктатуры означает взятие рабочими на себя либо обязанностей бюрократии и буржуазии, либо командование бюрократией и буржуазией, контроль над ними. Возможно ли это? И, если возможно, то с помощью каких механизмов? Как может пролетариат контролировать бюрократию?

Но марксизм Троцкого является странным, чисто лексическим, фразеологическим, а не сущностным комплексом. Поэтому Троцкий так и не пришел к той ревизии противоречий марксизма изнутри, которую осуществил в своё время Э. Бернштейн, глубоко овладевший классово-функциональным подходом марксизма и с его помощью доказавший ошибочность марксистских выводов, прогнозов и рекомендаций. Троцкий застыл на формулах мнимо-конструктивных идей марксизма и не единожды не подверг их пересмотру с позиций своего нового опыта. Поэтому он принимает слабость за силу, порок системы — за её достоинство.

Единственным, что делает обнаглевшую и ожиревшую советскую бюрократию «всё ещё . . . орудием диктатуры пролетариата», является, в глазах Троцкого, отсутствие у неё частного и наследственного права собственности на средства общественного производства, которые *принадлежат государству, то есть, по Троцкому, пролетариату, а не бюрократии*. Правда, Троцкий обмолвился мимоходом, что *«государство как бы принадлежит бюрократии»*, но отгородил себя от беспощадного вывода (о том, что государство действительно принадлежит партбюрократии в целом, партократии, а не пролетариату) словечком «как бы».

Троцкий не раз наблюдал собственноручно демократические выборы. Он отлично знает, не может не знать, что на эти выборы разные партии приходят с различными платформами и что избиратели производят отбор программ, которые им наиболее импонируют, посредством выбора представителей одной из партий. Сходство между бюрократиями: фашистско-нацистской, с одной стороны, партийно-советской, с другой стороны —

обусловлено уничтожением политического конкурентного рынка. Обществу предлагает (навязывает) свои услуги одна-единственная сила, до зубов к тому же вооруженная, и выбора у общества нет.

Если фашистские и нацистские партии не полностью национализируют экономику, а ВКП(б) огосударствила её полностью, то от этого узурпация всей общественной инициативы со стороны ВКП(б) стала ещё полней: о какой «диктатуре пролетариата» или любого другого класса или слоя, кроме верхушки партии-узурпатора, здесь может идти речь? Троцкий же всё своё внимание сосредоточил на праве собственности, понимаемом им весьма упрощённо — как право наследования, купли-продажи, произвольного личного пользования продуктом своих предприятий или их услугами. Партократическое же право собственности есть иерархически распределённое право партократии — *как некоего совокупного субъекта* — распоряжаться всем общественным достоянием по своему усмотрению и в своих кастовых интересах. Выгоды от этого распоряжения тоже распределены иерархически (как и власть). Потребление есть лишь один элемент этого совокупного права собственности. А право *наследования привилегий* может выражаться (и выражается) и опосредованно: в достатке, в получении привилегированного образования, гарантиях лучшей работы и продвижения, в официальном и неофициальном расширении предоставляемых прав, благ, возможностей и т. д.

Почему-то Троцкого совершенно не смущает тот факт, что в его схеме пролетариат выступает как *совокупный* собственник средств производства (*совокупный* и к тому же практически совершенно бесправный). Представить же себе партийно-бюрократическую иерархию в качестве тоже *совокупного* собственника средств производства (*совокупного субъекта действия* с иерархически распределённой инициативой) он никак не может (или не хочет). А ведь, казалось бы, второе представление (партократия как совокупный, со многоуровневым рас-

пределением инициативы, собственник средств общественного производства) куда доступней воображению, чем первое (совокупный собственник-пролетариат). У бюрократии есть реальная власть. Власть — это её социальная функция, её обязанность. А пролетариат прикован к орудиям своего труда, и управление общественным производством не входит ни в его возможности, ни в его обязанности. Для него возможен только один путь участия в управлении — конкурентнодемократический: независимые профсоюзы, оппозиционные к собственникам производства, и выбор наиболее выгодной (близкой) рабочим программы из ряда партийных программ на свободных выборах. Но в уничтожении этого механизма Троцкий принял самое деятельное и агрессивное участие¹¹⁵.

Государство, лишённое конкурентных политических сил, не «как бы», а на самом деле принадлежит бюрократии, его образующей.

Имеет ли и в самом деле, как это представляется Троцкому, власть партократии (партийно-государственной бюрократии всех рангов и областей) «характер социального паразитизма»?

Смотря в какой системе координат её рассматривать и оценивать, то есть в прямой зависимости от того, какой социальный строй мы предпочитаем. Если мы почитаем благом уничтожение частной и групповой собственности и конкурентных рынков, на которых поставщики товаров всех видов: предметов, информации, услуг — непосредственно встречаются с потребителями и претерпевают свободный отбор со стороны последних, нам не обойтись без совокупного заместителя уничтоженных частных и групповых поставщиков этих товаров и услуг. Современным производством и сбытом, лишённым общественного конкурентнорыночного отбора (управления), при нынешнем разделении общественного труда кто-то должен профессионально распоряжаться. Троцкий ревностно участвовал в уничтожении свободно-

115) См. гл. 2 «Легенда о демократе Троцком».

го рынка и сам создавал и защищал аппарат, выполняющий необходимую (при отсутствии рыночного отбора) функцию централизованного управления. Он сам вводил пролетариат (профсоюзы), армию, партию, всё общество в железное русло абсолютного подчинения центральному комитету своей партии, через многообразные аппараты, осуществляющие фактически диктатуру последнего. Он настаивал на прекращении НЭПа ещё в 1924 году, а не в 1927 году, как Сталин. Ему ли теперь говорить о «социальном паразитизме» партийной верхушки и её аппаратов?

Если же полагать, что все частные и групповые собственники (в том числе и коммуны, и кооперативы, и государство) должны равноправно состязаться перед лицом потребителя на конкурентном рынке, то совокупный партократический распорядитель всего этого («ничейного» в личном смысле) общественного достояния, с его аппаратами тотального контроля и принуждения, действительно, представляется паразитом, то есть образованием, ненужным в обществе никому, кроме себя самого.

В отказе рассматривать «советскую бюрократию как класс государственных капиталистов» лишь потому, что у этой бюрократии «нет ни акций, ни облигаций» (а у пролетариата, изображаемого марксизмом-ленинизмом в качестве совокупного же диктатора и собственника социалистического производства, они разве есть?) демонстрируется перед читателем глубокий консерватизм догматического мышления позднего Троцкого (свойственный, впрочем, и раннему). Это мышление и теперь протекает сугубо в усвоенных ранее категориях.

На деле речь ведь и не идёт о том, чтобы рассматривать партийно-государственных (всех служб и рангов) чиновников как капиталистов-частников. Они скорее могут быть уподоблены всего-навсего членам, органам, клеткам единого *совокупного* капиталиста и лишь во всей своей массе образуют некое подобие иерархического собственника-распорядителя.

Троцкий (как в своё время и Бухарин) вплотную подошел к выводу о «новом классе» эксплуататоров¹¹⁶.

Однако он не произнёс этого определения и, кроме того, постоянно отделял от советской бюрократии коммунистическую партию, являвшуюся на деле субстанцией этой бюрократии. Через двадцать лет это понятие введёт в обращение М. Джилас, прошедший дорогу, сходную во многом с дорогой Троцкого, но сделавший из своего опыта куда более глубокие выводы. Вышедшая во второй половине пятидесятых годов — вскоре после хрущевских разоблачений на XX съезде КПСС и подавления венгерского восстания, — книга Джиласа «Новый класс» произвела впечатление разорвавшейся бомбы.

Но ещё в 1926-м году совсем ещё молодой Борис Бажанов¹¹⁷, один из личных секретарей Сталина, уже понял сущность возводимой системы и со смертельным риском бежал от соучастия в происходящем или от верной гибели при отказе от соучастия.

Мои будущие однодельцы и я в 1936 году учились в шестом классе. Через восемь лет мы уже сидели в тюрьме — за ученически-робкие попытки создать истинную функциональную анатомию советского строя, определив его как *монокапитализм* — режим господства совокупного собственника-распорядителя с иерархически распределённой инициативой. Мы отмечали — в качестве определяющего принципа монокапитализма — полное поглощение функции личного и группового владения функцией кастово-иерархического распоряжения.

Троцкий же путается мыслью среди привычных партийных фразеологизмов и сбивается в сторону от своих близких к истине «почти догадок» из-за их лексического несовпадения с марксистскими штампами.

Инерция обязательного для социалиста (для марксиста — в том числе) связывания всех зол и всякого деспо-

116) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 110, 223.

117) Важанов Б., *Записки бывшего секретаря Сталина*. Франция, «Третья волна», 1980 (впервые издана в 1930 г.).

тизма с частной собственностью заставляет Троцкого делать беспочвенное заключение, что «бюрократы» (они же «эпигоны») не вводят частной собственности из страха перед пролетариями¹¹⁸. Ему невдомёк, что это не общество, не рабочий класс, а совокупный всевластный монокапиталист боится возвращения к частной собственности: зачем ему риск, работа, торговля, казусы конкуренции, забота о качестве предлагаемых им потребителей, услуг и товаров? Всё это снято внеконкурентностью иерархического распорядителя, за которую — единственно — он и борется, которую — единственно — и охраняет.

Троцкий трезво отличает «капиталистический», то есть демократический, этатизм от партократического этатизма¹¹⁹, формулируя (под обычными пустопорожними фразеологическими украшениями) здравую мысль: капиталистический этатизм не уничтожает частнохозяйственных отношений, а участвует в них на правах партнёра и частично их регулирует, а советская система уничтожает частнохозяйственные отношения, — поэтому речь идёт о новом хозяйственном укладе. Но Троцкий не видит, не хочет видеть, что при этом новом укладе неизбежно и резко снижается уровень народной свободы, а произвол государственной власти скачкообразно повышается, подавляя всякое противодействие. Что должны означать уже приведенные ранее слова Троцкого: «Советская бюрократия узурпировала пролетариат *политически*, чтобы охранять его социальные завоевания»¹²⁰? В чём они выражаются — эти «социальные завоевания» порабощённого и нищего класса? Очевидно, всё в той же национализации — огосударствлении средств общественного производства, которая и обусловила узурпацию всей общественной инициативы партбюрократией.

«Пролетариат ещё не сказал своего последнего слова»¹²¹ . . . В апогее могущества Троцкого российский про-

118) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 206.

119) *Там же*, стр. 202-203.

120) *Там же*, стр. 204.

121) *Там же*.

летариат пытался сказать своё слово — в Кронштадте, в платформе «рабочей оппозиции», в разогнанной и репрессированной «рабочей партии» 1920-1921 гг., в письмах Г. Мясникова к Ленину, в расстрелянных забастовках и демонстрациях 1918-1922 гг. Мы знаем, как ответил на это тогда Троцкий. Чего же он ждёт от пролетариата теперь?

До чего Троцкий не понимает экономических механизмов как демократии, так и тоталитарного общества, свидетельствует хотя бы следующее его замечание:

«Советская продукция как бы отмечена серым клеймом безразличия. В условиях национализированного хозяйства *качество* (подч. Троцким) предполагает демократию производителей и потребителей, свободу критики и инициативы, т.е. условия, несовместимые с тоталитарным режимом страха лжи и лести. . . Древний философ сказал, что отцом всех вещей является спор. Где свободное столкновение идей невозможно, там нет и творчества новых ценностей. Правда, революционная диктатура, по самой сути своей, означает суровые ограничения свободы. Но именно потому эпохи революций никогда не были непосредственно благоприятны для культурного творчества: они только расчищали для него арену. Диктатура пролетариата открывает человеческому гению тем более простора, чем более она перестаёт быть диктатурой. Социалистическая культура будет расцветать только по мере отмирания государства. В этом простом и непреклонном историческом законе заложен смертельный приговор для нынешнего политического режима в СССР. Советская демократия не есть требование отвлечённой политики, ещё меньше — морали. Она стала вопросом жизни или смерти для страны»¹²².

Попробуем разложить по полочкам здравого смысла это рассуждение Троцкого. «Советская продукция будет

122) Там же, стр. 227.

(без всяких «как бы») отмечена серым клеймом безразличия» до тех пор, пока её единственный поставщик (посредник между производителем и потребителем) — государство — не допустит в своих пределах истинной экономической конкуренции, а оно её не допустит раньше, чем изменит свою природу. Как может партократическое государство 1936 года последовать фантастической рекомендации Троцкого и начать «отмирать», — совершенно непредставимо. Кто же и как возьмёт на себя функции этого государства? Ведь даже демократические общества, сохраняющие частнохозяйственные и прочие конкурентные отношения, без государства обойтись не могут, а уж национализировавшие свою экономику и унифицировавшие свою идеологию общества — тем более. Что за путаница представлена в этом отрывке? Если расцвет культуры и повышение качества продукции несовместимы с отсутствием демократии, то к чему тогда национализаторская диктатура большевиков, да ещё с обязательными — по Троцкому — международными устремлениями? С чего бы вдруг начать «отмирать» государству в СССР 1936 года, если сам Троцкий пишет: «Огосударствление торговых банков и компаний, железных дорог и торгового флота является такой же необходимой мерой социалистической революции, как и национализация средств производства, в том числе и экспортных отраслей промышленности. Монополия внешней торговли есть не что иное, как сосредоточение в руках государства материальных средств экспорта и импорта. Сказать, что Марксу и Энгельсу «не снилась» монополия внешней торговли, значит сказать, что им не снилась социалистическая революция»¹²³. Здесь отчётливо выражено понимание Троцким социализма как — прежде всего — полного огосударствления экономики.

Но если так, то о каком «отмирании» государства, о какой «демократии производителей и потребителей» идёт речь выше?

Тем более, что и в этой своей книге Троцкий ратует за

123) Там же, стр. 242.

ускорение темпов индустриализации, клеймит Сталина за потакание крестьянству и непролетарским элементам города и отстаивает решительную невозможность построения полноценного социализма в одной стране.

При всем том в книге Троцкого присутствует и несомненная апология советского социализма: Он усиленно акцентирует версию, популярную в мире и по сей день:

«В силу ничтожества русской буржуазии демократические задачи отсталой России, как ликвидация монархии и полукрепостной кабалы крестьянства, могли быть разрешены не иначе, как через диктатуру пролетариата.

... Россия вступила на путь пролетарской революции не потому, что ее хозяйство первым созрело для социалистического переворота, а потому, что оно вообще не могло дальше развиваться на капиталистических основах. Обобществление собственности на средства производства стало необходимым условием прежде всего для того, чтобы вывести страну из варварства: таков закон *комбинированного развития* отсталых стран. Войдя в социалистическую революцию, как «самое слабое звено капиталистической цепи» (Ленин), бывшая империя царей и сейчас, на 19-м году после переворота, стоит еще перед задачей «догнать и перегнать» — следовательно прежде всего *догнать* — Европу и Америку, т.е. разрешить те технические и производственные задачи, которые давно разрешил передовой капитализм.

... сосредоточив собственность на средства производства в руках государства, революция дала возможность применять новые, неизмеримо более действительные методы хозяйства. Только благодаря планоному руководству в короткий срок восстановлено то, что было разрушено империалистской и

гражданской войной, созданы новые грандиозные предприятия, введены новые производства и целые отрасли промышленности»¹²⁴.

Я не знаю, что такое «закон комбинированного развития отсталых стран». Скорее всего это квазимарксистское обоснование Троцким приоритета политики над экономикой в действиях коммунистических партий, подчиняющих себе изнутри отсталые страны: сначала взять в свои руки всю полноту власти (т.е. изменить «надстройку»), а потом уже создавать производственно-экономические («базисные») предпосылки для построения социализма. С точки зрения Марксова «исторического материализма» это примерно такой же путь, как решение сначала построить второй этаж здания, а потом начать рыть котлован под фундамент первого этажа, которого еще нет. Но что прикажете делать, если история не разворачивается по сценарию Маркса? Коммунисты вмешиваются в историю и перекраивают ее по своему. Это «творческое развитие марксизма» по-видимому и называется «законом комбинированного развития отсталых стран» — комбинации отсталости с коммунистическим произволом.

Но Троцкий заведомо уклоняется от истины, утверждая:

«что только благодаря пролетарской революции отсталая страна совершила менее, чем в два десятилетия, беспримерные в истории успехи»¹²⁵.

Во-первых, несколькими страницами ниже он сам же будет красноречиво свидетельствовать о пороках и слабостях советского экономического развития.

Во-вторых, в своих статьях 1912-1916 гг. он несколько раз писал о бурном экономическом развитии и росте богатства России 1890-х—1910-х годов.

Поскольку приписывание большевикам роли единственно мыслимых индустриализаторов и цивилизаторов полудикой России ныне весьма популярно и посто-

124) Там же, стр. 9.

125) Там же, стр. 11.

янно подкидывается Западу советской агентурой влияния, я приведу несколько статистических иллюстраций, касающихся темпов развития досоветской России и СССР. Все данные, относящиеся к периоду 1892-1914 гг. взяты мною из статьи В. Н. «Россия перед революцией»¹²⁶. Используя эти данные, я хочу отметить, что они тождественны тем, которые опубликованы и в других изданиях, прежде всего — в русских досоветских статистических публикациях.

Итак, перед нами сельскохозяйственная Россия 1892-1913 гг.¹²⁷:

	1892 г.	1913 г.	Относительный рост
Сбор урожая в России	2050 млн. пуд.	4761 млн. пуд.	в 2,3 раза
Средний урожай десятины	33 пуда	58 пуд.	в 1,75 раза
	1894 г.	1914 г.	Относительный рост
Хлопок:			
посев	150 тыс. дес.	875 тыс. дес.	в 4,5 раза
сбор	3,2 млн. пуд.	15,6 млн. пуд.	в 4,9 раза
Сахар:			
посевы свеклы	289 тыс. дес.	721 тыс. дес.	в 2,5 раза
произв. сахара	30 млн. пуд.	104,5 млн. пуд.	в 3,5 раза

Далее автор статьи сообщает:

«Стоит добавить, что в 1913 году в России было собрано зерновых на одну треть больше, чем в Аргентине, Соединенных Штатах Америки и Канаде вместе взятых, — в странах, где вожди «построения коммунистического общества» теперь лихорадочно скупают недостающий угнетаемой ими стране хлеб. Добавим кроме того, что к 1914 году больше 80% пахотной земли в России уже принадлежало крестьянам и это прежде всего они производили огромное количество хлеба и других продуктов. Остатки помещичьих земель, которые когда-то производили

126) *Русское возрождение* (Нью-Йорк—Москва—Париж), 1980, №10, стр. 87-95.

127) *Там же*, стр. 88.

основную массу товарного зерна в России, к этому времени играли лишь второстепенную, вспомогательную роль; помещичье хозяйство естественно, без насилия и миллионных человеческих жертв уступало место постепенно складывавшемуся в деревне наиболее производительному фермерскому хозяйству.

О промышленном развитии России в тот период общее (не только русских, но и иностранцев) мнение таково, что оно шло более быстрым темпом, чем развитие в те годы в Америке и Европе. Приведём несколько цифр»¹²³:

Обратимся к промышленности:

	1895 г.	1914 г.	Относительный рост
Добыча каменн. угля	466 млн. пуд.	1983 млн. пуд.	в 4,3 раза
Выплавка чугуна	73 млн. пуд.	254 млн. пуд.	в 3,5 раза
Железо и сталь	70 млн. пуд.	229 млн. пуд.	в 3,3 раза

Одним из наиболее распространенных мифов о досоветской России является миф о ее поголовной неграмотности. В. Н. предлагает читателю динамику развития народного образования в России 1894-1914 гг.:

	1894 год	1914 год
Бюджет министерства народного просвещения	25,2 млн. руб.	161,2 млн. руб.
Учащихся в начальных школах . .	3.275.362 чел.	6.416.247 чел.
В средних школах	224.179 чел.	733.367 чел.
В высших учебных заведениях . .	13.944 чел.	89.027 чел.

«Общий бюджет народного просвещения (включая расходы на школы местного самоуправления — земств, городов и специальные) в 1913 году достиг 500 миллионов рублей.

С 1908 года начальное образование, бесплатное, было объявлено обязательным, — после этого каждый год открывалось около 10 тысяч новых школ. Успехи в этой области были таковы, что к 1917 году

123) Там же, стр. 88-89.

около 80% молодежи, от 12 до 16 лет, умели читать и писать.

По числу женщин, учившихся в высших учебных заведениях, Россия занимала тогда первое место в Европе.

Заметим ещё, что если в Америке и в большинстве стран Европы за учебу в высших учебных заведениях взималась и взимается довольно большая плата, в России в интересующий нас период студенты платили всего от 50 до 150 рублей в год, причём немилые обычно от платы освобождались»¹²⁹.

Эти данные В. Н. также подтверждаются рядом других источников.

Для сравнения данных, приведенных в статье В. Н. с соответствующими данными экономического развития СССР я использую официальный советский источник — статистический ежегодник ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР»¹³⁰.

Согласно этому источнику, валовая сельскохозяйственная продукция СССР изменялась в 1913-1978 гг. следующим образом (за единицу отсчета принята валовая продукция сельского хозяйства России в 1913 г.):

гг.	1913	1940	1945	1950	1978
Валовая продукция сельского хозяйства	1	1,4	0,9	1,4	3,6

Итак, если за двадцатилетие 1892-1913 гг. в этой области наблюдалось более чем удвоение показателей основных видов продукции, в частности по зерновым, то за последующие двадцать семь лет прирост ее составил лишь 40%. К концу II мировой войны производство сельскохозяйственной продукции упало ниже уровня 1913 года и достигло уровня предвоенного 1940 года только в 1950 году. За дальнейшие двадцать восемь куда более спокойных лет продукция сельского хозяйства

129) Там же, стр. 92.

130) ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., «Статистика», 1979, стр. 197.

СССР выросла в 2,6 раза. Всего за шестьдесят пять лет (1913-1978 гг.) она увеличилась в 3,6 раза.

Для дальнейшего сравнения приведу ещё некоторые конкретные данные:

Валовой сбор зерна по СССР¹³¹
(во всех категориях хозяйств; тысяч тонн)

1940	В среднем за год			1976	1977	1978
	1966-70	1971-75	1976-78			
95 638	167 562	181 554	218 986	223 755	195 727	237 176

Валовой сбор (закупки) хлопка-сырца по СССР¹³²
(во всех категориях хозяйств; тысяч тонн)

1940	В среднем за год			1976	1977	1978
	1966-70	1971-75	1976-78			
2 237	6 099	7 667	9 512	8 278	8 758	8 499

Производство сахара-песка и сахара-рафинада¹³³
(тысяч тонн)

Годы	Сахар-песок	Сахар-рафинад
1913		
в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	1 352	828
в современных границах СССР	1 363	846
1928	1 233	655
1932	828	433
1937	2 421	1 032
1940	2 165	628
1945	465	54
1946	466	100
1950	2 523	701
1955	3 419	1 285
1960	6 363	1 915
1965	11 037	2 197
1970	10 221	2 005
1975	10 382	2 478
1976	9 249	2 525
1977	12 036	2 593
1978	12 207	2 692

131) Там же, стр. 221.

132) Там же, стр. 224.

133) Там же, стр. 185.

Итак:

За двадцать шесть лет — с 1914 по 1940 г. валовой сбор зерновых увеличился на 17,5%, а сбор с единицы посевной площади даже упал. За последующие тридцать пять лет валовой сбор зерновых увеличился примерно в 2,3 раза, а урожайность — в два раза¹³¹.

Производство хлопка с 1914 г. по 1940 г. выросло примерно в 8,7 раза; таким образом средний темп прироста за этот период близок к таковому за предыдущие двадцатилетие. Но за последующие тридцать восемь лет оно увеличилось лишь в 3,8 раза. Во второй половине 1970-х гг. прирост его фактически прекратился.

Производство сахара с 1913 по 1940 г. увеличилось всего в 1,6 раза. В течение последующей четверти века возросло в 5,25 раза, после чего прирост почти приостановился.

Если даже принять (заведомо безосновательно) советские данные за беспристрастную истину, окажется, что в советское время развитие сельского хозяйства страны происходило в среднем по меньшей мере вдвое медленнее, чем в двадцатилетие, предшествующее первой мировой войне¹³⁴.

Для сравнения темпов развития промышленности по тем же «традиционным показателям» — углю, чугуну и стали приведу таблицы из того же справочника¹³⁵:

Как видно из таблиц, за двадцать семь лет, с 1913 по 1940 г. добыча каменного угля в стране увеличилась в 5 раз, выплавка чугуна — в 3,5 раза и стали — в 4,35 раза. При этом за первые пятнадцать лет прироста фактически не произошло. Фронты первой мировой войны проходили далеко от промышленных районов России, и она не привела к разрушению российской промышленности. Зато вызванная октябрьским переворотом гражданская война привела к катастрофическому разрушению всей тяжелой и в огромной степени —

134) Весьма неспокойное, охватывающее период неудачной войны с Японией и первой революции.

135) ЦСУ СССР. *Народное хозяйство СССР в 1978 г.* Статистический ежегодник, стр. 144, 146.

Добыча угля по видам (тысяч тонн)

Годы	Всего	в том числе	
		каменный уголь	бурый уголь
1913			
в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	29 117	27 987	1 130
в современных границах СССР	29 153	27 987	1 166
1928	35 510	32 453	3 057
1932	64 360	57 471	6 889
1937	127 968	109 878	18 000
1940	165 923	139 974	25 949
1945	149 333	99 428	49 905
1946	164 063	114 295	49 768
1950	261 089	185 225	75 864
1955	389 868	276 615	113 253
1960	509 623	374 925	134 698
1965	577 731	427 881	149 850
1970	624 114	476 406	147 708
1975	701 287	537 654	163 633
1976	711 522	548 018	163 504
1977	722 125	555 100	167 025
1978	723 624	557 140	166 484

Производство черных металлов (тысяч тонн)

Годы	Чугун	Сталь
1913		
в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	4 216	4 231
в современных границах СССР	4 216	4 307
1928	2 232	4 251
1932	6 151	5 927
1937	14 487	17 730
1940	14 902	18 317
1945	8 803	12 252
1946	9 862	13 345
1950	19 175	27 329
1955	33 310	45 272
1960	45 757	65 294
1965	66 184	91 021
1970	85 933	115 889
1975	102 968	141 344
1976	105 374	144 825
1977	107 368	146 678
1978	110 702	151 453

легкой промышленности, сопровождавшемуся массовым уничтожением и деклассированием рабочих и инженерно-технических кадров. Относительные темпы прироста в двадцатые годы могли быть весьма высокими, потому что к 1921 году, как известно, промышленное производство в СССР упало почти до нуля. Тем не менее, довоенный уровень был достигнут лишь к 1927-1928 гг. В последующее десятилетие темпы относительного прироста по этим видам продукции были примерно вдвое выше, чем в 1895-1914 гг. — за счет чудовищных бедствий народных масс СССР в годы первых «сталинских» пятилеток. Выдвижение СССР в первую пятерку высокоразвитых индустриальных стран происходило на фоне застоя развития промышленности Запада после экономического кризиса 1929 года. С 1937 по 1940 гг. прирост производства чугуна и стали почти отсутствует. Это по всей видимости объясняется расстройством управления металлургической промышленностью СССР в результате чехарды ее руководящих кадров в апогее «большого террора».

В годы II мировой войны произошел некоторый спад промышленного производства в результате разрушения промышленности западных районов СССР, только частично компенсированного ее усиленным развитием в восточных районах; но чрезвычайно напряженный восстановительный период дал в первой послевоенной пятилетке последнюю вспышку темпов прироста — опять таки в тяжелейших условиях для огромного большинства народа.

За двадцатилетие 1950-1970 гг. выплавка чугуна и стали увеличилась соответственно в 4,5 и 5,85 раза, что несколько превышает соответствующие данные за 1895-1914 гг.; а добыча угля выросла лишь в 2,6 раза, — меньше, чем за 1895-1914 гг.

Если взять период 1955-1975 гг., то относительные темпы прироста оказываются ниже таковых за 1895-1914 гг. уже по всем трем «традиционным показателям».

Во второй половине 1970-х гг. чётко прослеживается

тенденция к снижению не только относительного, но и абсолютного прироста как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В 1980-1981 гг. уже налицо симптомы застоя и даже спада. В газете «Русская мысль» № 3385 от 5-го ноября 1981 года в статье «Застой промышленного производства в СССР», за подписью Н. Р., сообщается следующее:

«Становится все более ясным, что советская промышленность вошла в стадию застоя. Согласно последнему варианту одиннадцатого пятилетнего плана и так уже заниженные производственные задачи, поставленные госпланом перед советской промышленностью, предусматривали средние годовые темпы роста выше четырех процентов в год. За первое полугодие, однако, промышленное производство в Советском Союзе увеличилось по сравнению с первым полугодием прошлого года всего на два с половиной процента. Это замедление темпов роста охватило большинство отраслей промышленности; хуже того, в некоторых ключевых отраслях оно было гораздо более резким. Производство сельскохозяйственного оборудования оказалось всего на полтора процента больше прошлогоднего, производство сталелитейной промышленности вообще не увеличилось по сравнению с прошлогодним, а производство средств транспорта, нефтедобывающего оборудования и электротехнического оборудования даже сократилось по сравнению с первым полугодием 1980 года».

Несмотря на возрастающий импорт сельскохозяйственной продукции из стран свободного мира, снабжение населения СССР пищевыми продуктами и товарами широкого потребления за эти годы значительно ухудшилось (включая Москву и другие города-гиганты) и продолжает быстро ухудшаться дальше. В большинстве городов введена система нормированного распределения.

Сходные явления имеют место в Польше, где вот уже второй год идёт открытое противоборство между наро-

дом и партократией; в Румынии, где «национал-коммунистическое» правительство пытается с помощью карточной системы, запретов и репрессий остановить наступающий экономический развал; и в последнее время — в Чехословакии.

Всё это даёт основание говорить о начавшемся общем экономическом кризисе советского социалистического блока.

При этом надо сделать ряд оговорок относительно уродливой структуры советской промышленности и кровавой цены промышленного развития СССР. Относительно первого замечу, что согласно тому же источнику¹³⁶, производство средств производства развивалось в отчетный период в три раза быстрее, чем производство средств потребления. Общеизвестно, что в СССР чудовищно форсировались и форсируются области производства военной техники, чего не было в царской России. Не менее отчетливо представлена множеством неподвластных советской цензуре исследователей и гибельная для десятков миллионов людей цена проведенной большевиками индустриализации. Многократно проиллюстрирована в самиздатских, эмигрантских и некоторых западных работах и лживость официальной советской статистики. Но даже при опоре только на эту заведомо апологетическую статистику теряют смысл столь частые в нынешней советологии ссылки на индустриально-цивилизаторскую миссию большевиков.

Троцкий же, хорошо знавший статистику досоветского периода и опиравшийся на её данные в ряде своих дооктябрьских работ, в середине 1930-х гг. заведомо закрывает глаза, свои и чужие, на истинную экономическую историю России и СССР¹³⁷. Он не исследует всерьёз и темпов развития известной ему советской эпохи — до 1936 г. Что же касается его прогнозов относительно дальнейших перспектив экономического раз-

136) ЦСУ СССР. *Народное хозяйство СССР в 1978 г.* Статистический ежегодник.

137) Там же, стр. 242.

вития СССР — они неудачны, как и все прочие его прогнозы. Троцкий не мог не приписывать большевизму и советскому государству чудодейственных темпов развития «народного» хозяйства. Иначе обесмысливаются все его и Ленина деяния как перво создателей СССР.

*

Обвинительный акт

Троцкий пишет: «нерешительность перед индивидуальным крестьянским хозяйством» (это утверждалось в 1936-м году — *после* тотального уничтожения крестьянства в ходе его «коллективизации»), «недоверие к большим планам» (к троцкистским, 1924-1926 гг. планам бешеного нажима на всю страну ради «большого скачка» в индустриализации, тогда ещё чреватого крестьянским восстанием), «защита минимальных темпов» (Сталин сдерживал темпы индустриализации, пока не заменил независимое крестьянство государственными крепостными-колхозниками), «пренебрежение к международным проблемам» (это в годы интенсивнейшего создания нелегальных структур Коминтерна, разведывательной сети и первого поколения агентуры влияния во всём мире) — «всё это составляло в совокупности самую суть теории «социализма в одной стране», впервые выдвинутой Сталиным осенью 1924 года»¹³⁸.

Передержка: о социализме в СССР как о преддверии и условии, а не следствии международной коммунистической революции многое успел и сказать, и написать Ленин. Цитат из наследия Ленина хватило на текущие потребности всех внутривнутрипартийных фракций 1920-х гг.: и сталинской, и троцкистской, и зиновьевской, и бухаринской.

Троцкий на все лады поносит Сталина в связи с затяжкой тем НЭПа до 1927 года, проявляя в очередной раз полное отсутствие того стратегического чувства момента, которое было сильнейшим политическим каче-

¹³⁸) Там же, стр. 29-30.

ством и Ленина, и Сталина. Последний предстаёт в изображении Троцкого таким экономическим либералом, проявившим твёрдость в одном-единственном случае — в зажиме троцкистов. «Не спешить с индустриализацией, не ссориться с мужиком, не рассчитывать на мировую революцию и, прежде всего, оградить власть партийной бюрократии от критики»¹³⁹ — таковы действия Сталина в интерпретации Троцкого. Эти оценки позволяют легко сформулировать альтернативу, принадлежащую Троцкому 1924-1926 гг.: поспешить с индустриализацией; поссориться с мужиком (не успев подготовить необходимого числа колхозов и совхозов, чтобы выжить в годы войны против крестьянства); действовать в расчёте на близкую мировую революцию и допустить троцкистскую критику генеральной линии сталинского партийного руководства. Пойди Сталин на всё это, картина мира была бы радикально иной, чем есть: коммунистического лагеря в ней попросту не существовало бы.

По словам Троцкого (а закрытую советскую статистику 1926 года он ещё знал), в 1926 году 6% крестьянских хозяйств СССР давали почти 60% товарного хлеба. Вдумаемся в эти поистине потрясающие цифры. Они означают, что за пять лет полусвободного развития крестьянство СССР при несравненно худшей технической оснащённости приблизилось к нынешним передовым нормам занятости населения в товарном сельском хозяйстве. В 1917 г. крестьянство составляло около 70% российского населения. Допустим, что в 1926-м году эта цифра сократилась до 60%. Следовательно, 3,6% всего населения СССР обеспечивали 60% хлеба, поступающего на рынок. Ещё несколько лет, и, как в *нынешних наиболее развитых странах мира*, какие-нибудь 5-6% населения СССР обеспечили бы его продовольственное потребление и экспорт. Высвободились бы колоссальные контингенты для промышленности, и постепенно сложились бы свободные банковские накопления для их инвести-

139) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 39.

рования в неё. Таким было бы развитие СССР при полном отказе партюкратии от её экономической, в том числе и внешнеторговой, внеконкурентности. Станем на позицию лиц или групп, стремящихся во что бы то ни стало сохранить партюкратию. Можно ли было, как хотел Бухарин, медлить со «врастанием кулака в социализм»? Никак нет: крупный фермер требовал снятия внешнеторговых ограничений, овладевал сельскими советами, инвестировал частного предпринимателя и производил всё бóльшую часть товаров сельскохозяйственной продукции.

Можно ли было, как предлагал тогда Троцкий, «рассориться» с мужиком в 1924 или даже в 1926 году?

Вспомним несложную арифметику, приведенную Сталиным в его статье «К вопросам аграрной политики в СССР»¹⁴⁰: в 1927 году сильный фермер («кулак») производил 600 млн пудов хлеба и продавал из них 130 млн пудов; колхозы и совхозы производили тогда около 80 млн пудов хлеба, из коих продали 35 млн пудов. В 1929 же году колхозы и совхозы «дали товарного хлеба более 130 млн пудов», — говорит Сталин. Вот тогда и возможно стало добить, додушить, доуничтожить крестьянство, хозяйственное творчество которого в принципе глубочайше враждебно верховному монополизму. Троцкий этой политической логики, этих закономерностей не видит, не принимает в расчёт.

Пусть не возникает ни у кого иллюзии, что Троцкий всерьёз осудил коллективизацию. «В настоящее время уже вряд ли кто-либо решится повторить либеральный вздор, будто коллективизация в целом явилась продуктом голого насилия», — пишет он в 1936 году¹⁴¹ и делает вывод, поразительный для человека, воочию видевшего фермерское хозяйство Европы и обеих Америк: «сочетание земельных клочков в более крупные участки стало вопросом жизни и смерти для крестьянства, для сельского хозяйства, для общества в целом». Далее сле-

140) Сталин И. В., Соч., т. 12, стр. 168.

141) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 33.

дует вывод о необходимости и неизбежности коллективизации в СССР. Но апология коллективизации как принципа сочетается в книге Троцкого с настойчивой критикой сталинской аграрной политики. Описывая ужасы, пережитые советским крестьянством в 1930-1933 годах, Троцкий обвиняет Сталина одновременно и в преступном затягивании, в одиозной технологической необеспеченности коллективизации¹⁴².

Вывод?

По Троцкому, следовало раньше провести индустриализацию, обеспечить организуемые колхозы передовой сельскохозяйственной техникой, а затем уже заняться сплошной коллективизацией. За чей же счёт можно было индустриализовать СССР до коллективизации? Посредством каких накоплений? Из каких источников? У Троцкого 1920-х гг. был на это ответ, которого в 1936 году он почему-то не акцентирует: за счёт милитаризации всей экономики и принудительного, с минимальной оплатой, труда всех членов общества¹⁴³. Но это означало бы войну с бесчисленными фермерскими хозяйствами, аналогичную государственному продовольственному террору 1918-1921 годов. Такая война была бы делом куда более затяжным, бесприбыльным и бесперспективным, чем эксплуатация оперативно сколоченных колхозно-совхозных, а по существу государственных латифундий с их бесправными и безразличными к чужому добру закрепощенными поденщиками, принужденными работать почти бесплатно.

Троцкий весьма впечатляюще рисует всенародное разорение, связанное с коллективизацией:

«Двадцать пять миллионов изолированных крестьянских эгоизмов, которые вчера ещё являлись единственными двигателями сельского хозяйства, — слабосильными, как мужицкая кляча, но всё же двигателями, — бюрократия попыталась одним

¹⁴²) Там же, стр. 33-36.

¹⁴³) См. выступления Троцкого на IX и XI съездах РКП(б).

взмахом заменить командой двухсот тысяч колхозных правлений, лишенных технических средств, агрономических знаний и опоры в самом крестьянстве. Разрушительные последствия авантюризма не замедлили последовать, и они растянулись на несколько лет. Валовой сбор зерновых культур, поднявшийся в 1930 году до 835 миллионов центнеров, упал в следующие два года ниже 700 миллионов. Разница сама по себе не выглядит катастрофической, но она означала убыль как раз того количества хлеба, какое необходимо было городам хотя бы до привычной голодовой нормы. Ещё хуже обстояло с техническими культурами. Накануне коллективизации производство сахара достигло почти 109 миллионов пудов, чтобы через два года, в разгар сплошной коллективизации, упасть из-за недостатка свеклы до 48 млн пудов, т.е. более, чем вдвое. Но наиболее опустошительный ураган пронёсся над животным царством деревни. Число лошадей упало на 55⁰/₀: с 34,6 млн. в 1929 г. до 15,6 миллиона в 1934 г.; поголовье рогатого скота — с 30,7 миллионов до 19,5 миллн., т.е. на 40⁰/₀; число свиней — на 55⁰/₀, овец — на 66⁰/₀. Гибель людей — от голода, холода, эпидемий, репрессий — к сожалению, не подсчитана с такой точностью, как гибель скота; но она тоже исчисляется миллионами. Вина за эти жертвы ложится не на коллективизацию, а на слепые, азартные и насильнические методы её проведения. Бюрократия ничего не предвидела. Даже колхозный устав, пытавшийся связать личный интерес крестьянина с коллективным, был опубликован лишь после того, как злополучная деревня подверглась жестокому опустошению»¹⁴⁴.

Статистические данные Сталина о производстве зерна в СССР заставляют предположить, кроме двух указанных им источников получения хлеба: «кулак» и

144) Троцкий Л. Д., Что такое СССР и куда он идёт, стр. 35.

колхозы-совхозы, — ещё и третий источник, по-видимому, середняцкие хозяйства. Они низкотоварны, но прокармливают самих себя и их очень много. Иначе в стране должен был бы существовать острый хлебный голод. В действительности же, ни в 1924-м ни в 1928-м гг. хлебного голода в СССР не было.

Цифры Троцкого (сотни миллионов центнеров зерна) позволяют рассматривать голод 1932-1933 гг. как явление чисто искусственное, ибо указанных им около 700 миллионов центнеров было достаточно для удовлетворительного обеспечения хлебом тогдашнего населения СССР (примерно 400-500 кг зерна на душу). Хлеб был, по-видимому, изъят лишь у сельского населения, обречённого в существенной его части на вымирание. Имеется достаточно материалов, свидетельствующих о том, что в эти годы производился интенсивный экспорт зерна и другой сельскохозяйственной продукции, обеспечивавший твёрдой валютой форсированную индустриализацию в соответствии с планами первой пятилетки. Так, В. Чалидзе¹⁴⁵ приводит следующие, заимствованные им у Р. Медведева, показатели экспорта зерна в годы коллективизации:

гг.	1928	1929	1932	1933
млн центнеров	менее одного	13	18,1	10

Количества вывезенного в 1932-1933 гг. зерна с избытком хватило бы для предотвращения гибели 4-6 миллионов крестьян, умерших тогда голодной смертью.

Следует отметить, что данные советского официально-справочного издания ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР в 1978 г.»¹⁴⁶ за 1924-1929 гг. совпадают с данными

¹⁴⁵) Чалидзе В., *Победитель коммунизма. Н.-И.*, «Чалидзе Паблицэйшенз», 1981.

¹⁴⁶) Изд. «Статистика», М., 1979, стр. 194.

Троцкого¹⁴⁷. Следовательно, данные Сталина отражают лишь часть производства хлеба в стране. Остальное падает на середняков, которых он и загнал в ближайшие годы насильно в колхозы.

Но провести коллективизацию методами не «насильственными» никто не смог бы, в том числе и Троцкий. Крестьянство коллективизации не хотело и без насилия на неё не пошло бы. Чуть ниже Троцкий цитирует себя самого:

«При благоприятных условиях, внутренних и международных, — писал в 1930 г. заграничный орган «левой оппозиции» — материально-технические условия сельского хозяйства могут в течение каких-нибудь 10-15 лет коренным образом преобразоваться и обеспечить производственную базу коллективизации. Однако, за те годы, которые отделяют нас от такого положения, можно несколько раз успеть опрокинуть советскую власть» . . .

Это предостережение не было преувеличенным: нигде ещё дыхание смерти не носилось так непосредственно над территорией Октябрьской революции, как в годы сплошной коллективизации¹⁴⁸.

В годы сплошной коллективизации (1929-1933) «дыхание смерти» носилось не над «территорией Октябрьской революции», а над крестьянством, ликвидируемым в качестве класса свободных сельскохозяйственных производителей экономически и — в чудовищной мере — физически. Сталин обеспечил для этого уничтожения

147) Интересно, что в среднем за 1976-1978 гг. тот же справочник показывает производство зерна, составляющее 218,8 млн. тонн, т.е. в среднем чуть больше 0,8 тонны зерна на человека в год. И при этом хлеб приходится ещё и ввозить, а животноводство испытывает постоянный недостаток кормов. Из факта ввоза хлеба при таком уровне производства зерна на душу населения следуют, по меньшей мере, два вывода: 1) хлеб и мучные продукты остаются главным предметом питания для населения СССР и 2) существенную часть производства и импорта хлеба поглощают советские сателлиты, сельскохозяйственное производство которых разрушено социалистическими диспропорциями. Наглядный пример — Польша конца 70-х — начала 80-х гг.

148) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 36.

всё: и хлеб для тех, кого он хотел сохранить, и руки — для уничтожения тех, кого он решил уничтожить.

«Дыхание смерти» «носилось . . . непосредственно над территорией Октябрьской революции», когда повсеместно росли крепкие хозяйства и хутора и 3,6% населения СССР давали уже стране 60% товарного хлеба.

Поразительно, что Троцкий принимает вполне всерьёз официальную советскую версию колхозной собственности как «групповой собственности». Он так одержим идеей огосударствления, что его беспокоит даже мнимый «групповой» суверенитет колхозов. От него скрыта абсолютная зависимость колхозов от партократии. Он рисует схему, в которой эти несчастные, загнанные в тупик колхозы предстают грозной силой, маскирующей крестьянскую независимость:

«Если промышленные тресты являются «в принципе» социалистическими предприятиями, то о колхозах этого сказать нельзя. Они опираются не на государственную, а на *групповую* собственность. Это шаг крупный вперёд по сравнению с индивидуальной распылённостью. Но приведут ли колхозные хозяйства к социализму, зависит от целого ряда обстоятельств, часть которых лежит внутри колхозов; часть — вне их, в общих условиях советской системы; наконец, часть, и не меньшая, — на мировой арене.

Борьба между крестьянством и государством далеко не прекратилась. Нынешняя, ещё крайне неустойчивая организация сельского хозяйства представляет не что иное, как временный компромисс борющихся лагерей, после грозного взрыва гражданской войны. Правда, коллективизировано 90% крестьянских дворов, с колхозных полей собрано 94% всей сельскохозяйственной продукции. Даже если принять во внимание известный процент фиктивных колхозов, за которыми укрываются в сущности единоличники (?), то не остаётся, как

будто, ничего другого, как признать, что победа над индивидуальным хозяйством одержана по меньшей мере на $\frac{9}{10}$. Однако, действительная борьба сил и тенденций в деревне ни в каком случае не укладывается в рамки голого противопоставления единоличников и колхозников»¹⁴⁹.

Лицемерная сталинская акция передачи земли колхозам в «вечное пользование», породившая в СССР лишь анекдоты о навечном закреплении крестьян за землей¹⁵⁰, таит в себе, по представлению Троцкого, самое страшное, что может угрожать СССР, зловещий призраок частной собственности:

«В целях замирения крестьян, государство оказалось вынуждено пойти на очень большие уступки собственническим и индивидуалистическим тенденциям деревни, начав с торжественной передачи колхозам их земельных участков в «вечное» пользование, что есть по существу дела ликвидация социализации земли. Юридическая фикция? В зависимости от соотношения сил она может оказаться реальностью и представить уже в ближайший период крупные затруднения для планового хозяйства в государственном масштабе. Гораздо важнее, однако, то, что государство увидело себя вынужденным допустить возрождение индивидуальных крестьянских хозяйств, на особых карликовых участках, со своими коровами, свиньями, овцами, домашней птицей и пр. В обмен за нарушение социализации и за ограничение коллективизации крестьянин соглашается мирно, хотя и без большого усердия, работать в колхозах, которые дают ему возможность выполнить свои обязательства по отношению к государству и получить кое-что в собствен-

149) Там же, стр. 104-105.

150) К примеру, анекдот из серии «Армянское радио».

В о п р о с : Что такое ВКП(б)?

О т в е т : Второе крепостное право (большевиков).

ное распоряжение. Новые отношения имеют ещё настолько незрелые формы, что их трудно было бы измерить цифрами даже в том случае, если бы советская статистика была честнее. Многие позволяет, тем не менее, заключить, что для личного существования крестьян карликовые хозяйства имеют пока не меньшее значение, чем колхозы. Это и значит, что борьба между индивидуалистическими и коллективистическими тенденциями проходит ещё через всю толщу деревни, и что исход её не решен. Куда больше клонит само крестьянство? Оно не знает этого точно и само»¹⁵¹.

И Троцкий уходит в нелепые, фантастические, поверхностно-спекулятивные рассуждения о пережитках рыночных отношений в сельском хозяйстве СССР, об опасности манипуляций со стороны колхозов этой передоверенной им землёй, о растлевающем влиянии приусадебных личных хозяйств на колхозников и пр., и пр.¹⁵². Так и не понял Троцкий, что карликовые приусадебные участки, предоставляемые в личное пользование колхозным креспостным (и тоже обложенные натуральным и денежным оброком), позволили государству фактически снять с себя всякую заботу об оплате труда сельского населения и его воспроизводстве, заставив колхозников за счёт их дополнительного труда на этих участках обеспечивать свою работоспособность для колхозной барщины¹⁵³.

Вывод можно сделать один: у Троцкого нет возможности воплотить в жизнь свои представления о «правильном», то есть безукоризненно милитарном, национализаторском социализме. Но, обрети он сверхъестественную возможность реализовать владеющую им схему, он создал бы сюрреалистический кошмар с такой степенью

151) Троцкий Л. Д. Что такое СССР и куда он идёт, стр. 105.

152) Там же, стр. 196-197.

153) Кроме того, урожай с приусадебных участков колхозников кормил и по сей день кормит значительную часть населения городов.

бесчеловечной централизованной «упорядоченности», какой не сумел добиться и Сталин. Через несколько десятилетий этот кошмар в значительной степени станет реальностью маоистского Китая и пол-потовской Камбоджи...

В рассуждениях Троцкого о коллективизации содержится очередная «урок в пустом классе». Он пишет:

«Режим устоял. Но это заслуга самого режима, пустившего глубокие корни в народную почву. Не в меньшей мере это заслуга благоприятных внешних обстоятельств. В годы хозяйственного хаоса и гражданской войны в деревне Советский Союз был в сущности парализован перед лицом внешних врагов. Недовольство крестьянства захлёстывало армию. Неуверенность и шатания деморализовали бюрократический аппарат и командные кадры. Удар с Востока или с Запада мог в этот период иметь роковые последствия.

К счастью, первые годы торгово-промышленного кризиса создали во всём капиталистическом мире настроения растерянной выжидательности. Никто не был готов к войне, никто не отваживался на неё. К тому же ни в одном из враждебных государств не отдавали себе достаточного отчёта во всей остроте социальных конвульсий, потрясавших страну советск, под звон и грохот официальной музыки в честь 'генеральной линии'¹⁵⁴.

Манихейское мироощущение коммуниста не позволяет Троцкому осознать тот факт, что у СССР нет врагов вне круга социалистических стран, которого при жизни Троцкого ещё не существовало. Коммунизм — всегда сторона нападающая. И, хотя он постоянно изображает себя стороной осаждённой, нет в мире силы, по-настоящему жаждущей вступить с ним в единоборство. Свободный мир уходит от мысли о неизбежности этой битвы, и сроки ее зависят только от СССР.

154) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 37.

Иногда Троцкий почти вплотную подходит к пониманию роли «советского», т.е. партократического правительства в колонизованной им стране:

«Нет в мире другого правительства, в руках которого в такой мере сосредоточивались бы судьбы страны. Удачи и неудачи отдельного капиталиста не полностью, не целиком, конечно, но в очень значительной, иногда решающей, степени зависит от его личных качеств.

Советское правительство заняло по отношению ко всему хозяйству то положение, какое капиталист занимает по отношению к отдельному предприятию. Централизованный характер народного хозяйства превращает государственную власть в фактор огромного значения»¹⁵⁵.

Но осудить всю ситуацию, дающую правительству подобные полномочия, он неспособен, ибо неспособен понять, что именно и исключительно внеконкурентность партократического правительства (бесконкурентность системы) даёт «идеальному совокупному капиталисту» (Энгельс) неизмеримо большую власть, чем та, которой может достичь отдельный капиталист или объединение таковых в конкурентной системе.

Схематическое мышление Троцкого требует, чтобы в конечном счёте побеждали тенденции и силы, наиболее прогрессивные и непогрешимые с марксистской точки зрения. Он пишет:

«Зигзаги правительственного курса отражали не только объективные противоречия обстановки, но и недостаточную способность правящих своевременно понять противоречия и профилактически реагировать на них. Ошибки руководства нелегко выразить в бухгалтерских величинах. Но уже схематическое изложение истории зигзагов позволяет с уверенностью заключить, что они ложатся на советское

155) Там же, стр. 38.

хозяйство грандиозной цифрой накладных расходов.

Остаётся, правда, непонятным, по крайней мере при рационалистическом подходе к истории, как и почему фракция, наименее богатая идеями и наиболее отягчённая ошибками, одержала верх над всеми другими группировками и сосредоточила в своих руках неограниченную власть. Дальнейший анализ даст нам ключ и к этой загадке»¹⁵⁶.

«Ключ к этой загадке» лежит у всех на виду. Он в умении Сталина, не считаясь ни с какими «накладными расходами», делать только такие шаги, которые усиливали бы его полномочия, неотделимое от централистских основ системы, созданной Лениным при прямом содействии Троцкого. Куда загадочнее другой вопрос: почему в начале века Россия, а сегодня — мир устремились в партократический тупик, вход в который заманчиво изукрашен ядовитой приманкой: «От каждого по способностям — каждому по потребностям»?

Пожалуй, даже забавно то инфантильное доверие, с которым Троцкий воспринимает демагогию и дипломатию Сталина. Так, он всерьёз озабочен его демагогическим трюком с «передачей» земли колхозам, провидя в этом опаснейший поворот бюрократии к реставрации частной собственности на землю, а затем и на промышленные предприятия. Он всерьёз выражает надежду, что революционная воля пролетариата помешает сталинцам это сделать. Так, он вполне серьёзно, с драматическим негодованием воспринимает внешнеполитическое «миролюбие» Сталина. Он обрушивает на Сталина весь лексический арсенал своего и ленинского антипацифизма 1914-1916 гг., обличая его в примирении с «международным империализмом». В интервью Сталина иностранным корреспондентам он усматривает признаки истинного разоружения коммунизма перед лицом его капиталистического окружения. «Строить революционную политику пролетариата на программе

156) Там же.

разоружения значит строить её даже не на песке, а на дымовой завесе милитаризма», — восклицает он.

«Третий интернационал родился из возмущённого протеста против социал-патриотизма. Но революционный заряд, заложенный в него Октябрьской революцией, давно израсходовался. Коминтерн стоит ныне под знаком Лиги Наций, как и Второй Интернационал, только с более свежим запасом цинизма.

... «Таймс» иронически спрашивает: «как объяснить в таком случае присоединение к Лиге Наций Советского Союза?» Ответить не легко. Так московская бюрократия приносит ныне могущественную поддержку социалпатриотизму, которому Октябрьская революция нанесла в своё время сокрушительный удар.

Рой Говард пытался получить и на этот счёт объяснение. — Как обстоит дело — спросил он Сталина — с планами и намерениями насчёт мировой революции? — «Таких планов и намерений у нас никогда не было». — Но ведь... «Это является плодом недоразумения». Говард: «Трагическим недоразумением?» Сталин: «Нет, комическим, или, пожалуй, трагикомическим». Мы цитируем дословно. «Какую опасность могут видеть. — продолжал Сталин, — в идеях советских людей окружающие государства, если эти государства действительно крепко сидят в седле?» Ну, а как быть, — мог бы спросить интервьюер, — если они сидят не крепко? Сталин привел ещё один успокоительный аргумент: «Экспорт революции, это чепуха. Каждая страна, если она этого захочет, сама произведёт свою революцию, а если не захочет, то революции не будет. Вот, например, наша страна, захотела произвести революцию и произвела её». ... Я цитирую дословно. От теории социализма в отдельной стране совершенно естественен переход к теории революции в отдель-

ной стране. Зачем же в таком случае существует Интернационал? мог бы спросить интервьюер. Но он, очевидно, знал границы законной лобознательности. Успокоительным объяснениям Сталина мешают, однако, прорехи. Прежде чем «наша страна» захотела совершить революцию, мы импортировали идеи марксизма из других стран и пользовались чужим революционным опытом. Мы в течение десятилетий имели за-границей свою эмиграцию, которая руководила борьбой в России. Мы получали моральную и материальную помощь от рабочих организаций Европы и Америки. После нашей победы мы организовали в 1919 г. Коммунистический Интернационал. Мы не раз провозглашали обязанность пролетариата победившей страны приходить на помощь угнетённым и восстающим классам, притом не только идеями, но, если возможно, и оружием. Мы не ограничивались одними заявлениями. Мы помогли в своё время военной силой рабочим Финляндии, Латвии, Эстонии, Грузии. Мы сделали попытку помочь восстанию польского пролетариата походом Красной Армии на Варшаву. Мы посылали организаторов и командиров на помощь восставшим китайцам. В 1926 г. мы собирали миллионы рублей в пользу бриатнских стачечников. Теперь всё это оказывается недоразумением. Трагическим? Нет, комическим. Недаром же — Сталин объявил, что жить в Советском Союзе стало «весело»: даже Коммунистический Интернационал из серьезного персонажа превратился в комический.

Сталин произвёл бы на собеседника более убедительное впечатление, если б, вместо клеветы на прошлое, открыто противопоставил политику Термидора политике Октября. «В глазах Ленина — мог бы он сказать — Лига Наций была машиной для подготовки новой империалистской войны. Мы же видим в ней — инструмент мира. Ленин говорил о неизбежности революционных войн. Мы же считаем

экспорт революции — чепухой. Ленин клеймил союз пролетариата с империалистской буржуазией, как измену. Мы же изо всех сил толкаем международный пролетариат на этот путь. Ленин бичевал лозунг разоружения при капитализме, как обман трудящихся. Мы же строим на этом лозунге всю политику. Ваше траги-комическое недоразумение, — мог бы закончить Сталин, — состоит в том, что вы принимаете нас за продолжателей большевизма, тогда как мы являемся его могильщиками»¹⁵⁷.

Трудно сказать, какое впечатление произвела эта тирада Троцкого на Сталина, если он её знал. С одной стороны, Троцкий, как и в «Уроках Октября», выбалтывает при посторонних технологические секреты международной эскалации коммунизма. С другой стороны, за три-четыре года до раздела Восточной Европы между СССР и нацистской Германией, Троцкий убаюкивает соседей СССР своими гневными монологами о преступном миролюбии сталинизма. Это похоже на ту услугу, которую в октябре 1917 года оказали организаторам большевистского путча те большевики, которые выступали против восстания и убеждали Керенского, что никакого переворота не будет. Нападки Троцкого на миролюбие III Интернационала и на пацифизм кремлёвских «могильщиков большевизма» были скорее выгодны руководству ВКП(б), чем опасны.

Может быть, наглядней всего поразительная а-стратегичность политического мышления Троцкого проявилась именно в этом вопросе — в его критике советской внешней политики и деятельности Коминтерна 1930-х гг. Он глубоко уверен, что:

«Уже «теория» социализма в отдельной стране, впервые возвещённая осенью 1924 года, знаменовала стремление освободить советскую внешнюю поли-

157) Там же, стр. 164, 165-167. Как мы видим, концепция В. Чалидзе, изложенная в его книге о Сталине (*Победитель коммунизма*), вполне совпадает с точкой зрения Троцкого. Обе ошибки проистекают из доверия к демагогической фразеологии Сталина и из недостаточно пристального внимания к его действиям — как внутри-, так и внешнеполитическим.

тику от программы международной революции. Бюрократия, однако, и не подумала ликвидировать при этом свою связь с Коминтерном, ибо это неминуемо превратило бы его в оппозиционную международную организацию с вытекающими отсюда неблагоприятными последствиями для соотношения сил внутри СССР. Наоборот, чем меньше политика Кремля сохраняла свой былой интернационализм, тем крепче правящая верхушка сжимала в своих руках руль Коминтерна. Под старым именем он должен был отныне служить новым целям. Для новых целей понадобились, однако, новые люди. С осени 1923 г. история Коминтерна есть история полного обновления его московского штаба и штабов всех национальных секций путём серии дворцовых переворотов, чисток сверху, исключений и пр. В настоящее время Коминтерн представляет собой совершенно покорный и всегда готовый к любому зигзагу аппарат на службе советской внешней политики»¹⁵³.

Вот тут бы и следовало задать себе вопросы: был ли Коминтерн когда бы то ни было чем-то иным, кроме как инструментом советской внешней политики, и какова она в действительности, а не в декларациях, эта политика? Ведь Троцкий стоял у колыбели Коминтерна и участвовал как в его создании и финансировании, так и в формировании его полномочий. Раскол в среде мировой социал-демократии, шпионаж, организация агентуры влияния (т.е. обращение общественного мнения Запада в пользу СССР и против его неприятелей), действия с помощью подкупа, провокаций, предательств, скрытые контакты с итальянским фашизмом, а затем с германским нацизмом, вербовка, разлагающая работа в эмигрантских организациях, заманивание или похищение её деятелей, выборочный террор — все эти и многие другие способы ползучего проникновения в жизнь дру-

153) Там же. стр. 151.

гих стран были прекрасно известны Троцкому и с его помощью отрабатывались вплоть до того 1923 года, который он считает роковым годом для Коминтерна. Скорее всего этот год, ничего принципиального не изменивший в отношениях между Кремлём и Коминтерном, запомнился Троцкому потому, что выход из игры заболевшего Ленина сразу же отодвинул Троцкого от кормила власти. Ленин как правило не попрекал своих соратников их прошлым, если в настоящем они становились к нему лояльны. Троцкий, «чужак» для всей ленинской гвардии, держался в партии на той высоте, которую занял в октябре 1917 года, в решающей степени потому, что Ленин конца 1917- начала 1923 годов признал его равней своему ближайшему окружению. Но, во-первых, сам Троцкий считал себя равней одному лишь Ленину, но не его сподвижникам, а во-вторых, эти последние не простили недавнему пришельцу в их круг ни его возвышения, ни его самомнения.

С 1923 года Троцкий (задним числом) отделяет себя от верхушки советской партократии и велеречиво бичует её международную политику — как соглашательскую, примирительную, изоляционистскую, контрреволюционную по отношению к «мировому пролетариату»¹⁵⁹. Не желая того, он весьма утешительно и обезоруживающе для свободного мира маскирует истинную стратегию и прикрывает реальную тактику партократии. Его прямолинейная логика была бы губительной для партократии, если бы та вдруг взялась ей следовать. Путь, который навязывал Кремлю Троцкий, рано или поздно вызвал бы на СССР всемирный огонь, как вызвал в конце концов такой огонь на себя Гитлер.

Мир легко простил бы Гитлеру евреев, цыган, коммунистов и даже несколько небольших стран, как простил Ленину царскую семью, высшие классы России, российскую демократию, избиение активных слоёв народов окраин, а Сталину — гибель крестьянства, «архипелаг ГУЛаг», Монголию, Туву и несколько стран Восточной

¹⁵⁹⁾ Там же, стр. 152-167.

Европы. Но Запад в конце концов очнулся перед лицом лобовой военной агрессии со стороны Гитлера. По причине отсутствия у Гитлера ядерного оружия, мир успел уничтожить коричневый тоталитаризм. Гибели гитлеризма способствовало и слепо а-стратегическое, самоубийственное отношение Гитлера к народам России, к марксизму-коммунизму, в частности — к Сталину, которого он превратил из союзника в сильнейшего противника. Троцкий яростно требует от Кремля отношения к «мировому капитализму», полностью аналогичного гитлеровскому неприятию коммунизма. Он жаждет разрыва и полного отсутствия дипломатии. Он принимает камуфляж «мирного существования» за суть отношений между СССР и Западом. Он требует открытого антагонизма и лобовых атак на «твердыни империализма». Но Сталин, как и Ленин, хорошо понимал опасность такой лобовой атаки, отчего и действовал обходными, подземными путями, маскируясь правилами цивилизованной дипломатической игры¹⁶⁰.

Пацифизм нужен партократии тогда, когда на прямую войну ещё нет сил (а в 1936 г. на неё сил ещё не было¹⁶¹). В таких случаях война принимает, как приняла она со дня основания Коминтерна, замаскированные и мнимо-гражданские формы, инспирируемые из СССР.

Троцкий кричит об «утопии классового и международного мира», о «прямом обмане трудящихся», веря пацифистской демагогии Сталина и совершенно забыв про свою и Ленина пацифистскую демагогию марта-октября 1917 года: «кто даст немедленный мир без аннексий и контрибуций всем народам».

160) Вопрос о том, сохраняет ли эту расчётливость современная партократия, осложняется ядерным потенциалом последней. Оружие массового уничтожения всегда будет устрашать человеческую демократию больше, чем бесчеловечную партократию. Поэтому вопрос об Афганистане (или потенциально вопрос о Польше) чреват куда более страшными последствиями, чем мог быть чреват при твёрдости западных демократий Мюнхен 1938 года. И с каждым часом цена сопротивления демократии мировому тоталитаризму всё возрастает.

161) Сегодня соотношение сил куда лучше (для партократии) — отсюда бесчисленные «локальные» вылазки и одоления, отсекация от «третьего мира» куска за куском при глупости демократии.

Партократия неизменно, во все свои времена, предаёт любые «пролетариаты», любые компартии и любых утративших для неё почему-либо цену своих союзников и поддерживает любые режимы, любых властителей и любые идеологии, если это способствует росту её влияния, расширяет ее экспансию, обещает ей новых сателлитов, ориентированных на её присутствие, гегемонию или хотя бы «помощь», порождающую зависимость.

Троцкий же, с одной стороны, громя, зовёт партократию в решительный бой, с другой — губительнейшим и непосредственно опасным (в том случае, если бы у демократических правительств был острый слух и понимание динамики взаимоотношений между двумя мирами) образом констатирует отсталость (особенно военную) СССР от Запада. Эта констатация военной отсталости СССР могла бы расцениваться как прямое приглашение к бою, адресованное демократиям, если бы последние не были, по меткому выражению Ленина, «слепоглухими».

Троцкий с негодованием говорит, что соглашательская международная политика Сталина мешает «революционному воспитанию масс»¹⁶². Он полностью забывает о том, как в 1918-1922 гг. вместе с Лениным сам же превращал эти массы в слепо послушное орудие кремлёвской воли — истреблением конштадтских повстанцев, прямыми гонениями на партизанскую вольницу в армии, на ортодоксальную РОПП, прямым подчинением воле Центрального Комитета советов, профсоюзов, партийных фракций.

Троцкому стало словно бы вдруг непонятно, что народ, сохранивший «революционную энергию» (волю к сопротивлению, самостоятельность), направит последнюю прежде всего против сил, превративших его в систему бездуховных винтиков и рычагов, управляемых единой верховной волей.

Позабыв дежурную ленинскую (1918-1922 годов) оговорку о «праве», то есть о намерении ЦК разрывать любые договоры с буржуазией, руководствуясь при этом

162) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 155.

исключительно своей политической или экономической выгодой. Троцкий мечет испепеляющие сарказмы в «термидорианские» пакты и договоры с буржуазией¹⁶³, якобы призванные навек сохранить мир в отношениях между СССР и «международным империализмом». Делая из существования этих документов выводы о бюрократическом перерождении партийной верхушки и о статистически им доказуемой военной слабости СССР, о достоинствах и о существенных недостатках Красной Армии, он ведёт себя так, словно выступает на глубоко законспирированном совещании в партийных верхах, а не пишет книгу для открытой эмигрантской печати.

Чего же он хочет от международной политики СССР?¹⁶⁴ Чтобы партократия открыто рассматривала проблематику столкновения двух систем? Объявила вслух о своих инфильтрационных манёврах? Объявила ещё раз (ибо об этом написано было к 1936-му году и пишется по сей день достаточно много) о своих глобальных задачах, признав параллельно своё военное отставание от Запада?

Ледоруб Меркадера доказал, что Кремль реагирует на всё, что делается за пределами СССР, достаточно по-хозяйски...

*

Критика новой конституции

До 195-й страницы своей книги Троцкий упорно отождествляет понятия «государственная» и «социалистическая» собственность. Анализируя проект новой, 1936 года, Конституции СССР, до 1956 года называвшейся Сталинской, Троцкий вдруг останавливается на конституционных определениях государственной и всенародной собственности.

163) Там же, стр. 155-156.

164) Троцкого глубоко возмутило вступление СССР в Лигу Наций. Поведение СССР в ООН доказывает, с какой высокой степенью эффективности тоталитаризм использует легальные международные организации как инструменты своего влияния, как орудия достижения своих целей.

И здесь куда девается Троцкий 1918-1926 годов — враг уравнительности в распределении, сторонник жестко дифференцированного, избирательного снабжения разных слоёв населения, и даже лиц, предметами первой необходимости, сибарит, проводящий половину своего времени в санаториях и на охоте, а взамен появляется радетель народный, требующий от управляющих полного равенства с управляемыми в имущественно-правовом отношении, демократизма, распределительной уравниловки:

«Новая конституция, целиком построенная, как увидим, на отождествлении бюрократии с государством, а государства — с народом, говорит: «государственная собственность, т.е. всенародное достояние». Это отождествление составляет основной софизм официальной доктрины. Неоспоримо, что марксисты, начиная с самого Маркса, употребляли по отношению к рабочему государству термины *государственная, национальная, или социалистическая*, собственность, как простые синонимы. В больших исторических масштабах такое словоупотребление не заключало в себе особых неудобств. Но оно становится источником грубых ошибок и прямого обмана, когда дело идёт о первых, ещё необеспеченных этапах в развитии нового общества, к тому же изолированного и экономически отстающего от капиталистических стран.

Чтоб стать общественной, частная собственность неминуемо должна пройти через государственную стадию, как гусеница, чтобы стать бабочкой, должна пройти через стадию куколки. Но куколка не бабочка. Мириады куколок гибнут, не успев стать бабочками. Государственная собственность лишь в той мере становится «всенародной», в какой исчезают социальные привилегии и различия, следовательно, и надобность в государстве. Иначе сказать: государственная собственность превращается в социалистическую по мере того, как перестаёт быть

государственной. И наоборот: чем выше советское государство поднимается над народом, чем свирепее противопоставляет себя, как хранителя собственности, народу, как её расточителю, тем ярче само оно свидетельствует против социалистического характера государственной собственности»¹⁶⁵.

Сколько я над этим ни бьюсь, я не обнаруживаю в этом рассуждении логики, даже марксистской. И, хотя Троцкий прибегает ниже к алгебраическим формулам «правильного» и «неправильного» социалистического распределения, хотя он приводит множество вопиющих фактов о неравенстве руководящих и руководимых в СССР, — его рассуждение не становится от этого взумительней.

«Государственная собственность лишь в той мере становится всенародной, в какой исчезают социальные привилегии и различия, следовательно и надобность в государстве», — что сие значит? Не проясняет смысла приведенных выше слов и фраза, идущая следом: «Иначе сказать . . .» и т. д. до точки, ибо это не объяснение, а чистейшей воды тавтология.

Все эти имущественные, потребительские критерии потребности обществ в существовании государства затемняют главный вопрос: уничтожив частную собственность и передав распоряжение ею государственным аппаратам, можно ли сделать так, чтобы всенародной собственностью распоряжались не эти специальные аппараты, а непосредственно все работающие? Если можно то как? Если нельзя, то ничья декламация, ничьи усилия не отменят и не ликвидируют «социальных привилегий и различий» между теми, кто внеконкурентно распоряжается общественной собственностью, и теми, кто лишь выполняет распоряжения. Привилегии распределяются иерархически — так же как власть, как распоряжение, как руководство.

Троцкий исписывает десятки страниц перечнями из-

¹⁶⁵) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 195 (подч. Троцким).

лишеств, доступных сановникам и специалистам и недоступных массам, занятым физическим трудом на фабриках и заводах, уверяя, что введение уравнительного распределения сделает государство излишним! Чем не платформа «рабочей оппозиции», столь саркастически отхлёстанной по щекам Троцким в его выступлении на XI съезде РКП(б)? И куда вдруг исчезла главная цель российского большевизма — международная революция, которой без жесточайше централизованного, милитаристского государства не совершить?

Возникает впечатление, что Троцкий, готовящий книгу свою для нелегальной переброски её в СССР, уделяет так много места никогда ему прежде (в советское время) не свойственной распределительной демагогии, зная по ленинскому и своему предоктябрьскому опыту, что ничего так не действует на массы людей, как разжигание их социальных обид и потребительских appetitов. Он без конца возбуждает в своих потенциальных читателях эти чувства:

«Под углом зрения собственности на средства производства разницы между маршалом и прислугой, главой треста и чернорабочим, сыном наркома и беспризорным, как бы не существует. Между тем одни из них занимают барские квартиры, пользуются несколькими дачами в разных местах страны, имеют в своём распоряжении лучшие автомобили, и давно забыли, как чистят собственные сапоги; другие живут в деревянных бараках, часто без перегородок, ведут полуголодное существование и не чистят сапог только потому, что ходят босиком¹⁶⁶. Сановнику эта разница представляется не заслуживающей внимания. Чернорабочему она не без основания кажется очень существенной.

Поверхностные «теоретики» могут, конечно утешать себя тем, что распределение благ есть фактор второго порядка по отношению к их производству.

166) Вроде не так было до 1929 года при Троцком и не пользовался он сам всеми привилегиями наркома! . .

Диалектика взаимодействия остаётся, однако, во всей своей силе и здесь. В зависимости от того, в какую сторону эволюционируют различия в условиях личного существования, разрешится в конце концов и вопрос об окончательной судьбе огосударствленных средств производства. Если пароход объявлен коллективной собственностью, но пассажиры по-прежнему растасованы между первым, вторым и третьим классами, то ясно, что различие в условиях существования будет иметь для пассажиров третьего класса неизмеримо большее значение, чем юридическая смена собственности. Наоборот, пассажиры первого класса будут, между кофе и сигарой, проповедовать ту мысль, что коллективная собственность — всё, а удобная каюта — ничто. Вырастающие отсюда антагонизмы могут взорвать неустойчивый коллектив.

Советская печать с удовольствием рассказывала, как мальчик в зоологическом саду, получив на свой вопрос: *чей это слон?* ответ: *государственный*, тут же сделал вывод: *значит, он немножечко и мой*. Однако, при действительном разделе слона на долю избранных пришлось бы драгоценные бивни, кто полакомился бы слоновьей ветчиной, тогда как большинству пришлось бы довольствоваться потрохами или копытами. Обделённые мальчики вряд ли отождествляют государственную собственность со своей. Беспризорные считают «своим» только то, что украдут у государства. Маленький «социалист» в зоологическом саду был наверняка сыном какого-нибудь видного сановника, привыкшего рассуждать по формуле: «государство — это я!»¹⁶⁷

Но не так ли рассуждал до своего падения сам Троцкий?

Теперь же эти беспрестанные разговоры о равенстве и об имущественной несправедливости, прежде Троцко-

167) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 196-197.

му органически чуждые, удивительно похожи на ленинское, весны 1917 года, требование «бутылки хорошего молока для каждого пролетарского ребёнка». Назначение распределительной демагогии обоих «вождей» идентично: сделать лишения масс рычагом политического — в свою пользу — переворота.

В дискуссии о профсоюзах, в борьбе против «рабочей оппозиции», в Цектрране Троцкий 1920-1922 гг. занимал, как мы видели, крайне централистскую, крайне милитарную, крайне диктаторскую позицию. Он требовал от всего населения СССР признания себя солдатами, готовыми в каждый момент своей жизни на максимальное напряжение при минимальном вознаграждении и на смерть. Теперь он играет на всех тех нормальных эгоистических чувствах, которые столь яростно и целенаправленно стремился вытравить из сознания масс:

«Рабочий в нашей стране не является наёмным рабом, не является продавцом товара — рабочей силы. Это — свободный труженик». (*Правда*)

Для настоящего времени эта патетическая формула представляет собою недопустимое хвастовство. Передача заводов в руки государства изменила положение рабочего лишь юридически; на деле он оказался вынужден жить в нужде, работая определённое число часов за определённую плату. Те надежды, которые рабочий возлагал ранее на партию и профессиональные союзы, он после революции перенёс на созданное им государство. Но полезная работа этого орудия оказалась ограничена уровнем техники и культуры. Чтобы повысить этот уровень, новое государство стало прибегать к старым методам нажима на мускулы и нервы трудящихся. Вырос корпус погонял. Управление промышленностью получило архи-бюрократический характер. Рабочие утратили какое бы то ни было влияние на руководство заводом. При сдельной оплате труда, тяжких условиях материального существования, отсутствия

свободы передвижения, при ужасающей полицейщине, проникающей жизнь каждого завода, рабочему трудно чувствовать себя «свободным тружеником». В чиновнике он видит начальника, в государстве — хозяина. Свободный труд несовместим с существованием бюрократического государства»¹⁶⁸.

Какое же прикажете иметь государство, если не бюрократическое? Государство — это и есть аппарат, состоящий из бюрократов разного ранга. «Бюрократ» не ругательство, а профессиональное определение. В многопартийном государстве произвол бюрократии ограничен конкурентными выборами и свободной печатью. В однопартийном государстве произвол чиновников ограничен лишь волей вышестоящих чиновников. Троцкий создавал эту всевластную иерархию. Теперь он договорился до отрицания государства, которое создавал.

Остановлюсь на одной интересной ассоциации.

До вступления в силу новой советской конституции 1977 года советское правозащитное движение, по сей день считающее себя конституционным, опиралось в своём легализме на статью о допущении («в интересах народа и в целях укрепления социализма») ряда гражданских свобод. При этом правозащитники утверждали, что однопартийность в СССР не узаконена, так как пункта о запрещении других партий, которые существовали бы параллельно КПСС, в конституции нет.

Руководящая и направляющая роль КПСС во всех областях и формах общественной и государственной жизни СССР закреплена, однако, в пространных преамбулах советских конституций как 1936-го, так и 1977-го годов. Преамбула же автоматически распространяется на все статьи документа, которые она предваряет.

Кроме того, в конституции 1977-го года есть ещё и статья 6, гласящая, что «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций

¹⁶⁸) Там же, стр. 198-199.

является КПСС», каковая и «определяет генеральную перспективу развития общества, линию внешней и внутренней политики СССР». Это — пункт конституции, а не выдержка из газетной статьи, и, следовательно, право КПСС направлять в избираемое ею русло все внешнеполитические и внутривнутриполитические проявления советской жизни, юридически узаконено. При узаконении некоего социального института в качестве «руководящей и направляющей силы» общества, т.е. всех элементов и составляющих общества, этой же силе надлежит решать, что считать организациями и что не считать, в чём усматривать политику и в чём не усматривать. Группы, декларирующие свою — в партократическом обществе — конституционность, не могут не признавать той линии социального поведения, которую им предписывает КПСС.

В конституции 1936-го года была ещё одна очень выразительная статья, которую правозащитное движение 1960-х—1970-х гг. тоже упорно игнорировало. Это была статья 126, в которой детально перечислялись все легализуемые в СССР виды общественных организаций. Партия среди них имела только одна — ВКП(б).

Правозащитники по сей день утешают себя тем, что они представляют собой не союз, не партию, не организацию, а неоформленное движение людей с близкими представлениями о праве и социальной нравственности. Но ВКП(б)-КПСС обеспечила себе право квалификации таких движений по уголовному кодексу, в котором сказано, что советский суд принимает решения «в соответствии с законом и на основании социалистического правосознания». Движение правозащитников неконституционно, ибо они отстаивают право демократическое; а в преамбуле, в ст. 126 конституции 1936-го года и в ст. 6 конституции 1977-го года легализовано право партократическое. Правозащитники своей неконституционности не видят. Троцкий же весьма чутко уловил диктаторский смысл статьи 126-й, хотя и цитирует из неё лишь вторую часть. Он пишет:

«Статья 126, которая является осью конституции, как политической системы, «обеспечивает право» всем гражданам и гражданкам группироваться в профессиональные, кооперативные, юношеские, спортивные, оборонные, культурные, технические и научные организации. Что касается партии, то есть средоточия власти, то здесь дело идёт не о праве для всех, а о привилегии для меньшинства.

«... Наиболее активные и сознательные (т.е. признанные таковыми сверху Л.Т.) граждане из рядов рабочего класса и других слоёв трудящихся объединяются в коммунистическую партию..., представляющую руководящее ядро всех организаций, как общественных, так и государственных». Эта удивляющая своей откровенностью формула, внесенная в текст самой конституции, обнаруживает всю фиктивность политической роли «общественных организаций», этих подчинённых филиалов бюрократической фирмы»¹⁶⁹.

Следовало бы написать «партократической фирмы». И следовало бы припомнить, как автор этих обличительных строк патетически ратовал, стоя у власти, за «диктатуру партии» против суверенитета советов и профессиональных союзов.

Неизвестно откуда вдруг взявшийся пуританский аскетизм Троцкого прорывается громовыми риториками против... явно угасавшего к тому времени института домашней прислуги. В СССР прислугу держат очень немногие, держат чаще из безвыходности положения, чем из сибаритства, и настолько зависят при этом от своей домашней работницы (так это с 1920-х гг. называется), что великий комик А. Райкин создал на мотивах этой зависимости блестящую интермедию.

В кремлёвских и других квартирах «высокоответственных» работников прислуга появилась уже в 1920-х гг., а с начала 1930-х состояла сплошь из сержантских

¹⁶⁹) Там же. стр. 220.

и офицерских чинов органов госбезопасности — не охраняющих своих «хозяев» (этим занимались другие служащие того же ведомства), а следящих за ними.

Хорошо помня главное условие успеха всякой массовой антиправительственной агитации — её связь не столько с мыслями, сколько с инстинктами, и особенно с одним из наиболее мощных инстинктов — потребительским, Троцкий пространно говорит о вещах, о которых он не позволял говорить без ответных разносов или без ответного саркастического осмеяния ни одному из рабочих оппозиционеров начала 1920-х годов.

«Когда новая конституция заявляет, что в СССР достигнуто «уничтожение эксплуатации человека человеком», то она говорит неправду. Новое социальное расслоение создало условия для возрождения самой варварской формы эксплуатации человека, именно покупки его в рабство, для личных услуг. В регистре новой переписи личная прислуга не упоминается вовсе: она должна быть, очевидно, растворена в группе «рабочих». Не хватает, с другой стороны, вопросов: имеет ли социалистический гражданин прислугу, и сколько именно (горничную, кухарку, кормилицу, няню, шофера); имеет ли в личном пользовании автомобиль, сколькими комнатами располагает и пр. Нет вообще ничего о размерах заработка! Если бы восстановить правило, согласно которому эксплуатация чужого труда лишает политических прав, то оказалось бы неожиданно, что за порогом советской конституции должны остаться сливки правящего слоя. К счастью, установлено полное равенство в правах . . . для прислуги, как и для хозяина»¹⁷⁰.

Демократизм опального и изгнанного Троцкого достигает такой широты, что он заступает перед «бюрократией» даже за деревню, которую в 1917 году рассматривал исключительно как один из рычагов переворота, а в

¹⁷⁰) Там же, стр. 200.

1918-1929 гг. — только в качестве источника средств для индустриализации и военизации.

Теперь он пишет:

«Если различие между городом и деревней в одних отношениях смягчилось, то в других значительно углубилось благодаря исключительно быстрому росту городов и городской культуры, т.е. комфорта для городского меньшинства. Социальное расстояние между физическим и умственным трудом за последние годы расширилось, а не сократилось, несмотря на пополнение научных кадров выходцами из низов. Тысячелетние кастовые перегородки, определяющие жизнь каждого человека со всех сторон, — полированный горожанин и неотёсанный мужик, маг науки и чернорабочий, — не просто сохранились от прошлого, в более или менее смягчённом виде, а возродились, в значительной мере, заново, и принимают всё более вызывающий характер...»¹⁷¹

Здесь проявляется и непонимание ситуации: «полировка» с «горожанина» порядком облезла за счёт функционального «всплывания» широчайших низов, в том числе — выходцев и беглецов из деревни, в средние и высшие слои партократизированного общества. Невежественность потока, хлынувшего в ряды бюрократов и специалистов, резко снизила (по сравнению с дооктябрьскими временами) общую интеллигентность этих слоёв. Утрата деревней её традиционных духовных ценностей и миграция ее населения в посёлки и города создала нравственный вакуум, жадно всасывающий реальные партократические критерии, мораль и этику. Деклассированная деревня слилась с пригородом, с городской «слободкой», тоже утратившей свою рабочую аристократию с её традициями. Массовое выдвижение этим промежуточным между деревней и городом слоем «кадров» в милицию, в госбезопасность, в офицерство, в

171) Там же, стр. 195-196.

торговлю, в разные группы обслуживания населения создало особый советский тип преуспевания, не связанного с личным достоинством, подменило и крестьянскую, и пролетарскую, и интеллигентскую системы взглядов на жизнь тотальным «безвзглядием», заменило мировоззрение мироощущением. Легализованное же мировоззрение всех групп населения, от Кремля до колхоза, превратилось в явление по преимуществу фразеологическое, не отражающее истинного понимания мира людьми, произносящими те или иные казённые штампы. Но ведь и в литературно-ораторской продукции Троцкого партийный фразеологический штамп очень часто скрывает или подменяет собой живую мысль.

О том, как плохо Троцкий ориентировался в происходящем в СССР в надвигающихся на страну событиях, свидетельствует и его оценка убийства Кирова:

«Для правильной оценки положения в стране крупнейшее значение имеют нередкие террористические акты против представителей власти. Наиболее нашумевшим было убийство Кирова, ловкого и беззастенчивого ленинградского диктатора, типичного представителя своей корпорации. Сами по себе террористические акты меньше всего способны опрокинуть бонапартистскую олигархию. Если отдельный бюрократ страшится револьвера, то бюрократия в целом не без успеха эксплуатирует террор для оправдания своих собственных насилий, пристёгивая попутно к убийству своих политических противников (дело Зиновьева, Каменева и других). Индивидуальный террор — орудие нетерпеливых или отчаявшихся одиночек, принадлежащих чаще всего к младшему поколению самой бюрократии. Но, как и в царские времена, политические убийства являются безошибочным признаком предгрозовой атмосферы и предрекают наступление открытого политического кризиса»¹⁷².

172) Там же, стр. 235.

Приверженность сознания Троцкого к привычным схемам заставляет его здесь мыслить о событиях 1934-1936 гг. в категориях марксистских оценок 1860-х годов.

В своём мексиканском «далеке» Троцкий даже не подозревал, с какой всеуничтожительной виртуозностью его грядущий убийца умеет душить в зародыше признаки «открытого политического кризиса», так по сей день и не наступившего.

Книга Троцкого преисполнена разнообразных прогнозов. Сегодня уже не вызывает сомнения, что они один из этих прогнозов не осуществился. Но вряд ли стоит этому удивляться. Вспомним, как в своей автобиографии¹⁷³ Троцкий говорит о своей ненависти к «голому эмпиризму», о своем недоверии к фактам, о «кретинизме локальных задач», о своей постоянно ощущаемой потребности во всеобъемлющей схеме для оценки событий. Нормальное человеческое мышление оперирует дедуктивными и индуктивными методами, прибегая к тому и другому в меру необходимости, диктуемой обстоятельствами. Мышление Троцкого патологически дедуктивно: он всегда отправляется от Схемы к факту. Все многообразие жизненных фактов и явлений не укладывается, вероятно, ни в одну изобретенную людьми схему. Нет отвлечений, непогрешимых и всеобъемлющих, годных на все случаи жизни. Троцким же полностью владеет Схема, ошибочность которой доказана и опытом, и теоретиками. Не закономерно ли, что он с неизбежностью ошибается в своих прогнозах, неукоснительно производимых им от всё той же, весьма уязвимой схемы?

«Изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность загнивающему капитализму, развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до всё более крайнего

173) См. гл. «Интеллигентоид и культура».

выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут придти в соответствие с социалистической собственностью.

Бюрократия страшится обнажения этой альтернативы. Везде и всюду, в печати, в речах, в статистике, в романах своих беллетристов, в стихах своих поэтов, наконец, в тексте новой конституции она тщательно прикрывает реальные отношения города и деревни абстракциями социалистического словаря. Оттого так безжизненна, фальшива и бездарна вся официальная идеология!»¹⁷⁴.

«Изнутри советского режима» отнюдь не нарастала в 1936 году тенденция «капиталистической реставрации». Производительные силы социализма, «в противоположность загнивающему капитализму», развивались куда медленнее, тяжелее и болезненнее, чем экономика переживших тяжёлый кризис западных стран. «Бюрократия», то есть партократия, больше всего на свете боялась именно реставрации капитализма, т.е. экономической и политической конкуренции, ибо конкурентный капитализм не сохранил бы за ней её невиданных преимуществ. «Нормы распределения» к 1936-му году пришли уже «в соответствие с социалистической собственностью», то есть оказались иерархически дифференцированными — так же, как иерархически распределились право распоряжения, полномочия и социальные роли внутри государства.

По Троцкому,

«Как сознательная политическая сила, бюрократия изменила революции. Но победоносная рево-

174) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 201.

люция есть, к счастью, не только программа и знамя, не только политические учреждения, но и система социальных отношений. Мало изменить ей, — её надо ещё и опрокинуть. Октябрьская революция предана правящим слоем, но она ещё не опрокинута. Она располагает большой силой сопротивления, которая совпадает с установленными отношениями собственности, с живой силой пролетариата, с сознанием его лучших элементов, с безвыходностью мирового капитализма, с неизбежностью мировой революции»¹⁷⁵.

«Предвидение» Троцкого, ожидающего от партократии попыток реставрации частной собственности, а от пролетариата — попыток свержения партократии во имя защиты «своей», т.е. государственной, собственности, действительно, так же безжизненно и бездарно, как, выражаясь его словами, безжизненна, фальшива и бездарна вся официальная идеология.

Пытаясь анализировать проект «сталинской» конституции, Троцкий утверждает, что Сталин вынужден был прибегнуть к тайному голосованию «чтобы хоть отчасти очистить государственный аппарат от коррупции». Он искренне верит заявлению Сталина, что «тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»¹⁷⁶. Несколькими абзацами выше Троцкий сообщает, что на тайное голосование не посягнул даже Гитлер¹⁷⁷. Видно, Троцкому, судящему о выборах по западным образцам, непонятно, что комедия советских выборов, при наличии в списке на каждое место единственного кандидата, predeterminedого партократией, не может повредить её интересам.

*

175) Там же, стр. 206-207.

176) Там же, стр. 221-222.

177) Там же, стр. 221.

Во многих обстоятельных монологах Троцкого, громящих «термидорианскую бюрократию», имеются то завуалированные, то явные ссылки на «нелегальную партию большевиков-ленинцев, которая есть наиболее сознательное выражение социалистической тенденции в противовес буржуазной реакции, пронизывающей термидорианскую бюрократию насквозь»¹⁷⁸.

Под этой «нелегальной партией большевиков-ленинцев» следует понимать троцкистов, именуемых ленинцами из пропагандистских соображений. В 1936 году троцкизм был уже, в основном, разгромлен и никакой внутренней опасности из себя для Сталина не представлял. В партии, правда, ещё присутствовали участники различных оппозиционных блоков, но, отодвинутые на периферию партийной политики, они функционировали, в основном, законопослушно. Сталин, однако, готовил их истребление, ибо не верил в их искренность (и не напрасно не верил).

Однако Троцкий 1936 года, уверенно произносящий одно утешительное для себя пророчество за другим, не предугадал и на год вперёд того истребительного террора, который уже начал обрушиваться на советское общество и в первую очередь на ВКП(б). Ему в канун подступающей великой бойни грезится совершенно иной разворот событий:

«Чтобы лучше понять характер нынешнего СССР, привлечём два гипотетических варианта будущего. Представим себе, что советская бюрократия низвергнута революционной партией, которая имеет все качества старого большевизма и в то же время обогащена мировым опытом последнего периода. Такого рода партия начала бы с восстановления демократии профессиональных союзов и советов. Она могла бы и должна была бы восстановить сво-

178) Там же, стр. 206.

боду советских партий. Вместе с массами и во главе их она произвела бы беспощадную чистку государственного аппарата. Она уничтожила бы чины и ордена, всякие вообще привилегии и ограничила бы неравенство в оплате труда жизненно необходимыми потребностями хозяйства и государственного аппарата. Она дала бы молодёжи возможность самостоятельно мыслить, учиться, критиковать и формироваться. Она внесла бы глубокие изменения в распределение народного дохода в соответствии с интересами и волей рабочих и крестьянских масс. Но поскольку дело касается отношений собственности, новой власти не пришлось бы прибегать к революционным мерам. Она продолжила и развила бы дальше опыт планового хозяйства. После политической революции, т.е. низложения бюрократии, пролетариату пришлось бы в экономике произвести ряд важнейших реформ, но не новую социальную революцию»¹⁷⁹.

Троцкий, обещающий обществу уравнильное распределение, демократию для профсоюзов и сосуществование «советских» (заметьте: только «советских») партий, напоминает волка из «Красной шапочки», напялившего на себя чепчик съеденной им бабушки.

— Бабушка, бабушка, а почему у тебя такие острые и волосатые ушки?

Действительно, волчьих ушей Троцкому спрятать некуда. Перечислив блага демократизации и уравнильности, которые принесла бы народу победа «революционной партии», имеющей «все качества старого большевизма» и в то же время обогащённой «мировым опытом последнего периода», Троцкий тут же делает оговорку:

«Если, наоборот, правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, адми-

179) Там же, стр. 207 (курсив Д.Ш.).

нистраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народу, чем революционной партии»¹⁸⁰.

Итак, реставрация капитализма в СССР была бы чревата меньше чисткой (читай — террором), чем победа вышеупомянутых «большевиков-ленинцев» (читай — троцкистов).

Кроме «чистки» (большей, чем «чистка» со стороны реставраторов капитализма), «большевики-ленинцы» занялись бы ещё и восстановлением тех социально-правовых ограничений, которые «бюрократия» (партократия) к 1936-му году уже, в основном, отменила. Нельзя ни на миг упускать из виду, что Троцкий критикует Сталина «слева», то есть со стороны ещё более экстремистского коммунистического максимализма. Поэтому при всех своих тактико-пропагандистских апелляциях к демократизму (партийному, советскому и рабочему), он то и дело проговаривается о желательности режима, ещё более жестокого, чем сталинский (до 1937 года) режим. Так, он пишет:

«Истерия бюрократической ненависти против большевистской оппозиции приобретает особенно яркий политический смысл наряду со снятием ограничений против лиц буржуазного происхождения. Примирительные декреты в отношении службы, работы и образования исходят из того соображения, что сопротивление господствовавших ранее классов замирает по мере того, как выясняется неизбежность нового порядка. «Теперь нет нужды в этих ограничениях», разъяснял Молотов на сессии ЦИК'а в январе 1936 г.»¹⁸¹.

180) Там же.

181) Там же, стр. 231.

И это глубоко возмущает Троцкого. Следовательно, он бы все эти ограничения восстановил.

Примечательно, что Троцкий набрасывает и картину вероятного восстановления частнособственнических конкурентнорыночных отношений, которым, как ему представляется, займётся «буржуазный перерожденец» Сталин. Эта акция кажется ему историческим преступлением, и он заранее содрогается от злодейства готовящихся к ней «бюрократов». Между тем, нарисованная им картина могла бы послужить весьма конструктивным образцом для сил, действительно желающих спасти народы СССР от партократического деспотизма. Троцкий пишет о таких реставраторах конкурентнорыночной демократии:

«Главной задачей новой власти было бы, однако, восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, в сельско-хозяйственные акционерные компании. В области промышленности денационализация началась бы с предприятий лёгкой и пищевой промышленности. Плановое начало превратилось бы на переходной период в серию компромиссов между государственной властью и отдельными «корпорациями», т.е. потенциальными собственниками из советских капитанов промышленности, из бывших собственников-эмигрантов и иностранных капиталистов. Несмотря на то, что советская бюрократия многое подготовила для буржуазной реставрации, в области форм собственности и методов хозяйства новый режим должен был бы произвести не реформу, а социальный переворот»¹³².

Третьего (ни реставрации капитализма, ни победы «нелегальной партии большевиков-ленинцев», способной

132) Там же, стр. 207-208.

«очистить» социализм от «бюрократических извращений») Троцкий себе решительно не представляет:

«Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Новейший культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение её в новый имущий класс. Наоборот, победа пролетариата над бюрократией обеспечила бы возрождение социалистической революции. Третий вариант возвращает нас, следовательно, к двум первым, с которых мы начали в интересах простоты и ясности»¹⁸³.

О косвенных способах передачи детям своих привилегий (предопределённое место в иерархии власти, престижа, профессий) уже говорилось выше. Но что означают слова «возрождение социалистической революции»? Возвращение к планам, действиям и тенденциям 1918-1920-х годов? Эти планы, действия и тенденции уже испытаны обществом на собственной шкуре. Уже проверено, к чему они привели: к тому, что бичует в своих патетических филиппиках Троцкий, в свое время — один из наиболее беспощадных осуществителей этих тенденций. Тогда милитарные и экспансионистские устремления Троцкого уравнивались ленинским прагматизмом. В мечтах своих, излитых им на бумагу, Троцкий всевластен. И поэтому в книге его можно увидеть всё то, что он делал бы, обрети он и впрямь всевластие.

183) Там же, стр. 207.

Его «многопартийность» есть на деле требование легализации собственной и ещё нескольких фракций внутри коммунистической партии и в комплектуемых ею советах. Троцкий пишет, что в 1920-х гг.

«большевицкая партия имела монопольное положение и в первый период советской эры. Однако, отождествлять эти два явления значило бы принимать видимость за существо. Запрещение оппозиционных партий было временной мерой, продиктованной условиями гражданской войны, блокады, интервенций и голода. Правящая партия, представлявшая в тот период подлинную организацию пролетарского авангарда, жила полнокровной внутренней жизнью: борьба группировок и фракций до некоторой степени возмещала борьбу партий. Сейчас, когда социализм победил «окончательно и бесповоротно», образование фракций карается концентрационным лагерем, если не расстрелом. Запрещение других партий из временного зла возведено в принцип. Даже у Комсомола, как раз к моменту опубликования новой конституции, отнято право заниматься политическими вопросами. Между тем избирательным правом граждане и гражданки пользуются с 18 лет, а существовавший до 1936 г. возрастной предел для комсомольцев (23 года) ныне вовсе упразднён. Политика раз навсегда объявлена монополией бесконтрольной бюрократии»¹⁸⁴.

Оставим в стороне тот исторический факт, что Троцкий уже по окончании гражданской войны (в 1922 г.) был едва ли не самым ярким противником оппозиционных групп внутри партии и в 1921-1924 гг. в своих сочинениях о литературе категорически отстаивал необходимость абсолютного моноидеологизма. Посмотрим, как он представляет себе ту советскую «многопартийность», которую обещает ввести:

¹⁸⁴) Там же, стр. 218.

«В Советском Союзе вопрос о том, куда идти: назад, к капитализму, или вперёд к социализму, не подлежит более обсуждению; поэтому сторонники враждебных ликвидированных классов, организованных в партии, допущены быть не могут. Не говоря уж о том, что в стране победоносного социализма сторонники капитализма должны были бы оказаться смешными Донкихотами, неспособными создать партию, наличные политические разногласия вовсе не исчерпываются альтернативой: к социализму или к капитализму? Существуют ещё вопросы, как идти к социализму? какими темпами? и пр. Выбор пути не менее важен, чем выбор цели»¹⁸⁵.

Речь идёт, следовательно, о выборе пути, а не о выборе цели, и все те группы и слои общества, которые против социализма, из многопартийной идилии Троцкого исключены априори. А у социализма не может не быть противников.

Социализм — это искусственно формируемый, насильственно насаждаемый строй. Когда-то сам Троцкий писал (я это цитирую в «Легенде о демократе Троцком»), что отрицать принудительный труд в условиях социализма — это значит отрицать всю систему социализма. Монокапитализм (национализаторский социализм) обеспечивается очень жестким набором условий и принципов функционирования. При такой ограниченности параметров «выбор пути» очень легко превращается в «выбор цели». Стоит слегка изменить путь — и уже не достигнешь намеченной цели. Бухаринский экономический либерализм в 1926-1928 гг. вёл к реставрации конкурентнорыночных отношений, хотя и Бухарин претендовал лишь на выбор пути, не на изменение цели. А милитарный, индустриализаторский и политический максимализм Троцкого 1920-х гг. чреват был политическим падением для партократии: тогда ещё нельзя было надевать (завтрашнее) ярмо на всё крестьянство.

¹⁸⁵) Там же, стр. 219.

Так что дифференциация партий и фракций на допустимые и недопустимые, исходя из того различия целей или различия путей к одной цели, которые они декларируют, вещь расплывчатая и для социализма небезопасная. Эта риторика Троцкого, в 1918-1920-х гг. ему несколько не свойственная¹⁸⁶, полностью совпадает с риторикой современных еврокоммунистов — с их обещаниями сохранить плюрализм после своей победы. Самоочевидно, что плюрализм истинный не может иметь столь узких границ, как вариативность в пределах признания коммунизма. Неизбежно возникнут тенденции его непризнания, а значит террор против этих тенденций. Троцкий же прямо говорит, что охранительство по отношению к истинному социализму потребует от добившихся власти «большевиков-ленинцев» куда большей чистки, чем реставрация частнособственнических отношений — от «эпигонов».

Критиковать всегда легче, чем выдвигать альтернативные предложения. Особенно трудно выдвинуть альтернативы тоталитаризму, не отказываясь при этом от его моноидеологического и монокапиталистического основания. Троцкий органически неспособен выдвинуть альтернативу сталинизму ещё и по той причине, что он совершенно не понимает его природы, принимая его за своеобразную разновидность бонапартизма, то есть авторитарного (а отнюдь не тоталитарного) способа управления:

«Бонапартизм есть одно из политических орудий капиталистического режима, в его критические периоды. Сталинизм есть разновидность той же системы, но на фундаменте рабочего государства, раздираемого антагонизмом между организованной и вооружённой советской аристократией и безоружными трудящимися массами.

186) После смерти Ленина Троцкий, правда, заговорил, было, о демократии, но о демократии лишь внутривнутрипартийной. У него тогда появилась фракция внутри партии, и ему никак нельзя было обойтись без такой демократии.

В последнем счёте советский бонапартизм обязан своим возникновением запоздалости мировой революции. Но та же причина породила в капиталистических странах фашизм. Мы приходим к неожиданному, на первый взгляд, но на самом деле непреложному выводу: подавление советской демократии всемогущей бюрократией, как и разгром буржуазной демократии фашизмом, вызваны одной и той же причиной: промедлением мирового пролетариата в разрешении поставленной перед ним историей задачи. Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое различие социальных основ, представляют собою симметричные явления. Многими чертами своими они убийственно похожи друг на друга»¹⁸⁷.

Продолжая, вопреки логике, очевидности и многим собственным выводам, считать СССР «рабочим государством» и, более того, продолжая вообще полагать мыслимой и желательной такую утопическую категорию, как «рабочее государство», нельзя противопоставить партократическому деспотизму (любого цвета: красного, коричневого и пр.) жизнеспособной и утешительной альтернативы.

Во всяком случае, заключительные аккорды альтернативной темы этого, одного из последних, сочинения Троцкого, не внушают читателю оптимизма:

«Победоносное революционное движение в Европе немедленно же потрясло бы не только фашизм, но и советский бонапартизм. Поворачиваясь спиной к международной революции, сталинская бюрократия по своему праву: она лишь повинуетя голосу самосохранения.

... Чиновник ли съест рабочее государство, или же рабочий класс справится с чиновником? Так стоит сейчас вопрос, от решения которого зависит судьба СССР. Огромное большинство советских рабочих

187) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 228-229.

уже и сейчас враждебно бюрократии, крестьянские массы ненавидят её здоровой плебейской ненавистью¹⁸⁸. Если, в противоположность крестьянам, рабочие почти не вступали на путь открытой борьбы, обрекая тем протестующую деревню на блуждания и бессилие, то не только из-за репрессий: рабочие боялись, что, опрокинув бюрократию, они расчистят поле для капиталистической реставрации. Взаимоотношение между государством и классом гораздо сложнее, чем представляется вульгарным «демократам». Без планового хозяйства Советский Союз был бы отброшен на десятки лет назад. В этом смысле бюрократия продолжает выполнять необходимую функцию. Но она выполняет её так, что подготавливает взрыв всей системы, который может полностью смести результаты революции. Рабочие — реалисты. Нисколько не обманывая себя насчёт правящей касты, по крайней мере, ближайших к ним низших её ярусов, они видят в ней пока что сторожа некоторой части своих собственных завоеваний. Они неизбежно прогонят нечестного, наглого и ненадёжного сторожа, как только увидят другую возможность: для этого нужно, чтоб на Западе или на Востоке открылся революционный просвет»¹⁸⁹.

И что тогда? Они возьмут себе честного, скромного и надёжного «сторожа» — Троцкого, — и с ним во главе двинуться в «10-ти—20-ти—50-тилетний поход за безвластную мировую коммуноу»?

«Во всяком случае снять бюрократию можно только революционной силой и, как всегда, с тем меньшими жезртвами, чем смелее и решительнее будет наступление. Подготовить его и стать во главе масс в благоприятной исторической ситуации — в

188) Интересно, какой ненавистью («здоровой плебейской» или нездоровой «мелкобуржуазной») ненавидели крестьяне большевиков в 1918-1921 гг., когда душили эту ненависть Троцкий и Ленин?

189) Троцкий Л. Д., *Что такое СССР и куда он идёт*, стр. 229, 234.

этом и состоит задача советской секции Четвёртого Интернационала. Сегодня она ещё слаба и загнана в подполье. Но нелегальное существование партии не есть небытие: это лишь тяжёлая форма бытия. Репрессии могут оказаться вполне действительными против сходящего со сцены класса: революционная диктатура 1917-1923 годов вполне доказала это. Но насилия над революционным авангардом не спасут пережившую себя касту, если Советскому Союзу суждено дальнейшее развитие»¹⁹⁰.

Что делает все альтернативы сталинизму, предлагаемые Троцким, чистейшей воды пустословием?

Отвлечёмся от политической нереальности замены прагматического сталинизма доктринёрским троцкизмом и рассмотрим лишь принципиальные основания этой проблемы.

Троцкий пишет:

«Революция, которую бюрократия prepares против себя, не будет социальной, как Октябрьская революция 1917 г.: дело не идёт на этот раз об изменении экономических основ общества, о замене одних форм собственности другими. История знала и в прошлом не только социальные революции, которые заменяли феодальный режим буржуазным, но и политические, которые, не нарушая экономических основ общества, сметали старую правящую верхушку (1830 г. и 1848 г. во Франции, февраль 1917 г. в России и пр.). Низвержение бонапартистской касты будет, разумеется, иметь глубокие социальные последствия; но само по себе оно укладывается в рамки политического переворота.

... Правда, теоретики и строители СССР надеялись, что насквозь прозрачная и гибкая система советов позволит государству мирно преобразовываться, растворяться и отмирать в соответствии с

190) Там же, стр. 236.

этапами экономической и культурной эволюции общества. Жизнь, однако, и на этот раз оказалась сложнее, чем рассчитывала теория. Пролетариату отсталой страны суждено было совершить первую социалистическую революцию. Эту историческую привилегию он, по всем данным, должен будет оплатить второй, дополнительной революцией — против бюрократического абсолютизма»¹⁹¹.

Каким образом «прозрачная (?) и гибкая (?) система советов» могла позволить «государству мирно преобразовываться, растворяться и отмирать», если советы с конца 1917 года были тотально подчинены государству? Какой мерой наивности следовало располагать, чтобы питать такие надежды? И на таком основании строили свою смертоносную для миллионов людей политику «теоретики и строители СССР»? Теперь Троцкий спешит заверить своих читателей, что:

«Дело идёт не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить самые методы управления хозяйством и руководства культурой»¹⁹².

Но почему же? Ведь сколько бы ни заменяли мы плохих сталинцев хорошими троцкистами (а Сталина — Троцким), дело будет идти на сей раз не о замене форм собственности, то есть экономических отношений, то есть «базиса», а всего-навсего о смене человеческого материала «надстройки». При сохранении монокапиталистической формы распоряжения всем общественным достоянием, откуда возьмутся гарантии всех обещаемых Троцким ниже (и беспощадно растоптанных с энергичной помощью Троцкого в начале 1920-х гг.) демократических благ?

«Бюрократическое самовластие должно уступить место советской демократии. Восстановление права

191) Там же, стр. 236.

192) Там же, стр. 237.

критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесенная на хозяйство демократия означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки — Дворцы советов, новые театры, показательные метрополитены — потеснятся в пользу рабочих жилищ. «Буржуазные нормы распределения» будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступать место социалистическому равенству. Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодёжь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мучаться. Наука и искусство освободятся от оков»¹⁹³.

В увесистой книге Троцкого нет мало-мальски убедительных доказательств возможности обретения народом (после замены сталинской «правлящей клики» троцкистами) всех этих многократно перечисленных благ. Напротив: непрерывные напоминания о необходимости (после переворота) возвратиться к революционной международной политике, обещают на долгие десятилетия жестокий режим перманентной войны.

«Более, чем когда-либо судьба Октябрьской революции связана ныне с судьбой Европы и всего мира. На Пиренейском полуострове, во Франции, в Бельгии решается сейчас судьба Советского Союза. К тому моменту, когда эта книга появится в печати, положение будет, вероятно, несравненно яснее, чем сегодня, в дни гражданской войны под стенами Мадрида. Если советской бюрократии удастся, через

193) Там же.

вероломную политку «Народных фронтов», обеспечить победу реакции в Испании и Франции — а Коминтерн делает всё, что может, в этом направлении — Советский Союз будет поставлен на край гибели, и в порядок дня станет скорее буржуазная контр-революция, чем восстание рабочих против бюрократии. Если же, несмотря на объединённый саботаж реформистских и «коммунистических» вождей, пролетариат Западной Европы проложит себе дорогу к власти, откроется новая глава и в истории СССР. Первая же победа революции в Европе пройдёт электризирующим током через советские массы, выправит их, поднимет дух независимости, пробудит традиции 1905 и 1917 годов, подорвёт позиции бонапартистской бюрократии и приобретёт для Четвёртого Интернационала не меньшее значение, чем Октябрьская революция имела для Третьего. Только на этом пути рабочее государство будет спасено для социалистического будущего»¹⁹⁴.

Нас не должна удивлять неизменная несостоятельность чуждых тени сомнения прогнозов Троцкого. Троцкий — марксист, а прогнозы Маркса оказались несколько не более состоятельными. То же относится и к их надеждам.

«От изолированного «социалистического» государства до социалистического общества, навсегда окончившего с государством, остаётся большой исторический путь, который как раз и совпадает с путём международной революции»¹⁹⁵, — утверждает Троцкий.

Но и этот его прогноз проистекает из непонимания им функциональной роли современного государства. Рост его масштабов, увеличение объема его задач, связанное с уничтожением частной собственности и с введением

194) Там же, стр. 237-238.

195) Там же, стр. 241.

обязательной идеологии, включение в состав мирового сверхгосударства всех народов планеты с их разноречивыми характерами, судьбами и интересами не могут привести к отмиранию механизма, долженствующего всё это осмысливать, соизмерять, приводить в движение и регулировать.

Не потому ли так удручающе действует на читателя пустословие Троцкого, что сегодня, через сорок пять лет после написания им этого его сочинения, можно окончательно оценить и реалистичность его пророчеств, и конструктивность его альтернатив сталинизму?

Но IV-й, троцкистский, Интернационал существует и действует. Значит, метрвый всё ещё хватает живых.

Троцкий и «поздний реабилитанс»

В начале 1960-х гг., вскоре после XXII съезда КПСС, постановившего удалить мумию Сталина из мавзолея, вдова Троцкого Н. Седова обратилась из-за границы к Н. Хрущёву с просьбой о реабилитации Троцкого. Она сообщала, что располагает документальными доказательствами того, что убийца Троцкого Меркадер, он же Ван дер Драйше, действовал по поручению Сталина.

Через несколько лет Н. Седова умерла, так и не дождавшись ответа.

А в 1968 году Издательством политической литературы (Москва) был опубликован солидный сборник под названием «Троцкизм — враг ленинизма». В этот сборник включено было всё то нелестное, что когда бы то ни было написал или произнёс Ленин о Троцким: от яростно-грубых нападок 1905-1914 гг. до вполне лояльных полемических реплик 1917-1923 гг. (в начале 1923 г. Ленин искал в Троцком опоры и не нашёл её, а потом уже ничего не писал). Кроме того, сборник содержит различные партийные документы, критикующие или осуждающие за что-либо Троцкого, и ряд современных статей о нём.

КПСС предпочитает не реабилитировать крупных

партийных оппозиционеров, действительно имевших и защищавших свои платформы, не совпадавшие с «генеральной линией» Сталина. Но никого из этих оппозиционеров, кроме Троцкого, со дня смерти Сталина не шельмуют печатно. Троцкого же шельмуют всё чаще, в том числе и в художественной литературе.

Разумеется, Троцкий, находясь за границей, на свободе, обрушил в своё время на ВКП(б) и её послеленинских руководителей куда больше обвинений, чем все остальные оппозиционеры, вместе взятые.

Троцкий дошёл в своей критике политики Сталина, черт и поведения партийной верхушки и бюрократии СССР до весьма существенных разоблачений конкретного характера. В годы, когда, по его словам (и в действительности), симпатия к СССР стала в среде западной интеллигенции атрибутом свободомыслия и прогрессивности, некоторые его разоблачения могли прозвучать сенсационно, ... если бы им поверили. Но им не верили. Троцкий разделил в этом смысле судьбу большинства эмигрантов из СССР. Запад им не верит¹⁹⁶, считая, что в них якобы говорит обида на власть с которой они не сумели шагать в ногу¹⁹⁷. В случае Троцкого недоверие со стороны компетентных в этом вопросе людей усугублялось ещё и тем, что Троцкий в годы своего кремлёвского процветания был, как уже упоминалось, всегда среди «ястребов», а не «голубей». Когда же читаешь выпады Троцкого против Сталина и его окружения сегодня, будучи к тому же вооружённым некоторым знанием вопроса, поражаешься тому, как далеко уходил Троцкий от истины в перечислении причин рассмотрен-

196) Такие недоверие, неприятие и скрытая, а то и открытая враждебность характерны со стороны свободного (пока ещё) Запада и к другим эмиграциям из зон коммунистической экспансии — Восточной Европы, Китая, Юго-Восточной Азии, Кубы, Афганистана и др. В то же время левые эмигранты из авторитарных стран, активно противостоящих коммунистической экспансии, окружаются большим сочувствием.

197) Интересно, что саморазоблачению КПСС — её официальным документам хрущёвской эры, Запад поверил сразу, но своего отношения к эмигрантам из коммунистических стран и к доставляемой ими информации не изменил.

ных им явлений и событий, как неизменно предлагал он, вместо альтернативы, тот же, да ещё углублённый тенденциями откровенной международной экспансии, тоталитарный тупик. Но Сталина его нападки и разоблачения не задеть не могли: при всех приведенных мной оговорках, в них было много злой правды. Тем не менее, кремлёвский Минотавр обрушил на своего противника смертельный удар только в 1940-м году. Кроме технических трудностей покушения на довольно осторожного Троцкого, здесь могла быть и ещё одна причина помедлить с мезью.

Троцкий непрерывно говорил о действующих в СССР в 1929–1936 гг. идущих за ним нелегальных антисталинских силах, об их подпольных организациях и разрушительных целях, об их революционных задачах, об их проникновении в массы с целью свержения сталинской бюрократии, о терроризме, постепенно вовлекающем в свою сферу всё более широкие круги людей, ненавидящих созданный Сталиным «контрреволюционный» режим. Такими высказываниями буквально пропитана и его публицистика эмигрантских лет, и книга, которая здесь рассматривается.

Если, действительно, в СССР в 1929–1936 гг. действовала разветвлённая нелегальная антиправительственная организация, трудно представить себе поведение, тактически более опасное и губительное, чем поведение её зарубежного лидера Троцкого, словно бы толкавшего сталинскую охранку к поискам и уничтожению членов этой организации.

Если же этой организации (во всяком случае — в масштабах, грезившихся Троцкому) в СССР 1929–1936 гг. не существовало, то его поведение, его агрессивная декларация были как нельзя более выгодны Сталину во второй половине 1930-х гг.

Заявления Троцкого о разветвленной сети его активных нелегальных сторонников в СССР и её намерениях и действиях давали формальное основание для массовых репрессий и их оправдания в глазах «друзей СССР»

— ненавистной Троцкому просоветски настроенной интеллигенции Запада (Б. Шоу, Л. Фейхтвангер, Сейерс, Кан и др.). Неслучайно наиболее распространённым политическим обвинением в 1934-1939 гг. было обвинение в троцкизме или связи с троцкистами. Вне всякой связи с Троцким и его сторонниками, приглушенный ропот внутри страны не прекращался никогда. В этой ситуации органам государственной безопасности ничего не стоило любое проявление недовольства советским режимом, любую критику его частностей, любое противопоставление «славных» «демократичных 1920-х годов бюрократическим 1930-м истолковывать как «троцкистскую деятельность» или «пропаганду троцкизма» со всеми последствиями для обвиняемого. Это было тем легче делать, чем больше Троцкий распространялся о своих сторонниках, находящихся в СССР.

О таких репрессированных псевдотроцкистах сообщают многие источники.

После того, как массовый террор 1930-х гг. выполнил свою задачу спрессования партии и общества в единый идеологический монолит и был заменен террором выборочным (при общем ужесточении законодательства), нужда в словоохотливом заграничном инициаторе «массового вредительства» и «террора» отпала. Троцкого можно было убрать, и его убрали.

Но совершенно естественно, что столь откровенно рекламировавший свою и своих сторонников противоправительственную деятельность Троцкий не был реабилитирован, как не реабилитирован КПСС по сей день ни один из настоящих сторонников Троцкого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, среди трёх наиболее выдающихся лидеров российского коммунизма, противопоставляемых традицией Сталину, нет ни одного создателя жизнеспособной, альтернативной сталинизму и одновременно коммунистической в ортодоксально-марксистском смысле последнего слова программы. Под ортодоксально-марксистским понимается, в данном случае, взгляд на коммунизм самого Маркса, представленный работами его и Энгельса. Секретом построения бесклассового, безгосударственного эгалитарного общества, оперативно удовлетворяющего все потребности своих сочленов, не обладали и не обладают ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин, ни его сподвижники, ни его преемники.

Как уже было отмечено, существует общая объективная причина для того, чтобы никакие личные качества основоположников и последователей не позволяли создать работающую модель эгалитарного коммунизма.

Существует общий закон природы¹, в силу которого для некоего стоящего над большой социальной системой Центра оказывается невозможным знать о ней достаточно для того, чтобы в любой момент времени управлять ею расчетно-аналитически и при том сообразно ее истинному состоянию, выживательным интересам и целям Центра, а так же личным представлениям каждого члена общества о его собственных интересах. Однако управляемые такими Центрами человеческие общества в мире есть и даже обладают высокой стабильностью.

Как Центр обходит указанную выше невозможность?

Прежде всего он отождествляет интересы общества как целого со своими кастовыми интересами (в пределе — с личными интересами диктатора). Затем он как бы

1) Подробно, со ссылками на первоисточники, см. в книге Д. Штурман *Наш новый мир*, Иерусалим, «Лексикон», 1981.

«склеивает» в своих расчетах миллионы людей в немногочисленные, но массивные контингенты, тем самым многократно уменьшая число объектов, которыми ему приходится манипулировать.

Из необъятного множества задач, связанных с рассмотрением и удовлетворением личных и групповых критериев целесообразности, бытующих в обществе, Центр по необходимости выбирает один критерий — свой собственный — и решает одну задачу: воплощение в жизнь этого единственного критерия. Остальные человеческие массивы руководимого таким Центром общества лишаются возможности реализовать свое понимание мира. Их интересы учитываются не более, чем «интересы» деталей и узлов обычных машин: от них добиваются удовлетворительной работоспособности и послушания. В меру этой цели удовлетворяются на низшем пределе (и то — не всегда) их потребности. Человеческие конгломераты как бы механизмируются: возникает неживая машина из живых элементов, лишенных главного свойства жизни — иметь свои цели, не нуждающиеся в оправдании чужими целями.

Конкуренция и отбор в обществе при этом не исчезают, а приобретают иной, уродливый и куда более жестокий характер. Рыночная конкуренция множества поставщиков перед множеством потребителей заменяется безжалостной конкуренцией всех и вся перед инстанциями всемогущего Центра. Оценивая бесправный человеческий материал по *своему* усмотрению, согласно *своим* критериям целесообразности, Центр ликвидирует (истребляя физически или «перековывая» в соответствии со *своими* критериями) фигуры, группы, слои, классы и народы, противостоящие ему, способные противостоять потенциально или просто ему ненужные.

Но и такое упрощение задач управления не позволяет Центру системы своевременно собирать и перерабатывать, превращая в оперативные и динамические команды, всю ту информацию, которая необходима ему для целенаправленного (пусть в интересах самого Цен-

тра) руководства народом и государством. В действиях Центра неизбежно присутствует высокий уровень произвола, связанного с неопределенностью положения. А неизбежное игнорирование подавляющего большинства личных и групповых критериев вводит в управление неотвратимую принудительность.

Для избавления общества, в том числе и власть имущих, от всех этих трудностей существует один эффективный путь — введение в систему конкурентно-рыночного отбора — в идеологии, в политике, в экономике. Но это сделало бы систему откровенно плюралистической, конфликтной, поликритериальной, приемлющей различные виды собственности и не нуждающейся во внеконкурентном партократическом «управляющем» — в «идеальном совокупном» монокапиталистско-монофеодале-монорабовладельце.

Разумеется, что Центры тоталитарных структур из всех сил противятся любым попыткам ввести в подвластные им общества элементы духовной, политической, идеологической и экономической независимости.

И все же, зная о реальности тоталитаризма достаточно много, люди продолжают прельщаться утопиями-оборотнями.

Соблазн упорядочить раз навсегда свое бытие, обрета идеального всепроникающего распорядителя, особенно усиливается тогда, когда в обществе по каким-либо причинам слабеют привычные скрепы и намечается переход от чего-то привычного к чему-то неведомому. В России 1917 года совпали: неудачное царствование, затяжная война, падение уровня обеспеченности большинства населения, растянувшийся на полвека (1860-е—1910-е гг.) переход от традиционных форм хозяйственной и правовой жизни к общеевропейским, популярность социалистических учений в культурном слое и личность Ленина, который в прочных парламентских обстоятельствах был бы в лучшем (для него) случае главой левого крыла оппозиции или популярным адвокатом экстремистов в судебных процессах. В обстоя-

тельствах же многостороннего кризиса он стал уникальным узурпатором власти и душителем общества.

Сегодня в мире тоже наличествует почва для лениных. Это прежде всего раскол населения планеты на богатый Запад и слаборазвитые страны, терпящие в самых широких слоях своего населения хроническое бедствие. Это и сосредоточение основных нефтяных ресурсов планеты в распоряжении горстки правителей отсталых стран, враждебных свободному миру. Это наличие СССР, играющего в нынешней мировой ситуации такую же роль, какую играли большевики в марте-октябре 1917 года в России, но обладающего и большими материально-техническими и людскими ресурсами, и несравнимо более влиятельным политическим статусом. СССР поддерживает, распространяет и усиливает во всем мире ту симпатию к социализму, которая в существенной мере обеспечила выигранный Лениным в 1917 году. СССР провоцирует ту мировую террористическую (партизанскую) войну против демократии, которой Запад ничего не хочет всерьез противопоставить.

Почву для западных и восточных лениных создают и собственные проблемы Запада. Современная технология сделала миллионы и миллионы человеко-часов еще недавно общественно-необходимого труда, на первый взгляд, обществу ненужным. Имеются данные, что, задействовав все соответствующие патенты (уже наличные), развитые западные страны могли бы себя прокормить и обслужить, используя труд нескольких процентов своего населения. Автоматизация и интенсификация производства тормозятся на Западе искусственно. И тем не менее производительность труда уже настолько высока, что миллионные массы людей, не работая, живут на щедрые государственные подавания в форме различных пособий. В некоторых странах (например, в Голландии) пособие по безработице можно получать до пяти лет подряд. На фоне падения религиозных нравственных запретов, под оглушающим напором гипнотизирующей массовой квазикультуры, оккупирующей

зрение, слух, инстинкты, эмоции общества, — свободное время и беструдовые доходы становятся страшными социальными ядами. Отравленные этими ядами толпы и лица — легкая добыча для любого ловкого пропагандиста, чьи речи созвучны инстинктам отравленных.

Между тем эта незанятость и ненужность (ни себе, ни людям) миллионных контингентов населения самых развитых стран мира есть явление кризисное, переходящее и, если рассматривать его в большой перспективе, мнимое. Да, от добывания хлеба насущного и от примитивного обслуживания друг друга существенную часть населения Запада его современная технология способна освободить. Но есть бесчисленные области занятости, настойчиво заявляющие о дефиците рабочей силы и не получающие ее от общества. Перечислю немногие из них.

Есть мнение, что научно обоснованные нормы эффективности педагогического труда с ясельного до университетского возраста требуют, чтобы необходимый комплект воспитателей и учителей занимался пятьюдесятью (в зависимости от возраста) учениками. Сегодня у каждого воспитателя и учителя имеется тридцать-сорок подопечных в одной группе, а групп у преподавателей, начиная с четвертого класса, три-четыре. У детей и подростков школьного возраста вообще нет освобожденных от преподавания воспитателей: есть только учителя и классные руководители, совмещающие воспитательную работу с преподаванием. Педагогика дошкольного и школьного возраста могла бы впитать огромные контингенты специалистов.

Сколько человек принимает за день врач в массовой амбулатории? Сколько «коек» приходится на врача в больнице? Сколько семей имеют постоянного собственного врача (а должна бы иметь каждая)?

Как обеспечена специалистами насущно необходимая из нынешних областей человеческой деятельности — экология?

Заняты ли высококультурные общества такой насто-

ательной научной проблемой, как исследование и использование данных исторического опыта человечества? У этой области знания нет еще ни методологии, ни методики — ничего, кроме разрозненных, угасающих вместе со своими робкими генераторами попыток.

Области научного знания и искусства вообще не имеют границ трудового насыщения.

Таким образом, проблема незанятости, падения трудовых затрат на добывание хлеба насущного и связанной с ними опустошенности, в действительности есть не симптом вхождения в тупик, а, напротив, признак роста доселе не виданных возможностей человечества. В решение этой проблемы могли бы быть включены и правительства, и партии, и профсоюзы, и ученые, и литераторы, и специалисты едва ли не всех отраслей труда. Но ведь и ситуация России 1910-х годов была ситуацией не тупика, не деградации, а конфликтного роста. В том-то, однако, и горе, что силы, чувствующие или понимающие нетупиковость, некатастрофичность кризисных ситуаций, малочисленны и, главное, социально пассивны. А силы, терпящие бедствие или выбитые из колеи переходной ситуацией, массивны и легковерны. И этим пользуются утописты, горячие головы, близорукие идеалисты и провокаторы, соблазняющие и толпу, и элиту видением радикального, быстрого, одновременного разрешения всех печалей и прелестью абсолютной упорядоченности общественной жизни.

Открытость (на деле) ситуации, выдаваемой или принимаемой за тупик, не служит сама по себе гарантией от взрыва. А взрыв завалит дорогу такими глыбищами, что и впрямь превратит переход в тупик, из которого без шахтных работ не выбраться.

При вхождении в тоталитарный тупик и возникает настоятельнейший вопрос о личных свойствах людей, образующих высшие отделы мозга совокупного властителя, взявшего на себя в неведомой доселе мере полномочия всех прежде бывших правящих классов истории.

Будь они, эти люди, и семи пядей во лбу, и глубочайше

порядочны, и добры, они не смогли бы преодолеть фундаментальных пороков внеконкурентного управления. Но стали бы они игнорировать эти пороки, будь они прозорливы, добры и порядочны? — вот в чём состоит главный вопрос.

При всех их индивидуальных различиях, некоторые основные черты отцов любых коммунистических парткратий можно «вычислить», исходя из фундаментальных свойств системы, которую они создают. Создавать такие системы, укреплять и охранять их *любой ценой*, игнорируя их бесчеловечность, могут лишь люди определённого склада.

Интеллектуальная и моральная безответственность — это, пожалуй, главное качество всех трех героев моих очерков. Я не присоединяю к ним Сталина не потому, что он обладал интеллектуальной и моральной ответственностью, а потому, что к нему неприменимы даже в отрицательном смысле эти критерии. Их просто не к чему в нем применить.

А в Ленине, Бухарине, Троцком есть к чему?

По моему читательскому впечатлению — есть. Я уже писала, что они — ренегаты от слоя, в котором прошли их детство и юность, от идеалов великих литератур, на которых выросли. В душе ренегата всегда сохраняется уголок, в который он старается не заглядывать². Кроме того, в начале своих путей, они — утописты и лишь постепенно утрачивают личную веру в идеалы, которые позднее сами же и предают, избирая ложь, а не отказ от утопии. Был ли когда-нибудь утопистом-идеалистом Сталин, я не знаю.

Слово «ответственность» естественно вызывает вопрос: «Перед кем?»

Я не склонна объяснять страшную безответственность моих героев исключительно их атеизмом. Отношение человека к Богу — вопрос глубоко личный. Воинствующий атеизм сам по себе есть уже проявление умственной

2) Собирательный образ деятеля и мыслителя такого типа представлен А. Кестлером в лице Рубашова — героя его романа *Слепящая тьма (Мрак в полдень)*.

безответственности: нельзя утверждать, что *знаешь* то, во что, по причине его рационалистической недоказуемости, можно только верить или не верить. Верующий так и говорит: «верую», а не «знаю». Он честен. Атеист утверждает, что он *знает*, но это неправда: он верует в недоказуемое отсутствие Бога и в материю (термин, ничего о возникновении мира не сообщающий). Есть, однако, еще и третья позиция, поневоле противопоставляющая обеим верам (в Бога и в отсутствие Бога) свое «Не знаю». «Не знаю» — передел того, на что может решиться разум в дискуссии с верой. Но если для верующего человека интеллектуальная и нравственная ответственность есть ответственностью перед Богом, то для не знающего, есть ли Бог и каков он, — это ответственность перед своей совестью и перед людьми, которых он куда-то взялся вести за собой.

Мои персонажи не испытывают ни ответственности перед Богом, ни ответственности перед собственной совестью и людьми, которых не только зовут или ведут куда-то, но и безжалостно гонят и уничтожают по своему усмотрению³.

«Он чужд сомнения в себе, сей пытки творческого духа», — таков лучший из возможных эпиграфов к сочинениям и деяниям каждого из трех моих персонажей. Они лишены атрибутов творческого духа, ибо таковым не обладают. Они манипуляторы, а не творцы, эксплуататоры идей, а не их генераторы. Они поразительно, до хлестаковской «легкости в мыслях необыкновенной», самоуверенны.

Это не значит, что они не ведают сомнений при выборе того или иного тактико-стратегического маневра — в маневре они сомневаться могут. Это значит, что они никогда не сомневаются в себе: в своей способности вести, в своем праве выбирать за отдельных людей, за группы, за слои, за классы, за народы, за все челове-

3) Когда я говорю «уничтожают», я имею в виду не функции палачей, а приговоры, приказы, декреты, законы, подстрекательства, поощрения и сочинения.

чество, что тем думать и говорить, как тем работать и жить, быть или вовсе не быть тем на свете.

При этом они легко проговариваются о приблизительности своих целей, о расплывчатости дорог, на которые взялись загонять человечество любой ценой, словом и делом.

У моих персонажей есть и такое общее свойство, как *удивительная слабость теоретической мысли*. Я бы назвала это их качество атеоретизмом мышления.

На их глазах опровергалось жизнью одно положение учения Маркса за другим — они выходили из положения посредством жалких словарных подмен и не сделали ни одного продуктивного научного вывода из своего провала. Ни диктатуры пролетариата, ни эгалитарного свободного общества, ни мировой «безвластной коммуны» они не создали. Но продолжали цепляться за фикцию «пролетарского государства» и не приблизились к беспристрастной переоценке своих действий и своей исходной догматики. Правда, и у Троцкого, и у Бухарина есть догадка о перерождении верхушки партии коммунистов в новый правящий класс, но они не сделали теоретических выводов из этой догадки, да и высказали её мимоходом. Заодно с игнорированием ошибок Маркса, они постарались проигнорировать (а может быть и впрямь упустили из виду) одну его блистательно подтвердившуюся догадку.

Я имею в виду мысль Маркса о том, что реальная структура разделения труда в каждом обществе обуславливает его реальную правовую иерархию. Современное разделение общественного труда не позволяет совместить выработку стратегических и тактических решений (управление) с исполнением этих решений в жизни каждого человека, а значит, и всех членов общества. Уничтожив одну «государственную машину», приходится взамен тотчас же создавать новую. Уничтожив частных и групповых собственников (распорядителей) производства, необходимо немедленно препоручить их функции наемным чиновникам. Одного желания масс

и правителей для создания «безвластной коммуны» мало: нужны такие преобразования в технологии, в структуре общественной занятости, которые недоступны ни современной технической и социальной мысли, ни современной социальной эмпирике, опыту. По этой линии Маркс-аналитик выиграл против Маркса-преобразователя и пророка.

В коммунистическом опыте можно усмотреть и наглядное подтверждение весьма популярного в «диалектическом материализме» (т.е. у Гегеля, причем вне какой бы то ни было связи с проблемой материализма) переходе количественных изменений в качественные. Когда конкурентное до тех пор общество входит или загоняется в тупик трехаспектного монизма (идеологического, политического и экономического), в нем кардинально меняется структура потоков управляющей информации. Нет конкурентного предложения, нет свободного рыночного отбора. Управляющее устройство выдвигается из системы, становится над ней и обретает свойства, о которых так много говорилось выше. *Единственность* претендующей на власть партии, *единственность* посредника между производителем и потребителем всех услуг и товаров решительно изменяет свойства системы, которая даже при удвоении всех этих ролей и живой, действительной конкуренции между хотя бы двумя их исполнителями оставалась бы совсем иной. Здесь переход от множества и даже двух свободных и конкурирующих друг с другом поставщиков товаров, услуг, информации (в том числе и политических программ) к одному такому поставщику, немедленно устраняющему всех своих конкурентов, даже потенциальных, решительно изменяет характер социальных взаимоотношений. Сменяются источники управляющей информации: при множественности поставщиков решающим фактором остается отбор, производимый свободными потребителями, — при единственности поставщика решающим фактором становится проистекающее от этого поставщика предложение, которое перерастает в приказ, ибо выбора нет.

Личные качества моих персонажей обретают особый вес еще и потому, что эти деятели *политически ошеломительно активны* — в степени, убывающей от Ленина к Троцкому и Бухарину и скачкообразно возрастающей в Сталине. А серьезная и честная мысль их оппонентов издавна и по сей день больна острейшей гипертрофией личной и социальной ответственности, перерастающей в парализующую рефлексию. Легко представить себе, чем чревато такое распределение качеств: активность в сочетании с безответственностью и пассивность в сочетании с правотой!

И все-таки они, конечно же, очень различны.

Б. Бажанов пишет в своей уже упомянутой мною книге:

«Когда я начал знакомиться с настоящими материалами о настоящем Ленине, меня поразила его общая черта со Сталиным: у обоих была маниакальная жажда власти. Всю деятельность Ленина пронизывает красной нитью лейтмотив: «во что бы то ни стало прийти к власти, во что бы то ни стало у власти удержаться». Можно предположить, что Сталин просто стремился к власти, чтобы ею пользоваться по-чингизхановски, и не очень отягощал себя другими соображениями, например: «А для чего эта власть?», в то время, как Ленин жаждал власти, чтобы иметь в руках мощный и незаменимый инструмент для построения коммунизма, и старался удержать власть в своих руках для этого. Я думаю, что это предположение близко к истине. Личные моменты играли в ленинском стремлении к власти меньшую роль, чем у Сталина, и во всяком случае, иную»⁴.

Я тоже так думаю. Но вот представление о коммунизме и о путях его построения было у Ленина, судя по его собственным признаниям и писаниям, более чем

⁴ Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*, стр. 114-115.

приблизительным. Однако власть своей партии он крепил цементом, замешанным на крови, и отступить от нее ни в коем случае не желал.

Но далее Б. Бажанов пишет об отношении Троцкого к Ленину:

«... он вызывал отвращение Троцкого, кстати, морально более чистого и порядочного»⁵.

А с этим уже согласиться трудно. Человек, хоть сколько-нибудь чистый и порядочный, не перешагнул бы через свое многолетнее неуважение к Ленину ради совместного движения к власти и не посвятил бы последние шестнадцать лет своей жизни (1924-1940) доказательствам своего идейного тождества Ленину.

Как уже было сказано, Троцкий обязан был своим положением в партии большевиков только тому, что в 1917 году Ленин принял и высоко оценил его помощь, а в 1918-1923 гг. не поминал ему своих старых с ним расхождений. Ленин и в «Завещании» упомянул о «небольшевистском прошлом» Троцкого весьма корректно. Ветераны большевизма открыто набросились на Троцкого только в 1924 году — после смерти Ленина и «Уроков Октября». Троцкий же и пальцем не шевельнул, чтобы помочь больному Ленину в борьбе против Сталина, и ничем не попытался ослабить блокаду вокруг умирающего. И здесь поведение Троцкого было уклончивым и непорядочным. Но после смерти Ленина он стал размахивать его цитатами и кричать об ортодоксальности своего ленинизма с таким же азартом, как его оппоненты. Он и троцкистов именовал не иначе, как «последовательными большевиками-ленинцами». В своих последних больших работах «Что такое СССР и куда он идет» и «Сталин» он обнаруживает среди большевистских вождей и всего-то двух праведников-марксистов: себя и Ленина.

Б. Бажанов прав и тогда, когда он пишет, что победа Ленина в России говорит не столько о его гениальности

⁵ Там же, стр. 115.

(правда, в тактической сверходаренности ему не откажешь), сколько

«о слабости его противников (чемпионов революционной разрухи), об их неумелости и отсутствии политического опыта, об общей анархии, в которой небольшая группа прилично организованных ленинских профессиональных революционеров оказалась более умелой и чуть ли не единственной чего-то стоящей организацией. Особого ленинского гения я как-то во всём этом найти не смог.

Чего Ленин хотел? Конечно, осуществления коммунизма. К этому после взятия власти Ленин и его партия шли напролом. Известно, что в течение трёх-четырёх лет это привело к полной катастрофе. В позднейших партийных изложениях это стыдливо изображается не как крах попытки построения коммунистического общества, а как крах «военного коммунизма». Это, конечно, обычная ложь и фальсификация. Провалился в эти годы коммунизм вообще. Как Ленин принял этот провал?»⁶

И Ленин, и Троцкий, действительно, пишут о том, что «военный коммунизм» был неудачной попыткой введения в России 1918-1921 (по март м-ц) годов «подлинного коммунизма» (Троцкий). Я приводила эти их рассуждения в посвященных им главах. Поразительно, как ускользает от обоих авторов абсолютно немарксистский характер такой попытки. Их коммунизм это есть лишь синоним огосударствления экономики и диктаторской власти коммунистической партии. Он не имеет ничего общего с утопическим книжным коммунизмом Маркса — безгосударственным, бесклассовым и изобильным, как скатерть-самобранка из русской сказки. У Ленина и у Троцкого «по потребности» означает «по представлению коммунистической власти о потребностях ее подданных». Иными словами, потребность здесь целиком отчуждается от потребителя: определяют потребности

6) Там же, стр. 115-116.

(в том числе свои) одни слои общества, составляющие его управляющий Центр, потребляют (или погибают) — другие. Что в этом строе нового по сравнению с любой формой рабовладения — от античной до ГУЛаговской?

Вот слова Ленина о коммунизме, сообщенные Б. Бажанову секретаршами Ленина:

«... Ленин отвечал им: «Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни, нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё, сохранили ли бы мы власть в этой всероссийской мясорубке».

Я всегда думал об этих словах Ленина, когда через несколько лет Сталин начал осуществлять всероссийскую мясорубку, загонять народ в коммунизм силой. Оказалось, что, если не останавливаться перед десятками миллионов жертв, это может выйти. А власть при этом сохранить можно. Ленина остановил Кронштадт и Антоновское восстание. Сталин перед Архипелагом ГУЛагом не остановился»⁷.

Я подозреваю, что Ленина остановили Кронштадт, массовые крестьянские восстания и рабочие выступления лишь постольку, поскольку после уничтожительного подавления и того, и другого, и третьего ни сил, ни ресурсов, ни резервов для дальнейшей эскалации террора у партократии в ту пору попросту не осталось. Ленин уже в 1922 году писал о вероятном возобновлении в обозримом будущем экономического террора (от поли-

⁷) Там же, стр. 116-117.

тического он не отказывался никогда). Но тогда для продолжения политики «военного коммунизма» просто не оставалось ни сил, ни хлеба. А народ в 1921-му году входил в состояние той абсолютной безвыходности отчаяния, когда самые мирные люди восстают против убийственной тирании, смертью смерть поправ.

Ведь и Сталин пошел на «большой террор» не с 1923-го, а примерно с 1930 года. Так что отнюдь не боязнь превысить какую-то меру жестокости остановила Ленина в 1921-м году. В Кронштадте и под Тамбовом ни Ленин, ни Троцкий милосердия не проявили. Иное дело, что у них могли нервы не выдержать там, где Сталин и не подумал бы взволноваться. Кроме того, Ленин, и Троцкий, и более всех остальных Бухарин ощущали тотальный террор как некую насущно необходимую, но чрезвычайность⁸ (все-таки чрезвычайность), а Сталин никакой чрезвычайности в этом не ощущал.

Кроме того, в печатном наследии Ленина и ближайшего круга его давних соратников то едва слышно, то выразительней возникает по разным поводам противостественная для диктаторов интонация оправдывающихся, которой нет никогда у Сталина. Она свидетельствует о том, что перед нами *люди*, а не только человекообразные генераторы и инструменты террора. И она же сигнализирует об их недостаточной надёжности как вождей партократии! Она заставляет предполагать, что для них возможен барьер жестокости, лжи, беспринципности и т. п., которого они, в отличие от кремлёвского Минотавра, Сталина, лишённого их гуманидной двойственности, пусть даже слабой, переступить когда-нибудь не сумеют. Не потому ли так часто уничтожаются вторым поколением диктаторов (а иногда и лидером, выдвинувшимся из первого поколения) первооснователи диктатур, возникших на почве какой-то идеологии, какого-то фанатизма? Диктатура подозна-

8) Что даже отразилось в первоначальном названии основного охранно-карательного органа созданной ими партократической диктатуры — ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с саботажем и контрреволюцией.

тельно и стихийно выбраковывает ненадёжных и селекционирует «уголовную уникальность»...

Интересен ещё один парадокс. Если сравнить печатное наследие Ленина, Троцкого, Бухарина и Сталина по мере их жестокости, внешнеполитической и внутривнутриполитической агрессивности, готовности к беспощадному террору против различных слоёв населения, то, вопреки ожиданиям, окажется, что отнюдь не Сталину принадлежит первенство в этом ряду. Сталин наименее агрессивен в своих публикуемых выступлениях. Наиболее устрашающе залихватски беспощадные высказывания молодого Бухарина, например, в «Теории пролетарской диктатуры» (1919 г.) и в *Экономике переходного периода* (1920 г.), его бескомпромиссное отрицание демократии, обоснование необходимости «всеобщей трудовой повинности» и «концентрированного насилия»; апологетика принуждения и террора в речах и репликах Троцкого; ленинские телеграммы, декреты, обращения к разным группам исполнителей кремлёвской политики 1918-1922 гг. Может быть, именно этот факт дал основание В. Чалидзе предположить, что правление уничтоженных Сталиным первобольшевиков было бы страшнее правления Сталина. Я так не думаю. Я полагаю, что это парадоксальное соотношение — свидетельство меры искренности, а не меры жестокости всех четырёх политиков. Фанатизм Троцкого, вера в партийное дело раннего Бухарина (тон зрелого Бухарина утрачивает свою агрессивность), присущая Ленину слепая надежда, что где-то, как-то, когда-то он приведёт российский эксперимент в соответствие с литературным марксизмом, позволяли им оправдывать свою жестокость «исторической необходимостью» и не скрывать, а, напротив, обнажать, аргументировать и обосновывать «классовые», «историкодialeктические» и прочие «объективные» корни своего террора. Сталин, по всей вероятности, не обладавший никакими иллюзиями, почти всегда был умеренным и аккуратным в своих высказываниях, оставляя гневные декларации своим сподвижникам,

благодарной советской общественности и прессе. Таких людоедских телеграмм, какими сыпал разгневанный повстанцами Ленин (см. 1-ю часть этой книги) в его печатном наследии нет. И знаменитую телеграмму о допущении чрезвычайных мер допроса по отношению к арестованным врагам народа дал не Сталин, а ЦК ВКП(б)⁹. Сталин был слишком неискренен и осторожен для того, чтобы демонстрировать свою ответственность за такие акции.

Но поразительное дело: как только ленинские методы борьбы с политическими противниками линии ЦК (линии лидера ЦК, т.е. самого Ленина) переносятся внутрь партии, так начинают говорить о тирании не только старые большевики, но и историки большевизма. А до этого все квалифицируется как «классовая борьба», а не как тирания.

В том издании книг «Ленин и ЦК», «Сталин и ЦК», объединенным под общим названием *Становление партократии*, которое мне удалось прочитать в Союзе и которое ходит там из рук в руки, А. Авторханов пишет: «Ленин пришел к власти в борьбе с враждебными партиями классами, Сталин же добивался ее в борьбе с собственной партией. Однако тот же Ленин учил, чему глубоко верил и Сталин, что получить власть — это полдела, самая важная и трудная задача — это удержаться у власти. Для успешного разрешения этой задачи Ленин видел только один путь: политической изоляции, а затем и уничтожения враждебных партий классов. Это учение Сталин целиком перенес на собственную партию — получить власть он мог относительно легко, но удержать ее он мог лишь по тому же ленинскому принципу, путем изоляции и уничтожения враждебных ему лиц и групп в большевистской партии...»

Чтобы уничтожить при Ленине ленинскую гвардию, надо было сначала уничтожить самого Ленина. В этой гвардии был только один человек, способный на это —

⁹ Хрущев. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 29-30, 1956. См. также Конквест Р., *Большой террор*. Флоренция, «Auropa», 1974.

Сталин. В этом тоже было его исключительное преимущество».

Однако из тех страниц книг А. Авторханова, которые посвящены смерти Ленина, явствует (так же, как и из документов), что «ленинская гвардия» отступилась от Ленина ещё до его смерти.

Первым из всей этой формации деятелей РСДРП(б)—РКП(б)—ВКП(б) попал в руки Сталина именно безнадежно больной и бессильный Ленин. Не верен и заключительный тезис этого отрывка из книги А. Авторханова: Ленин успел продемонстрировать, как тяжела его десница не только для враждебных партии классов, но и для «собственной партии».

Ленин захватил власть прежде всего в борьбе против российской послефевральской демократии, представлявшей разные классы и слои общества, в том числе и его широчайший слой — крестьянство, а также различные социалистические и леволиберальные силы (а не только «враждебные партии классов»).

Начал Ленин свой самостоятельный политический путь к власти с яростной драки и раскольнических действий *внутри* еще единой своей партии — РСДРП. Тогда уничтожить несогласную с ним часть социал-демократии он не мог, но он полностью — политически, а сопротивляющихся и физически («за политическое оказательство меньшевизма будем ставить к стенке и без промедления» — 1921 г.) — уничтожил враждебную ему часть своей первой партии после прихода к власти. По отношению же хотя бы к Плеханову, Мартову, Аксельроду и другим учителям, друзьям и первым своим соратникам Ленин тоже «не признавал ни романтики исторических воспоминаний, ни законов исторической преемственности» (А. Авторханов о Сталине). Об этом достаточно определенно свидетельствуют его публицистика и его письма, его речи и судьбы его противников.

Ленин непримиримо сражался с антипатичными ему деятелями и течениями в международном социал-демо-

кратическом движении и до создания Коминтерна, и в Коминтерне. Обвинять Сталина в расколе мировой социал-демократии, в натравливании коммунистов на социалистов, облегчившем приход к власти Гитлера, и забывать о поистине титанических (и весьма успешных) усилиях на этом поприще Ленина, по меньшей мере несправедливо.

Едва подавив в гражданской войне тех своих противников, которых можно отнести к «враждебным партии классам» (если только не согласиться, что враждебными партии постепенно оказались все классы и слои общества), Ленин начал непримиримо воевать:

- а) с крестьянством;
- б) со своими недавними союзниками социалистами-революционерами;
- в) с бастующими и бунтующими против большевиков рабочими и с их союзами;
- г) с профсоюзами служащих, в том числе и народных учителей;
- д) с революционными моряками и со значительной частью коммунистов красного Кронштадта;
- е) со сторонниками коммуниста Мясникова, изгнанного из партии за требование свободы печати и слова;
- ж) с «левыми коммунистами» — сторонниками перенесения революции в Европу, а не заключения мира с немцами;
- з) с группой «демократических централистов», борющихся против бюрократизации партии;
- и) с «рабочей оппозицией» — группой ортодоксальных марксистских утопистов, требовавших претворения в жизнь дореволюционных партийных деклараций «диктатуры пролетариата»;
- к) с любыми попытками включения в партийную жизнь какого бы то ни было идеологического разнообразия, тени какой-то независимости от верховных решений, в чем одержал решительную победу на X съезде РКП(б) в 1921 г.;

л) перед смертью своей Ленин вступает в безуспешную борьбу против Сталина, *язно поддержанного козырными тузами ленинской гвардии*: Зиновьевым, Каменевым, Орджоникидзе, Троцким, Бухариным.

Я хочу подчеркнуть в заключении своей книги, что вижу в деятельности Ленина, Троцкого и Бухарина гигантски выросший и развернувшийся феномен отделения замысла от убийства, который блистательно развернул Достоевский на примере Раскольникова в «Преступлении и наказании». Теоретический изобретатель и вдохновитель убийства не убивает и чаще всего не видит убийства. Палач и солдат убивают по чужому приказу и находят себе оправдание в своей неответственности за чужой приказ. Достоевский заставил литературного убийцу собственноручно исполнить свой приговор, и убийца сломался на второй жертве. Нынешняя война с её атомно-ракетной перспективой страшна ещё и тем, что в ней не только распорядитель, но и исполнитель убийства не видит смерти от его рук. Ленин и Троцкий ни разу не убили своими руками, а Бухарин приказов убивать не подписывал — он лишь сочинял кровавую балаганщину в своих статьях. Эта физическая отстранённость от исполнения собственных кровавых замыслов при удивительно бесчеловечной схематизации чужих смертей и привычном счёте на миллионы и создала эту странную категорию оптовых убийц, не ощущающих моря крови, в котором они плещутся.

Сталин, по всей вероятности, не испытал бы никакого душевного дискомфорта, ощутив это море крови, — те скорее всего испытали бы.

Уничтожив внутривластные оппозиции, убив Троцкого, расстреляв, репрессировав и умучив всю ленинскую октябрьскую партию, Сталин оказал ей одну единственную услугу: он отделил ее от себя и, посредством уничтожения, реабилитировал в глазах современников и потомков. Была ли эта акция Сталина чисто про-

извольной или диктовалась самосохранительными потребностями системы?

В партии, принятой Сталиным из рук Ленина, сосуществовали в 1920-х гг. явно и тайно: ропповцы, децисты, троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, ленинцы, сталинцы; только что была разгромлена «мясниковщина»; ощути-мо консолидизировались национальные партийные группы окраин; зримо отличались от ветеранов большевизма лица и группы, впитанные РКП(б) после ее победы из других партий. Естественное идеологическое многообразие современного общества, подавленное вне партии, неотвратимо возникло внутри нее. Это разнообразие было чревато восстановлением губительной для партократии многопартийности. Для его устранения потребовались, как и вне партии, жесточайшие меры. Как это ни парадоксально, сталинский террор не уничтожил партию как институт и не возмутил ее против Сталина. Нынешние коммунисты, власть коих построена на костях их предшественников, не проиграли, а выиграли в своем общественном положении. Дай Сталин развиться фракционности, а затем многопартийности, общество несомненно и спасительно выиграло бы, но *ленинская* коммунистическая партия — институт и инструмент монокапиталистической диктатуры в России — перестала бы существовать. Никакая организация не может обеспечивать диктаторское управление огромной страной, не кристаллизуясь в военную организацию или не превращаясь в «голосующее стадо» (А. Авторханов). Интересы особи — отдельного партократа — были закономерно принесены в жертву интересам выживания вида — социального института монопартократической диктатуры.

Принесены, в первую очередь, самой особью — самим партократом. Ибо жертвовал он в массе своей (так он надеялся) только независимостью, только своим достоинством и личной свободой, а с крушением партократии он исчез бы *вообще* как социальный вид. Кроме того, всегда существует в таких случаях подсознательная надежда, что стрелять будешь ты, а не в тебя.

Некоторые из интеллектуалов, по той или иной причине связавших свою судьбу с партократией, давали себе полный отчет в этой зависимости (ведь чем утонченней был интеллектуализм партократа, тем бессонней и червячок ренегатства в душе его). А. Луначарский в 1923-м году — открывает двухтомник своих драматических произведений пьесой «Королевский брадобрей», где тиран произносит такие слова: «И если ты сумел себя поставить, будь кровожаден, страшен, зверем будь, всё стерпят — только пусть твоё паденье будет невыгодно для партии большой». Вряд ли случайно открывается этой пьесой двутомник одного из самых интеллигентных (и вовремя умерших) большевиков. И вряд ли случайно здесь словосочетание «для партии большой», стилистически чуждое всему остальному тексту (действие пьесы происходит в средневековой Франции).

Я не буду входить в детали бажановских характеристик Сталина, Троцкого и Бухарина, надеясь, что каждый заинтересованный историей большевизма читатель читал или прочтет его книгу. Еще совсем молодым человеком Б. Бажанов понял и написал:

«... что в мире началась мировая гражданская война и что коммунизм представляет для человечества сейчас главную опасность»¹⁰.

Эти его предупреждения:

«... рассматривались, как партизанское преувеличение русского эмигранта (и потом, какой-то молодой русский пытается учить старых, опытных специалистов политики)»¹¹.

«Молодой русский», который говорит это о себе, понял тогда в происходящем не только больше, чем понимают по сей день многие «старые, опытные специалисты политики», но и оценил ситуацию куда вернее, чем оце-

¹⁰ Бажанов Б., *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*, стр. 234.

¹¹ Там же.

нили ее по день своей гибели вожди большевизма. Многое в его книге побуждает к серьезному раздумью, в частности следующие рассуждения. Как все эмигранты, любящие свою родину, но неспособные оставаться в ее пределах, Б. Бажанов стремится осмыслить и обосновать свой побег из СССР:

«Мое личное положение парадоксально: ГПУ меня ненавидит, маниакально подозрительный Сталин не обращает никакого внимания на доносы ГПУ, все секреты власти в моих руках. А я серьезно изучаю вопрос, чем я могу помочь для свержения этой власти.

Впрочем, иллюзий у меня никаких нет. Народные массы, как бы далеко ни зашла эта рабовладельческая система, сбросить власть не смогут; время баррикад и пик давно прошло, у власти не только танки, но и громадная, небывалой силы полиция; а кроме того, правящие ни перед чем не остановятся, чтобы власть удержать — это вам не Людовик XVI, который не хотел проливать крови подданных; эти прольют — сколько угодно.

Переворот мог бы прийти только сверху — из ЦК. Но и это почти невозможно: для этого людям, желающим ликвидировать коммунизм, надо скрывать, что они антикоммунисты, и завоевать большинство в ЦК. Вижу весь личный состав большевистских верхов; не вижу людей, которые бы склонны были это сделать.

А я сам? Исторический случай дает в моем лице врагу коммунизма возможность знать все его секреты, да и присутствовать на всех заседаниях Политбюро и Пленумов ЦК. Я могу сделать основательную бомбу (кстати, я иногда еще работаю в Высшем Техническом в лабораториях качественного и количественного анализа; там есть и азотная кислота, и глицерин) и пронести ее в портфеле на заседание — никто не смеет любопытствовать, что в портфеле у

секретаря Политбюро. Но для меня совершенно ясно, что это не имеет ни малейшего смысла — сейчас же будет избрано другое Политбюро, другой состав ЦК, и будут они не хуже и не лучше, чем этот, — систему бомбой убить нельзя. К разным фракциям правящей верхушки я равнодушен: и троцкие, и сталины одинаково проводят коммунизм.

Наконец, подбирать и организовывать свою группу в партийной верхушке — дело совершенно безнадежное — пятый или десятый побежит докладывать Сталину. Да кроме того, я лишен возможности делать что-либо скрытое — ГПУ внимательно следит за каждым моим шагом в надежде найти что-либо против меня.

Что же я могу сделать? Только одно — продолжать скрывать мои взгляды и продолжать делать большевистскую карьеру с надеждой стать наследником Сталина и тогда все повернуть. Дальнейшее показало, что это совсем не фикция: Маленков, заняв после меня место секретаря Политбюро, именно это и проделывает: то есть проделывает первую часть программы — формально выходит в наследники Сталина (к смерти Сталина — он второй человек в стране, первый секретарь ЦК и председатель Совета Министров); наоборот, будучи достойным учеником Сталина и сталинцем, совершенно чужд второй части моей программы — заняв место Сталина, все повернуть.

И эту возможность я отвергаю. Я знаю Сталина и вижу, куда он идет. Он еще мягко стелет, но я вижу, что это аморальный и жестокий азиатский сатрап. Сколько он будет еще способен совершить над страной преступлений — и надо будет во всем участвовать. Я уверен, что у меня это не выйдет. Чтобы быть при Сталине и со Сталиным, надо в высокой степени развить в себе все большевистские качества — ни морали, ни дружбы, ни человеческих чувств — надо быть волком. И затратить на это жизнь. Не

хочу. Но тогда что мне остаётся в этой стране делать? Быть винтиком машины и помогать ей вертеться? Тоже не хочу.

Остается единственный выход: уйти за границу; может быть, там я найду возможности борьбы против этого социализма с волчьей мордой»¹².

Итак, «систему бомбой убить нельзя».

Возникает привычное для бывшего подсоветского человека впечатление, что роль субъекта (личности) в создании, укреплении, выживании рассматриваемой здесь социальной системы — ничто. Пресловутые же объективные законы развития общества неотменимы и в любом случае выделяют из массы людей нужную им фигуру. Но ведь социализм-коммунизм — система особая, не возникшая, как другие общественные системы, стихийно, «общественно-бессознательно» (Маркс), а (подобно и национал-социализму) изобретенная и сознательно организованная определенными лицами! Здесь возникают порой такие исторические моменты, когда вывод из игры главного действующего лица или очень узкого круга лиц способен решительно изменить игру.

Имеется достаточно оснований предполагать, что приезд в Россию весной 1917 года Ленина, или приезд Ленина без немецкого золота, или гибель Ленина в 1918-1921 гг. могли бы изменить дальнейшее развитие российской и мировой истории. Такую же роль в определенные моменты советской истории могло бы сыграть и устранение Сталина.

Несомненно, что несовершенная Б. Бажановым акция могла бы, совершись она, оказаться губительной для ее осуществителя. Но в те годы, когда двадцатилетие «большого террора» еще не сдавило и не сплывило партию в бездумно-исполнительный монолит, срезать самую верхушку партийной иерархии (Сталина) — означало раскрепостить фракции, борьба которых могла привести в конечном счете и к изменению строя. Троц-

¹²⁾ Там же, стр. 219-220.

кисты ослабили бы диктатуру своим догматическим идеализмом и политическим авантюризмом; «правые» привели бы, возможно, к реставрации экономической и политической демократии. В истории немало моментов и ситуаций, когда определённый человеческий характер и даже шаг одного человека в определённом месте и в определённый период решают очень и очень многое.

*

Партократии побеждают и выживают только тогда, когда их диктаторы полностью отдают себе отчёт в значимости каждой своей тактической акции.

Почему, например, не были реабилитированы в 1956-1961 гг. ни Троцкий, ни Бухарин, ни главные участники связанных с их именами процессов?

Потому что Бухарин и Троцкий боролись не только за власть и не только были в личной конфронтации со Сталиным (Бухарин в таковой и не состоял), но проповедывали тактические ходы, которых ЦК КПСС и сегодня без риска для своего существования принять не может. Ни открытая тактика и пропаганда мировой революционной войны, ни воссоздание независимого крестьянства, индивидуального и кооперированного, для КПСС по сей день невозможны. Реабилитация этих деятелей означала бы снятие запрета с их произведений. В этом случае работы Бухарина могли бы повлечь критически мыслящую часть общества куда дальше, чем, возможно, хотел того сам Бухарин, а возвращение к экстремистским работам Троцкого разоблачало бы фикции советской видимой дипломатии.

Я уже цитировала слова А. Авторханова о том, что у Бухарина и его друзей не было целей, отличных от целей Сталина: все они стояли на почве единовластия ВКП(б) и построения (в конечном счёте) национализаторского социализма в СССР. Различия были, по словам А. Авторханова, чисто тактические. То же он говорит и о расхождениях между Троцким и Сталиным: «Собственно говоря, вся разница между Сталиным и

Троцким была не в программных вопросах, а в тактике»¹³.

В книге «Что такое СССР и куда он идёт», обещая народам СССР профсоюзную, советскую и партийную демократию и даже многопартийность, Троцкий полагает возможным допустить сосуществование всех тех партий и фракций, которые, стремясь к общей цели (построение социализма и коммунизма во всём мире), расходятся только во взглядах на тактику и стратегию этого построения.

Ошибка всех тактических оппонентов Сталина и многих исследователей конфликтов между Сталиным и его оппонентами заключается в неощущении как фракционерами, так и упомянутыми учеными *единственности* той тактики, которая могла обеспечить победу и выживание коммунистической партократии в СССР. Сдвиг на волосок «вправо» или «влево» от этой единственной тактики означал бы недостижение цели.

Мировой социалистической системы тогда не существовало, и тактические промахи партократического руководства СССР не могли компенсироваться помощью извне, как сегодня «выравнивает» СССР все отклонения от нужного ему курса в партийно-государственной жизни своих сателлитов. Да и масштабы СССР (как и масштабы КНР) не допускают такого «выравнивания» извне. Последнее эффективно лишь по отношению к сравнительно малым государственным образованиям.

Коммунистические государственные структуры формируются, выживают и утверждаются либо оккупационно, либо при уникальной безошибочности тактической линии своей партократии. Таким уникальным тактико-хронометрическим чутьём обладали Ленин и Сталин и не обладали их оппоненты.

В силу того, что результат всегда предопределяется и тактикой своего достижения, а не только желанием его достичь, утверждение, что оппозиционеры расходятся с некоей политической линией лишь тактически, само

13) Авторханов А., *Технология власти*, стр. 100.

по себе не может служить основанием к их реабилитации в глазах такой силы, как партократия. Эта сила противостоит всему обществу покорённой ею страны и всему ещё не колонизованному ею миру. У неё всегда не ладится с экономикой, с техникой, с научным прогрессом, с экологией — со всем тем, для чего нужны раскрепощённые творческие возможности, а не только централизованное усилие, насилие и дезинформация. Сила, пребывающая в такой позиции, не может позволить себе тактических заблуждений.

Уничтожение Сталина до коллективизации и «большого террора» было бы акцией не тактического, а стратегического масштаба, не исключено, что и судьбоносной, ибо второго Сталина (третьего Ленина) тогдашняя партократия могла бы в нужный момент и не выдвинуть.

Шаг Бажанова мог оказать на дальнейшее развитие событий в СССР и в мире не меньшее, но с обратным знаком влияние, чем роковой для России шаг Александра II в сторону его убийцы Гриневицкого 1-го марта 1881 года.

Когда партия была еще по существу своему конгломератом разномыслящих фракций, объединяемых наиболее сильной верховной волей, решительно изменить ситуацию могло именно уничтожение этой объединяющей, бдительной и всеподчиняющей воли. Во всяком случае, нет оснований предполагать, что Ленина мог бы заменить Троцкий, а роль Сталина — сыграть Бухарин. Персонажи этой исторической трагедии однуь не взаимозаменяемы. И только двое из них: Ленин и Сталин в нескольких горячих точках истории 1917-1940-х гг. были действительно незаменимы. Даже в 1953 г. смерть Сталина приостановила развитие в стране ряда процессов, представлявших большую опасность для многих слоёв, включая тогдашние верхи партии, и привела к известным изменениям партократического режима, хотя и не решающим.

Но у этого ретроспективного «переигрывания» в уме российской исторической драмы XX века есть еще одна

сторона. Предположим, что Ленин или Сталин были исключены из игры в один из моментов, когда ход событий зависел, в основном, от них, и партократия пала, не успев утвердиться и развернуться. То, что условно называется ныне советской властью, было бы вскоре мифологизировано, и лидеры несостоявшейся или рухнувшей партократии, подобно Патрису Лумумбе или Сальвадсру Альенде, обрели бы мученический ореол. Режим, построение коего было бы сорвано где-то в 1917-1930 годах, остался бы, подобно Парижской коммуне, в памяти человечества как одна из величайших и желаннейших возможностей, не реализованных только в силу победы злобной реакции.

Ведь даже сегодня, когда партократиям удалось развернуться в полную мощь во множестве стран, часть человечества, еще партократиями не освоенная, либо недосценивает их мощь, либо парадоксально идеализирует их качества и возможности. Неслучайно ряд серьезных исследователей вопроса из рядов эмиграции высказывает предположение, что непартократическая часть мира войдет в тупик партократии как раз тогда, когда ныне тоталитарная часть его начнет с боями выбираться из этого тупика. Не решаюсь ни на какие прогнозы, но в том, что несостоявшаяся партократия была бы навек занесена не только в коммунистическо-социалистические, но и в либерально-прогрессистские святцы, не сомневаюсь.

Не берусь утверждать категорически, но подозреваю, что в кругу современной советской правящей олигархии нет такой решающей личности, как Ленин или Сталин. Полагаю, однако, что и в нынешнем СССР или Китае решают судьбу своих стран (и в существенной степени — мира) не миллион-другой «аппаратчиков» и администраторов, а достаточно узкая вершинная олигархия.

Поэтому и в СССР, и в Китае есть некая малая вероятность (появись на достаточно высоком уровне умелая, открытая оппозиционная группа) верховного правительственного переворота. В большинстве же прогнозов на

будущее возникают либо вечная тирания, либо страшное апокалиптическое всекрушение. Последнее объясняется тем, что слишком уж погрязшими в деспотизме и лжи представляются со стороны все обитатели верхних этажей партократических иерархий. Но — как знать: может быть, при достаточно плотной изоляции извне, при исключении дальнейшей эскалации во внешний мир, под напором внутреннего недовольства, проснулись бы недоубитые души и на этих ступенях? Вряд ли, впрочем, такая надежда (греза) реалистичней, чем вера в то, что свободный мир успеет решиться на плотную изоляцию СССР и Китая, на прекращение внешней экспансии СССР...

О таком блестящем исходе, как изменение восточной политики Запада и вершинный, с раскрепостительными тенденциями, переворот в СССР, пока можно лишь изредка помечтать (чтобы не до конца отчаяться).

На деле могучей, агрессивной, но неспособной прокормить себя и своих сателлитов державой твердо и бдитительно управляет кучка безличностей, чью власть утвердили и обеспечили страшные, но незаурядные личности: Ленин, Троцкий и Сталин. Бухарин пусть останется от них отделенным: в конце своей жизни он попытался воспрепятствовать злу и погиб ужасно...

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Пролог	5
Часть I. <i>Победа и крушение Ленина</i>	
1. У постели учителя	7
2. «Пойди туда — не знаю куда; при- неси то — не знаю что»	35
3. Мессия грядет!	46
4. Отступление историческое	74
5. Мессия пришел!	92
6. Его этика	107
7. Бессилие победителя	146
Часть II. <i>Николай Бухарин — любимец партии</i>	
1. Вступление. Диоген ищет человека	169
2. «Лучший теоретик партии»	171
3. Бухарин и академик Павлов, или диалог первый	175
4. Бухарин и Сталин, или диалог второй	209
5. На страшном съезде	283
6. Альтернатива?	303
7. Над пропастью во лжи	321
8. Бухарин и Запад	327
9. «Дорогою свободной»	330
Часть III. <i>Читая Троцкого</i>	
1. Уроки в пустом классе	333
2. Легенда о демократе Троцком	383
3. Интеллигентоид и культура	412
4. Читая позднего Троцкого	445
Заключение	530